

Е.М. П Р И М А К О В

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

в 10-ти томах

Торгово-промышленная палата
Российской Федерации

Издание собрания сочинений Е.М. Примакова осуществлено при поддержке следующих лиц и организаций:

- Публичное акционерное общество «Сбербанк России»,
Президент-Председатель Правления — Греф Герман Оскарович;
- Усманов Алишер Бурханович — основатель Благотворительного фонда «Искусство, наука и спорт»;
- «Уральская горно-металлургическая компания», генеральный директор — Козицын Андрей Анатольевич;
- Публичное акционерное общество «Трубная Metallургическая Компания», председатель Совета директоров — Пумпянский Дмитрий Александрович;
- Акционерное общество «ЕВРОЦЕМЕНТ групп», президент — Скороход Михаил Анатольевич;
- Акционерное общество «Негосударственный Пенсионный Фонд “Торгово-промышленный пенсионный фонд”», президент фонда — Рошак Александр Валерьевич;
- Открытое акционерное общество «РТИ», генеральный директор — Боев Сергей Федотович;
- Открытое акционерное общество «Центр международной торговли», генеральный директор — Страшко Владимир Петрович;
- Закрытое акционерное общество «Экспоцентр», генеральный директор — Беднов Сергей Сергеевич.

Редакционный совет:

В.И. Матвиенко, сопредседатель

С.Е. Нарышкин, сопредседатель

С.Н. Катyrин, заместитель сопредседателей

Члены совета:

В.П. Андросов

Р.С. Гринберг

А.А. Дынкин

С.В. Лавров

В.А. Садовничий

В.Е. Форттов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в 10-ти томах

Том 4
ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ
ПЛЮС...

МИР ПОСЛЕ
11 СЕНТЯБРЯ

Москва
2016

УДК 35.08:005.96
ББК 66.033.141.3
П76

Рабочая группа

(составление, введение, предисловия, комментарии, указатели,
биобиблиографические материалы):

А.М. Рыбаков (руководитель)

Г.А. Бордюгов

В.Л. Малькевич

И.Л. Митрофанов

И.Б. Примакова

А.И. Шкирандо

Научно-вспомогательная работа выполнена
в Научно-исследовательском центре
Ассоциации исследователей российского общества
(НИЦ АИРО-XXI).

Отв. за подготовку тома – *А.Г. Ложкин*

Художественное оформление, дизайн – *С.П. Щербина*

Примаков Е.М.

П76 Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 4: Восемь месяцев плюс...
Мир после 11 сентября. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство
«Российская газета», 2016. – 544 с. – ISBN 978-5-91022-318-3.

В том включены две книги. В первой из них, «Восемь месяцев плюс», вышедшей в 2001 году, рассказывается о пребывании Е.М. Примакова во главе правительства России в 1998–1999 годах. В другой книге, «Мир после 11 сентября», увидевшей свет в 2002 году, дан геополитический анализ событий, связанных с этой трагедией, коренным образом изменившей обстановку в мире.

УДК 35.08:005.96
ББК 66.033.141.3

ISBN 978-5-91022-318-3

© Примакова И.Б., 2016
© Издательство «Центрполиграф», 2016
© ТПП РФ, 2016
© ЗАО Издательство «Российская газета», 2016
© Рабочая группа проекта, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 11

ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ ПЛЮС

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА..... 17

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО

I. Решение, принятое в коридоре18

II. Формирование кабинета: долгожданная
свобода рук.....27

III. «Разведчики» против журналистов?.....37

ЧТО ДОСТАЛОСЬ В НАСЛЕДСТВО

I. Россия под псевдолибералами 41

II. Результаты 17 августа 48

ДЕЛА НАСУЩНЫЕ

I. Стратегия и тактика..... 54

II. Главная задача – развитие реальной экономики.....72

III. Госсобственность приносится в жертву?..... 84

ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ – ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИИ

I. Коррекция федерализма..... 101

II. Коррекция центра 112

III. Кровоточащая рана – Чечня 118

ЗАПАД И МЫ

I. Переговоры с МВФ: топтание на месте139

II. Сумбурная позиция Вашингтона?.....163

III. «Петля» над Атлантикой182

IV. Опять в прицеле – Косово190

«СЕМЬЯ», ПРЕЗИДЕНТ И Я	
I. «Ловушки», расставленные на пути.....	212
II. Страхи ложные	218
III. Страхи истинные.....	234
IV. Кто есть кто	251
V. Поставлена последняя точка.....	262
ОТ ЕЛЬЦИНА К ПУТИНУ	272
I. Операция «наследник»	272
II. Разрыв генетической цепочки.....	277
III. Россия перед выбором.....	286
ПОСЛЕСЛОВИЕ	294

МИР ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

МОНСТР НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

I. От убийства монархов – к массовому террору	303
II. Самодостаточный терроризм	305
III. История бен Ладена	313
IV. Страшная перспектива	320

АГРЕССИВНОСТЬ ИСЛАМА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

I. Опять угроза раздела мира.....	328
II. Корни терроризма не в Коране	333
III. Фундаментализм и экстремизм – разные понятия	340

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: НУЖЕН НОВЫЙ ПОДХОД

I. Трудная дорога к Мадриду	345
II. Двухединая тактика США	349
III. Попытка спасти «мадридскую формулу»	356
IV. Инкубатор терроризма	361
V. Шароновские тупики	369
VI. Единственный шанс.....	379

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА США

I. Односторонние решения – альтернатива Организации Объединенных Наций	386
II. Обоснованный риск Путина.....	397
III. Ответит ли адекватно Буш?	402
IV. Устойчивый запах нефти.....	407
V. «Завоевать Афганистан – не съесть пончик за чаем»	411
VI. Следующий – Ирак	419

«ЦЕНТРЫ ВЛИЯНИЯ»: ОДИН ИЛИ МНОГО?

I. Окончание эпохи сверхдержав.....	435
II. Воздействие глобализации	438
III. Против объективной реальности	441

УРОКИ ДЛЯ ВСЕХ.....

I. Увидеть лес за деревьями	447
II. Больные проблемы безопасности	451

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....

I. США: на кого ставка?	461
II. Шесть пунктов по Чечне.....	468
III. Конфликты у границ	478
IV. Прогнозы и раздумья.....	485

ПОСЛЕСЛОВИЕ

492

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечания	495
Именной комментарий.....	498
Именной указатель	529
Географический указатель	535
Список сокращений.....	540

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом томе представлены две книги Евгения Максимовича Примакова – «Восемь месяцев плюс», выпущенная в 2001 году издательством «Мысль» и переизданная в 2002 году, и «Мир после 11 сентября», впервые изданная издательством «Мысль» в 2002 году и переизданная в 2003 году в Екатеринбурге издательством «ПироговЪ» в дополненном виде. В обоих случаях мы воспроизводим текст последних изданий. В первой из книг автор рассказывает о своем восьмимесячном пребывании во главе правительства после дефолта 17 августа 1998 года. В этой мемуарной книге он описывает, цитируя правительственные документы, как вытаскивал страну из кризиса, как старался возродить роль России во внешней политике и как, вследствие конфликта с окружением президента Б.Н. Ельцина, т. н. «Семьей», был уволен фактически без объяснения причин. Е.М. Примаков рассказывает, какой травле и несправедливым нападкам он подвергался во время парламентской предвыборной кампании 1999 года. Здесь же содержится критика либеральных реформ в экономике, осуществленных командой Е.Т. Гайдара в 1991–1992 гг. и показано, на краю какой пропасти стояла Россия к моменту назначения Е.М. Примакова премьер-министром.

Во второй книге, написанной по следам терактов 11 сентября 2001 года, дан блестящий геополитический анализ событий, как тех, которые привели к этой трагедии, так и тех, что за ней последовали, в том числе втор-

жения США и их союзников в Афганистан и Ирак. В то время Е.М. Примаков был председателем фракции «Отечество – Вся Россия» в Государственной Думе, а в декабре 2001 года, с приходом на пост президента Торгово-промышленной палаты РФ, закончился период его активной политической деятельности. Зато появилось больше времени для общественной деятельности и литературных трудов. Автор предлагает ряд рецептов решения существующих конфликтов, как на Ближнем Востоке, так и на постсоветском пространстве. Некоторые из этих рецептов не утратили своей актуальности и сегодня, особенно в свете новых конфликтов, возникших уже после написания книги. Евгений Максимович приводит также свои разговоры с рядом ближневосточных и западных политиков в связи с трагедией 11 сентября.

Можно сказать, что эти две книги во многом дополняют друг друга. В первой из них сделан упор на внутриполитическую программу, которую Е.М. Примаков старался реализовать в период своего пребывания во главе правительства. Во второй книге на фоне масштабного и тонкого анализа международной обстановки дана та внешнеполитическая программа, которую Евгений Максимович в то время считал оптимальной для России.

Е.М. Примаков, как он сам признается, никогда не входил в узкий круг тех, кто окружал Б.Н. Ельцина, и к этому не стремился. При этом, по словам Евгения Максимовича определенную дистанцию выдерживал и Борис Николаевич никогда не приглашая его к себе домой или на узкие товарищеские застолья. Но все равно Е.М. Примаков никак не ожидал, что для Б.Н. Ельцина он в кресле премьера – фигура временная, призванная лишь погасить всплеск народного недовольства после дефолта. И потому история его внезапного назначения и столь же внезапной отставки обретает поистине шекспировские черты.

А в связи с терактами 11 сентября Е.М. Примаков одним из первых увидел новое лицо террора, осознав,

международный терроризм сегодня – это «самодостаточная система, не связанная с каким-либо государством, через преступления, унесшие тысячи мирных жизней, заявившая о себе как о качественно новом игроке на международной арене». И ведь многие прогнозы, сделанные Евгением Максимовичем, к сожалению, оправдываются, что мы видим на примере войн в Сирии, Ираке и Афганистане, которым не видно конца.

Данный том в полном объеме повторяет оригинальные сочинения Е.М. Примакова. Ссылки и пояснения, которые дает автор, помечены звездочками и даются в конце страницы. В Приложении к тому даются подготовленные Рабочей группой проекта Примечания, Именной комментарий, Именной и Географический указатели, Список сокращений.

**ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ
ПЛЮС...**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга написана после того, как перестал быть Председателем Правительства. В отличие от прежней – «Годы в большой политике» – у нее не было никаких «заготовок», отдельных, уже написанных, но еще не опубликованных частей. Использовал свои записи. Есть в ней и некоторые ретроспективные оценки. Но их немного. В основном события описываются так, как я их видел, осознавал, как говорится, «в реальном времени».

Пусть читатель рассудит, кто был прав, а кто нет в сложных перипетиях, через которые проходила Россия на пороге XXI столетия.

Думаю, что актуальность целого ряда проблем, поднятых в книге, не притупилась. Буду рад, если она окажется полезной тем, кто возглавляет страну сегодня, да и тем, кто печется о ее благополучии.

Хочу поблагодарить жену, друзей, коллег – первых, кто знакомился с отдельными главами книги, – за их замечания, учтенные мною. Спасибо большое Маше Тихоновой – отличной стенографистке, много часов проведенной и за компьютером, когда я многократно пытался улучшить написанное.

Получилось ли – об этом судить читателю.

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО

I. Решение, принятое в коридоре

Итак, я – Председатель Правительства Российской Федерации. Позади остались многочисленные отказы от настойчивых предложений занять этот пост, слезы моей жены, которая была категорически против. Но теперь прочь колебания. Согласился – значит, не нужно ныть ностальгически по оставленному кабинету в высотном здании на Смоленской площади. Нужно переключать мозги на новую работу.

И все же, почему в конце концов согласился с тем, что еще за несколько дней до этого, да что за несколько дней – за сутки, казалось совершенно неприемлемым?

Ельцин трижды в течение двух дней настойчиво предлагал мне возглавить кабинет. Последний разговор с президентом на эту тему произошел в его кабинете 12 сентября 1998 года в присутствии В.С. Черномырдина и Ю.Д. Маслюкова. За несколько дней до этого Черномырдин, неожиданно смещенный со своего поста в марте и еще не успевший пережить свою отставку, был реанимирован и вновь назван премьером вместо С.В. Кириенко, не успевшего проработать в Белом доме и 6 месяцев. Государственная Дума, которая, опасаясь роспуска, пропустила с третьего захода кандидатуру Кириенко, на этот раз «встала на дыбы».

К моменту нашей встречи в Кремле 12 сентября Дума уже дважды отклонила упорно предлагаемую президен-

том кандидатуру Черномырдина. Не было сомнений, что подобный исход голосования будет и при третьей попытке. Между тем Виктор Степанович решил не отступать, особенно с учетом того, что Ельцин назвал в разговоре с ним мартовское решение о его отставке «своей ошибкой». И тем более что инициатива возвращения Черномырдина исходила отнюдь не от него самого. Уговаривать Думу в сложившейся ситуации было бессмысленно. Не помогло и мое согласие пойти заместителем Черномырдина, оставаясь министром иностранных дел. Довели это до руководителей фракций, блокирующих прохождение кандидатуры Черномырдина, но они не согласились.

Расстроено-озабоченный Ельцин спонтанно обратился в нашем присутствии с предложением занять пост премьер-министра к Ю.Д. Маслюкову – тот тоже отказался. Образовался тупик. Ельцин, вновь призвавший Черномырдина даже ценой признания своей ошибки, не был склонен сдавать свои позиции. Это не в его характере. Но и особого маневра не было, так как третий отказ Госдумы автоматически вел к ее роспуску. Тут Черномырдин сказал: «Я готов не идти в Думу третий раз только в том случае, если будет предложена кандидатура Примакова». Маслюков добавил, что он будет готов пойти заместителем председателя в мой кабинет.

Позиция, занятая и Черномырдиным, и Маслюковым, во многом не была для меня неожиданной. Нас с Черномырдиным связывали долгие рабочие отношения. Я входил в возглавляемый им кабинет и был одним из тех, с мнением которых он считался. Велись с ним откровенные разговоры по различным вопросам не только внешней, но и внутренней политики. Подкрепляли наши отношения и мои выступления в Совете безопасности о том, что реальную угрозу для страны представляют попытки внести разлад между президентом и председателем правительства. А такие попытки со стороны бли-

жайшего окружения Ельцина предпринимались во все времена и при всех лицах, «посменно» его окружавших.

Усилилось давление на Черномырдина, когда он начал набирать вес за рубежом, особенно активно действуя в Российско-американской комиссии, возглавляемой им и вице-президентом США Гором. На этом сделало акцент президентское окружение, которое без устали внушало Ельцину, что Черномырдин, дескать, «тянет одеяло на себя». Раздражение искусственно нагнеталось и в связи с самостоятельной ролью премьера, которую он сыграл, вступив в переговоры с целью спасти жизнь сотням заложников в больнице в Буденновске, захваченной чеченскими террористами в 1995 году. Тогда вся страна видела на телеэкранах Черномырдина, говорившего по телефону с чеченцами, – не Ельцина, а Черномырдина – значит, тот специально и заранее подготовил телесъемку, а его сотрудники следили за тем, чтобы этот сюжет многократно тиражировался. По мнению «семьи» (так в России стали называть ближайшее окружение Ельцина, несомненно придавая этому криминальный смысл), подобное уже вообще «выходило за все рамки». Ревность президента, очевидно, была основной причиной отставки Черномырдина, который, как он сказал мне позже, абсолютно к ней не был подготовлен – на это ему Ельцин даже не намекал.

Мне хотелось как-то по-человечески поддержать Виктора Степановича после его мартовской отставки. Случай представился через несколько дней. Черномырдину устроили грандиозное празднование его шестидесятилетнего юбилея. Старались задобрить «низвергнутого». Прием состоялся в государственном особняке с приглашением российской элиты, с чудесным концертом, с ломящимися от изобилия столами и, конечно, с букетом из шестидесяти алых роз, который преподнес юбиляру сам президент. Здесь же Ельцин наградил Черномырдина орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени, подчеркнув,

что это – высшая награда, так как орден I степени получают лишь главы государства.

Черномырдин был явно «не в своей тарелке». Недалеко от него за столом сидел новый премьер, С.В. Кириенко, который через некоторое время вместе с Ельциным покинул застолье. Шестидесятилетнему Виктору Степановичу, как мне показалось, не очень импонировали речи о необходимости «дать дорогу молодежи». Тогда я подошел к его столу и произнес тост (не имея в виду Кириенко, которого уважаю как человека весьма способного и, что не менее важно, порядочного): «Пожилой и молодой поспорили, кто умелее? Пожилой предложил влезть на дерево и вытащить из гнезда яйцо так, чтобы высиживающая яйца птичка не сдвинулась с места. Молодой попробовал – птичка улетела. Пожилой сказал: смотри, как это делается. Снял шубу, соболью шапку, залез и действительно вынул яйцо из-под нешелохнувшейся птички. Спустился вниз, а там уже нет ни шубы, ни собольей шапки. Так выпьем за молодое поколение!»

Все, в том числе и молодые, громко смеялись.

Многое меня связывало и с Ю.Д. Маслюковым. Наши отношения сложились еще в ту пору, когда вместе работали в политбюро ЦК КПСС, и после того как я стал членом Президентского совета, а Юрий Дмитриевич – первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Видел в нем прекрасного специалиста, детально разбирающегося в вопросах промышленности в целом, военно-промышленного комплекса в особенности. Знал, что он человек, руководствующийся в своей деятельности здравым смыслом, интересами дела. Всей своей работой и в Госплане, и в Совете Министров он доказал «открытость» для новых идей, но наряду с этим взвешенность, практичность в подходе к тем теоретическим новшествам, которые не учитывают реальной действительности.

Общее мнение Черномырдина и Маслюкова, поддержавших в кабинете у президента мою кандидатуру на пост премьера, естественно, не оставило меня равнодушным. Но я опять отказался и посчитал, что этим окончательно закрыл вопрос о моем премьерстве. Попрощавшись со всеми, поспешил к лифту, стремясь поскорее попасть на Смоленскую площадь, где, знал, моего возвращения с нетерпением ждали ближайшие сотрудники, чтобы получить последнюю информацию о создавшемся положении. Но в кремлевском коридоре меня окружили глава администрации В. Юмашев, руководитель протокола президента В. Шевченко и дочь Бориса Николаевича Т. Дьяченко. Я развел руками – сказал, что не мог согласиться. Тогда Володя Шевченко, с которым меня связывают годы приятельских отношений, буквально взорвался – я никогда не видел его в таком возбужденном состоянии.

– Да как вы можете думать только о себе! Разве вам не понятно, перед чем мы стоим? 17 августа взорвало экономику, правительства нет. Дума будет распущена. Президент физически может не выдержать в любой момент. Есть ли у вас чувство ответственности?!

Не знаю, что со мной произошло, но эти слова настолько вошли в душу, что я лишь отреагировал вопросом: «Но почему я?»

– Да потому, что Думу и всех остальных сегодня устроит именно ваша кандидатура, и потому, что вы сможете.

Уже даже не помню, кто произнес последнюю фразу – Юмашев, Дьяченко или Шевченко. После моего спонтанного согласия меня начали обнимать. Кто-то побежал сообщить президенту.

Растерянность Ельцина, его готовность поставить во главе кабинета министров даже члена фракции КПРФ в Госдуме Маслюкова, только чтобы выйти из катастрофически тяжелой ситуации, выиграть время, были, как говорится, налицо. Но тогда я не проецировал все это на себя.

Нас, несомненно, связывали с Б.Н. Ельциным добрые отношения. За всю многолетнюю работу в качестве и руководителя СВР, и министра иностранных дел, т. е. до того, как возглавил правительство, я ни разу не испытал на себе недоброжелательства, раздражения, подозрительности или даже начальственного тона со стороны Ельцина, а ведь он далеко не славился ровным отношением к подчиненным.

Правда, я не входил в узкий круг окружавших его людей, кстати постоянно менявшихся, и не стремился к этому. Определенную дистанцию выдерживал и он, никогда не приглашая к себе домой или на узкие товарищеские застолья.

Однако были все основания считать, что Ельцин ценил меня как работника, коллегу. Он не раз говорил об этом, и не только говорил. После снятия Баранникова он предложил мне пост министра безопасности. Я отказался. Но уже через несколько лет он настоял на том, чтобы я принял не менее, а может быть, и более важный пост министра иностранных дел¹. Очевидно, не многие получили в новой России, как я, два ордена – «За заслуги перед Отечеством» III степени, а затем II степени.

Мне даже не приходила мысль, что я тоже могу рассматриваться как временная фигура, призванная остановить выплескивающуюся наружу стихию.

Представляется, что и Ельцин в тот момент не уготовливал мне такую участь. Даже после всего пережитого мне трудно поверить, что при упорном выдвижении моей кандидатуры движущей силой с его стороны было коварство.

Вот так все это было. Но разве я мог предположить тогда, что буквально через пару месяцев окружение президента сосредоточится на борьбе против меня. Сначала исподволь, а затем все более открыто, используя самые недостойные приемы: организацию выступлений СМИ, распространение порочащих меня сплетен и – самое

главное – постоянное наушничанье, дезинформацию больного президента, искусственно разжигая его ревность и подозрительность.

Хочу сразу же уточнить: абсолютно уверен, что в такой возне не только не принимал никакого участия, но и всеми доступными ему средствами стремился воспрепятствовать ей Шевченко.

Не буду подробно описывать, как отнеслись к моему согласию дома и друзья. Жене пришлось сказать: «Что сделано, то сделано – прекрати лить слезы». Друзья разделились на две части – одни считали, что поступил правильно, другие – нет. Но первая реакция тут же уступила место четкому настроению, сориентированному на безусловную поддержку со стороны жены, детей и взрослых внуков, всех друзей без исключения.

Президент в тот же день, 12 сентября, направил представление в Государственную Думу, где я предстал перед депутатами. В Госдуме еще не остыли страсти в связи с предложением кандидатуры Черномырдина. Не думаю, что новое предложение президента по любой кандидатуре там готовы были принять «с колес». Разговоры в СМИ об этом шли, однако они, как мне кажется, были беспочвенны. Может быть, поэтому такое массивное давление оказывалось на меня с целью получить согласие занять пост премьера.

В Кремле справедливо полагали, что моя кандидатура не вызовет отторжения депутатов. Будучи руководителем Службы внешней разведки и министром иностранных дел, я никогда не преуменьшал значения Госдумы, не посылал вместо себя в ее комитеты своих заместителей, не отказывался под благовидным предлогом, а их можно было при желании найти сколько угодно, встречаться с руководством различных фракций, выступать на их совещаниях. Всегда получался откровенный разговор, который, как я надеялся, свидетельствовал о моем уважении к депутатам, каких бы политических взглядов они

ни придерживались. Это, очевидно, должно быть одним из непреложных правил поведения представителей исполнительной власти в плюралистическом демократическом обществе.

Многих знал лично. Но никогда не ориентировался на какую-то часть Думы. Интересно отметить, что впервые мою кандидатуру как «оптимальную для данного момента» на пост премьера (еще до голосования по Черномырдину) назвал не кто иной, как руководитель далеко не левой организации «Яблоко» Г.А. Явлинский.

Пересказывать все нет смысла: утверждение в Госдуме моей кандидатуры широко и достаточно полно освещалось по телевидению и в печатных СМИ. Хотел бы лишь обратить внимание на несколько моментов. Я не выступил с широкообещательными обещаниями. Более того, сказал, что «не волшебник» и что возглавляемое мной правительство не сможет в короткие сроки принести благополучие и процветание стране, находящейся в тяжелейшем кризисе.

В нескольких предложениях охарактеризовал свое видение того, как развиваться России дальше:

- продолжение движения к рыночным отношениям, но отказ от иллюзорных представлений о том, что главное – «броситься» в эти отношения, а рынок, дескать, сам все организует;

- усиление государственного регулирования с целью поднять промышленность и сельское хозяйство, защитить отечественного производителя;

- социальная ориентация экономики;

- создание надежных гарантий против того, чтобы группа лиц могла наживаться, присваивая бюджетные средства за счет жульнических операций с приватизацией, банкротством предприятий.

Подчеркнул, что мы не ставим своей целью очередной передел собственности, но это отнюдь не означает отказа от жесткой борьбы с экономическими преступлениями и коррупцией.

Отметил необходимость изменить «экономическую модель», при которой Россия живет за счет экспорта своего сырья, импортируя жизненно важные продукты и товары и одновременно частично покрывая потребности общества за счет зарубежных кредитов. Подчеркнул, что отрицание этой модели не имеет ничего общего ни с отказом от иностранных, главным образом прямых, капиталовложений, ни с игнорированием необходимости отдавать должное макроэкономической политике, хотя она не является самоцелью и должна служить развитию производства.

Сознательно не останавливался на причинах событий 17 августа, сбивших с ног российскую экономику¹. Считал для себя недостойным призывать депутатов, которые должны были голосовать за меня как за главу нового кабинета, искать виновных. Что касается «охоты на ведьм», то всегда был и сегодня остаюсь противником этого. Привлекаться к ответственности должны не те, кто совершает ошибки, а те, кто специально создает ситуацию, для того чтобы поживиться на этом за счет страдающих людей.

Сказал и о «горящих» проблемах, которые предстоит решить для снабжения населения зимой продовольствием, лекарствами в условиях резкого сокращения импорта, «северов» – топливом.

А перед голосованием, как говорят, «с языка сорвалось»: «Не знаю, что для меня лично лучше – проголосуете вы за меня как за главу правительства или нет».

При голосовании получил 317 «за» – больше конституционного большинства. Это был своеобразный «рекорд». «Против» консолидированно голосовала только фракция ЛДПР Жириновского, который через несколько дней пришел ко мне в Белый дом, чтобы сказать: «Не обращайтесь внимания, это политика, а сам я к вам отношусь превосходно и буду вас поддерживать».

II. Формирование кабинета: долгожданная свобода рук

Столь сильно выраженная поддержка Государственной Думы способствовала нормальному процессу создания правительства.

Положение облегчалось и тем, что я решал эту задачу в условиях отказа президента и действующего через Ельцина его окружения от навязывания – такая практика имела место до меня и после меня – главе правительства тех или иных лиц на посты его заместителей, министров и других высших государственных чиновников. За непривычным «дистанцированием» Кремля от формирования кабинета стояли в тот момент и растерянность, и опасения того, что я могу «взбрыкнуть» – тогда этого хотели избежать, – и нежелание брать на себя ответственность за трагически тяжелую экономическую ситуацию в стране, да еще и неспособность выплачивать многомиллиардную задолженность, накопленную в предшествующий период и усугубленную отказом Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка реконструкции и развития (МБРР) выполнять ранее взятые на себя обязательства по кредитам. Пусть расхлебывает все это новый глава кабинета и им самим подобранные министры.

Несомненно, окружение президента вынуждено было серьезно отнестись к тому, что я имел прямой выход на Б.Н. Ельцина, и во время первой же встречи после утверждения меня Госдумой он полностью согласился с тем, что любые кадровые назначения в правительстве не могут осуществляться без моего представления или прямого одобрения мною рассматриваемой кандидатуры.

Так или иначе, но я получил свободу рук при формировании кабинета.

На событиях, связанных с формированием правительства, на результатах этого процесса и некоторых выводах хотел бы остановиться подробнее. И далеко не только потому, что впервые в истории демократической России или даже Советского Союза министрами стали члены различных партий (не в счет – это было в первые годы революции, когда на очень небольшой период в правительство входили левые эсеры).

Вопрос о том, как формировать правительство в условиях многопартийной Государственной Думы, стал одним из наиболее важных лишь в конце 90-х годов. До кризиса, порожденного экономической практикой девяностых, об этом мало кто задумывался. Тем более что действующая Конституция дает право президенту предлагать кандидатуру председателя правительства Думе, а после его утверждения практически неограниченную возможность диктовать состав кабинета. Так все и происходило – назначения и отставки тех или иных заместителей председателя и министров осуществлялись в зависимости от интересов, а нередко и настроений президента, подчас искусственно создаваемых его ближайшим окружением.

После того как проводимый экономический курс завел страну в тупик, стало ясно, что правительство не может работать без тесной связи с Думой. Но как сделать эту связь органичной? В некоторых странах вопрос решается просто – создается правительство большинства. Но это в основном страны с двухпартийной системой в парламенте или с многопартийной, но в конечном счете опять-таки с двумя определяющими партиями и примыкающими к каждой из них «сателлитами». На данном этапе в России нет ни того, ни другого. Поэтому при формировании правительства я стремился исходить – такой подход, полагаю, сохранит свое значение и впредь – прежде всего из профессионализма в качестве основного критерия. Но нельзя было не учитывать и принадлеж-

ность того или иного профессионала к партиям или движениям, представленным в Государственной Думе. Это, несомненно, способствует поддержке кабинета Думой. Однако необходимо было сделать все, чтобы правительство не стало «заложником» партий, представленных в парламенте, – министры должны, обязаны отказаться от выполнения прямых указаний руководства своих партий и работать согласно курсу, принимаемому кабинетом.

Я с самого начала исходил из этих идей. К сожалению, президент и кремлевская команда в целом продолжали ассоциировать министров с партиями и соответственно к ним относиться.

С Маслюковым вопрос был предрешен, и я предложил ему быть первым заместителем председателя, ведающим в целом экономическими вопросами. И не только потому, что он входил во фракцию КПРФ, самую большую в Госдуме. Я знал, что Юрий Дмитриевич весь отдастся работе, полностью ему доверял, кстати, ни разу в этом не ошибся.

Сначала считал, что другой первый заместитель должен заниматься социальными проблемами. Кому возглавить этот наиважнейший участок работы?

Как будто услышав этот немой вопрос, в кабинет зашел секретарь и сказал, что на несколько минут просит его принять Явлинский. Состоялся довольно подробный разговор. Из него явствовало, что «Яблоко» готово помогать правительству. Разговор был откровенный, так как мы давно знали друг друга и, как мне представляется, несмотря на некоторые коллизии, возникавшие время от времени из-за не всегда продуманных высказываний Явлинского, друг к другу неплохо относились.

Я предложил Григорию Алексеевичу наряду с Маслюковым стать тоже первым заместителем председателя правительства, курируя все социальные проблемы. При этом подчеркнул, что они настолько масштабны, что, ко-

нечно, ему придется заниматься и экономикой. Явлинский отказался.

После некоторых раздумий и обмена мнениями с опытными в этих вопросах коллегами решил, что все-таки наряду с Маслюковым другим первым заместителем следует сделать одного из губернаторов, поручив ему весь региональный «срез» деятельности правительства. Порекомендовали активного, с «бульдोजьей хваткой» губернатора Ленинградской области В.А. Густова. Я виделся с ним пару раз в бытность министром иностранных дел. Густов ко мне тогда приходил в поисках союзников в деле строительства двух портов в Ленинградской области с терминалами для угля и нефти. Его напористость мне понравилась. В пользу Густова свидетельствовала и его подготовленность к разговору – он положил на стол расчеты, сравнительные данные, прогнозные оценки рентабельности и окупаемости строительства. Импонировало и то, что губернатор не ставил вопрос о получении средств из госбюджета, а просил поддержки в получении кредитов, которые, как он показал, будут погашаться в срок и «без надрыва».

Позвонил Густову по телефону и сделал ему предложение. Мне, не скрою, очень понравилось, что он сразу согласился – без кривляний, «без надувания щек». Придя в правительство, он решал нелегкую задачу налаживания тесных связей с субъектами Федерации и со странами СНГ, принимал активное участие в подготовке и проведении всех моих весьма полезных встреч с региональными ассоциациями – в восьми ассоциациях объединились 89 субъектов Российской Федерации. Стал заместителем председателя Исполкома союза «Россия – Белоруссия» и содействовал решительному положительному сдвигу в работе этого важного органа, который я возглавил как российский премьер.

Хочу сразу же рассказать и о том, как Густов ушел из правительства. Это, по-видимому, необходимо, так как

в некоторых материалах СМИ утверждалось, что вопреки «заверениям Примакова» Густов был «сдан». Такие «аналитические оценки» были далеки от действительности.

Где-то в середине апреля 1999 года Густов сказал, что хотел бы посоветоваться со мной: если я буду настаивать, то он, безусловно, продолжит работу, но в сентябре очередные выборы губернатора в Ленинградской области, и он мог бы в них принять участие. Я ответил Вадиму Анатольевичу: «Не хотел бы отпускать вас, но не имею морального права препятствовать желанию переизбраться губернатором».

Через две недели во время очередного доклада президенту Б.Н. Ельцин сказал о своем желании произвести замену: сделать первым заместителем вместо В.А. Густова С.В. Степашина, который тогда работал министром внутренних дел. «Это нужно, – добавил Ельцин, – чтобы усилить блок “силовиков”. Я знаю, что вы со Степашиным в дружеских отношениях, не так ли?»

Я, имея в виду предшествовавший разговор с Густовым, согласился на такую замену, но попросил Бориса Николаевича пригласить Густова и сказать ему о поддержке его кандидатуры на пост губернатора Ленинградской области. Ельцин сразу же поддержал эту идею.

Возвратился в Белый дом, где ко мне зашел встревоженный Густов со словами: «Меня срочно вызывают к президенту». Через час Вадим Анатольевич вернулся и, разведя руками, сказал: «Ничего не понимаю. Пригласил сесть. Буквально мимоходом расспросил о работе, а затем поблагодарил и обнял». В это время по телевидению уже передавали указ об освобождении Густова и назначении Степашина.

Единственное, что мне удалось сделать, это настоять, чтобы в текст указа внесли дополнение об освобождении Густова «в связи с переходом на другую работу» – в первоначальном виде в указе, подготовленном уже ставшим к тому времени главой администрации президента Волошиным, не было и этого.

Назначение С.В. Степашина воспринял нормально – еще с того времени, когда я руководил разведкой, а он контрразведкой, у нас сложились товарищеские отношения. «Многоходовую» затею Ельцина начал понимать, да и то не до конца, после знаменитого «не так сидим», когда во время заседания комиссии, готовившей празднование третьего тысячелетия, Ельцин – это муссировалось во всех средствах массовой информации – сделал демонстративное замечание по поводу того, что Сергея посадили в российской делегации далеко от президента.

Но это все было потом, а теперь вернемся к сентябрю 1998 года, когда еще только шло формирование кабинета.

Итак, кто пойдет на социальный блок? По всем статьям, как мне казалось, на пост заместителя председателя правительства подходил способный молодой политик Владимир Рыжков. Он был одним из видных деятелей фракции «Наш дом – Россия» в Госдуме. Связался с ним по телефону, так как он находился в командировке за границей. После нескольких телефонных разговоров В. Рыжков дал согласие. Я считал, что вопрос решен. Но, приехав в Москву, Рыжков сразу же пришел ко мне и сказал, что не имеет права по моральным соображениям подводить Черномырдина, который предложил ему возглавить фракцию НДР в Госдуме. Добавил, что в дальнейшем хотел бы создать правоцентристскую консервативную партию. Я был огорчен его отказом.

Вот тогда я и подумал о кандидатуре Валентины Ивановны Матвиенко. Знал ее много лет, дорожил и дорожу нашими дружескими отношениями. Где бы она ни работала, проявляла себя прекрасно – и заместителем председателя исполкома горсовета Ленинграда, и в Верховном Совете СССР, и в МИДе, и послом в Греции, кстати, одним из лучших российских послов (пишу об этом со знанием дела, так как руководил МИДом и к тому же в качестве министра посетил Грецию). Во время формирования правительства Матвиенко находилась по делам

в Москве. Был ей очень благодарен за то, что она откликнулась согласием на мою просьбу. Она приняла мое предложение ради дела и не в последнюю очередь, как сказала сама, из желания работать со мной в одной команде в такой непростой для России ситуации.

Оставалось еще подобрать трех заместителей, для того чтобы укрепить экономический блок. Из всех заместителей председателя предыдущего правительства решил оставить одного только В.Б. Булгака, которого знал давно как прекрасного специалиста, и при распределении обязанностей попросил его сосредоточиться главным образом на проблемах, связанных с «естественными монополиями».

Не сомневался, что нужен заместитель, непосредственно занимающийся аграрными делами и шире – аграрно-промышленным комплексом. Пригласил на эту должность Г.В. Кулика. Входя в депутатскую группу аграриев, он глубоко «копал» сельскохозяйственные проблемы в Госдуме. Работая на разных должностях, Кулик реализовал свое несомненное дарование пробивать через все мыслимые и немыслимые препятствия решения задач, с которыми связан подъем сельского хозяйства. Хорошо разбираясь в бюджетных делах, он был полезен в правительстве при решении не только сельскохозяйственных проблем. В команде всегда нужен «возмутитель спокойствия», будоражащий любое обсуждение вопросами, репликами, но исполняющий принимаемые решения.

Кто будет заниматься финансами, бюджетом, макроэкономической политикой, переговорами с международными организациями? Мне посоветовали А.Н. Шохина – в то время руководителя фракции НДР. Это безусловно опытный, хороший экономист. Указ на Шохина по моему представлению был президентом подписан.

Однако через несколько дней, когда министром финансов был назначен опять-таки по моему представлению

и настоянию М.М. Задорнов, высокий профессионал, отлично знающий бюджет, но на которого, к сожалению, легла тень событий 17 августа – он был министром финансов правительства Кириенко, – Шохин демонстративно подал в отставку.

Выбор Задорнова был для меня нелегким, но я все-таки остановился на нем, так как работа над жестким или даже жесточайшим бюджетом была первостепенной задачей, с которой, как я полагал (и не ошибся в этом), он несомненно справится. Что касается отставки Шохина, мотивированной назначением «повинного в событиях 17 августа Задорнова», то, по моему мнению, ее главная причина все-таки была в неверии в возможный успех правительства.

Что ж, как говорится, каждый сам себе хозяин. Нам всем, конечно, было неприятно, что два заместителя главы кабинета подали в отставку, практически не приступив к работе. Возмущался этим в беседе со мной и Виктор Степанович Черномырдин, тем более что оба входили в руководимый им НДР. Посоветовавшись, решили место Шохина не занимать, распределив между собой его обязанности. Я пришел к выводу, что Министерство финансов будет непосредственно «выходить» на меня, как и Министерство государственного имущества, а Юрий Дмитриевич Маслюков будет курировать экономическую сферу деятельности правительства в целом.

Однозначного мнения придерживался по поводу назначения на пост председателя правления Центробанка Виктора Геращенко, или Геракла, как его называют окружающие. Этот ключевой пост представлял особый интерес для тех в окружении президента, кто играл свою далекую от интересов общества игру в координации с прежним руководством Центробанка. Но в момент моего прихода в правительство навряд ли кто-то мог в открытую пойти против назначения Геращенко. А я знал его очень давно – еще в то время, когда он возглавлял в конце

шестидесятых отделение Московского народного банка в Бейруте, а потом в Лондоне и уже в качестве руководителя Центробанка, с работой которого был знаком и я, отвечая за внешнеэкономическую сферу в Президентском совете при М.С. Горбачеве. Один из лучших профессионалов-банкиров, надежный человек, не склонный к авантюрам, непродуманным шагам, В.В. Геращенко, как никто другой, подходил в тот момент к должности председателя правления Центрального банка. Его позиции еще более окрепли после того, как первым заместителем стала Т.В. Парамонова.

Относительно быстро решили вопрос и о назначении министров. В это были непосредственно вовлечены уже работающие заместители председателя. Не буду подробно рассказывать о каждом назначении, подчеркну лишь, что полное изменение состава предыдущего кабинета не стояло в качестве цели. Да и не могло стоять. На ряде постов работали достойные люди, например министр юстиции П.В. Крашенинников – образованный, широко эрудированный юрист и принципиальный человек. Недаром его считают учеником Вениамина Федоровича Яковлева – блестящего специалиста и честнейшего человека. К сожалению, Крашенинников поплатился за свою порядочность – его заменили, но это уже было после меня.

При подборе некоторых новых министров хотели максимально учесть мнение профессионалов. Так, например, до назначения министром культуры В.К. Егорова В.И. Матвиенко опросила десятки литераторов, театральных деятелей, работников музеев, библиотек и других. Такой предварительный опрос полностью себя оправдал и при назначении министра образования и науки.

По отзывам творческих работников, Егоров был одним из лучших министров культуры за многие последние годы. Он оставался в правительстве и после моего ухода. Однако его принесли в жертву, когда понадоби-

лось место для высвобождаемого из руководства государственной телевизионной компанией М.Е. Швыдкого. Вспомнили, очевидно, что до этого назначения он был заместителем министра культуры, а так как, работая на телевидении, свято выполнял любые указания сверху, обижать его было нельзя, и он пошел на повышение.

Хотел бы отдельно остановиться на «проблеме» В.Б. Христенко. В предыдущем правительстве он занимал пост заместителя председателя. Я ему предложил быть первым заместителем министра финансов. Христенко согласился и отлично работал на этом посту, добросовестно взяв на свои плечи всю тяжесть бюджетных взаимоотношений с регионами. Контролируя целенаправленное использование трансфертов, он нашел общий язык с губернаторами, что многим казалось невероятным. Если бы наше правительство просуществовало еще какое-то время, он обязательно был бы предложен на выдвижение. Я искренне обрадовался тому, что этот хороший работник и, как показал восьмимесячный опыт, скромный, но, несомненно, принципиальный человек, умеющий отстаивать интересы дела, был назначен первым заместителем председателя в кабинете Степашина.

В правительство вошли люди, принадлежавшие к различным политическим организациям: КПРФ (двое), Аграрной партии (двое), ЛДПР (один), «Яблоко» (один), «Регионы России» (один). Некоторые из новых министров симпатизировали различным партиям и движениям, но в них не входили. Можно ли было назвать такое правительство коалиционным? Думаю, нет. Прежде всего потому, что все вошедшие в него подчинялись тем единым «правилам игры», которые устанавливались в кабинете. Сразу договорились о полной неприемлемости для любого члена правительства выполнять какие-либо обязательства перед политическими структурами. Не скрываю, руководители многих фракций Государственной Думы предлагали свои кандидатуры, но мы ни разу

не ставили эти просьбы выше профессионального критерия.

Были попытки и со стороны администрации косвенно воздействовать на меня по некоторым кандидатурам. Например, очень уж хотелось Т.Б. Дьяченко видеть на посту министра здравоохранения вместо представленного мною и в конце концов назначенного В.И. Стародубова другого человека – не медика, да и к тому же достаточно глубоко погруженного в коммерческую деятельность и, по многим отзывам, зависимого от определенных банковских структур. Татьяна Борисовна даже «вступила в переговоры» с моей женой с просьбой повлиять на меня. Жена ответила, что никогда не обсуждает со мной служебные вопросы и не пользуется в этом никаким на меня влиянием.

III. «Разведчики» против журналистов?

Руководителем аппарата правительства – министром РФ стал Ю.А. Зубаков, проработавший со мной до этого десять лет в качестве консультанта в Президентском совете, заместителя директора СВР и заместителя министра иностранных дел. Руководителем Секретариата председателя правительства назначил Р.В. Маркаряна, проработавшего со мной еще больший срок – около 20 лет. Больше никого на руководящие должности ни в правительство, ни в его аппарат с собой не привел. Не могло быть и речи о каком-то местничестве – выдвижении, скажем, людей из Питера, москвичей, тбилисцев или екатеринбуржцев. Кстати, Зубаков родился и вырос в Забайкалье, а Маркарян – в Баку.

Перед ними в качестве первоочередной задачи была поставлена задача навести жесткий порядок прохождения документов в аппарате, четкую подготовку заседаний, решений правительства, исключить утечку информации, что превратилось чуть ли не в повседневную практику.

Мы столкнулись с тем, что по коридорам Белого дома слонялись какие-то люди, попавшие туда по неизвестно кем, когда и с какой целью выписанным пропускам. Они беспрепятственно заходили во многие кабинеты, и в результате улетучивалась информация о готовящихся шагах правительства. Не меньший вред наносило и то, что находящиеся лишь на первом этапе своей подготовки документы копировались «неизвестными лицами» и выдавались в некоторых СМИ за уже принятые правительством постановления. На самом же деле часто в этих постановлениях после доработки не оставалось ничего из первоначальных проектов, или, как мы их называли, «болванок».

Ужесточение режима посещения посторонними лицами Белого дома ряд средств массовой информации тут же представили как нововведение «разведчика Примакова» (тем более что и Зубаков, и Маркарян работали со мной в СВР) и даже как противодействие столь желанной гласности. Это совершенно не соответствовало действительности. Более того, я решил каждую субботу собирать корреспондентов, аккредитованных при правительстве, и рассказывать им подробно о готовящихся шагах и о нашей текущей работе. Состоялось несколько таких многочасовых встреч. Они прекратились не по моей вине – отдельные участники вразрез с журналистской этикой начали публиковать те сведения, с которыми их знакомили «не для печати».

Вообще широко распространялись разговоры о моей «неуживчивости» и даже конфронтационности в отно-

шении журналистов. Якобы я озабоченно и досконально прочитываю все, что публикуют про меня, не способен воспринимать никакой критики и «не держу удара». Даже появились побасенки, будто показывал Ельцину подборку расцвеченных разными фломастерами выдержек из статей, написанных против меня. Так описывается в его мемуарах. Это все досужие домыслы.

Конечно, мне бывают неприятны публикации, в которых приводятся ложные сведения или фальсифицируется сказанное мною. И только. Что касается сотрудничества с журналистами, то еще до того, как пришел в правительство, никогда не отгораживался от них. Более того, периодически участвовал в Агентстве ИТАР-ТАСС во встречах за обедом с руководителями средств массовой информации и откровенно отвечал на все их вопросы. Такие встречи проводились даже после того, как один из сопровождавших меня сотрудников обнаружил, что мои ответы, как было обговорено, не предназначенные для печати, тайно записываются в соседней комнате на пленку.

Я сам был в течение 15 лет профессиональным журналистом. Уважаю и высоко ценю самоотверженный, нелегкий журналистский труд, без которого не в состоянии существовать нормальное общество. И несомненно верю в то, что «проплаченные журналисты» вскоре в России станут исключением из правил.

Правительство – могу это смело сказать – было сформировано «не по благу». Позже Г.А. Явлинский заявил в одном из своих зарубежных интервью, что за занятие тех или иных постов были уплачены большие суммы денег. Я сразу же обратился к нему через телевидение с требованием назвать имена и сказал: «Если не назовете их, значит, вы потакаете преступникам». Имена названы не были, а с помощью определенной части СМИ это конкретное обвинение – здесь его автор «попался» – было

переделано в обвинение отдельных членов кабинета в «грехах» начала 90-х годов. По этому поводу я направил запросы в Генеральную прокуратуру, Министерство внутренних дел и Федеральную службу безопасности. Из всех трех организаций тогда были получены ответы, не подтвердившие выдвинутых обвинений.

Но все это уже относилось к тому периоду, когда началась развернутая атака на правительство. А на начальной стадии нам казалось, что тяжелейшие задачи, стоявшие перед нами, будем решать в спокойных благоприятных условиях.

ЧТО ДОСТАЛОСЬ В НАСЛЕДСТВО

I. Россия под псевдолибералами

Задачи были поистине тяжелейшими. К середине 1998 года в России в полную силу развились процессы, которые толкали страну в пропасть. Падало производство, росла безработица, от месяца к месяцу накапливались долги по заработной плате бюджетников, денежному довольствию военнослужащих, пенсиям. Забастовки не только захлестывали страну, но принимали все более опасный характер – уже в мае забастовщики начали перекрывать важные железнодорожные и автомобильные магистрали, подвергая угрозе закрытия все еще работающие предприятия. Когда я пришел в Белый дом, на его пороге сидели шахтеры, разбившие здесь палаточный лагерь и стучавшие периодически касками по асфальту, – они требовали выплаты заработной платы. Начал «расшатываться» установленный Центробанком валютный коридор, в пределах которого мог колебаться курс рубля. Угроза взрывного роста цен становилась все более ощутимой.

Есть все основания считать, что это было закономерным результатом курса экономического развития России начиная с 1992 года. Лица, принявшие тогда на себя ответственность за экономическую политику России, как правило, величали себя «либералами», подчеркивали

свою связь с «чикагской школой», некоторые представители которой получили на Западе широкое признание и даже были удостоены Нобелевской премии.

Современный либерализм как направление экономической мысли, если говорить тезисно, проповедовал и проповедует свободную конкуренцию при минимальном вмешательстве государства в деятельность хозяйствующих субъектов. Это сводит функции государства к решению вполне определенных и ограниченных задач: снижение налогового бремени, поддержание равных для всех условий конкуренции, что в конечном итоге должно способствовать тому, чтобы предприятия и население сами оптимально распоряжались своими доходами. В свою очередь это призвано расширить внутренний рынок, что создает импульс для развития производства и сферы услуг.

Однако матрица либерального подхода к экономике – как показывает международный опыт – никогда не может сугубо универсально накладываться на «пульсирующую» реальную действительность той или иной страны – без учета ее специфики, истории, уже встроенных в экономику государственных структур.

Доморощенные «либералы» все это в России проигнорировали. Параллельно с разрушением существовавшего хозяйственного механизма они провели шоковую либерализацию цен, приватизацию ради приватизации, так как во главу угла были поставлены ее масштабы, а не связь с ростом эффективности производства. Открытие экономики страны произошло одномоментно: внутренний рынок был распахнут перед жесточайшей мировой конкуренцией, причем вопрос о способности российских предприятий выжить даже не рассматривался. А ведь приспособление отечественного производителя к новым условиям требовало не только принятия соответствующих мер, стимулирующих модернизацию производства, но и снятия внешнеторговых барьеров постепенно, плав-

но, чтобы дать предприятиям время на оздоровление своей деятельности.

Создание рыночной инфраструктуры осуществлялось, мягко говоря, своеобразными методами. Ярким примером могут служить манипуляции с государственными казначейскими обязательствами (ГКО). Не кто иной, как Минфин, размещал бюджетные средства на беспроцентной основе в избранных коммерческих банках. Банки в свою очередь за *государственные* – хочу это особо подчеркнуть – деньги скупали ГКО. Баснословные прибыли доходили до 150–200 процентов годовых. Эти же средства также использовались для дешевой скупки высоколиквидных государственных предприятий. Таким образом, государство лишалось не только собственности, но и финансовых ресурсов. Огромные суммы были вывезены на Запад и осели на счетах в том числе и коррумпированных чиновников, пособничавших такой «технологии».

Развитие рынка ценных бумаг, безусловно, важное и необходимое условие становления рыночной экономики. Но только в том случае, если этот рынок становится инструментом привлечения внутренних и внешних инвестиций в развитие производства. У нас же капитал ушел на высокодоходный рынок ГКО и практически отвернулся от финансирования российской промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства. Он выступал главным образом в краткосрочной спекулятивной форме. Произошел и значительный спад производства готовой продукции в России. Под ударом оказались люди в первую очередь с низкими доходами. Это больно сказалось и на процессе формирования среднего класса.

Иногда ссылаются на пример 1997 года, представляя его чуть ли не переломным, более того, результатом предшествовавшей «правильной экономической политики». Действительно, в первой половине 1997 года произошел рост курса акций, сопровождаемый снижением доходности ГКО до 25–30 процентов. В результате оста-

новилося падение производства. Но уже с осени 1997 года начался обратный процесс снижения курса акций и сильного повышения ставок рефинансирования – до 60 процентов. Доходность ГКО одновременно повысилась до 60–100 процентов. Сыграло свою роль падение мировых цен на нефть. Но не обошлось и без сговора участников рынка государственных ценных бумаг. К июлю 1998 года спад промышленного производства достиг рекордной с 1994 года цифры – 9,4 процента!

Я не думаю, что с самого начала авторы курса на «шоковую либерализацию» руководствовались корыстными интересами. Е.Т. Гайдар, например, возглавивший этот курс в России, прошел через серьезную эволюцию от содержательных, смелых по тому времени статей, опубликованных в горбачевский период и посвященных преобразованию существовавшей экономической системы, до вывода о необходимости ее ликвидировать без тесной, органичной увязки с созданием подлинно рыночных инфраструктур, с тем чтобы отмирание старого способствовало рождению *здорового* нового. «Цель оправдывает средства» – этот большевистский лозунг хоть и не провозглашался открыто, но отражался в полном равнодушии в отношении непомерных издержек, неисчислимых трудностей и людских страданий. Главное виделось в том (я считаю, что во всяком случае Гайдар по-своему честно видел главное в такой цели реформы), чтобы пройти точку «возврата». А что будет за этой «точкой», его и его сподвижников мало интересовало. Все, дескать, «уляжется».

Само собой курс реформ, несомненно, способствовал появлению среднего класса, предпринимательской социальной прослойки. Однако, будучи осуществляемым в весьма специфической форме, он еще в большей степени инициировал невиданно быстрое обогащение кучки людей – впоследствии некоторых из них назвали в России олигархами. Им удалось буквально за считанные годы

сколотить миллиардные состояния прежде всего на эксплуатации богатейших сырьевых ресурсов России. Казалось бы, все, что от Бога, должно принадлежать всему обществу. Лоббируя интересы «кучки олигархов», псевдолибералы перераспределили в их пользу российские сырьевые богатства. Поддержка олигархам обеспечивалась при приватизации: победитель «конкурса» определялся заранее; под предлогом необходимости закрыть дыры бюджета государственное имущество переходило в его собственность по явно заниженной цене.

Олигархи в свою очередь делали все, чтобы и дальше сохранить у власти тех, кто помогал им «снимать сливки», а не честно зарабатывать на росте производства, развитии сферы услуг. Они протянули щупальца в окружение Ельцина, способствовали его переизбранию в 1996 году и в результате сами или через своих представителей непосредственно участвовали в выработке выгодной им экономической и кадровой политики.

Е. Гайдар в книге «Государство и эволюция» обосновывал необходимость «обмена власти на собственность». Итогом курса, проводимого в 90-е годы, стал не отход от власти в «обмен» на собственность, а сращивание государственной власти с собственностью уже на новой, посткоммунистической основе. Процесс этот в конце концов в наиболее контрастном виде проявился в непосредственном окружении президента, который, не исключая этого, возможно, и не был посвящен во все детали.

Стало очевидно, что те, кто в 90-е годы формулировали и проводили в жизнь экономический курс России, отнюдь не отказались от совершенно несвойственных, а подчас и противоположных либеральному подходу целей и методов. Среди них в первую очередь высокие налоги. Не обошлось и без государственного вмешательства, но прямо противоположного решению задачи создания равных условий конкуренции для всех хозяйствующих субъектов. Вместо этого властью осуществлялась

выборочная поддержка отдельных предприятий путем установления эксклюзивных экспортных квот, особенно на нефть, освобождения от уплаты таможенных пошлин, налоговых льгот, скидки отдельным перевозчикам по линии МПС, предоставление целевых кредитов и так далее. Все это не имело ничего общего с поощрением тех, кто находится на острие научно-технического прогресса, или на первых порах тех, кто вкладывает средства в производство остро необходимой обществу продукции.

По признаку близости к власти имущим предоставлялись государственные кредиты и другие привилегии коммерческим банкам, получающим право обслуживания государственных программ, в том числе таких масштабных и прибыльных, как, например, торговля оружием.

Финансирование дотационных районов России – а к моменту назначения нашего правительства таких было 83 из 89 – осуществлялось из федерального бюджета на основе субъективных решений центральных властей. Так, например, я был ошарашен, узнав, что среди группы «депрессивных» территорий числится город-курорт Сочи, где отдыхает высшее руководство страны, и в этой же группе отсутствует Брянская область, население которой в наибольшей степени пострадало от чернобыльской трагедии.

Положение усугубилось «мягким» отношением к неоправданным бюджетным расходам. Достаточно назвать цифру представителей различных министерств, ведомств, центрального правительства в субъектах Федерации (не считая правоохранительных органов) – более 300 тыс. человек, не только получающих зарплату из федерального бюджета, но и использующих оплаченный автотранспорт, квартиры и так далее и тому подобное.

Акцент на макроэкономическую политику для российских либералов был скорее самоцелью. Во всяком случае макроэкономическое регулирование не служило

созданию условий для развития реальной экономики (производство падало), не приводило к позитивным сдвигам в социальной области (жизненный уровень населения снижался, не были начаты реформы здравоохранения, пенсионной системы). Характерен такой пример: в рыночной экономике считается, что снижение инфляции до 30–40 процентов предполагает оживление производства, рост инвестиционной активности. У нас уровень инфляции был значительно ниже этой пороговой цифры, а производство продолжало падать.

Естественно, все это усиливало социальную напряженность. Либералы пытались «выпустить пар», прибегая к займам из-за рубежа, которые превратились в незаменимую подпорку уродливой экономики, по сути посадили всю страну «на иглу».

В целом реформы так называемых либералов дорого обошлись России. Была создана модель экономики, которая характеризовалась дисбалансом между отечественным производством и потреблением. Страна существовала главным образом за счет экспорта сырья и импорта продовольствия и готовой продукции. В результате низких масштабов загрузки мощностей предприятий резко сократилась отдача основного капитала и его реальная стоимость. Потребности развития не покрывались инвестициями, уровень которых оставался крайне низким, не обеспечивающим даже простого воспроизводства основного капитала и пополнение собственных оборотных средств. В таких условиях особенно болезненно сказалась достигшая огромных масштабов утечка российских капиталов за границу, многократно превысившая внешние заимствования.

Натурализация, низкий уровень денежного обращения стали отличительной чертой хозяйственных связей.

Нужно сказать вполне определенно, что курс, принятый псевдолибералами в области экономики, дал простор коррупции, экономическим преступлениям, производству государственных чиновников.

II. Результаты 17 августа

Миллиарды, сотни миллионов долларов, присвоенных незаконным путем, украденных в результате махинаций, выкачанных за границу, – все это неимоверно утяжеляло переход к рыночным отношениям, делало его более болезненным для основной массы населения. Становление рыночной экономики, неизбежно сопровождаемое инфляцией, спадом производства, снижением жизненного уровня, было совершено другими странами в относительно короткий период. Россия стала «чемпионом» не только по глубине бед и болезней, переживаемых при переходе к рыночным отношениям, но и по тому затянувшемуся периоду, в течение которого люди, общество в целом испытывают неимоверные трудности. В немалой степени этому способствовало принципиальное нежелание псевдолибералов бороться с экономической преступностью.

К середине 1998 года стало ясно, что экономический курс «либералов» завел страну в тупик. Именно в таких условиях 17 августа был объявлен мораторий на выплаты держателям ГКО и облигаций федерального займа (ОФЗ). Этот шаг катастрофически усугубил многочисленные негативные процессы и явления в экономической, социальной и политической сферах России.

Я думаю, что авторы решений 17 августа не предвидели их реальных последствий, а посоветоваться с представителями других экономических направлений посчитали для себя абсолютно необязательным, ну, если хотите, унижительным. Вообще это, к сожалению, характерная черта всех «реформаторов», выплеснутых событиями 90-х годов на ведущие экономические позиции в России и не имевших до этого серьезного опыта работы. Им свойственно явное пренебрежение чужим мнением у себя

в России, «экономическое самолюбование», которое открывало им путь не только к самоутверждению – это было бы еще полбеды, – но и к бездумному, в конечном счете безответственному экспериментированию в масштабах огромной страны.

Решения 17 августа были трагической ошибкой. Но для всех ли, кто участвовал в их подготовке? До сих пор не нахожу ответа на закономерный вопрос, почему накануне этих решений, летом 1998 года, на 4 млрд долларов были размещены евробонды по весьма высоким ставкам? Почему бывшее руководство Центробанка накануне неизбежной девальвации выразило готовность брать и тратить в тот момент дорогие доллары?

Был ли осведомлен о готовившихся решениях правительства и Центрального банка президент? Позже я узнал, что к нему пришли несколько человек и в общих чертах сказали о готовившейся акции. Но при этом успокоили: казна получит дополнительно свыше 80 млрд рублей, чуть-чуть упадет рубль и чуть-чуть может увеличиться инфляция, но одномоментно, а через короткий срок негативные результаты уйдут, все станет на свои места, в то время как бюджет получит столь необходимые средства.

Не знаю, сказали ли об этом Ельцину или нет, но о подготовке совместных решений правительства и Центробанка был осведомлен и МВФ. Кстати, в последующем, при встрече с заместителем директора-распорядителя МВФ, попытавшимся говорить с нами как бы «свысока», я прервал его, сказав, что с представителем МВФ (об этом я узнал от М.М. Задорнова) был своеобразный разговор перед принятием решения 17 августа, и нечего теперь представлять себя в качестве «высшего судьи», полностью отстраненного от случившегося.

Когда проявились ошеломляющие результаты сделанного, Ельцин в разговорах со мной, правда не называя ни одной фамилии, не стеснялся в выражениях по поводу авторов решений 17 августа.

Как руководителю правительства мне представлялось, что необходимо показать непричастность Ельцина к событиям, положившим всю российскую экономику навзничь. Поэтому в ответ на заданный мне одним из журналистов вопрос, был ли президент в курсе готовившихся акций, ответил отрицательно. Сразу же крайне болезненно отреагировали на мое высказывание в окружении Ельцина, очевидно подозревая меня по уже существовавшей в то время схеме в том, что я пытаюсь показать президента «отчужденным» от реально происходящих в России событий, недостаточно вовлеченным в ключевые вопросы экономической политики. А я-то старался...

Возможно, подоплека такой негативной реакции «семьи» была другой: опасались, что признание непричастности Ельцина уберет тот щит, которым они могли бы прикрыться.

Между тем реальная «цена», которую заплатила Россия и россияне за по меньшей мере непрофессиональные решения от 17 августа, была огромной.

ВВП. Его объем, несмотря на оптимистические прогнозы, начал сокращаться еще до событий 17 августа: в мае 1998 года – на 4,5 процента (наибольшее сокращение с конца 1994 года), в августе – более чем на 8 процентов, а в сентябре – уже до 10 процентов.

Промышленное производство. Его спад в июле составил 9,4 процента, а после событий 17 августа – в сентябре достиг 14,5 процента.

Объем инвестиций резко сократился – на 23–25 млрд рублей. Возросли неплатежи.

Банковская система оказалась в полном параличе, попросту перестала функционировать. Только прямые потери коммерческих банков от решения 17 августа составили порядка 45–48 млрд рублей. Косвенные превзошли эту сумму еще миллиардов на 10 в результате девальвации рубля и выплат по «форвардным» контрак-

там, заключенным на основе существовавших в то время официальных обязательств Центробанка поддерживать обменный курс рубля в пределах 5,25–7,15 за один доллар США. Общие потери банковской системы России оценивались Отделением экономики Российской академии наук в 100–150 млрд «докризисных» рублей.

Эти потери распределились между банками далеко не пропорционально. Некоторые из них смогли, обходя закон, тем или иным путем вывести часть своих активов за рубеж либо переправить их в другие банковские структуры. Но факт остается фактом: в первой половине сентября в стране практически прекратились платежи. В результате даже некоторые железные дороги остановили перевозку грузов. Появилась реальная угроза полного паралича всей национальной экономики.

Инфляция в первую неделю сентября превысила 15 процентов, а за сентябрь в целом, несмотря на пожарные меры правительства, все же составляла более 38 процентов. Такой скачок выглядел особенно контрастно на фоне 11-процентной инфляции за весь 1997 год. По сути страна входила в режим гиперинфляции.

Доходы населения. Неуправляемая трехкратная девальвация рубля буквально взорвала потребительские цены. В результате реальные доходы населения понизились в сентябре 1998 года на 25 процентов (т. е. на четверть!) по сравнению с 1997 годом. Произошло резкое обесценение рублевых сбережений граждан. Многие вообще потеряли свои сбережения в обанкротившихся банках или утратили часть при необходимом переводе вкладов в Сбербанк.

Импорт после 17 августа пошел на убыль. В условиях зависимости страны от ввоза продовольствия, медикаментов возникла угроза обеспечению населения товарами первой необходимости.

Бюджет. Во много раз сократились доходы федерального и местных бюджетов. По оценкам, потери консолидированного бюджета составили до 50 млрд рублей.

Фондовый рынок. Обесценились акции предприятий. На практике – мы с этим столкнулись – это означало возможность покупки иностранцами высоколиквидных российских предприятий во много раз дешевле их реальной стоимости.

Созданная Советом Федерации специальная комиссия по расследованию итогов решений 17 августа оценила общий ущерб, нанесенный экономике страны, более чем в 300 млрд «докризисных» рублей. Руководитель Отделения экономики РАН академик Д.С. Львов считает, что по важнейшим показателям социально-экономического развития Россия была в результате событий, последовавших за этими решениями, отброшена на 15–20 лет назад.

Пожалуй, самым серьезным последствием решений 17 августа стал тотальный кризис доверия. Недоверием оказались поражены все звенья экономической системы: будь то отношения между поставщиками и потребителями, должниками и кредиторами, менеджерами и собственниками, населением и правоохранительными органами, между различными ветвями и «этажами» власти. Односторонний мораторий на выплату долгов по государственным бумагам, провозглашенный 17 августа, окончательно подорвал веру и за рубежом, и внутри страны в возможность стабильного сотрудничества с государственными финансовыми структурами и коммерческими банками России. В результате всего этого в стране создавалось довольно широкое недоверие к самой идее перехода к рыночным отношениям.

Официальные круги на Западе явно поддерживали ту линию, которая осуществлялась в экономике России в 90-е годы. Судя по всему, превалировала точка зрения, согласно которой любой масштабный отход от командно-административной системы советского периода к рыночной экономике является абсолютным благом вне зависимости от форм и методов, порождающих конкрет-

ные результаты такого перехода. Не могу исключить того, что на Западе были и такие силы, которые уклонялись от критики курса псевдолибералов, так как делали ставку на сохранение России, переходящей к рынку, на долгие годы в качестве сырьевого придатка государств, вступивших в постиндустриальный период своего развития.

Отсутствие критики руководителями западных стран экономической политики в России 90-х годов было связано и с политическими мотивами. Трудно представить, что западные лидеры случайно вывели эту тему из разговоров с российскими руководителями и теми, кто стоял у руля российской экономической политики. Просто не хотели раздражать «брата и друга Бориса»? Наверяд ли, хотя и это имело место. Причина, как представляется, была более глубокой. На Западе, очевидно, опасались, что такая критика может объективно усилить позиции «государственников» в России, даже таких, которые являются твердыми сторонниками рыночных реформ, приватизации, но осуществляемой продуманно, в интересах роста эффективности производства. Опасались, так как проецировали рост влияния «государственников» на внешнюю политику, которая в таком случае неизбежно усилила бы функцию защиты российских интересов. Мне представляется, что нежелание искать и развивать контакты именно с такой категорией политиков в России было серьезной ошибкой западных деятелей, обладавших властью.

ДЕЛА НАСУЩНЫЕ

I. Стратегия и тактика

Что делать? Этот извечный для России вопрос встал во весь рост перед правительством и, естественно, передо мной. Имея в виду главную цель – успокоить общество, добиться политической стабилизации, я решил в первую очередь для себя определить, *чего не следует делать* в сложившейся ситуации.

Поваленная навзничь экономика, нокаутирующий удар по жизненному уровню населения, охватившее общество жгучее недовольство предшествовавшей в 90-х годах экономической политикой, растерянность президента, стремление уйти в тень тех лиц, которые пробились на вершину пирамиды власти, – все это в совокупности объективно развязывало руки правительству. Позже, когда меня стали искусственно причислять к крайне левым, я подумал: а ведь не понимают – в тот момент мог бы начать и с национализации всего и вся, с широких репрессий по экономическим преступлениям, с резкого ограничения конвертируемости рубля, с объявления об отказе выплачивать долги за предоставленные ранее кредиты из-за рубежа. И голоса «против», если бы и осмелились прозвучать, утонули бы в возгласах массовой поддержки. Но такие меры не имели ничего общего с уже устоявшимся моим мировоззрением. Я понимал также, что они раздерут общество на части, еще больше дестабилизируют обстановку. В таких условиях решил:

Первое – не начинать с публичного разбора той несомненно ошибочной линии и порочной практики, которая привела за все 90-е годы страну к краю пропасти. Легче всего, конечно, было бы искать поддержку в обществе, обрушившись на авторов «шоковой терапии». Но это сразу же – особенно в России – обернулось бы обливанием друг друга грязью, выстраиванием баррикад, пусть даже не в буквальном смысле этого слова, информационной войной, ростом озлобленности основной и громадной части населения, пострадавшей в результате такой политики и практики. Поэтому я отверг советы «четко показать нутро тех, кто довел страну до такого состояния». Поэтому ни в одном своем выступлении, а их с моим приходом в правительство было предостаточно, я не назвал ни одной фамилии повинных в происшедшем. Подробный разбор экономической политики 90-х годов в России, естественно, не снимался с повестки дня. Но это нужно было отнести на более поздний период, когда успокоятся страсти.

Второе – нельзя было принимать решения, которые могли бы интерпретироваться как возврат в «светлое прошлое», несмотря на то что события 17 августа явно увеличили число людей, говоривших и, что самое главное, веривших в то, что «раньше было лучше».

Эксплуатация таких настроений была бы попросту опасной со стратегической точки зрения. Я, да и все мои коллеги по правительству были твердо убеждены в том, что движение назад от курса реформ – хочу подчеркнуть – курса, а не конкретно проводившейся до нас практики – это путь к неизбежному возвращению к командно-административной системе, приведшей к прогрессирующему отставанию Советского Союза в экономике и открывшей двери тоталитаризму.

Третье – несмотря на очевидный негативный, подчас преступный характер того, как осуществлялась приватизация, приведшая к ограблению общества в целом, госу-

дарства, людей, дезорганизации и падению производства, нельзя было призывать к огульной ее отмене, к новому массовому перераспределению собственности. Это могло бы окунуть страну в кровь, ударило бы по образуемому среднему классу, сбilo с ног честных предпринимателей.

Я считаю, мягко говоря, абсолютно непродуманными, нереалистичными, разрушительными требования отменить приватизацию, возратить все, как говорится, к «чистому листу». Сторонники таких мер в лучшем случае не понимают, что в России миллионы людей уже стали собственниками, в своем преобладающем большинстве мелкими, квартир, дач, ларьков, небольших предприятий бытового обслуживания, а некоторые и акций более крупных предприятий. Можно ли абстрагироваться от этого?

Но одновременно нельзя было закрывать глаза на извращения приватизационного процесса в отношении главным образом крупных предприятий. Поэтому сама жизнь родила такой критерий: если приватизированное предприятие, учреждение работают эффективно, имеют рынок сбыта своей продукции или услуг, хорошие перспективы, платят вовремя заработную плату работникам с тенденцией на ее увеличение, отчисляют из своих доходов налоги в бюджеты всех уровней, в фонды, то нет смысла возвращаться к вопросам, связанным с произошедшим изменением его формы собственности.

Тем более что большинство приватизированных предприятий, даже в том случае, когда новым владельцам удалось присвоить, урвать огромные капиталы, изменили своего собственника согласно действовавшим в то время законам.

Но есть и другие примеры – приватизированное предприятие остановилось либо близко к этому, иногда лжебанкротится, рабочие выдворяются за ворота, налоги в бюджет не поступают. В таком конкретном случае следует заняться в том числе и историей приватизации этого предприятия, а возможно, но только на основе закона, изменить его собственника.

Но и с этого не следовало начинать. Упор, за исключением вопиющих отдельных случаев, нужно было сделать на современную практику, чтобы создать условия, исключаящие в настоящее время «прихватизацию», как ее метко окрестили в народе.

Четвертое – нельзя было недооценивать макроэкономическую политику, проводимую предшествовавшими правительствами. Но следовало внести в нее коррективы и, главное, подчинить стабилизации и развитию на микроэкономическом уровне. Не приняв административного ограничения конвертируемости, нужно было продумать, как укрепить рубль за счет введения его плавающего курса, не допуская резких, непредсказуемых скачков, за счет сдерживания инфляции.

Пятое – не следовало начинать с публикации какой-то завершенной концепции экономического развития. Правительство и меня лично упрекали, особенно некоторые средства массовой информации, в том, что мы очутились в Белом доме без такой развернутой концепции. Я вообще не большой сторонник всяких концепций, ставших столь модными в России за последнее время – именно в России, а не в зарубежных странах. Система подходов, определяющих принципы осуществляемой политики, – безусловно. Конкретные программы – да. Но не набор положений, искусственно объединенных в наукообразный документ, который, по-моему, мало помогает в практических делах, но зато дает огромный простор для критики, особенно людям, не несущим ответственности за состояние дел в экономике.

Если бы мы откликнулись на настойчивые призывы обнародовать «концепцию», то попали бы в капкан такой критики, что отнюдь не помогло бы работе. Поэтому был выстроен другой путь – постепенно, но не растягивая во времени, знакомить общество с нашими идеями в области экономической политики и параллельно с конкретными делами в этой области.

Такая осознанная воздержанность, несомненно, способствовала тому, что страсти не выплескивались наружу, несмотря на тяжелейшее экономическое положение в стране.

Важнейшим элементом процесса стабилизации было обозначившееся по целому ряду вопросов сотрудничество правительства с парламентом – Государственной Думой и Советом Федерации. В состав кабинета на правах министров были включены руководители восьми ассоциаций, охватывающих все 89 субъектов Российской Федерации. Председатель правительства, его заместители и министры с выездом на места встречались с членами этих ассоциаций. Регулярной практикой стали встречи и с руководителями фракций Госдумы. Всему этому не было аналогов в прошлом.

Однако в таком сотрудничестве не было идиллии. С одной стороны, как уже было отмечено выше, члены правительства занимали согласованную позицию, и подчас она противоречила позиции той партии, к которой принадлежали министры. С другой – большинство в Госдуме далеко не всегда было готово ради поддержки правительства поступиться своими политико-пропагандистскими интересами. Именно поэтому мы не могли, что называется, «с колес» провести через Думу столь необходимые стране законы. Некоторые законопроекты «кляли под сукно» – в таких случаях верх брал популизм. И не случайно я вынужден был обратиться к председателю Государственной Думы Г.Н. Селезневу с письмом, в котором говорилось:

«В целях стабилизации социально-экономической обстановки в стране необходимо неотложное принятие ряда проектов федеральных законов. Часть законопроектов, предложенных Правительством для рассмотрения в первоочередном порядке, были Государственной Думой рассмотрены, и дальнейшая работа с ними ведется. Тем не менее требуется их ускоренное принятие, так как прошло

уже длительное время после рассмотрения законопроектов в первом чтении. В то же время необходимо обратить внимание на то, что есть внесенные Правительством законопроекты, которые до сих пор еще не рассмотрены Государственной Думой. Для ускорения принятия законопроектов Правительство считает важным подтвердить их приоритетный характер.

Особую значимость для реализации поставленных перед Правительством задач имеют законопроекты в области налоговой, бюджетной и социальной политики... Серьезно мешает защите правопорядка отсутствие нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В некоторых случаях уже нельзя дожидаться его принятия, а следует принимать изменения и дополнения в действующий Кодекс. Это чрезвычайно важно, например, для установления административной ответственности за правонарушения на рынке ценных бумаг».

Ответа на свое письмо я не получил.

Более того, фактически без внимания была оставлена и наша настоятельная просьба отказаться от импичмента, который был не только бесперспективен, но сам его процесс ставил правительство под удар – Ельцину без устали нашептывали, что связанный с левым большинством в Госдуме кабинет и я лично потакаем попыткам отстранить президента. Оставаясь глухими к нашей просьбе, левое большинство в Госдуме по сути ставило конъюнктурные соображения выше государственных интересов. Можно ли было в таких условиях говорить о продуманной стратегии левых?

Правительство подтвердило – и это было очень важно, особенно в то время, – что столбовой дорогой для России является создание гражданского общества, политический плюрализм, продолжение рыночных реформ, развитие нашей экономики как органичной части мирового хозяйства. Вместе с тем мы понимали, что для

реального продвижения по этому пути, а не резкого отката назад, перспектива которого была на тот момент не такой уж призрачной, необходима социальная ориентация осуществляемых реформ, с тем чтобы они в конечном счете обязательно служили улучшению положения, подъему жизненного уровня, интересам населения России.

Как этого добиться? Прежде всего за счет усиления экономической роли государства, что отнюдь не означало и не могло означать свертывания рыночных процессов. Напротив, мы считали, что государство должно способствовать переходу к цивилизованному рынку, который не возник и не мог возникнуть сам по себе в результате хаотического движения без продуманного государственного вмешательства.

Государственное вмешательство подстегивалось и тем, что России предстоял выход из серьезнейшего кризиса. Сам по себе рынок, и только рынок, страну из этого состояния вывести не мог. Наглядным примером этого служила и зарубежная практика. При преодолении результатов Великой депрессии 1929–1933 годов Ф.Д. Рузвельт однозначно опирался на государственные рычаги. Отстаивая программу «нового курса», он подчеркивал: «Я имею в виду не всеобъемлющее регламентирование и планирование экономической жизни, а необходимость властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не только различных регионов и групп населения нашей великой страны, но и между различными отраслями народного хозяйства». Под этой цитатой готово было подписаться и наше правительство.

На основе государственного вмешательства в экономическую жизнь была построена и политика Л. Эрхарда – министра финансов, а затем уже канцлера ФРГ. Конечно, Западной Германии после Второй мировой войны помог «план Маршалла»², но, не будь такой целенаправленной

политики, навряд ли удалось бы в исторически короткие сроки превратить находившуюся в развалинах страну в одно из передовых в экономическом отношении государств в мире. Отто Вольф фон Амеронген – один из крупнейших западногерманских промышленников и мой старинный еще со времени работы в ИМЭМО друг – говорил мне, что Эрхард «выкручивал руки» ему и другим крупным предпринимателям, заставляя подчиняться государственному контролю.

Государственное вмешательство в экономическую жизнь отнюдь не идентично национализации приватизированной собственности. В отдельных случаях это не исключается, как показывает опыт и западных стран, но магистральным стать не может. Вместе с тем государственное вмешательство необходимо в первую очередь для наведения разумного порядка, способствующего росту реального сектора экономики России независимо от формы собственности входящих в него предприятий. А это подразумевает целую систему мер: жесткий контроль за формированием доходной части и расходами бюджета, соблюдением всех государственных обязательств, а также за управлением государственным сектором, использованием государственной собственности; выработку и осуществление мер против злоупотреблений в сфере приватизации, махинаций, связанных с лжебанкротством предприятий, противозаконных переводов денежных средств за рубеж; создание условий, в которых российские банки становятся заинтересованными вкладывать капитал в отечественную промышленность и сельское хозяйство; привлечение в российскую экономику, преимущественно в реальный ее сектор, иностранных инвестиций.

Идеология правительства, несомненно, включала в себя поддержку российского производителя. Это следовало бы делать, применяя многие рычаги, начиная от продуманной и достаточно гибкой таможенной политики

и кончая столь же продуманной налоговой реформой. Нет необходимости подробно останавливаться и на том, что государство должно отстаивать интересы отечественных предпринимателей при подписании контрактов с иностранными партнерами – ведь делают это все остальные, настаивая на том, чтобы, скажем, определенная часть (а как правило, большая часть работ, связанных с совместными проектами) осуществлялась «своими» компаниями. Государство должно поддерживать и отечественных экспортеров. Все это представляется бесспорным.

Но поддержка национальных, точнее, отечественных производителей не имеет ничего общего с противодействием участию иностранного капитала в развитии производства и сферы услуг. Мы в правительстве не только понимали это в теоретическом плане, зная, что мировое предпринимательство в наше время развивается на транснациональном уровне, но и на практике делали все для привлечения иностранных инвестиций, особенно в форме прямых вложений, создания совместных компаний, осуществления совместных проектов. При нашем правительстве Госдумой был принят долгожданный для иностранных инвесторов закон о разделе продукции и на его основе 12 поправок к другим законам. А ведь все это лежало мертвым грузом в парламенте в течение многих лет.

Государство не может абстрагироваться от проблемы конкурентоспособности выпускаемой продукции на предприятиях любой формы собственности. Мне представляется несостоятельной, искусственной развившаяся уже позже, в начале 2000 года, полемика на тему, что следует делать раньше – добиваться экономического роста либо осуществлять сначала, до этого, модернизацию экономики. Только при экономическом росте возможна модернизация. Только при росте конкурентоспособности за счет модернизации возможен устойчивый

экономический рост. Противопоставление одного другому – надуманное.

Мировая практика показывает, что инновационная основа экономического роста во многом создается так называемыми венчурными предприятиями. Это в основном малый и средний бизнес, специализирующийся на решении конкретных научно-технических проблем. Нужно думать о развитии таких динамичных форм бизнеса и у нас.

Но государственное регулирование и в этом вопросе имеет далеко не второстепенное значение. Известно, что процесс модернизации производства, подразумевающий отказ от тиражирования устаревших технологий, невозможен без развития науки, в том числе фундаментальной. В 90-х годах государственное финансирование науки в России в основном если не прекратилось, то было сведено к мизерным суммам. Советский Союз имел несомненное преимущество перед многими высокоразвитыми странами – авангардные фундаментальные исследования. Были и недостатки. Путь от фундаментальных открытий через прикладные исследования к их практическому внедрению был в два-три раза дольше по времени, чем у других. Вместо того чтобы сконцентрировать государственные усилия на ускорении прохождения по этому пути, а это, несомненно, послужило бы технико-технологическому прогрессу в нашей экономике, «реформаторы» делали ставку на другое. Они решили погрузить не только экономику, но и науку в рынок – мол, выживут те ее направления, которые немедленно обеспечат прибыль.

Принципиальные позиции были с самого начала заложены в основу деятельности правительства. Но в первую очередь нам пришлось в создававшейся критической ситуации заниматься важнейшими задачами жизнеобеспечения страны.

Надвигались серьезные трудности с продовольствием и медикаментами. Одним из результатов политики «либералов» стала полная зависимость России от импорта важнейших для населения продуктов. Российское сельское хозяйство разрушалось. Резко сократился и выпуск отечественных лекарств. Когда в таких условиях дефолт 17 августа сильно ударил по импорту, нужно было принимать решительные меры.

Правительство снизило таможенные пошлины по семи главным позициям «критического импорта». Одновременно были предприняты другие шаги. Потребовали от губернаторов восстановить свободные перетоки продовольствия из региона в регион. Договорились с Украиной и Белоруссией о том, что их долги за поставки российского газа будут частично погашаться продовольственными товарами. Провели переговоры с США о предоставлении помощи сельхозпродуктами – пусть даже сопровождаемой обязательной закупкой американского зерна.

Серьезные меры приняли в поддержку отечественных производителей. Вопреки сопротивлению Министерства путей сообщения понизили на 50 процентов тариф на железнодорожные перевозки ряда остро необходимых видов сельскохозяйственной продукции. Сократили налог на добавленную стоимость (НДС) на продовольствие. Приняли решение о погашении регионами долгов по полученным ранее ссудам из федерального бюджета поставками продовольствия, причем, хочу это подчеркнуть особо, по рыночным ценам.

Общий список мер был впечатляющим, но они носили «пожарный» характер. На дальнейшую перспективу ими обойтись было нельзя. Следовало думать вообще о судьбе российского крестьянина – не только великого труженика, терпеливо переносящего все невзгоды, но и хранителя народной культуры, народных традиций. Сколько бед обрушилось на крестьянство в России!

И крепостное право, и «раскулачивание», нанесшее смертельный удар по сотням тысяч людей, и голод, унесший миллионы жизней, и десятилетия колхозного бесправия. Крестьянство, впитавшее в себя огромную народную жизнеутверждающую силу, выдержало. Но что дальше?

В конце 80-х годов был взят курс на рост самостоятельности колхозов и совхозов, на превращение их в нормальные кооперативы. Одновременно рассчитывали на развитие фермерства. Не берусь судить о плюсах этого курса и минусах, связанных как с невыверенными оценками и несостоявшимися прогнозами, так и с практическими действиями или бездействием в осуществлении всех этих идей. В данном случае главным для меня был и остается вывод: экономическая политика, осуществляемая в 90-е годы, продолжала вести российское крестьянство в пропасть.

Три момента хотел бы подчеркнуть в этой связи. Во-первых, при открытии российской экономики, бездумно закрыв глаза, распахнули двери, не удосужившись даже ознакомиться с весьма для нас поучительной зарубежной практикой защиты своих производителей сельскохозяйственной продукции. В результате к середине 1998 года импорт составил больше половины продовольственного потребления в России. Естественно, нужно было переломить эту несуразную и опасную для России тенденцию. Вместе с тем речь не могла идти и не идет о перекрытии импорта на сельскохозяйственную продукцию даже в той его части, которая «дублирует» продукты, производимые у нас. Это ликвидировало бы полезную для общества конкуренцию, требующую от отечественных производителей улучшать качество и не «задирать» цены.

Во-вторых, переход к рыночным отношениям не поставил преград на пути полукриминальных или откровенно криминальных «посредников», обирающих село, — не была развита сбытовая кооперация, не помогли нала-

дить прямую связь между производителями сельхозпродукции и государственными потребителями, в том числе Вооруженными силами, не поставили серьезной преграды на пути рэкетиров и других преступных элементов.

Будучи председателем правительства, я побывал на борту черноморского сторожевого корабля. Командир рассказал, что получает рыбу... с Дальнего Востока. Командующий Северо-Кавказским округом жаловался, что не может получить продовольствие непосредственно от местных производителей. На это же сетовал целый ряд губернаторов сельскохозяйственных областей. Такая «стыковка» была бы выгодна двум сторонам, а приходилось действовать – это предписывалось через решение вышестоящих органов – обязательно через посредников, которые, лишь формально участвуя в конкурсах, наживались неимоверно.

Всем известно и другое: на подступах к рынкам Москвы, Санкт-Петербурга, многих других городов крестьян поджидают часто «сросшиеся» с милицией группы лиц, которые отбирают у них по «установленным» ценам продукты, а затем продают на рынке намного дороже. Помню, когда работал в СВР, как радовались экспедиторы, привозящие на огромных фурах непосредственно из хозяйств овощи и фрукты с юга, имея возможность, не заезжая в Москву, продавать их нашим сотрудникам дешевле, чем на рынке. Поручил министру внутренних дел лично выехать на окружную дорогу, где преступники останавливали эти фуры, – там их обычно скапливалось немало. Выпустили постановление правительства о развитии кооперации на селе. Но все это были единичные меры, которые не обрели системности – опять не хватило времени, – да к тому же многие из них после нас «заглохли».

В-третьих, государство практически бездействовало в отношении огромной диспропорции цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Переход

к рыночным отношениям еще больше обострил эту проблему. Понимая всю ее тяжесть для крестьян, мы пошли за время своего пребывания у власти на ряд мер. Резко увеличили поставки селу минеральных удобрений при выделении льготных кредитов на их закупку. Стоимость удобрений была снижена за счет уменьшения на 50 процентов тарифов на энергоносители и на 30 процентов на железнодорожные перевозки. Были в два раза снижены тарифы на электрическую и тепловую энергию с целью повышения эффективности работы тепличных предприятий. Приняли постановление правительства об обеспечении сельскохозяйственных товаропроизводителей горюче-смазочными материалами, предусматривающее не только льготное кредитование, но и поставки по «рекомендуемым ценам». Так мы начали выдвигать определенные условия деятельности естественных монополий, что, понятно, не встречало радостной реакции с их стороны.

Особое значение имело так и невыполненное, к сожалению, постановление правительства от 26 февраля 1999 года (за два с половиной месяца до отставки) о лизинге машиностроительной продукции в агропромышленном комплексе. В условиях острой нехватки техники, отсутствия средств на ее приобретение, останавливающих или многократно сокративших свое производство отечественных заводов, производящих эту технику, такое постановление имело особое значение и для аграриев, и для промышленности.

Но вернемся к тем текущим проблемам, которые следовало решить незамедлительно, сразу же после прихода в Белый дом. Все понимали неотложность мер, принимаемых из года в год именно как чрезвычайные, для того чтобы до закрытия навигации по сибирским рекам и прилегающим морям снабдить российский север топливом и продовольствием. На этот раз положение с завозом сложилось особенно тяжелое, так как вовремя ничего не

было сделано. Люди могли замерзнуть и остаться без продовольствия. Либо и топливо для электростанций, и сельхозпродукты стали бы поистине золотыми, так как их следовало перебрасывать по воздуху. В критические дни В.Б. Булгак, которому было поручено оперативное руководство снабжением «северов», буквально прослеживал путь каждого танкера, пробивающегося через непогоду к пунктам назначения.

Уже тогда возникало много вопросов. Почему, скажем, не выделять средства руководству областей, чтобы они сами под контролем своего населения осуществляли вовремя завоз? Почему не организовать с этой целью специализированное транспортное объединение? Наконец, почему не провести там, где это возможно, газопроводы, которые окупятся через несколько лет и вообще снимут проблемы снабжения топливом целого ряда электростанций? К сожалению, эти вопросы все еще ждут ответов.

Бросалось в глаза и то, что некоторые губернаторы, заранее зная, что центр не сможет оставить население их регионов в беде, не погашают – во всяком случае вовремя – полученные ссуды, «выбивают» в Москве средства, которые зачастую идут не по назначению.

Но, пожалуй, самым болезненным для всей страны в то время, когда мы пришли в Белый дом, было прекращение выплат, да еще при многомесячной задолженности, заработной платы бюджетникам, пенсий, денежного довольствия военнослужащим. Все это нам досталось, как уже говорилось, в наследство. В одном лишь Пенсионном фонде накопилась задолженность более чем в 30 млрд рублей. Многие одинокие пенсионеры были обречены на голод. По телевидению показывали отчаявшихся жен офицеров, которым нечем было кормить детей. Попробуй в такой обстановке обеспечить стабильность в обществе.

Мои заместители и я сказали друг другу: если не решим незамедлительно задачи выплат вовремя всех категорий денежных зарплат и пенсий и не начнем погашать долги по ним, то нам в правительстве делать нечего. Не скрою, раздавались голоса: давайте пустим в ход печатный станок, решим все эти проблемы за счет денежной эмиссии. Был твердо убежден, что идти на это нельзя. Возможно, мы получили бы немедленный пропагандистский и даже политический выигрыш, но через несколько месяцев надбавки «съела» бы инфляция. Нужно было искать другие методы и способы решения этой жизненно важной задачи. На первых порах – через перераспределение расходов бюджета, изыскание резервов. Стратегически – только путем наведения финансового порядка в стране и запуска реального сектора экономики.

Начиная с октября твердо осуществлялись ежемесячные выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы, денежного довольствия военнослужащим и пенсий. Одновременно погашались накопленные долги. До 1 декабря погасили долги по стипендиям и до 1 января 1999 года – военнослужащим.

Я обязал министра финансов ежемесячно сообщать по телевидению о переводе конкретных сумм, достаточных для решения поставленных задач. Это было необходимо и для того, чтобы никто не смог «кивать» на правительство, – дескать, если до сих пор, например, военнослужащий не получил денежного довольствия, то виновато оно, а не соответствующие подразделения Министерства обороны.

В сентябре на финансирование армии, кстати, было выделено около 7 млрд рублей, что составило половину всех расходов федерального бюджета, в октябре – еще более 5 млрд. Но это были не «милитаристские затраты». Они пошли на погашение части долгов оборонной промышленности, что способствовало общему оживлению

экономики. Увеличение финансирования позволило перейти к реальному сокращению Вооруженных сил. Многократные заявления о сокращении армии далеко не полностью отражали реальную действительность, так как не было средств на выплату полагающихся по закону при увольнении офицера 21 месячного денежного довольствия. Мы изыскали средства, позволившие рассчитать 30 тыс. офицеров, увольняемых в запас.

Существовали еще по крайней мере две серьезнейшие проблемы: одна из них – ликвидация задолженности медикам, учителям, работникам культуры, получающим зарплату из местных бюджетов; другая – решение вопроса о невыплате зарплаты работникам внебюджетного сектора.

К концу 1998 года задолженность по заработной плате работников бюджетной сферы, находящихся на содержании региональных и местных властей, составила 16 млрд рублей. Выплата зарплаты для этой категории бюджетников в среднем по стране задерживалась на 2,6 месяца. На Алтае задержки составляли 7,8 месяца, на Чукотке – 4,5.

Выступая на заседании правительства 17 декабря, я сказал о том, что в отличие от 1997 года у нас уже нет возможности оказывать массивную помощь регионам за счет распродажи собственности или очередного залезания в долги. Основной упор должен быть сделан на наведение порядка в этой сфере. Было предложено пойти на экстраординарные меры, обязывающие регионы (кроме Москвы, Санкт-Петербурга и Самары, которые самостоятельно решали проблему) затрачивать на выплату «своим» бюджетникам сумму, составляющую не менее 40 процентов доходов. Губернаторы были предупреждены, что в случае невыполнения указания, а также нецелевого использования трансфертов из центра на зарплату учителям, медицинским работникам и другим регионы будут переводиться на прямое казначейское

исполнение бюджета. Однако в ряд депрессивных регионов, которые объективно не смогут выполнить это указание (список таких «зон бедствия» незамедлительно представил Минфин), решили направлять дополнительные средства из федерального бюджета.

В.Б. Христенко встречался лично с каждым губернатором, и это стало приносить свои плоды. На тот момент, как мы понимали, только следуя таким путем, можно было бороться с массовым нарушением прав человека – невыплатой заработанных им денег.

Что касается работников внебюджетного сектора, на который приходилось до 80 процентов невыплат, объективной причиной был паралич экономики, в целом ряде случаев неплатежи по государственным заказам, особенно оборонной промышленности, но по цепочке и всем «смежникам». Однако существовали и продолжают существовать субъективные моменты: ряд предприятий искусственно представляли себя нерентабельными, занижали свои доходы, даже лжебанкротились и одновременно с помощью различных бухгалтерских ухищрений переводили часть прибылей в специально создаваемые дочерние общества, иные «спутниковые» системы.

Во время одной из поездок по стране я был на заводе, директор которого ввел третью смену. Причем он был не только директором, но и владельцем 5 процентов акций предприятия. Если заработала третья смена, значит, есть рынок сбыта продукции. А на мой вопрос, какова задолженность по зарплате рабочим, директор ответил: два-три месяца. «Этому крайне негативному явлению, – сказал я, обращаясь с трибуны Совета Федерации к губернаторам и руководителям региональных законодательных органов, – можно по-настоящему противостоять только совместными усилиями казначейства, правоохранительных органов и местных структур власти. 80 процентов невыплат зарплаты – это, если хотите, самая главная социальная бомба замедленного действия».

Через несколько дней на заседании правительства, на котором присутствовали профсоюзные лидеры, обратился к ним: «Вы часто берете за горло федеральные власти. Но одновременно гораздо слабее работаете на предприятиях, где подписан коллективный договор, а заработная плата не выплачивается».

Для нормализации положения с выплатой заработной платы работникам внебюджетной сферы следовало активизировать и налоговую полицию. Тем более что во многих случаях работники учреждений, промышленных предприятий получают заработную плату по двум «ведомостям» – одной официальной, а второй неофициальной. Это происходит без выплат работодателями отчислений в Пенсионный и другие социальные фонды, а работниками – подоходного налога.

На это антиобщественное и абсолютно несвойственное цивилизованным рыночным отношениям явление «либералы» попросту закрывали глаза. По указанию руководства кабинета налоговая полиция проверила 70 тыс. предприятий, подошла к проверке банков и коммерческих структур. Определенно, это кое-кому не понравилось.

II. Главная задача – развитие реальной экономики

Коренной поворот в экономической политике был невозможен без создания условий для развития производственного сектора экономики. В этой связи следовало прежде всего приступить к реструктуризации банковской системы с целью не просто восстановить ее, но и переместить акценты в деятельности банков. Теоретически

государство могло бы пойти в тот момент – эта линия очень импонировала бы отдельным олигархическим группам – на спасение конкретных банкиров или банков. Некоторые банкиры даже предлагали национализировать их банки, естественно переложив на плечи государства накопленные долги. При этом ссылались на такое преимущество, как разветвленная сеть филиалов по всей стране. Вместо этого мы в свою очередь предложили этим банкам вести интенсивные переговоры с кредиторами, и отечественными, и зарубежными, о реоформлении задолженности в капитал банков. Мы понимали, что не сможем обойтись без увеличения доли участия и иностранного капитала в российских банках, без расширения возможностей для деятельности иностранных банков на территории Российской Федерации.

Правительство и Центральный банк сделали ставку на поддержку сохранивших свою работоспособность банковских учреждений, одновременно очищая банковский рынок от банков – инвалидов, полумертвецов и финансовых бомжей. Лишь в отдельных случаях было решено идти на заведомо убыточное вложение средств в банки, имевшие перспективы восстановления и развития. В основном же решили проводить процесс восстановления банковской системы на возвратной коммерческой основе. Для санации отдельных банков и обеспечения возвратности выделяемых с этой целью бюджетных средств было создано Агентство по реструктуризации кредитных организаций (АРКО). Деятельность Агентства была сориентирована не столько на федеральный, сколько на региональный уровень для определения «опорных» банков и работы с ними.

Мы исходили из того, что определение соотношения государственного и частного капитала в банковской системе не является самоцелью. Оно призвано создать лучшие кредитно-финансовые условия для развития экономики.

Государство – и это главное – должно иметь в своих руках реальные рычаги для решения этой задачи. Следовало способствовать специализации банков, в том числе с государственным контрольным пакетом, для целевого инвестирования и кредитования промышленного и сельскохозяйственного производства. Нужно было в этом плане через Центральный банк усилить контроль за деятельностью и коммерческих банков.

При реструктуризации российской банковской системы мы стремились также избавиться от «перекоса», который создавала чрезмерная концентрация капитала коммерческих банков в центре. Кстати, в результате событий 17 августа в наименьшей степени пострадали банки в регионах, так как они меньше допускались к спекулятивным операциям, связанным с ГКО-ОФЗ.

О необходимости в создавшихся условиях пойти на развитие сети финансово-стабильных банков в регионах говорилось на ряде встреч руководства правительства с региональными ассоциациями. Губернатор Орловской области Е.С. Строев обращал внимание на то, что сохранившиеся на местах банки в отличие от большинства столичных работали непосредственно с промышленными, сельскохозяйственными предприятиями, имеющими реальные перспективы роста.

Очень тяжело шло дело с инвестициями. Особое значение было придано созданию бюджета развития Российской Федерации. Правительство настояло на том, чтобы он стал органичной частью федерального бюджета на 1999 год. В бюджет развития были включены все инвестиционные ресурсы, в том числе программы конверсии военной промышленности и целевое финансирование высокоэффективных проектов. Создавался Банк развития для финансирования производства продукции, пользующейся большим спросом на внутреннем и внешнем рынках – в машиностроении, металлургии, химической, медицинской и лесной промышленности, промышленности стройматериалов, АПК.

В числе наиболее важных вопросов была «расшивка» неплатежей: ко времени прихода к власти нашего правительства задолженность федерального бюджета перед предприятиями и организациями составляла 50 млрд рублей. В свою очередь задолженность последних перед бюджетом – около 150 млрд рублей. Накапливались долги и между самими предпринимателями.

Положение усугублялось общим резким понижением монетаризации экономики в период всевластия псевдолибералов. К началу осуществления реформ – на 1 января 1992 года – денежная масса составляла 66,4 процента к ВВП за 1991 год, и это в общем соответствовало мировой практике. На 1 июня 1998 года (т. е. еще до событий 17 августа) денежная масса составила всего 13,7 процента к ВВП за 1997 год.

Мы не могли внять призывам решить вопрос через масштабную денежную эмиссию. Однако при этом не могли игнорировать проблему неплатежей. Известно, в каком противостоянии находились центральные власти и руководители промышленных предприятий по вопросу о взаиморасчетах. Федеральные власти требовали осуществлять платежи предприятий исключительно в денежной форме – это было, естественно, необходимым элементом рыночной экономики. Но дело в том, что при отсутствии в обращении достаточной денежной массы эти требования в большинстве случаев оказывались неосуществимыми. Создавался замкнутый круг: накапливаемые долги препятствовали росту производства, а его стагнация и падение препятствовали росту денежного обращения.

Были понятны и опасения того, что взаимное погашение долгов будет использовано различными коммерческими структурами и коррупционерами для собственного обогащения. При проведении моими предшественниками операций по взаимозачетам коммерческими банками и посредниками было присвоено от 50 до 60 процентов

средств. Все это имело место. Поэтому мы продумывали такую систему, которая, с одной стороны, не будучи одноразовой, в то же время не превращалась бы в постоянную практику и, с другой – претворялась бы в жизнь таким образом, чтобы минимизировать потери бюджета за счет различных махинаций.

Министерства экономики и финансов дали свои предложения, и правительство вопреки мнению МВФ и прежней практике приступило к взаиморасчетам между бюджетом и предприятиями, что уже на первых порах высвободило 50 млрд рублей. То, что взаиморасчеты проводились по каналам казначейства, а не коммерческих банков, позволяло избежать утечки финансовых ресурсов. Операции проводились на клиринговой основе. Это их явно отличало от взаимных зачетов на основе бартера.

Протолкнув многие «тромбы» с помощью взаиморасчетов, мы создали немаловажный импульс для функционирования и развития промышленности. Характерно, что руководитель РАО «ЕЭС» А.Б. Чубайс, который во время своей работы в органах государственного управления был одним из главных противников расчетов не в прямой денежной форме, на этот раз развернулся на 180 градусов. Во время обсуждения вопроса о результатах взаиморасчетов на правительстве он выступил с настоятельной просьбой не ограничиваться единичным осуществлением этой акции, а превратить ее в практику, пока не накопится достаточно денежных средств и у государства, и у предприятий.

Но как быть с теми долгами, которые все еще оставались у предприятий после взаиморасчетов с бюджетом? Очень контрастно вырисовывалась – она и сейчас стоит весьма остро – также проблема штрафов и пеней. Накапливаясь, во многих случаях они превосходили сами долги. В значительной своей части их возврат был и остается безнадежным делом. Следует ли из этого, что к

проблеме списания можно было подойти огульно? В какое положение тогда будут поставлены предприятия, которые не имеют долгов перед государством, – они попросту будут чувствовать себя наказанными за свою добросовестность. Нельзя пройти и мимо того, что ряд предприятий не выплачивали долги, да и сейчас продолжают это делать не потому, что не могут, а потому, что, прибегая к всевозможным махинациям, представляют себя нерентабельными.

Все эти проблемы я поставил в своем выступлении перед членами Российского союза промышленников и предпринимателей. Они активно поддержали мысль о том, что отношение к предприятиям-должникам должно быть строго индивидуальным. Да, очевидно, на следующем этапе после взаиморасчетов – так и было задумано – нужно пойти на реструктуризацию и даже в некоторых случаях на списание долгов, штрафов и пеней перед бюджетом. Но при таком решении предприятие должно находиться под особым вниманием. Если в дальнейшем от этого предприятия не будет поступлений в бюджет, оно должно подвергаться самым жестким санкциям, вплоть до смены руководства и процедуры банкротства. Это, несомненно, должно было стать условием реструктуризации и тем более списания долгов.

А теперь о налоговой реформе, призванной сыграть столь большую роль в запуске российской экономики, в наведении хозяйственного порядка в стране. О ее необходимости шли разговоры с середины девяностых годов. Но проблема оставалась в рамках дискуссий. Между тем, если рассматривать налоги по отношению не к ВВП, а к денежной массе в обращении, в России они были самыми высокими в мире. Чрезмерно высокие налоги не просто тормозили развитие производства, но и, провоцируя массовые уклонения от них, выталкивали значительную часть экономики в так называемую теневую сферу. Это относилось и к тем предпринимателям, которые хотели

быть честными, но часто вынужденно оттеснялись в «тень». В то же время непомерно сильное налоговое давление на оплату труда стимулировало «теневые» выплаты, о которых говорилось выше, что создавало питательную среду для игнорирования закона в самых больших масштабах.

Убеждать друг друга в правительстве в необходимости налоговой реформы не пришлось. Тем более что наши предшественники далеко не преуспели, сделав упор на одну сторону, пусть немаловажную, но все-таки одну – на повышение собираемости налогов. Отвечавший тогда за эту сферу деятельности заместитель председателя правительства Б. Федоров часто мелькал на экранах телевизоров в камуфляжной форме вместе с налоговыми полицейскими, но сбор налогов в бюджет практически не возрастал.

Между тем не всегда курс на «выбивание налогов» может пополнить бюджет. Когда пришел в правительство, столкнулся с парадоксальным явлением. Оказывается, в течение месяцев, а в ряде случаев и лет на складах, под замком таможи находилось закупленное за рубежом и уже оплаченное предприятиями, доставленное на место, но с запретом на монтаж, современнейшее оборудование общей стоимостью около 2 млрд долларов. Причиной таможенного ареста была неспособность этих предприятий выплатить налоги на добавленную стоимость (НДС), а в ряде случаев и таможенной пошлины. Нет вопроса – все налоги и пошлины должны быть уплачены. Но ждать годами, пока «лежащие» из-за отсутствия закупленного оборудования предприятия найдут средства для их уплаты? Я дал указание таможенному комитету снять арест с такого оборудования, заключив с каждым из его владельцев соглашение, по которому под залог этого оборудования или гарантии банка будут в обозначенный срок выплачены долги. Многие заводы вздохнули с облегчением. Практика показала, что реше-

ние было абсолютно верным. Возвращение долгов вскоре началось.

Вряд ли поможет пополнить бюджетные средства и ужесточение контроля за доходами, вплоть до изобретения различных форм контроля за крупными покупками. Отлажены десятки путей обхода, включая приобретение собственности на фирму, а не на владельца, ссылки на наследство или на средства, полученные в долг.

Административные меры, не подкрепленные экономическими, вообще не в состоянии изменить обстановку. Мы взяли курс на уменьшение числа налогов и их снижение. Обосновывая эту линию, министр по налогам и сборам, хорошо зарекомендовавший себя на этом посту, Г.В. Боос писал: «Если налоги с доходов граждан будут составлять 15–20 % (а не до 45 %), то платить их будут практически все: риск быть пойманным и услуги юристов по легальной минимизации налогов встанут дороже. Такие ставки для представителей среднего класса действуют во многих странах мира и не раз доказали свою эффективность. То же самое – и с предприятиями. Фактически уровень государственного изъятия составляет 40 % ВВП. По закону же в некоторых отраслях государство забирает 87 копеек с каждого рубля – в таких условиях экономика просто не может развиваться. Необходимо в течение нескольких лет довести этот уровень до 20–25 % ВВП».

Правительством было подготовлено 19 законов по налогам, из которых 6 были приняты в нашу бытность. Линия была направлена на то, чтобы понизить НДС до 14 процентов до 2000 года, а далее до 10 процентов. Позже мы согласились на 15 процентов до 2000 года при передаче одного процента на финансирование Вооруженных сил. Решили резко снизить и либерализовать подоходный налог. Общая концепция заключалась в том, чтобы при снижении и уменьшении числа налогов перенести тяжесть обложения с производства на потребление.

Наряду с этим началась серьезная борьба с махинациями, которые проделывались для того, чтобы не платить налоги или не платить их в полном объеме. Эта борьба мало напоминала телевизионные шоу и была, безусловно, эффективной. Мое внимание обратили на то, что в массовом порядке осуществляются «операции» по «псевдостраховым» сделкам. Использовались схемы с применением «страхования предпринимательских рисков», чтобы лишь имитировать покупки товаров и их движение. Иными словами, не вкладывая ни рубля, предприятия получали так называемые возмещения из федерального бюджета за якобы затраченные денежные средства. С этой целью предъявляли к возмещению (зачету) значительную часть НДС.

Таким путем и осуществлялась масштабная афера с песком. «АвтоВАЗ» и другие предприятия якобы закупили песок, а на самом деле выяснилось, что он не только не переправлялся с места на место (для этого понадобилось бы 20 тыс. составов, что загрузило бы, очевидно, на много месяцев весь грузовой железнодорожный транспорт), но и вообще не разрабатывался в карьерах. Когда обнаружилась эта афера, в которой принимали участие и страховые компании, то директор одного из предприятий – достаточно крупного – приехал в правительство и сказал: «Бес попутал».

Выяснилось, что «бес попутал» таких директоров на много миллиардов рублей, не доплаченных в бюджет. Многие предприятия предпочли «превентивно» заявлять о своей недоплате. Сумма реально взысканных в бюджет средств составила за считанные месяцы около миллиарда рублей.

«АвтоВАЗ» был замечен и в других махинациях, с помощью которых недоплачивались значительные суммы в бюджет в виде налогов: в продаже на внутреннем рынке автомашин, как бы направляемых на экспорт, в сокрытии части прибыли путем перевода в целый ряд дочер-

них предприятий. Вопрос был поставлен остро. Такую постановку поддержал и губернатор Самарской области К.А. Титов. «АвтоВАЗу» предложили осуществить эмиссию акций с целью передачи в руки государства 50 процентов от уставного капитала плюс один голос за невыплаченные налоги. Одновременно правительство приступило к контактам с иностранными компаниями о перепродаже им этого пакета при условии обязательного крупного инвестирования в производство.

Характерно, что вопрос о реструктуризации задолженности ОАО «АвтоВАЗ» – я вплотную заинтересовался положением дел в этой области – был поднят еще 30 мая 1997 года на совещании у первого заместителя председателя правительства А.Б. Чубайса. Проект постановления правительства находился «в стадии согласования» до сентября 1997 года. Только после вмешательства Комиссии правительства России по оперативным вопросам, пригрозившей возбудить дело в Арбитражном суде о банкротстве «АвтоВАЗа», был представлен согласованный проект. Договор «АвтоВАЗа» с налоговым органом был оформлен уже при нашем правительстве. Он продолжал не выполняться. Почти накануне того, когда нас отправили в отставку, Министерство по налогам и сборам приняло решение о принудительном взыскании задолженности на всю сумму недоимки. После нашего ухода этого не сделали.

Несмотря на явный недостаток времени, новая практика, гораздо более жесткая, чем прежде, дала свои результаты. Кое-кто говорил, что увеличение собранных налогов произошло за счет инфляции. Инфляционный эффект, конечно, имел место. Однако значительное увеличение собираемых налогов наблюдалось не только в абсолютном выражении, но и по их доле в валовом внутреннем продукте (ВВП). Этот рост уже не имел никакого отношения к инфляционному всплеску, который, кстати, пошел на убыль.

Немалое значение для пополнения бюджета всех уровней имело введение государственного контроля за производством и торговлей алкогольной продукцией. У меня на памяти был наш финансовый провал, когда в конце 80-х годов мы начали непродуманную антиалкогольную кампанию. В результате бюджет недополучил 30 млрд рублей за год. По тогдашним временам это была огромная сумма. Монополия на производство алкогольных напитков принадлежала государству. После резкого сокращения производства она стала разваливаться – повсеместно возникало самогонование, исчез из торговли сахар, увеличилась токсикомания.

В наш период проблема заключалась в другом. При утраченной государственной монополии в федеральный и другие бюджеты поступали налоги на легально производимую винно-водочную продукцию. Вместе с тем широчайшее развитие получил подпольный бизнес. Себестоимость «подпольной водки» была фантастически мала и не шла ни в какое сравнение с ценой на нее, которая в результате устанавливалась ниже легально производимой. Бюджеты ничего не получали от этого бизнеса, с которым срослись многие местные власти. Более того, от недоброкачественной водки, а она производилась даже из технического спирта, гибли люди.

Мы решили разрубить этот «узел»: резко ограничили импорт этилового спирта, ударили по контрабанде, установили, что заводы, производящие в России этиловый спирт, должны быть только государственными – либо унитарными, либо акционерными с контрольным пакетом в руках государства, – квотировали производство спирта на этих заводах.

Квотировали получение этилового спирта и для пищевого потребления. Когда мне показали заявки различных министерств и ведомств, я схватился за голову: абсолютно все – не буду перечислять – настаивали на получении спирта, причем в больших количествах, обос-

новывая крайней необходимостью для дела, – именно не технического, а пищевого спирта.

Был установлен контроль на заводах, производящих водку – на многих из них, условно говоря, работала «налево» третья смена. Резко сократили число оптовых баз. В МВД была создана межведомственная комиссия, возглавляемая сильным работником – заместителем министра Владимиром Абдуалиевичем Васильевым, который постоянно докладывал о результатах. В тот период милиция развернула серьезную борьбу с подпольным производством, но я сказал Васильеву: «Ваша задача не просто уничтожить “левую” продукцию, а сделать так, чтобы вновь не восстанавливались подпольные цеха». Итогом было резкое, в течение двух месяцев, повышение сбора налогов от спиртоводочного производства – в 1,5 раза.

Мы не пошли на национализацию и в этой сфере, но ввели государственный контроль, государственное регулирование. Не пошли и на увеличение акцизных сборов – вне всякого сомнения, подорожание спиртоводочных изделий привело бы к росту подпольного производства. А ведь были, да и сейчас они есть, те, кто требовал увеличения акцизов, исходя из узковедомственных соображений и не считаясь с тем, что в целом страдает бюджет. Выступая на заседании Государственной Думы по вопросу об исполнении федерального бюджета за первое полугодие 2000 года, председатель Счетной палаты С.В. Степашин, в частности, сказал: «Имели место, на наш взгляд, и очевидные ошибки. Именно такой является ошибка, связанная с повышением акцизов на спирт и водку. Счетная палата многократно обращала внимание на эту проблему. Мы предупреждали, что необоснованное увеличение акцизов на водку и ликеро-водочные изделия может привести к росту цен на эту продукцию, что закономерно, и падению легального производства, сокращению налогооблагаемой базы и недобору акцизов. Исполнение бюджета на первое полугодие показывает, что все

так и произошло. Ежегодные потери бюджета по этой статье оцениваются нами в 20 миллиардов рублей, в том числе федерального в 10 миллиардов».

К слову, предупреждали о неизбежности такого финала и мы – говорили об этом руководителям правительства М.М. Касьянова. Жаль, что не прислушались и не взяли в учет практику нашего кабинета.

Конечно, имели место промахи и у нас. Например, следовало бы, очевидно, более решительно вторгаться в розничную торговлю водкой. Вместе с тем я уверен, что наше правительство во всяком случае не допустило бы отката от взятого курса, а, напротив, усовершенствовало бы его. Тем более что мы начали серьезно изучать вопрос о введении государственного контроля на импорт и производство табачных изделий.

Идя на все это, мы бросали «перчатку» мощным силам, связанным с подпольным производством, приносящим баснословные прибыли. Но на активную борьбу против правительства, тем более открытую, они пойти в тот момент не посмели.

III. Госсобственность приносится в жертву?

Понятно, что весь комплекс вопросов обеспечения экономического роста в России рассматривался нашим правительством с целью создания оптимальных условий для функционирования предприятий всех видов собственности. А как обстояло дело на период перехода к рыночным отношениям с управлением той собственностью, которая непосредственно принадлежит государству?

Одной из первых встреч в Белом доме был «вызов на ковер» всего руководства Мингосимущества. Министер-

ство занималось в основном, а по сути целиком продажей принадлежащей государству собственности. Отчисления от сделок, которые получало, да и в настоящее время получает министерство, были немалые. Не скажу, что все они бесполезны – нужно было оснастить министерство, его представителей в центре и на местах техникой, – но все-таки достаточно большие премиальные тоже подстегивали руководителей сотрудников этого ведомства все больше смотреть в одну сторону – в сторону продажи принадлежащих государству акций предприятий.

Существовал план таких продаж, который далеко не во всем был выверен с точки зрения государственных интересов – и по размеру пакетов акций, подлежащих передаче в частную собственность, и по цене. Мы запретили, например, продажу очередных 25 процентов принадлежащих государству акций «Связьинвеста». За три месяца до этого аналогичный пакет был продан за 1,8 млрд долларов – теперь меня уверяли, что цена не может быть выше 600 млн долларов и следует с ней согласиться. Позже, когда я прочел перепечатанную «Московскими новостями» главу из новой книги Дж. Сороса, многое стало яснее. По словам Сороса, Березовский «искренне верил, что он и другие олигархи оплатили переизбрание Ельцина, а правительство теперь отказывается выполнять условия сделки, проводя честный аукцион по «Связьинвесту»».

Вне поля зрения Мингосимущества практически оказалось рациональное использование средств на предприятиях, принадлежавших государству, или в акционерных обществах с участием государства. А в России около 14 тыс. государственных унитарных предприятий, 23 тыс. учреждений и почти 4 тыс. акционерных обществ с государственным пакетом акций, в половине из них – контрольным. Парадокс заключался в том, что бюджет получал от всех государственных предприятий в виде дивидендов меньше 1 млрд рублей в год! Когда я остро

поднял этот вопрос, министр Ф.Р. Газизуллин, в целом хороший специалист (мне было очень жаль, что через некоторое время он перенес сердечный приступ, но, слава Богу, выздоровел), сказал: «Я дожил до тех времен, которые близки мне. Я понимаю жесткость постановки вопроса и по продаже госимущества – необходимость выпускать на рынок, продавать акции не ради распродажи, а только в интересах государства и только по таким ценам, которые выгодны, – и по вопросам менеджмента на унитарных или иных предприятиях с государственным участием».

Было ясно, что следует незамедлительно менять в советах директоров предприятий и учреждений коррумпированных представителей государства, которые закрывают глаза на махинации, приводящие к занижению прибыли, или далекие от нужд производства расходы. Государственные представители или, точнее, так называемые государственные представители закрывают глаза на то, что через амортизационные отчисления, реинвестиции, обслуживание кредитов, создание дочерних обществ и так далее искусственно занижается чистая прибыль. А после того как эта чистая прибыль фиксируется в явно уменьшенном размере, совет директоров с участием «государственных представителей» очень часто голосует не за выплату дивидендов в бюджет, а за «дополнительные инвестиции», оборачивающиеся в шикарные офисы компаний, роскошные автомобили, дома отдыха, коттеджи. Что касается простых работников, то они получают низкую зарплату, да и то с задержкой.

Нужно было кончать и с практикой направления в качестве государственных представителей небольшой группы лиц – каждый из них представлял государство подчас в десятках компаний. Естественно, что такое «представительство» могло быть лишь формальным.

Если говорить об *учреждениях* с государственным участием, в первую очередь это относится к электронным

средствам массовой информации, то и здесь «представители государства» не только не проводили политики, защищающей интересы общества, но и самоотстранялись, не желая «портить отношения» с олигархами, а подчас попросту прислуживая им.

Одновременно с постановкой вопроса по улучшению системы подбора представителей государства в советы директоров контролируемых им предприятий и учреждений обозначилось начало курса на привлечение региональных и муниципальных органов власти к управлению такими предприятиями в тех случаях, где это ведет к росту эффективности. Такую линию мы стали проводить в угольной промышленности. Об этой практике высоко отзывались губернаторы А.Г. Тулеев и А.И. Лебедь.

Мы несколько продвинулись, но не могу сказать, что нам удалось создать перелом в работе Мингосимущества, коренным образом изменить навязанную псевдолибералами идею, отвергающую сам принцип эффективного управления принадлежащими государству компаниями. Нужно, дескать, передать все в частные руки. В связи с этим «постулатом» завязалась борьба, но либо сопротивление было отчаянным, либо нам не хватило решительности, либо поджало время, но далеко не во всем правительство смогло довести дело до конца.

Наиболее остро до сих пор стоит вопрос об отношении к естественным монополиям – «Газпрому», МПС, РАО «ЕЭС». Какой подход избрать: их приватизационное раздробление, как рекомендовал МВФ, или сохранение при определяющем государственном участии? Мы твердо заняли позицию на сохранение естественных монополий под государственным контролем. При этом далеко не последнюю роль играет та особенность естественных монополий, что они своим существованием скрепляют единство России, являясь инструментом антисепаратистских тенденций.

Но стремление сохранить естественные монополии как единые организмы отнюдь не означало согласие на их всевластие. Государство должно было взять и взяло курс на регулирование цен и тарифов. Наше правительство стремилось и добивалось того, чтобы предотвратить необоснованный рост цен на продукты и услуги естественных монополий, исключающий опережение этих цен по сравнению с ценами на промышленную продукцию. Без этого – мы хорошо это понимали – невозможно обеспечить снижение затрат на производство, повышение конкурентоспособности отечественной продукции, экономического роста в целом.

Остановлюсь несколько подробнее и на событиях, связанных с двумя наиболее крупными нефтяными компаниями, в которых государство владело контрольным пакетом акций, – это «Славнефть» и «Роснефть». Компании были доведены до тяжелейшего финансового состояния. Мы приняли решение срочно заменить руководство, а не распродавать их, что лишило бы государство собственности, а следовательно, и позиций в такой важнейшей для России отрасли, как нефтедобывающая. Поиски соответствующих кандидатов на руководящие должности были нелегкими. Мы «продирались» через лоббирование, стремление протолкнуть своих людей. Следы вели к олигархическим группам, пытавшимся не только отхватить новый «лакомый кусок», но и, сговорившись между собой, монополизировать отрасль. Иными словами, через своих представителей кое-кто хотел провести скрытую приватизацию. На том этапе не вышло.

Президентом «Славнефти» стал В.М. Дума. Он пришел в компанию, когда она находилась на грани банкротства. Задержки по зарплате достигали 7 месяцев, недоимка перед федеральным бюджетом составляла около 500 млн рублей, а долги зарубежным кредиторам приближались к 200 млн долларов. Вскоре «Славнефть» рассчиталась по всем истекшим кредитам западных бан-

ков, полностью с бюджетом и погасила долги по зарплате. В первом полугодии 1999 года «Славнефть» стала одной из трех российских компаний, которые увеличили объем добычи нефти по сравнению с аналогичным периодом 1998 года. Прибыль компании по итогам шести месяцев 1999 года выросла по сравнению с тем же периодом 1998 года в 4 раза. «Славнефть», пожалуй, стала единственной компанией, которая после 17 августа получила новый западный кредит на развитие нефтедобычи.

С.М. Богданчиков возглавил компанию «Роснефть» осенью 1998 года, когда над ней также нависла угроза банкротства. Он поставил деятельность компании под жесткий контроль. «Роснефть» реструктурировала свои обязательства перед кредиторами и почти погасила их. За первую половину 1999 года ее прибыль выросла в 17 раз по сравнению с тем же периодом 1998 года.

Кстати, в тяжелейших бюджетных условиях зимой 1998 года именно «Славнефть» и «Роснефть» помогли правительству решить проблему замерзающих регионов.

Возможно, в деятельности этих руководителей были слабые и даже негативные стороны, но я сужу по тем быстрым и решительным переменам к лучшему – а они несомненны, – которые произошли в порученном им деле.

Правительство взяло курс на создание одной мощной государственной нефтяной компании – не путем национализации, а через объединение «Славнефти», «Роснефти», нескольких других нефтяных компаний, в которых государство владело контрольным пакетом акций. В.Б. Булгак и министр энергетики С.В. Генералов по моему заданию подготовили соответствующий проект постановления правительства. Речь шла о постепенном процессе – сначала создании государственного холдинга, а затем объединении всех компаний в единое целое. Тогда в руках у государства была бы вторая по масштабам добычи нефти (после «Лукойла») компания, и если учесть, что в государственных руках была еще и «труба» – «Транснефть»,

через которую осуществляется весь нефтяной экспорт страны, то совершенно ясно, кто обладал бы реальными рычагами воздействия на обстановку. При сохранении частного предпринимательства наличие таких государственных рычагов – я в этом уверен – дало бы нам возможность не только более последовательно и в интересах всего общества регулировать экспортные пошлины, которые мы успели ввести, но и в определенных пределах влиять на внутренние цены на бензин, горюче-смазочные материалы, препятствовать их спекулятивному взлету. Мы исходили и из того, что национальная нефтяная компания будет представлять государство в Соглашениях о разделе продукции, координировать работы НИОКР в масштабах всей отрасли, готовить кадры. Мощная нефтяная компания с контрольным государственным пакетом акций давала возможность решать основную часть проблем по обеспечению нефтепродуктами бюджетных потребителей – Минобороны, МВД, оборонную промышленность, – представлять правительство в международных проектах. При этом для нее не предусматривались, естественно, никакие директивные функции или льготы.

Против идеи создания мощной государственной нефтяной компании выступили олигархи, связанные с нефтяным бизнесом. Конечно, не в открытую, но с использованием всех своих лоббистских возможностей. А времени у правительства на осуществление своего плана не оказалось.

Я думаю, что попытка создать мощную государственную нефтяную компанию тоже была одной из причин того, что нас отправили в отставку. В этом убеждают и последовавшие за отставкой события. Проект создания такой компании был похоронен. Начался передел собственности и в этой области. Произошло смещение со своего поста президента «Транснефти» Савельева. Он был назначен на этот пост моим предшественником, С.В. Ки-

риенко. Но это для меня не имело никакого значения, так как работа Савельева и его команды была в целом эффективной. Общие затраты за 1998 год у компании снизились на 12 % по сравнению с 1997 годом. Количество аварий на трубопроводах уменьшилось в несколько раз (одним из главных показателей работы «Транснефти» является снижение издержек и обеспечение стабильной работы трубопроводной системы). Активно шла работа по реализации такого жизненно важного для России проекта, как Балтийская транспортная система, что ущемляло интересы тех, кто экспортировал нефть через страны Балтии. Реальные причины смещения Савельева в целом не имели ничего общего с государственными интересами.

Компании с государственным контрольным пакетом акций отнюдь не избежали многих нарушений. Уже будучи депутатом Госдумы, 25 февраля 2000 года слушал сообщение тогдашнего председателя Счетной палаты Х.М. Кармокова. Вот некоторые примеры, приведенные им. При полном игнорировании постановления правительства о предельном превышении оклада руководителей над минимальной зарплатой работников акционерных обществ с государственным контрольным пакетом председатель РАО «ЕЭС России» Бревнов в 1997 году получил в виде вознаграждения за девять месяцев 230 тыс. долларов при средней месячной зарплате работников компании 1800 рублей, да еще и трехмесячной задолженности. Государственная компания «Росвооружение» в 1992–1997 годах вложила в уставные капиталы или в виде пополнения оборотных средств 61 организации 100 млн долларов США, получив в виде дивидендов 2,2 млн. Министерство путей сообщения вносит вклады в уставные капиталы 685 коммерческих структур с получением 4,17 процента от суммы вклада. Нужно ли говорить о несопоставимости этих процентов с теми, которые берутся за кредиты в России и за рубежом?! Что скрывается за такой «дешевизной» вложений?

Естественно, что государственная регулирующая и контролирующая линия должна отчетливо проявляться в обеспечении не только *входа* предприятий всех видов собственности в эффективную экономическую деятельность, но и *выхода* в случае нарушения ими законов. Очень остро в это время стоял вопрос о банкротстве предприятий. Необходимость этой меры при переходе к рыночному хозяйству была очевидной. Но как осуществлялось преобладающее число банкротств?

Одни из них были «на грани», а иногда и просто преступлениями. Примером может служить случай с «Пурнефтегазом». В результате тщательно спланированной аферы государство, не вмешайся правительство, могло лишиться одной из своих нефтедобывающих компаний — дочернего предприятия «Роснефти». Используя все законные — хочу это подчеркнуть особо — средства, несмотря на дикое сопротивление и специально созданную тяжелую юридическую ситуацию, мы предотвратили сделку, по которой за 10 млн долларов «выкупался» пакет государственных акций на 600 млн долларов у обанкроченного «Пурнефтегаза».

Большинство российских промышленников буквально негодовали по поводу изобретенной псевдолибералами модели так называемого «ускоренного банкротства». Эта модель не имела ничего общего с укреплением реального сектора экономики. По идее большинство подлежащих банкротству предприятий должно было сдаваться либо в аренду, либо в управление опытным менеджерам, которых следовало подбирать по конкурсу. И то и другое нужно было для того, чтобы поставить предприятие «на ноги», а затем решать, как, в какой форме, с долевым участием государства или нет, его вновь приватизировать.

А как было на самом деле? С обанкротившегося предприятия снимали все самое ценное — станки, компьютеры, помещения сдавали, работников выбрасывали на улицу.

Это происходило потому, что зачастую банкротство оказывалось не правовой процедурой, а закрытым «междусобойчиком».

Уже находясь в Думе в качестве депутата, я присутствовал при обсуждении в первом чтении проекта закона об оздоровлении предприятий, представленного главой Федеральной службы России по финансовому оздоровлению и банкротству.

Проект закона отклонили – в нем по сути отсутствовали критерии, по которым предприятие подлежит финансовому оздоровлению. Не было прописано должным образом, какие рычаги имеет государство, для того чтобы не допустить вседозволенности временных управляющих, каковы границы их функций, наконец, что делать с долгами предприятий, подпадающих под категорию «несостоятельных», с начисленными за невыплату этих долгов пени и штрафами. Неужели опять кое-кто стремится все привести «на круги своя»? Конечно, вопрос риторический, конечно, «кое-кто» стремится к этому...

Еще одна немаловажная проблема – роль военно-промышленного комплекса в деле общего развития российской экономики. В Советском Союзе была высокая концентрация самого передового интеллектуального и технико-технологического потенциала именно в военно-промышленном комплексе (ВПК). Милитаристский перекос в экономике – я здесь не собираюсь рассматривать комплекс причин этого, в том числе объективных, – был негативным явлением. Но так сложилось, и при переходе к рыночным отношениям это негативное явление можно было бы использовать как несомненное преимущество для модернизации производства. Между тем в 90-е годы конверсия военного производства не была осуществлена в интересах технического прогресса в экономике. Опять та же схема: предприятия этой огромной и хорошо оснащенной сферы, но специализирующиеся на выпуске

чисто военной продукции, попросту «бросили» в рынок. Учитесь, дескать, «плавать» сами – и без целенаправленного использования потенциала ВПК, да еще в условиях резкого сокращения бюджетных выплат по госзаказу на оснащение новой техникой Вооруженных сил. Это предопределило плачевное состояние многих предприятий.

Сказалось, по-видимому, желание избавиться от «флюса» — в отраслях военно-промышленной сферы создавалось до 70 процентов ВВП. Однако мало кто задумывался о целесообразности государственного регулирования, направленного на планомерное использование таких огромных ресурсов для развития экономики в целом, чтобы высоко оснащенные предприятия перестраивались на производство продукции, столь необходимой для модернизации других отраслей промышленности и сельского хозяйства, а не на выпуск, условно говоря, тоже пользующихся большим спросом на рынке сковородок и утюгов.

Вообще если говорить о преобразованиях в ВПК, то представляется, что нужно начинать с потребностей Вооруженных сил и, следовательно, определения той части военно-промышленного комплекса, которая обеспечивает эти потребности по государственному заказу. Далее – возможные масштабы экспорта «традиционной» для ВПК продукции, но не вчерашнего дня (такую не купят), а современной, с обязательным отчислением от экспортной прибыли значительного процента на научно-исследовательские и опытноконструкторские работы с целью более быстрого перехода к новым поколениям вооружений. Остальная часть целенаправленно при государственных вложениях должна переориентироваться на такое гражданское производство, которое необходимо для решения задач модернизации и оживления экономики.

Тенденция к стабилизации экономики наметилась уже в октябре 1998 года. Если в сентябре спад производства к соответствующему месяцу 1997 года стал опасно

глубоким – 14,5 процента, то в последующем его глубина медленно сокращалась: в октябре – 11,1 процента, в ноябре – 9,1, в декабре – 6,6, в январе 1999 года – 4,9, в феврале – 3,7 процента, в марте – не ниже, чем в марте 1998 года. Замедление промышленного спада переросло в подъем производства. В апреле уже был превышен уровень апреля предшествовавшего года на 1,5 процента. Есть основания считать, что к моменту ухода правительства появилась тенденция, ведущая к устойчивому промышленному росту.

Так или иначе, но, по ретроспективным уточненным данным, опубликованным в мае 2001 года Госкомстатом России, пик экономического роста в Российской Федерации был пройден не в 2000 году, как считалось раньше, а в третьем квартале 1999 года. С тех пор рост ВВП в России хотя и продолжался, но гораздо меньшими темпами. По уточненным данным, в третьем квартале 1999 года рост ВВП достиг 10,8 процента от уровня того же периода предыдущего года.

Составленный нами и принятый Думой бюджет на 1999 год был выполнен *полностью*. Это было, пожалуй, впервые за 90-е годы, а может быть, и ранее, так как тогда проверить точность реализации бюджета было невозможно: он сам и его выполнение были далеко не транспарентны.

Впервые за все 90-е годы бюджет был такой жесткий. Доходов было в обрез. Главная задача заключалась в том, чтобы не расширять расходы. Мы отсекали все популистские мотивы, включили в расходную часть только то, что могли реализовывать. И тем не менее бюджет был сверстан так, что доходы превышали расходы. Впервые с целью погасить накопленные задолженности был установлен первичный профицит, который достиг 2 процентов.

Многим было выгодно преподносить достижения правительства в экономической сфере исключительно как

следствие девальвации рубля, которая действительно подтолкнула к росту продукции экспортных отраслей промышленности. Сказалась и необходимость импортозамещения в условиях сокращения ввоза готовой продукции, последовавшего за кризисом августа 1998 года.

Некоторые наши оппоненты попытались даже представить дело таким образом, будто кризис 17 августа был чуть ли не спланирован с целью создать такие благоприятные условия. При этом затушевывалось, что кризис породил такого масштаба негативные последствия, которые без решительного и целенаправленного противодействия со стороны правительства не только не позволили бы воспользоваться обстоятельствами, подтолкнувшими к импортозамещению, или ростом прибылей от экспорта, но вообще столкнули бы страну в экономическую пучину. Игнорировались и те меры, которые мы предприняли с целью активного использования благоприятной конъюнктуры. Но они оказались решающими для подъема экономики. Кстати, проведенный анализ источников роста внутреннего спроса показал, что результатом импортозамещения стала примерно одна четверть от общего прироста.

Несостоятельны также попытки представить поворот к лучшему, происшедший за восемь месяцев нахождения правительства у власти, как результат главным образом роста мировых цен на нефть. Безусловно, нельзя игнорировать плодотворное для нас влияние этого. Однако стабилизация и поворот к лучшему произошли (и были признаны даже международными финансовыми организациями, о чем речь впереди) до роста цен на нефть, начавшегося лишь в марте 1999 года и принесшего свои основные плоды уже после нашей отставки.

Вот так и создавались нашим правительством условия для политической и социальной стабилизации в России, в то время как во всем мире гадали: выдержим ли, не рухнет ли страна в пропасть.

Когда стал председателем правительства, то сверхзадача на тот момент, да может быть и на более поздний, заключалась в том, чтобы пройти между диктатурой и хаосом. Думаю, что для этого был найден правильный путь – усиление роли и повышение эффективности государства.

Опасно для рыночной экономики, да и для общества в целом не сильное государство, опирающееся на право и надежно действующие демократические процедуры, а слабое государство, которое даже из лучших побуждений пытается вмешаться в хозяйственную жизнь и другие сферы жизни страны, общества, людей, но на деле является орудием противоборствующих влиятельных групп. Как говорил Ф.Д. Рузвельт, «сильное, деятельное государство никогда не вырождается в диктатуру. Диктатура всегда приходит на смену слабой и беспомощной власти».

Конечно, правительство занималось не одной экономикой. Мы стремились развернуться лицом и к проблемам науки, образования, культуры – и не только через акцент на своевременную выплату заработной платы, погашение долгов работникам этих сфер, строгое финансирование их по федеральному бюджету. Нужно было многое исправлять.

Мне доложили о том, что буквально накануне дефолта наши предшественники приняли постановление правительства № 600, утверждавшее программу экономии государственных расходов. Программа сама по себе была, несомненно, нужна. Экономия государственных средств должна была в первую очередь охватить необоснованные, подчас «купеческие» расходы чиновничьего аппарата, главным образом высших чиновников, – в частности, строительство государственных дач, еще и еще, в то время когда не хватает жилья, детских учреждений. Но следовало идти глубже, перестраивать неэффективную систему социальных льгот, исключать нерациональное использование бюджетных учреждений, сокращать гро-

моздкий управленческий аппарат, избавляться от дублирования в работе федеральных органов исполнительной власти, наводить строгий порядок в использовании средств федерального бюджета в Вооруженных силах.

Между тем наряду с обоснованными и необходимыми мерами программа предусматривала «экономии» за счет снижения на 30 процентов и без того мизерных стипендий студентов учебных заведений среднего и высшего профессионального образования. Предполагалось даже «возмещение» студентами затрат на содержание объектов социальной сферы учебных заведений, в том числе «коммунальных, бытовых и других услуг, не связанных с учебным процессом».

Постановлением нашего правительства от 11 декабря 1998 года мы приостановили реализацию таких, с позволения сказать, «оздоровительных» мероприятий. Отменили мы и «экономии» за счет введения нормативов, по существу предусматривающих чрезмерную нагрузку на преподавателей вузов, начальных и средних школ. Радетели «экономии государственных расходов» додумались даже до отмены надбавок и доплат учителям за классное руководство, проверку письменных работ, заведование учебными кабинетами и лабораториями, за ученую степень в научных учреждениях и вузах. Наше правительство своим постановлением от 11 декабря отменило и это.

Совершенно естественно, что мы отменили также предложение предыдущего правительства о «сокращении расходов на фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу». При нашем правительстве впервые были полностью выплачены все запланированные в бюджете средства Академии наук Российской Федерации. Конечно, их было явно недостаточно, но выплата бюджетных средств, в которых ранее просто отказывали, все-таки могла вести к долгожданному перелому.

До сих пор не верю, что образованный и умный Кириенко сознательно включил в перечень источников экономики государственных средств уменьшение и без того ничтожно малых зарплат учителей, преподавателей вузов, стипендий студентов, финансирования фундаментальных исследований! Это просто не укладывается в голове. Помимо всего прочего это ведь мизерная экономия, которая одновременно приносила огромный вред стране. Может быть, он не прочел внимательно всю пухлую программу? А может быть, ее подготовили опять-таки под лозунгами псевдолибералов, отстаивающих принцип сведения к абсолютному минимуму государственных инвестиций в образование, культуру, искусство?

Но дело даже не ограничивалось государственными инвестициями. Чиновники от Министерства финансов ввели практику, больно ударившую по театральным коллективам, научным организациям, вузам, другим учреждениям образования, культуры и искусства. Из-за недостаточного государственного финансирования их выживаемость, а очень часто жалкое существование, была связана с внебюджетной деятельностью. В начале 1999 года в Белый дом ко мне пришли три выдающихся режиссера – руководители известных театральных коллективов – МХАТа, Ленкома, «Современника» – Олег Ефремов, Марк Захаров и Галина Волчек. Было горько слышать, что лучшим театрам России приходится изворачиваться, искать спонсоров, упрашивать их помочь (не все ныне в России Третьяковы или Морозовы), сдавать в аренду помещения, с тем чтобы приобретать театральный реквизит, финансировать новые постановки, не вздымая до потолка цены на билеты. И что же? Минфин потребовал, чтобы все эти средства были изъяты со счетов коммерческих банков и размещены на беспроцентных счетах казначейства.

– Если не верят, что мы расходуем их не на себя лично, – возмущался Олег Ефремов, – то пусть контролируют

до копейки. Но мы опасаемся того, что чиновники будут решать, на какие конкретные производственные расходы пойдут нами же самими обеспеченные средства.

Вызвал министра финансов и, несмотря на его протесты, дал указание отменить эти предписания. Добавил, что жуликов следует искать не среди интеллигенции, тем более лучших ее представителей, а в той предпринимательской среде, от которой часто министерства стыдливо отводят свой взор.

Аналогичная ситуация до сих пор продолжает существовать в отношении научно-исследовательских институтов. С какой болью говорили президенту Путину встретившиеся с ним летом 2000 года выдающиеся ученые о том, что руководителям научно-исследовательских коллективов запрещают тратить заработанные внебюджетные средства на доплату исследователям, издание их трудов, научные командировки.

– Что, нас принимают за жуликов, не верят, что истратим заработанные средства так, как необходимо? – вопрошал один из присутствовавших на встрече.

Президент согласился с приведенными доводами.

ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ – ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИИ

I. Коррекция федерализма

Стремясь к перемене курса в области экономики, усилению его социальной направленности, политической стабильности в обществе, сохранению роли России в качестве великой державы, нельзя было обойти стороной проблемы государственного устройства. Я несколько раз выступал по этим проблемам и на Совете Федерации, и на совещании с руководителями органов местного самоуправления, и на Всероссийском совещании по вопросам развития федеративных отношений, а уже после ухода с поста премьера – на «круглом столе», организованном Советом по внешней политике по инициативе движения «Отечество – Вся Россия», которое тогда возглавил. Так что в недостаточном интересе к этой огромной важности проблеме обвинить нас было бы трудно.

Прежде всего нам в правительстве, так же как и очень многим в нашем обществе, было понятно, что характеристика России в Основном законе в качестве демократического федерального правового государства является не констатацией уже свершившегося, а целью, которую следует достичь. За плечами был опыт Советского Союза и РСФСР – далеко не во всем порочный, но к истинному федерализму эти по сути унитарные государства даже не приближались. Что касается нынешней России, отказавшейся от унитарной системы государственного

устройства, страны с многонациональным и многоконфессиональным составом населения и огромными территориальными различиями в экономических потенциалах, то ее возврат к прошлому абсолютно невозможен. Я полностью себя причисляю к тем, кто считает федерализм двойной гарантией для России – и в плане сохранения и укрепления ее единства, и в деле развития демократической политической системы, исключающей произвол как центральных, так и региональных властей. Иного, как говорится, не дано.

В последнее время начали звучать голоса тех, кто отражает другую тенденцию – не к унитарному устройству, а, напротив, к обособленности регионов, большей их «независимости». Это – прямой путь к ликвидации Российского государства, которое не может и не будет существовать без единой конституции и главенства общих для всех законов, без охвата вырабатываемой политикой всей территории страны, без единого экономического, оборонного, научного, информационного, культурного пространства, без единой внешней политики. Нужно отдавать себе отчет в том, что конфедеративное государственное устройство для России – это, по жизни, конгломерат удельных княжеств. О таком только и мечтают недруги России и за рубежом, и у нас.

Сепаратистские тенденции и процессы стали развиваться в нашей стране, в том числе и по вине ее руководителей.

В России вообще не привыкли обходиться без крайностей. Категорически отказываясь от унитарной системы, что, несомненно, правильно, одновременно субъектам Российской Федерации предложили: «Берите столько суверенитета, сколько можете переварить». Сразу же возникли требования собственности на национальные недра, несмотря на то что, как правило, так называемая «титульная» национальность составляла на данной территории меньшинство или крайне незначительное боль-

шинство, а месторождения природных богатств были открыты и освоены людьми со всего Советского Союза. Тогда им говорили: «Хорошо, будете получать “львиную долю” доходов от добычи ресурсов».

Естественно, мы далеко не во всем можем копировать мировую практику. Да и условия у нас не совпадают с зарубежными странами. Например, в федеративном государстве США нет национально-территориальных образований, а только штаты со смешанным населением. Там каждый штат, а в Федеративной Республике Германии каждая земля наделены значительными полномочиями. Однако все они сохраняются как объекты административного управления по целому ряду направлений со стороны центра, не терпящего никакой «самостийности». Во многих странах, даже, может быть, в большинстве, государству, обществу принадлежат все недра, даже вне зависимости от формы собственности на землю.

Таким образом, вопрос: нужно или нет федеративное устройство для России? – так для трезвомыслящих политиков стоять, очевидно, не может. Но каким быть этому федерализму? Как взаимообусловить исполнение власти на трех «этажах» – федеральном, региональном и местном? Как совместить необходимость создания наилучших условий для обеспечения самобытности национально-территориальных образований, эффективного регионального хозяйствования с не менее очевидной необходимостью установления равных прав и обязанностей всех субъектов Федерации на едином экономическом пространстве?

С учетом сегодняшней российской действительности, как мне кажется, следовало бы поставить *в первую очередь* ряд конкретных вопросов федерального строительства.

Первое. По действующей Конституции, федеральные и региональные органы исполнительной власти образуют единую систему в Российской Федерации. Однако разве не ясно, что для претворения в жизнь этого прин-

ципа нужна реальная «вертикаль» исполнительной власти, которая предполагает сочетание четкой дисциплины с отношениями партнерства и взаимного уважения конституционных прав каждого уровня власти?

Между тем у нас до сих пор не выработаны «правила поведения» между федеральным центром и субъектом Федерации. Нет и «правил поведения» в отношениях между субъектом и местным самоуправлением. Нет четкого разделения функций, не определены компетенции и ответственность, закрепленные за каждым уровнем власти.

Иногда сравнивают губернатора или президента национальной республики по сосредоточенной у них в руках власти с секретарем обкома в советский период. Я думаю, что они обладают большей властью, чем бывшие партийные руководители. Ни в коей мере не выступая в качестве апологета существовавшей в советские времена практики, можно констатировать, что секретари обкома в гораздо большей степени зависели от центра через ЦК, Госплан, наконец, через спецслужбы, контролем над которыми не обладали. Они назначались и снимались с работы центром. В сегодняшней России не только возникла, но и усилилась тенденция превращения ряда руководителей субъектов Федерации в «удельных князей». Аналогичная картина наблюдается и в отношениях между губернаторами и мэрами областных городов. О каком с учетом всего этого эффективном управлении страной может идти речь, если вместо прямых каналов управленческого воздействия существуют какие-то «пунктиры»? Это все равно что пытаться звонить по телефону, а телефонный кабель в нескольких местах порван или, если переключать на нашу действительность, вырезан и продан.

Совершенно очевидно, что в сложившихся условиях абсолютно правомерна постановка вопроса не об отказе от всенародных выборов губернаторов и руководителей

национальных республик, хотя и эта проблема имеет право на существование, но о большей их ответственности перед федеральным центром. Мне с самого начала представлялось – и я об этом заявлял открыто, – что необходимо принятие законов, позволяющих отстранить даже избранных деятелей, которые идут против Конституции или законов Российской Федерации. Это относится и к руководителям органов местного самоуправления, которые к тому же подчас игнорируют законодательные акты, принятые на уровне субъектов Федерации.

Второе. В целом ряде случаев взаимодействие между центром и регионами определила договорная практика. Чего скрывать – у такой практики есть противники. Но мы хорошо знаем, что договоры появились вначале не от хорошей жизни. Слава Богу, что забыты те времена, когда они были политическим инструментом предотвращения региональных и национальных конфликтов.

С учетом прожитого и при реальной оценке настоящей очевидно, что отказ от построения отношений федерального центра с субъектами Федерации на основе договоров мог бы быть расценен как очередной виток «шоковой политической терапии», что по меньшей мере контрпродуктивно. Вместе с тем следовало бы постепенно (хочу подчеркнуть – не разом, «не сплеча») совершенствовать договоры в двух направлениях: более четко прописанных «вертикальной» линии исполнительной власти и «горизонтальной» линии, сближающей все субъекты Федерации в их правах и обязанностях.

Так действовало наше правительство, переподписав с Татарстаном несколько соглашений, срок которых истек. Эти соглашения, не перечеркивая подписанные ранее, тем не менее были с обоюдного согласия откорректированы. Такая линия нашла полную поддержку президента Татарстана М.Ш. Шаймиева – человека незаурядного, умного, отстаивающего интересы своей республики, но одновременно понимающего всю деликатность претворения в жизнь принципов российского федерализма.

Таким образом, мы уже наблюдаем совершенствование договорных отношений. Но по-прежнему существуют вопросы, на которые следует получить ответ. Главный из них – как сочетать конкретную договорную практику с общими для всех правилами и ограничениями? Хотя ни одного обращения в Конституционный суд о нарушениях договорами или соглашениями норм Конституции Российской Федерации не было, нам в правительстве стала ясна необходимость ужесточить правовую экспертизу договоров и соглашений. Это, судя по всему, требование времени.

Третье. Одна из задач, подлежащих безотлагательному решению, – сохранение единого общероссийского экономического пространства при большей, чем прежде, экономической самостоятельности субъектов Федерации. Этой цели нельзя достигнуть, если смириться с тем, что регионы могут создавать на своих административных границах искусственные преграды, мешающие свободному передвижению внутри страны продовольствия, товаров, услуг. С таким явлением мы столкнулись и перебороли его, придя в правительство после кризиса 17 августа. Но и позже возникали подобные ситуации, причиной которых являлись уже не экстраординарные события, заставляющие принимать меры для обеспечения «своего» населения продовольствием, а разница в ценах. Между тем запрет на вывоз за пределы субъектов Федерации зерна, мясопродуктов и других товаров не имеет ничего общего с федеральными, да и с рыночными отношениями. Напротив, это серьезно мешает развитию связей между субъектами, ущемляет права производителя, нарушает права и свободы граждан. Наконец, это откровенный симптом сепаратизма.

Четвертое. Существует проблема соотношения между собственностью федеральной, региональной и муниципальной. Мы нередко слышали от представителей регионов: отдайте нам в собственность то или это. Мне

представляется, что нельзя отвергать такую постановку вопроса, и по этому поводу я пришел в противоречие с господствовавшей в Мингосимущества точкой зрения, согласно которой не следует допускать передачи федеральной собственности регионам.

Однако внутренний передел государственной собственности (а собственность субъектов Федерации и собственность на федеральном уровне имеет единый государственный характер) не может быть самоцелью. Истинная цель – повышение эффективности производства, создание лучших условий для функционирования различных предприятий и учреждений. Если власти на местах могут лучше решить эти задачи, то следует в каждом конкретном случае рассматривать их участие в управлении или в акционерном капитале принадлежащих государству предприятий и учреждений.

Но при этом совершенно ясно, что органы власти на местах – речь идет не только о субъектах Федерации, но и о властях, представляющих муниципальную собственность, – должны брать на себя определенные, зафиксированные в соглашениях обязательства. Возможно, следует передавать часть или полностью государственные пакеты акций на таких предприятиях под залог собственности, а также под гарантии инвестиций и занятости. Речь идет, очевидно, не только о предприятиях. На места можно было бы передать многие, не все, естественно, – некоторые из них имеют общенациональное значение, – театры и музеи.

Так что к «Храму» ведут разные дороги. Роста эффективности предприятий и сферы услуг можно добиваться не только приватизацией государственной собственности, но и ее перераспределением.

Пятое. Среди проблем федерализма особое место занимает соотношение финансовых потоков из центра и из субъектов Федерации. Больше всего, пожалуй, споров вызывает практика трансфертов, т. е. переводов из феде-

рального бюджета в бюджеты дотационных субъектов Российской Федерации. Ныне существующие критерии, по которым определяются размеры трансфертов, несостоятельны. Об этом мы говорили на заседании правительства. Министерству финансов было поручено найти пути исправления негодной практики определения трансфертов, как говорится, «на глазок». Не должны иметь места и приводить к необоснованным решениям ни субъективизм центра в этом вопросе, ни лоббирование отдельных субъектов Федерации.

Нам не удалось за небольшой срок надежно привести дело к тому, чтобы в основе расчетов трансфертов лежали реальные доходы на душу населения, стоимость потребительской корзины, а также географические, инфраструктурные и иные особенности того или иного региона.

Не продвинулись мы и в другом, альтернативном направлении. На заседаниях президиума правительства и узких совещаниях с заместителями не раз обсуждалась возможность вообще отхода от трансфертов в их нынешнем виде. Дотационный субъект Федерации получает на определенное число лет, скажем на три года или на четырехлетний период (от выборов до выборов властей), фиксированную ставку на пополнение доходной части федерального бюджета. Она составляет разницу между двумя встречными финансовыми потоками (трансфертами и налоговыми отчислениями в госбюджет), определенную как средняя за тот же предшествовавший срок. Все заработанное и собранное сверх этого остается в распоряжении региона и служит развитию его экономики. Естественно, что на месте заинтересованы в увеличении этой суммы – вот где серьезный резерв и в увеличении сбора налогов. Отчисления в госбюджет пересматриваются в сторону увеличения после истечения фиксированного срока, но опять-таки исходя из необходимости стимулировать рост реального сектора экономики на местах.

Эту схему в беседах со мной поддержал целый ряд губернаторов. Но против нее решительно возражали многие в центре, в том числе в правительстве. Возможно, некоторые из возражавших уповали на то, что трансферты являются серьезным инструментом воздействия на дотационные субъекты Федерации.

Так или иначе, но правительство – это в том числе и моя вина, так как рассчитывал, что успею сделать, а не успел, – радикально не пересмотрело практику трансфертов. Ничего не сделано в этом отношении и преемниками. А во время выборов в Государственную Думу в конце 1999 года кремлевская администрация имела возможность использовать трансферты, бюджетные ссуды в качестве средства давления на руководителей республик, областей, краев, заставляя их организовывать выступления против или в поддержку определенных движений и партий.

Если говорить об общей направленности инвестиций из федерального бюджета, то они, несомненно, должны служить выравниванию сложившихся территориальных диспропорций в уровне социально-экономического развития. Это их главная цель. Но изъятие средств у «доноров» не должно тормозить их развитие. Принцип «всем сестрам по серьгам» – передача средств на потребление дотационным регионам, – несомненно, приведет к торможению экономического развития страны в целом.

Поучительно в этом отношении положение в мировом хозяйстве. Резко отличаются друг от друга «золотой миллиард» – как многие называют промышленно и научно-технически развитые страны с общим населением, составляющим миллиард людей, – и весь остальной мир. Ликвидация увеличивающегося разрыва между ними становится одной из главных проблем XXI века. Однако совершенно ясно, что задачу нельзя решить за счет простого перераспределения доходов. Гуманитарная помощь отстающим странам имеет место, но главное направле-

ние хотя бы относительного выравнивания уровней развития – в производственной кооперации стран «золотого миллиарда» с остальными.

Характерен также пример Германии, где признали серьезной ошибкой практику выравнивания уровня жизни в различных землях за счет передачи на потребление «отстающим» средств, отбираемых у тех, кто преуспевает в экономическом развитии. От такой практики отказались.

В сложившихся условиях особое значение приобретает контроль над целевым использованием средств, переводимых в субъекты Федерации из федерального бюджета. Это переплетается с не менее важной проблемой обоснованности формирования расходной части региональных бюджетов (в том числе муниципальных). На местные бюджеты выпадают выплаты от 60 до 80 процентов медицинским работникам, учителям, работникам культуры. Подчас эти выплаты осуществляются по «остаточному» принципу в расчете на то, что центр все равно «добавит».

Многие на местах хотят больше полномочий по расходам. Представляется, что нужно говорить не только об этом, но и о полномочиях по доходам, об ответственности за их пополнение. Следует установить единые правила формирования доходной части бюджетов, которые обеспечивали бы «прозрачность» методики их составления.

Только с учетом всего этого можно нормализовать встречные финансовые потоки, которые призваны стать кровеносными сосудами единого организма. Речь о том, иными словами, что работать надо сообща, вместе – и федеральным, и региональным органам власти, – чтобы добиться обеспечения достойного уровня жизни населения, создания во всей стране таких бюджетных и финансовых условий, при которых гражданам будет гарантировано получение хотя бы на первых порах социального

минимума вне зависимости от территории их проживания.

Шестое. Укрепление центростремительных процессов в России достигается по линии выверенных отношений не только между федеральным центром и субъектами, но и между самими входящими в Федерацию регионами.

Как это ни звучит странно, имеются территориальные претензии (их немало – около 30) ряда регионов друг к другу. Рост самостоятельности субъектов Федерации породил или усугубил такое несуразное явление. Односторонние изменения административных границ или призывы к этому следует рассматривать как антиконституционные действия, направленные на подрыв целостности страны, ее национальной безопасности. Мы в течение многих лет говорили, но так и не оформили в законодательном порядке мораторий на пересмотр административных границ. Межрегиональные конфликты подчас приводят к дискриминации граждан по национальному признаку, что порождает потоки беженцев и переселенцев, их стихийное расселение в прилегающих регионах. Это ухудшает и без того трудные социально-экономические условия для местного населения, чревато продолжением столкновений. Необходимо повысить ответственность руководителей субъектов Федерации за положение с беженцами. Тут недопустимо препятствовать возвращению людей в места прежнего проживания. Но в такой же степени недопустимы и попытки насильно обеспечить их возврат. Надо исходить из желания людей, каждого человека, наличия реальных возможностей незамедлительно наладить совместную жизнь в регионах, где произошли межнациональные конфликты.

Еще одна проблема – число субъектов Федерации. Сегодня их 89. Не без основания считается, что это не во всем оправданно. Некоторые из них, я подчеркиваю, некоторые можно было бы административно укрупнить.

Но это следует, очевидно, делать через эксперименты. А в нынешних условиях акцент, по-видимому, целесообразен на развитие горизонтальной экономической интеграции целого ряда регионов. В этой связи большую роль уже играют межрегиональные ассоциации.

II. Коррекция центра

Врач-окулист стремится откорректировать зрение пациента. Человеку свойственно – не всем, конечно, а тем, кто достоин этого названия, – корректировать свое поведение. Правда, это чаще происходит ретроспективно, уже после того, как сделано что-то, щемящее душу. Но все это личностное, даже если и не касается только одного лица. Откорректировать на основе нажитого опыта действующую структуру власти куда сложнее, но зато насколько важнее для всего общества. Россия пережила много попыток сделать это революционным путем. Мы все знаем, чем такая, даже, возможно, необходимая, корректировка оборачивалась для простых людей. Сегодня открылась возможность подправить, выровнять, в определенном плане скорректировать структуру Российского государства – не «через колено», а плавно, спокойно. Я думал об этом, когда пришел в правительство. В предыдущем изложении говорилось об идеях, связанных с федеральной конкретикой. Это – одна сторона дела. Если говорить о государственном устройстве, то не меньшее значение имеет, очевидно, коррекция структуры исполнительной власти в центре. Необходимы изменения, в том числе конституционные, которые должны оптимизировать деятельность центральной власти.

Мои непростые отношения с «семьей» не разубедили меня в том, что в России не может идти речь об ослаблении

роли главы государства. Для нашей страны с ее огромным разнообразием народов и регионов, с ее особенной историей и особой психологией наличие сильной президентской власти представляется – во всяком случае на первом этапе перехода к гражданскому обществу – просто необходимым. Но это отнюдь не снимает вопроса о правильном балансе различных ветвей власти – в первую очередь между президентом, парламентом и правительством. Разве это нормально, когда глава кабинета отправляется в отставку без всякого участия в этом процессе парламента? Или когда тот же глава правительства по сути не имеет конституционной возможности самостоятельно формировать кабинет? Или когда парламент вообще отстранен от процесса подбора кандидатур на ведущие посты в правительстве – Государственная Дума утверждает председателя, а все остальное в руках президента.

Желает лучшего взаимодействие правительства с законодателями. Дума, например, критикует, и часто справедливо, исполнительные власти за события на Северном Кавказе. Но при этом на момент написания этой книги так и не приняты законы о чрезвычайном положении, о президентском правлении, об особом статусе Чечни.

Вообще деятельность органов государства в кризисных ситуациях – особая тема. Вызовы безопасности России весьма острые и требуют в первую очередь межведомственного согласования. В таких условиях еще более важное значение приобретает Совет безопасности Российской Федерации. Уверен – говорю это со знанием дела, так как многие годы находился в разных составах Совета безопасности, сначала СССР, а затем России, – этот государственный орган должен не просто выпускать общие, часто аморфные и абстрактные документы, но предлагать конкретные варианты решений. Не просто обсуждать, а реально прогнозировать, с тем чтобы пре-

дотворачивать появление и развитие невыгодных России процессов и ситуаций.

Б.Н. Ельцин сам возглавил Совет безопасности – несомненно, так и должно было быть, ибо этот важнейший орган обязан возглавлять президент. Но он проводил сравнительно редкие заседания СБ в большинстве случаев формально, заранее объявляя, что следует уложиться, скажем, в один или полтора часа. Создавалось впечатление, что само такое заседание собиралось в основном для того, чтобы глава государства имел возможность сказать несколько слов перед телекамерами на фоне безмолвствующих членов Совета безопасности. А ведь именно в те годы страна больше, чем когда бы то ни было, нуждалась в межведомственных обсуждениях и решениях.

При острой необходимости, скорее даже, чтобы продемонстрировать работоспособность власти, президент, когда был либо не в состоянии, либо не расположен к собственному участию, поручал провести заседание СБ председателю правительства, но при этом не преминув (уверен, в этом вопросе тоже «проявлялось» его окружение) назвать мероприятие по-особенному – заседание членов Совета безопасности. Пусть, мол, понимают, что в отсутствие президента вообще невозможен созыв этого органа.

Между тем СБ обязан готовить конкретные рекомендации, которые, конечно же, становятся решениями только после подписания президентом, и никем иным. В повседневной же практике и при вынужденном отсутствии президента работа СБ должна организовываться политическим назначенцем.

Что касается так называемых силовых структур, то, на мой взгляд, они по-прежнему должны «выходить» непосредственно на президента, однако оперативное руководство их деятельностью, например по борьбе с преступностью, нарушениями с выплатой налогов, решению

других задач в экономической области, следовало бы передать главе правительства. Многие беды в России происходили и потому, что искусственно и антиконституционно была раздута и насаждена в виде «центра силы» администрация президента, которая при Ельцине срослась с «семьей» и стала чуть ли не самым главным органом власти, диктовавшим стратегию, тактику, назначения на буквально все мало-мальски значимые должности, вмешиваясь в дела правительства, парламента, регионов. Это ненормальное явление имело частично своим объяснением не лучшую, к сожалению, «форму» президента в связи с его здоровьем. Но существование такого центра – могущественного и одновременно ни за что не отвечающего конкретно – было крайне выгодно и всю поддерживалось отдельными группами олигархов, пробивавших на руководящие посты администрации своих людей.

Во многих странах существуют аппараты президента: в США – аппарат Белого дома, во Франции – Елисейского дворца. Но эти аппараты не имеют ничего общего по своим функциям с кремлевской администрацией. Они обслуживают главу государства через персонал, занятый протоколом, подготовкой речей, связью с представителями СМИ, общественностью и так далее. Когда однажды я спросил руководителя аппарата Белого дома Сунуну, с которым был в добрых отношениях, каково его влияние на президента Буша (старшего), он ответил: «Оно распространяется только на то, что я могу посоветовать президенту принять кого-то, предложить поговорить с кем-то по телефону, посетить тот или иной штат – не больше. Но поверьте, что и это – не мало». Кстати, когда во время одной из своих частных поездок Сунуну воспользовался государственным самолетом, он был вынужден уйти в отставку – таков контроль в США за аппаратом президента.

В 2000 году был создан Государственный совет. Составленный из губернаторов, он мог бы стать тем весьма полезным органом, которому на апробацию направляются проекты важнейших указов президента, постановлений правительства. После их рассмотрения Госсоветом можно было бы «доводить» эти проекты до кондиции с учетом мнения регионов.

Отдельно стоит вопрос о введении должности вице-президента. У нас был неоднозначный опыт, но мы, как представляется, не должны его абсолютизировать. Вице-президент мог бы подстраховывать президента по целому ряду, главным образом протокольных, вопросов. Например, в общении с зарубежными послами. Когда я был министром иностранных дел, то в Кремле стоял рядом с президентом, а напротив выстраивалась целая шеренга – иногда более двадцати человек – для вручения верительных грамот. Процедура была предельно проста: в национальной одежде, в форме при всех орденах или во фраке посол подходил к Ельцину, передавал ему верительную грамоту, тот пожимал иностранному дипломату руку и фотографировался с ним. Место предыдущего тут же занимал следующий. Выглядело это как минимум необычно для дипломатической практики – вручение верительной грамоты сопровождается содержательной беседой с руководителем государства, что становится предметом, может, даже не одной шифротелеграммы, направляемой послом к себе на родину. Естественно, что большое число представителей иностранных государств в Москве предполагает необходимость даже при очень работоспособном президенте проведение его «вице» части подобных процедур. Вице-президент может не только принимать верительные грамоты, но и участвовать в международных встречах высокого уровня, сопровождать главу иностранного государства при его поездке по нашей стране. Россия должна «показывать свой флаг» – визитов ее руководителей ждут во многих странах. Прези-

дент не может без ущерба для внутренних дел осуществлять сам все эти визиты. Главные, несомненно, президент. Менее значимые для России – «вице».

Введение должности вице-президента серьезно укрепит демократический характер передачи высшей власти. Мы уже столкнулись с тем, что Конституция отводит лишь три месяца на организацию и проведение досрочных выборов президента. При наличии поста «вице» этот срок можно было бы увеличить.

Одним словом, пост «вице» может стать важной частью исполнительной власти, при этом он однозначно не может «соревноваться» с президентом, в руках которого должны сохраниться все рычаги власти. Введение поста «вице» ни в коем случае не должно означать превращение президента по его статусу в «английскую королеву». Поэтому я категорически против звучавших в некоторых СМИ призывов передать «вице» координацию деятельности силовых структур или даже поставить его во главе правительства.

Для корректировки и федеральных отношений, и структур в центре, несомненно, необходимо внесение определенных изменений в Конституцию, конституционные законы. Но это отнюдь не означает замену действующего Основного закона. Конституция США, например, насчитывает 200 лет, и главные ее принципы незыблемы, не теряют актуальности. Для России – это прежде всего признание и гарантии основных прав человека, принципы сохранения исторически сложившегося единства нашего государства, гарантии существования гражданского общества и политической стабильности, разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Вместе с тем во всех странах в конституцию периодически вносятся поправки – возникает целесообразность привести отдельные нормы в соответствие с накопленным реальным опытом, заполнить выявившиеся пробелы или устранить перекосы.

Отдельно стоит вопрос о совершенствовании судебной власти. Суд на всех уровнях должен быть независимым, очищенным от элементов коррупции. Хорошо, что президент Путин придает этому большое внимание, что проявилось при подготовке и внесении в Госдуму «пакета» законопроектов по судебной реформе в России.

III. Кровоточащая рана – Чечня

Кризис в Чечне по времени совпал с моим пребыванием в Службе внешней разведки, и в МИДе, и во главе правительства. Хотя СВР и МИД непосредственно не занимались Чечней, но этот кризис не мог не оказаться в фокусе внимания, тем более что я в это время был членом Совета безопасности. Кровавые события, к сожалению, еще далеко не ушли в прошлое. А вот как все начиналось.

В 1991 году отыскивали генерала Советской армии Джохара Дудаева – чеченца по национальности – и привезли его в Грозный на смену неприемлемой для новых властей России старой советской верхушки. Российский парламент трижды – в конце 1991 и начале 1992 года – принимал решение о незаконности дудаевского режима и требовал восстановления конституционного порядка. «Достучаться» до федеральной исполнительной власти в то время по такому вопросу было невозможно. Идеологические «соображения» превалировали над всеми, в том числе над здравым смыслом. Те, кто «правил бал» в то время в окружении Ельцина, не заботились о нормальной обстановке, которую хоть и не в полной мере, но все-таки с трудом удавалось удерживать руководству Чечено-Ингушской Республики. Главное для таких приближенных в то время к Ельцину людей было показать

силу новой власти. Так начался «чеченский эксперимент», столь дорого обошедшийся России.

В республике и за ее пределами получили развитие процессы, которые все туже затягивали чеченский узел. Министерство обороны вывело из Чечни все федеральные силы. Однако большое число вооружений было оставлено Дудаеву, и не только стрелковое оружие – 108 единиц бронетанковой техники, 51 единица боевых и учебных самолетов, зенитные установки, включая зенитно-ракетные комплексы, 153 единицы артиллерии и минометов, включая реактивные системы залпового огня, около 600 единиц современных противотанковых средств, около 750 противотанковых управляемых ракет и т. д. Дудаев укрепил и начал проводить линию на «самостоятельность».

Практически с первых же дней режим Дудаева приобрел криминальный характер. В Чечне устанавливался произвол и царило насилие. Были выпущены из тюрем уголовники. Экономика оказалась разрушенной. Нефтехимический комплекс разграблен. Сельское хозяйство развалено. Безработица достигла небывалых размеров, охватив более двух третей работоспособного населения. Около четвертой части населения Чечни покинуло пределы республики. Многие превратились в беженцев.

В это время возникли мафиозные, криминальные связи отдельных групп российских бизнесменов с чеченским руководством, использовавшиеся для взаимного обогащения. Для этого существовала масса возможностей, в том числе беспрошленный ввоз на территорию Чечни (ведь она считалась частью Российской Федерации) и свободный, не облагаемый никакими налогами и сборами вывоз за пределы России сырья, полуфабрикатов, товаров. Процветала торговля оружием, наркотиками. Немалая доля таких противозаконных, преступных операций была связана с нефтедобычей, нефтепереработкой и банковским капиталом. В это время начали

усиливаться связи отдельных олигархов с дудаевскими руководителями. В таких формах и произошел переход от «старого» к «демократическому новому» в Чечне.

Естественно, что появились внутренние силы, которые особенно летом 1994 года достаточно окрепли и начали оказывать серьезное сопротивление, организовав антидудаевское движение. Был образован Временный совет и правительство. Начались внутречеченские вооруженные столкновения. В стороне не оставался и федеральный центр, но действовал он беспомощно, грубо. «Добровольцы»-танкисты без сопровождения пехоты ввели танки в Грозный. Операция окончилась тем, что танки были сожжены на улицах чеченской столицы.

Встал вопрос о вводе федеральных сил. По России до сих пор гуляет много слухов о том, как решался этот вопрос в декабре 1994 года. Действительно, тогдашнему министру обороны П.С. Грачеву принадлежат залихватские слова о возможности решить все проблемы в считанные часы силами одного десантного полка. Но, присутствуя в качестве члена Совета безопасности на заседании в тот момент, когда принималось решение, могу засвидетельствовать, что П.С. Грачев и министр внутренних дел В.Ф. Ерин во время обсуждения не проявляли никакого энтузиазма по поводу начала военных действий.

Кто был безоговорочно «за»? Не хочу называть имен, тем более что одних уже нет, а другие «далече». Выступили с сомнениями, не поддерживая решения о вводе войск, министр юстиции Ю.Х. Калмыков и, как он заявил в интервью «Комсомольской правде», Примаков.

Обсуждение было безалаберным. В основном дискутировались две темы: сколько дней нужно на подготовку – семь, десять или две недели – и кому подчинить операцию – Грачеву или Ерину. По настоянию Грачева командующим-координатором был назначен он.

Во время заседания я попросил Ельцина на минуту выйти, переговорить. Вышли в соседнюю комнату – приемную, и я сказал:

– Нельзя вводить войска. Неизвестно, как потом их будем выводить. Во всяком случае до начала военных действий, как мне представляется, следует направить к Дудаеву его бывшего командира маршала авиации Е.И. Шапошникова. Это будет полезно.

– Не волнуйтесь, – ответил Ельцин. – По-видимому, так и сделаем. Во всяком случае я надеюсь на то, что все-таки не придется применять силу.

После этого состоялось голосование, и все без исключения подняли руки за военную операцию.

Но должен сказать, что роль президента во всем этом была далеко не одноплановой. Я верю в его искренность, когда через некоторое время он заявил, что был обуреваем сомнениями. С одной стороны, как гарант Конституции не мог пассивно наблюдать за появлением чеченского криминального государства в государстве, не подчинявшегося федеральным законам и фактически выходящего из состава России. С другой – его угнетало чувство вины за гибель людей.

Мало кто знает, что в связи с чеченскими событиями на одном из заседаний Совета безопасности в 1995 году Ельцин сказал, что подает в отставку, так как чувствует свою вину. С этого прямо и началось заседание. Выступили все члены СБ и категорически потребовали не делать этого. Не думаю, что со стороны Ельцина это было просто игрой. Он очень тяжело переживал все, что было связано с Чечней.

А дальше? Открываю свои записи тех лет. Они передают не только настрой отдельных участников совещаний у руководства страны – фрагментарность оценок, переплетение реального видения обстановки с желаниями продемонстрировать оптимизм, но, главное, отсутствие продуманной линии, обозначенной для неукоснительного

выполнения, неспособность собрать все воедино, действовать вместе для выработки и принятия решений, комплексных, разносторонних, рассчитанных на перспективу и столь важных для всей России и россиян.

16 декабря 1994 года совещание у премьера Черномырдина. Егоров (назначенный представителем президента в Чечне): По республике ходят противоположные слухи о том, что Ельцин поддерживает Дудаева и одновременно что Москва уже приняла решение о депортации чеченцев. Военную операцию следует завершить без переговоров с Дудаевым. С ним вообще нельзя договориться. Антиправительственный тон центральных средств массовой информации отражает их страх за то, что сами же создали в свое время положительный образ Дудаева.

Грачев: Если переложить на цифры, то 70 процентов обстановки сложилось в пользу Дудаева. Если брать Грозный, то с нами будет лишь 500 человек от чеченской оппозиции. К тому же с юга к Грозному мы не прошли. Если идти с других направлений, придется бить по населенным пунктам. Без бомбардировок и артобстрела Грозного на штурм я не пойду. Будут большие потери.

Ерин: Следует не только держать в поле зрения обстановку в Ингушетии и Дагестане, но и серьезно на нее воздействовать. Операцию в Чечне нужно доводить до конца, но исходить из того, что будем «работать» там не один год.

Степашин (председатель ФСК): Уходить из Чечни нельзя и из Грозного тоже. Вместе с тем в городе определены те отдельные объекты, в случае ликвидации которых можно обойтись без штурма.

Николаев (руководитель Федеральной пограничной службы): Хочу обратить внимание на то, что полностью открыта воздушная граница с Азербайджаном.

Рыбкин (в то время председатель Госдумы): Если решать, то нужно это делать не затягивая.

Ни подведения итогов, резюмирующих обсуждение, ни каких-либо вариантов решений, предназначенных для предоставления президенту, не было.

17 декабря на совещании у Б.Н. Ельцина Егоров сказал: «При принятии решения о вводе войск информация была поверхностной. Вместе с тем сегодня можно констатировать – население боится, что уйдем. Следует как можно скорее урегулировать конфликт».

26 декабря происходило заседание Совета безопасности. В своих записях я выделил слова Грачева: «Дудаев сохраняет возможность жесткого сопротивления. Он получает вооружение и боеприпасы по скрытым тропам из Абхазии и Азербайджана. Перелома в военной обстановке в нашу пользу в Грозном нет».

Выступил на этом заседании и я, сказав: «Если не делаем ставку на взятие Грозного в ближайшие дни – возможность этого следует определить военным, – то нужно обязательно заявить, что главной задачей было блокирование города, и на этом остановиться. После этого целесообразно прекратить бомбардировки Грозного, громко и ясно объявив, что открываются коридоры для выхода из города мирного населения. Одновременно организовать силами МВО и ФСК “фильтрацию” покидающих город и перейти к подготовке и осуществлению спецопераций в Грозном с целью захвата дудаевской верхушки. Этому отнюдь не помешают переговоры с теми чеченцами, кто может взять на себя обязательства по разоружению».

На совещании у Б.Н. Ельцина 6 января 1995 года. Грачев нарисовал нерадужную картину: ожесточенное сопротивление Дудаева; по имеющимся данным, отрабатываются планы перехода к партизанской войне; в одном Грозном у Дудаева до 11 тыс. боевиков; его сторонники проникают в местные органы власти на территории, контролируемые федеральными силами; продолжается инфильтрация извне. «Необходимо, по-видимому, два-три года, чтобы взять ситуацию под контроль».

Как это не было похоже на обещание разгромить боевиков за одну неделю. По словам Ерина, недостаточно для успешного проведения операции в Чечне находящихся там 15 тыс. военнослужащих МВД дополнительно к 37 тыс. Министерства обороны. «Давайте будем реалистами».

Егоров заговорил о переговорном процессе. Но как? «Хаджиев (председатель правительства, образованного Временным советом Чечни. – *Е.П.*) начал контакты с некоторыми полевыми командирами. Таким образом, можно считать, что начался переговорный процесс. Следовало бы втянуть в него начальника генерального штаба чеченцев Масхадова, который все-таки держится несколько особняком».

«Хороший фон для переговоров создает тот факт, что из 11 районов 8 поддерживают нас», – добавил Степашин.

И все. На том эта тема и повисла.

10 января 1995 года я пришел на еженедельный доклад к президенту. Первым вопросом была Чечня. Хотя СВР не была среди тех «силовых структур», которые были непосредственно задействованы в решении чеченской проблемы, по территории России вообще не работала, но у нас были достаточно осведомленные о положении в Чечне источники за рубежом, несколько сотрудников СВР – чеченцы по национальности – хорошо знали обстановку на месте, наконец, сильная аналитическая группа синтезировала имеющуюся информацию.

Ельцин разделил главные выводы: стало совершенно ясно, что одной военной операцией проблемы не решить. Согласился он и с тем, что военные, политические (внутренние и международные) издержки значительно масштабнее, чем ожидалось. Все большую силу набирают антироссийские настроения в мусульманском мире. Для внутривнутриполитической жизни, стабильности обстановки в России, недопущения международной изоляции

нашей страны очень важно подкрепить военную операцию переговорным процессом.

Сказал президенту, что считаю целесообразным, чтобы он сам предал гласности анализ тех недостатков, промахов, ошибок, которые проявились во время последних событий в Чечне. По его просьбе уточнил:

1. Три года не предпринимались решительные меры. Объективные трудности заключались в том, что «чеченский вопрос» был интегрирован в общеполитический кризис в Москве. Но сказался и явный недостаток реальной информации у российского руководства.

2. Часть тяжелого вооружения была передана при выводе войск режиму Дудаева.

3. Проявились недостатки в работе Генштаба и разведки в планировании военной операции в Чечне, в координации различных составляющих Вооруженных сил, а шире – в военном строительстве, в создании и производстве вооружений, отвечающих нынешним задачам.

Ельцин сидел в задумчивости. Чувствовалось, что он не раз думал обо всем этом.

Говоря о международных делах, проинформировал президента о том, что 14 января меня готов принять король Марокко Хасан II, который являлся председателем Организации исламская конференция (ОИК), 16-го – президент Алжира, 19-го – ливийский лидер Муамар Каддафи, а затем президент Египта Мубарак.

Ельцин дал согласие на все эти встречи.

В результате поездок на Ближний Восток и в Северную Африку почувствовал еще раз, что главы многих арабских стран не только не поддерживают терроризм, но особенно хорошо представляют необходимость бороться с сепаратизмом. Король Марокко практически снял проведение чрезвычайной сессии ОИК, посвященной Чечне, а Каддафи даже позвонил Дудаеву, пытаясь его «остудить».

Но «остудить» чеченских боевиков не удалось ни до, ни после гибели Дудаева.

На этот раз Совет безопасности собрался 29 июня 1995 года, после террористической операции в Буденновске, начавшейся с захвата боевиками Басаева больницы и закончившейся – после того как погибли десятки заложников и сотрудников МВД – договоренностью об освобождении все еще находившихся под дулами бандитов мирных жителей в обмен на разрешение террористам уйти.

Первым выступил губернатор Ставропольского края Кузнецов. «Для жителей Буденновска, – подчеркнул он, – главный вопрос, почему не уничтожены бандиты». Далее он сказал, что непосредственно границу с Чечней охраняют всего 236 сотрудников местной милиции, а граница Дагестана с Чечней и вовсе прозрачная. Отсюда полная прозрачность на всем протяжении Чечня–Дагестан–Ставропольский край. По словам Кузнецова, во время операции в Буденновске проявилось полное отсутствие взаимодействия всех видов Вооруженных сил, всех силовых структур. Не было данных от военной разведки, «и я сомневаюсь, – добавил он, – что положение быстро выправится».

Следом выступил Ерин, который честно признал серьезные недостатки в деятельности МВД и сказал, что готов нести любое наказание вплоть до ухода в отставку. Степашин, обрисовав положение, заявил, что уже принял решение подать в отставку. По словам Грачева, его главной виной является то, что уже на первом этапе не смог скоординировать деятельность силовых структур. Другая ошибка в том, что не добил оставшиеся банды, которые ушли в горы. Самая большая вина в том, что не нашел и не «накрыл» отряд Басаева. «А в Буденновске, – откровенно сказал Грачев, – отсиделся за спинами своих коллег. Хочу извиниться за резкие слова в адрес Ерина и Степашина, – добавил Грачев, – и заявить о готовности уйти в отставку». И Егоров, и секретарь Совета безопасности Лобов тоже заявили о готовности уйти со своих постов.

«Цена вашей вины очень велика», – заключил президент. Последовали некоторые отставки, однако именно

по «буденновскому сценарию» повторился захват террористами родильного дома в Кизляре, а затем как-то экспромтом, без должной подготовки и продуманных идей сели за стол переговоров. В августе 1996 года были подписаны далеко не однозначные Хасавьюртовские соглашения³. Федеральные войска покинули Чечню, и все пришло на «круги своя»: криминал сохранил свои позиции.

Когда описываешь события 1994–1996 годов, то все время думаешь о параллелях с операцией в Чечне, начатой в 1999 году, хотя она в целом происходила намного успешнее. Однако ловишь себя на мысли, что целый ряд прозвучавших тогда тревожных нот остались неуслышанными, а ошибки – неисправленными. Вообще я не знаю, был ли проведен серьезный комплексный анализ «первой войны» в Чечне и сделаны ли военные и политические выводы, не знаю, положили ли глубокий разбор этих событий в основу прогноза развития ситуации в самой Чечне, в соседних странах и субъектах Российской Федерации, рассмотрели ли варианты наших действий и контрдействий. Во всяком случае я, будучи министром иностранных дел, а затем председателем правительства, к подобным комплексным целенаправленным обсуждениям не привлекался.

30 августа на Совете безопасности Ельцин, констатируя «перевод стрелок на мирное решение», сказал, что в этом плане готов говорить со всеми, кто пользуется авторитетом в Чечне, – если это Хасбулатов, то давайте встречаться и с ним. Одновременно он упрекнул – мне кажется, совершенно правильно – Министерство обороны за то, что оно рано отвело все свои силы, а пограничников за то, что не договорились о закрытии границы Чечни с Грузией и не поставили эту границу под контроль нашей ФПС. Нужно было брать Басаева после Буденновска на границе, сказал Ельцин, там кончились наши обязательства. Спецслужбы, в первую очередь МВД, должны укреплять все административные границы с Чечней.

Выступил новый министр внутренних дел, Анатолий Куликов, который в виде одного из вариантов предложил закрепиться на берегу Терека и вернуть Ставропольскому краю два района, переданные Чечне при советской власти.

Но это были лишь импульсы к глубокому и детальному рассмотрению сложившегося положения и определению последующих действий с нашей стороны. Не исключаю, что в различных ведомствах такая работа проводилась, но разрозненно и практически оставалась в их стенах.

В это время перспективу изменения обстановки в Чечне и вокруг нее все больше определял нефтяной фактор. В прессе не было недостатка в спекуляциях вокруг строительства нефтепровода Баку–Джейхан. Проект этого нефтепровода имеет чисто геополитическое, а не экономическое значение. С экономической точки зрения несравненно выгоднее транспортировать не только «раннюю» (о чем была договоренность), но и «большую» каспийскую нефть (кстати, динамика прогнозов свидетельствует о резком сокращении оптимизма по поводу запасов нефти на Каспии) через нефтепровод Баку–Грозный–Новороссийск. Вместе с тем проложен каспийский трубопровод, по которому может транспортироваться нефть от казахстанского месторождения «Тенгиз» до Новороссийска. В консорциум по строительству нефтепровода вошли Россия, Казахстан и восемь ТНК, включая такие гиганты, как «Шеврон», «Мобил».

Вокруг «трубопроводной ситуации» разгоралась ожесточенная борьба, в которой принимали участие Тбилиси, Баку, Анкара. Резкое падение надежд, связанных с каспийским «Эльдорадо», подрубило проект нефтепровода Баку–Джейхан, что было крайне невыгодно двум закавказским столицам и Турции. В игру в таких условиях включились и чеченские руководители, преследуя не только экономические, но и политические цели. Родился

проект «Кавказский общий дом», создаваемый при участии Чечни, Азербайджана и Грузии. Однако проект оказался вскоре дискредитированным в результате захвата чеченцами и убийства иностранных граждан. После этого и в Тбилиси, и в Баку повернулись спиной к «Общему дому», а Чечня осталась опять одна, не надеясь на выход из изоляции за счет участия в антироссийских нефтепроводных проектах.

К моменту формирования правительства России под моим председательством терроризм захлестнул Чечню. В начале октября 1998 года в Чечне были похищены и позже зверски убиты четыре представителя английской фирмы – три англичанина и новозеландец. Избранный президентом Чечни Масхадов почувствовал себя особенно ущемленным, так как Лондон был единственной западной столицей, где его за несколько месяцев до этого официально приняли как одного из основателей проекта «Кавказский общий дом». Он взял под личный контроль – и объявил об этом – поиски четырех похищенных, а затем их убийц.

С этого момента усиливаются противоречия в стане чеченских полевых командиров. 1 октября Масхадов упразднил должность «вице-президента» и отправил в отставку правительство. На следующий день начался бессрочный митинг, организованный противниками Масхадова. В ответ в Грозном был ранен похититель англичан полевой командир Бараев. На съезде чеченского народа, созванном Масхадовым, он объявил о «кровной мести» всем, кто занимается похищением людей, обвинил в экстремизме тех, кто пытался усилить противоречия с Россией, и особенно с соседними территориями. Радуев был персонально обвинен в подготовке государственного переворота. Стало ясно, что после краха проекта «Кавказский общий дом»⁴ Масхадов все больше подумывал о подвижках в чечено-российских отношениях.

Контрдействия последовали со стороны Басаева и Радиева, объединивших враждебные Масхадову группировки.

Противостояние продолжалось. Масхадов потребовал в течение 7 дней распустить все не подчиняющиеся «главному штабу» вооруженные формирования, немедленно ликвидировать базы Басаева, Хаттаба и Исрапилова в Серженьюрте, Ведено и Урус-Мартане. Параллельно глава шариатской безопасности потребовал освобождения всех похищенных и заявил, что будут окружены отдельные населенные пункты и «преступные группировки уничтожены».

Однако, несмотря на истечение сроков ультиматумов, широкомасштабные операции, о которых предупреждал Масхадов, не начинались. А находящиеся в оппозиции к нему действовали: был убит начальник отдела борьбы с похищениями министерства шариатской безопасности, совершено покушение на Муфтия Чечни Кадырова, известного своим отрицательным отношением к ваххабитам-экстремистам и поддержкой Масхадова в то время.

Все это мне докладывалось как руководителю российского правительства. Я обратился к Ельцину с предложением откликнуться на доведенное до нас желание Масхадова провести встречу со мной. Ельцин дал добро. Консультировался с А.С. Дзасоховым – президентом Республики Северная Осетия – Алания и Р.С. Аушевым – президентом Республики Ингушетия. Решили провести встречу во Владикавказе, куда прибыл Масхадов, судя по всему с близким ему человеком А. Идиговым, который произвел тогда хорошее впечатление, особенно при подготовке текста коммюнике. С Масхадовым приехал и Аушев.

Встреча происходила 29 октября – это был день рождения одновременно и Аушева, и мой. Принимал нас всех старинный и верный мой друг Дзасохов. Это создало хороший фон для переговоров. Но разговаривал с Масхадовым один на один.

Для себя почерпнул из этого разговора следующее.

Масхадова и Басаева разделяли на тот момент не только борьба за лидерство в Чечне, различная конфигурация поддерживающих их тейпов, групп полевых командиров, но и «стратегические интересы». На прямо поставленный мною вопрос Масхадов ответил: «Я считаю, что независимая Чечня должна существовать в нынешних границах, а Басаев думает по-другому. Он хочет чеченский эксперимент перенести на соседние территории, в первую очередь на Дагестан, и добиваться выхода к двум морям – Каспийскому и Черному».

Программа Басаева делает его непримиримым противником России, тогда как Масхадов проявил готовность обсуждать много проблем, связанных с «независимостью Чечни в условиях единого экономического пространства с Россией, единой валюты» и так далее.

С противниками Масхадова имеют тесные контакты определенные силы в России. Конкретно он назвал Б. Березовского, который, по его словам, «поддерживает их материально, в частности через выплаты за освобождение заложников, а также предоставил им радиоаппаратуру». Упомянув в этой связи Басаева, Масхадов сказал, что основным партнером Березовского является М. Удугов, в ту пору «министр иностранных дел» Чечни.

(Российские СМИ опубликовали текст телефонного разговора Березовского с Удуговым, свидетельствующий и о «денежных отношениях» между ними. Удугов упрекал Березовского (разговор состоялся после вторжения чеченцев в Дагестан) в том, что тот не выполнил своего обещания в отношении авиации, которая, дескать, не должна была быть задействована против чеченцев. Ни о каком опровержении со стороны Березовского или обвинении в фальсификации я не слышал. Между тем Дж. Сорос в своей книге «Кто потерял Россию» пишет: «Во время перелета из Сочи в Москву Березовский хвастал, как он подкупал полевых командиров в Чечне

и Абхазии. Поэтому, когда Шамиль Басаев вторгся в Дагестан, эта история показалась мне подозрительной». А в интервью «Комсомольской правде», опубликованном 16 марта 1999 года, Масхадов сказал, говоря о похищении генерала МВД Шпигуна в Чечне: «Все, что творится в Москве, все эти вояжи Березовского с набитыми деньгами чемоданами, все эти заигрывания с преступниками, с бандитами, моими политическими оппонентами – это к добру не приведет. В похищении Шпигуна я не обвиняю конкретно Басаева или еще кого-то персонально. Все это увязано в единое целое».)

Масхадов рассчитывал на нашу помощь оружием, деньгами и на наше участие в восстановлении скорее не Грозного, а 4–5 ведущих промышленных предприятий – главным образом нефтехимической сферы. При этом он хотел бы, чтобы восстановление этих заводов было осуществлено российскими регионами, граничащими с Чечней. Мы договорились (со мной были министр внутренних дел С. Степашин и министр по делам национальностей Р. Абдулатипов) о сотрудничестве правоохранительных органов в борьбе с похищением людей и преступностью, о восстановлении ряда предприятий Чечни, о выплате компенсации российским центром гражданам, подвергшимся депортации в 1994 году и проживающим на территории Чечни, о переводе пенсий чеченским пенсионерам из федерального Пенсионного фонда.

Главным выводом из встречи было обещание Масхадова в случае выполнения ранее и ныне взятых нами на себя обязательств в течение месяца «начать открытую борьбу и покончить с террористами».

Подробно рассказал о результатах беседы с Масхадовым президенту. Дал соответствующие указания Минфину, Минэкономики, Минтопэнерго. Президент поддержал подготовленный проект указаний Министерству внутренних дел.

Возвратившись в Грозный, Масхадов не захотел или не смог начать действия против все больше набирающих силу «независимых» от его режима полевых командиров. Если в первые дни после встречи во Владикавказе он каким-то образом стремился дать понять о своей решимости действовать (например, 30 октября без разъяснений снял с поста «министра иностранных дел» М. Удугова и назначил на этот пост сопровождавшего его во время переговоров со мной А. Идигова), то в дальнейшем решительность Масхадова таяла на глазах. Может быть, он опасался, что накал страстей в Чечне перерастет в гражданскую войну, и такая война казалась ему даже более опасной, чем резкое ухудшение отношений с Россией, неизбежное в условиях, когда его бездействие – осознанное или вынужденное – давало свободу рук крайне экстремистским элементам, нацелившимся на экспорт «чеченского опыта» в Дагестан и осуществление крупных террористических актов в глубине России. Не думаю, что Масхадов встал на путь поддержки этих действий, но он не мог не знать о них и не предпринял решительных шагов для их предотвращения.

Представляется, что Масхадов не просчитал и реальные последствия агрессии против Дагестана и террористических актов в России. Наверяд ли он предполагал, каких масштабов достигнет российская реакция. Москва при поддержке практически всего российского общественного мнения ввела войска на территорию Чечни. Началась антитеррористическая операция, которая по сути переросла в войну против чеченских террористов и сепаратистов. Целью операции была ликвидация потенциала террористов и – скрывать тут, как мне кажется, нечего – возвращение Чечни в лоно Российского государства, срыв более широких планов отторжения от России Северного Кавказа, территориальной дезинтеграции страны.

Необходимость таких жестких действий была бесспорной. Просто выбить чеченских боевиков из Дагестана

и не преследовать их, ограничиться открытием уголовных дел и бесплодными призывами к чеченским властям выдать бандитов, взорвавших жилые дома, убивших и искалечивших тысячу мирных граждан, – все это было бы показателем нежелания или неумения федерального центра защищать интересы России и россиян. И не случайно, что рейтинг в то время премьер-министра Путина, который взял на себя ответственность за решительные действия против боевиков в Чечне, необычайно быстро вырос, а в дальнейшем в первом туре он выиграл борьбу за президентское кресло.

Много было домыслов о том, что взрывы домов были связаны с президентской кампанией. Некоторые даже пытались приписать это ФСБ. Я абсолютно уверен в бесстыдной лживости таких разглаговольствований. Четыре года и четыре месяца возглавлял одну из спецслужб и твердо знаю, что в наше время такое попросту невозможно. Не говоря уже о полностью изменившемся моральном климате, отсутствует механизм для осуществления подобных операций. Никто, если бы даже захотел, не рискнет дать на них санкцию. Такие операции не могут не стать достоянием гласности. Тем более что даже гипотетически в подготовке и осуществлении подобных операций должны быть задействованы по меньшей мере десятки людей.

Вместе с тем необходима широкая гласность при разработке «чеченского следа», на который вышла ФСБ. Недостаток информации всегда способствует фальсификаторам и лжецам.

Итак, в октябре 1999 года федеральные силы вошли на территорию Чечни. Существовали ли различные варианты продолжения этой операции? Да, они были. Мне и мэру Москвы Ю.М. Лужкову, с которым к тому времени обозначилась близость взглядов по многим проблемам и мы стали друзьями, казалось, что лучший вариант – остановиться на берегу Терека, надежно закрыть границы

Чечни с Дагестаном и Ставропольским краем, а также с Ингушетией и Грузией, образовав своеобразную «зону безопасности». На юг Чечни не входит. Одновременно наносить точечные бомбовые и ракетные удары по боевым целям, инфраструктуре, используемой боевиками. Что касается освобожденного севера Чечни, то сделать максимум для того, чтобы показать преимущества мирной жизни – больницы, школы, зарплата, пенсии, порядок, безопасность. Дело также в том, что при продвижении до Терека потери федеральных частей были минимальными, чего не следовало ожидать при углублении на юг. Между тем для южной части Чечни предстояла холодная и голодная зима. В случае удачи предлагаемого варианта существовала реальная возможность расслоения среди чеченских полевых командиров и – что самое главное – дистанцирования населения от боевиков. Это, как нам представлялось, было сверхзадачей операции в Чечне, решение которой должно было открыть путь к политическому урегулированию.

Обо всем этом мы с Лужковым говорили Путину перед выборами в Государственную Думу. И он не возражал. Говорили об этом и все четыре бывших премьер-министра – Черномырдин, Кириенко, я и Степашин, приглашенные Путиным на совещание. Но не следует забывать и о том, что действует логика, порожденная самими военными действиями.

Излагавшийся нами вариант не прошел. К субъективным причинам можно отнести и опасения, что повторится прошлая ситуация (как сказал цитированный мною П. Грачев, одна из его ошибок заключалась в том, что не добил бандитов, дал им уйти в горы), и менталитет некоторых военачальников, которые придали излишне большое значение тому, что федеральные силы дошли до Терека с минимальными потерями – это тоже подстегивало к продолжению наступления на юг Чечни. Сказались и объективные причины. Чеченские боевики начали

просачиваться на освобожденные территории, разведка доносила, что они превращают буквально в опорные крепости населенные пункты. Грузия отказалась пропустить через свою территорию российских пограничников для закрытия с российской стороны чечено-грузинской границы.

Переход через Терек, борьба за освобождение Грозного, других населенных пунктов, которые подчас на некоторое время вновь переходили под контроль боевиков, привели, несмотря на предпринимаемые меры, к серьезным потерям и среди мирного населения, и среди федеральных сил. В конце концов можно считать, что масштабная военная операция была завершена разгромом отдельных частей боевиков, но у них сохранились возможности ведения партизанской борьбы.

Уже после отставки мне довелось побывать в Германии и во Франции, где был принят федеральным канцлером Шредером, а затем президентом Шираком. Оба удивлялись тому, что Россия не принимает «добрых услуг» Запада для начала переговоров, в которых виделся выход из «чеченской трагедии». В конечном счете придется идти на серьезные переговоры, чтобы выработать статус Чечни в составе Российского государства, – в этом я с ними был согласен. Но оба в свою очередь согласились со мной, что такие чеченские переговорщики должны *одновременно* обладать двумя качествами: способностью публично отмежеваться от терроризма и контролировать ситуацию в Чечне. «Московские чеченцы», иными словами чеченцы в диаспоре, обладают лишь первым качеством или возможностью. Из полевых командиров, включая Масхадова, пока, на время моих разговоров с Шредером и Шираком, никто не был способен решительно отмежеваться от терроризма и подкрепить это делом. На переговоры можно надеяться в основном, если чеченских полевых командиров вынудит к этому безысходное для них положение.

Вместе с тем мне представляется, что заявления некоторых наших военных о том, что они ни при каких обстоятельствах не согласятся на переговоры с полевыми командирами, – риторика. Жизнь гораздо сложнее.

Ну, а что Запад? Появились немалые силы, которые заняли в связи с событиями в Чечне антироссийскую позицию. Я бы разделил их на различные группы. Первая – это те, кто не знает об истинном состоянии дел или не придает значения варварским методам ведения борьбы со стороны чеченских боевиков. Не исключаю, что многие из таких западных деятелей искренне потрясены большими разрушениями и жертвами среди мирного населения в Чечне в результате военных действий. Вторая – те, кто не понимает стратегического расклада, его неизбежного изменения в случае успеха или неуспеха операции федеральных сил России в Чечне. На этом стоит остановиться несколько подробнее.

События свидетельствуют о том, что мятеж чеченских сепаратистов – не изолированное явление. Это демонстрирует участие иностранных наемников в отрядах боевиков, их обучение за границей, их снабжение оружием и финансами из-за рубежа. Но может быть, даже важнее понять цели такой поддержки. После того как явно пошел на убыль исламский экстремизм в шиитской форме, на сцену вышел куда более опасный (шииты составляют меньше одной десятой всего мирового мусульманского населения) экстремизм в виде суннитских ответвлений, в частности ваххабизма. Сам по себе ваххабизм не представляет угрозы. Это официальная религия в Саудовской Аравии. Но, будучи по-своему интерпретированным отдельными группами на территории бывшего Советского Союза, ваххабизм вылился в агрессивно-экстремистское движение, ставящее своей целью силой навязать исламскую модель государства и общества.

Положение усугубляется тем, что рассадником исламского экстремизма стал Афганистан, особенно под вла-

стью талибов, и стоящий за ними – пусть не очень открыто – Пакистан с первой «мусульманской ядерной бомбой». Чечня не изолированное явление и потому, что параллельно наблюдаются попытки создать исламское экстремистское государство в центре Европы – «Великую Албанию», включающую Косово, Санджак, часть Македонии, мусульманскую часть Боснии. Так что речь может идти о стратегическом исламско-экстремистском треугольнике Афганистан—Северный Кавказ—Косово. Неужели этого не видят те, кто столь рьяно обрушивается на Россию за ее действия, направленные в том числе на предотвращение создания одного из углов этого треугольника на Северном Кавказе?

Некоторые действительно не задумываются над этим. Но есть и такие силы на Западе, которые цинично используют ситуацию в Чечне, добиваясь дезинтеграции России, низведения ее до положения «третьеразрядного» государства. Неоднозначно рассматриваются события в Чечне в мусульманском мире. В основном там понимают, что это внутреннее дело России, и далеко не склонны поддерживать чеченский сепаратизм. Но проявляется мусульманская солидарность, особенно опять-таки когда дело касается жертв среди мирного населения. Вместе с тем далеко не все знают, что мирное население в Чечне – это не одни чеченцы. Грозный, например, был населен преимущественно русскими. Так что война в Чечне никак не подпадает под определение античеченской или религиозной.

Говоря обо всем этом, я, естественно, не оправдываю ни жертвы среди мирного населения, ни разрушения, которые стали спутниками войны в Чечне.

ЗАПАД И МЫ

I. Переговоры с МВФ: топтание на месте

Чеченская проблема начала оказывать все более негативное влияние на наши отношения с рядом западных государств уже после того, как наше правительство ушло в отставку. Однако бомбардировки Югославии, осуществленные под американским руководством Североатлантическим союзом, были во время пребывания правительства у власти. Это создало не лучший международный климат для деятельности кабинета. Мало оптимизма вызывали и затянувшиеся переговоры с МВФ, за спиной которого незримо стояли те же Соединенные Штаты.

Наше правительство образовалось, когда уже был накоплен достаточно длительный опыт взаимоотношений России с Международным валютным фондом. Мы получали кредиты. Они сопровождались рекомендациями МВФ, с которыми российские экономические руководители, как правило, соглашались, даже когда была очевидна их неосуществимость. При этом высоко ценилось, что никто жестко не спрашивал, на что используются кредиты. Я бы назвал это любовным сотрудничеством, при котором оба партнера, зажмурившись, оставались довольны друг другом.

Положение начало меняться после августа 1998 года. Передо мной интервью директора-распорядителя МВФ М. Камдессю газете «Монд» от 27 октября 1998 года. Он

заявил о необходимости «кардинально нового взгляда на мировые финансы». «В ряде стран Юго-Восточной Азии и Южной Европы, а также в России мы столкнулись с явлениями, сильно отличавшимися от тех, с которыми МВФ имел дело ранее. Поэтому, – подчеркнул Камдессю, – при управлении кризисом не следует ограничиваться лишь макроэкономическим подходом». Следующее откровение директора-распорядителя МВФ заключалось в некоторых ретроспективных оценках, которые звучали в отношении России впервые: либерализация капиталов проводилась дезорганизованно, подчас вопреки здравому смыслу. МВФ никогда не приветствовал чрезмерную либерализацию спекулятивного капитала, в то время как сохраняются административные препятствия для прямых инвестиций. И наконец, по мнению, высказанному Камдессю, международные финансовые институты типа МВФ и Всемирного банка призваны принимать решения, которые выходят за рамки чисто финансовой области и непосредственно касаются жизни общества.

За этими словами, очевидно, стояло стремление ответить на нараставшую критику позиции МВФ за нежелание «снизойти» в своих оценках до специфики тех стран, которым предоставляются финансовые кредиты, учесть их реалии, трудности, не рассматривать их всех – начиная от Индонезии и кончая Россией – в качестве единой «модели», которой предписываются универсальные, при этом главным образом макроэкономические, «правила поведения», далеко не всегда обеспечивающие социально-политическую стабильность в обществе.

Но высказывания высказываниями, а главное представление о позиции МВФ мог дать прямой диалог с директором-распорядителем. Моя встреча с М. Камдессю состоялась в самом начале декабря 1998 года.

Вот выдержка из того, что он сказал. За последние годы Россия накопила огромную сумму долгов. В 1999 году предстоит выплатить 17,5 млрд долларов. Полно-

стью согласен с тем, что это неподъемная задача. МВФ, конечно, может оказать свое влияние, но кредиторов нельзя убедить без среднесрочной программы правительства, которая позволит довести долг до управляемых размеров и создать условия, при которых страна не будет брать столь большие кредиты в будущем. Главный критерий проверки, продолжал Камdessus, будущий бюджет. В нем должна быть прочной цифра профицита, и в отличие от прошлого дефицит бюджета не должен расти по сравнению с планируемым. «Я, – заявил Камdessus, – в целом одобряю вашу стратегию в отношении долга. Со своей стороны мы сделаем больше, чем раньше, для успеха ваших переговоров с Парижским клубом. Понимаем, что необходимо добиться реструктуризации советского долга, но при выполнении всех обязательств по российскому долгу».

Подход, обозначенный Камdessus, не мог ввергнуть в уныние. Тем более что он сказал: «Вопреки высказываниям российской печати ваше правительство сделало чрезвычайно много за короткий промежуток времени». Мы обратили внимание и на такие его оценки: «Уверен, что налоговая система будет работать эффективно, хотя я бы посоветовал отложить на несколько лет снижение ставок НДС и очень осторожно использовать взаиморасчеты в отношении текущих налогов. Нужно быстро решать также вопросы, связанные с оздоровлением банковской системы при минимизации затрат со стороны государства».

С подходами Камdessus мы согласились. В принципе мы так и действовали. Беседа была по-настоящему конструктивной. Такое же впечатление от встреч с Камdessus осталось и у Маслюкова, и у Задорнова.

Абсолютно непринужденным и даже доверительным был разговор и за ужином в нашем Белом доме. После этого пошли пострелять в тир. Знал, что В.С. Черномырдин в свою бытность премьером приглашал Камdessus на

охоту в одно из подмосковных хозяйств и некоторые злословили, что далеко не все кабаны падали в результате выстрелов директора-распорядителя – егеря, сидевшие в кустах, были куда более опытными стрелками. Однако нужно сказать, что в тире Камдессю поражал мишени хорошо. В общем и целом настроение у нас было приподнятое, и мы считали, что обещанные ранее транши в размере 8 млрд долларов поступят к нам в скором времени.

Но, увы, нас ждало разочарование. Правда, не было дефицита во встречах. Приезды в Москву разных официальных лиц из МВФ чередовались с поездками в США наших представителей, в том числе Задорнова, который по просьбе Камдессю был назначен ответственным за связь правительства России с МВФ. Об ускорении подписания соглашения с МФВ, которое даст возможность получить России очередные транши, Ельцин разговаривал со Шредером и получил благоприятный ответ. Мне звонил по телефону президент Ширак и тоже обещал договориться с Камдессю.

Наше стремление достичь договоренности с МВФ было скорее тактическим, связанным с текущим моментом. Мне с самого начала было ясно, что следует вести дело к тому, чтобы избавиться от кредитов МВФ, обойтись без них. Так в дальнейшем должна была выстраиваться стратегическая линия. Да и сама действительность показала, что мы не погибли без этих кредитов. Но их отсутствие, конечно, затрудняло нам жизнь, особенно с учетом того, что мы расплачивались за накопленную задолженность: за 8 месяцев выплатили более 6 млрд долларов, в которых весьма остро нуждались сами. Вместе с тем дело было далеко не просто в кредитах Фонда. Без подписания соглашения с МВФ – вот что было главное – нам было трудно реструктурировать свои долги с Лондонским и особенно Парижским клубом, мы не могли получить обговоренные ранее займы от Международ-

ного банка реконструкции и развития и даже кредиты и займы на двусторонней основе.

Помню, как перед своим приездом в Москву мне позвонил по телефону премьер-министр Японии Обути, с которым я был в добрых отношениях еще с тех пор, когда мы были министрами иностранных дел. Полушутя, полусерьезно он сказал: «За проявленную смелость, когда вы согласились в столь критической обстановке возглавить правительство, я обещаю японский кредит России в общей сумме в 800 млн долларов». Естественно, я энергично поблагодарил своего коллегу. Однако через пару дней с Задорновым связался японский министр финансов, который, подтвердив обещание, отметил, что оно будет осуществлено после подписания соглашения Правительства России с МВФ.

А соглашение откладывалось. Мы в правительстве «из кожи лезли вон», чтобы залатать социальные дыры, дать ход производству – промышленности и сельскому хозяйству, поднять рухнувшую банковскую систему, сохранить боеспособность Вооруженных сил, обеспечить текущую выплату долгов. А нас бесконечно учили, учили, увеличивали число запросов, часто требуя невозможного. Не скажу, что все, что исходило от МВФ, было неправильным, неправомерным, но создавалось впечатление, что его основной задачей было выстраивание аргументов, для того чтобы, с одной стороны, оправдать откладывание решения подписать соглашение с правительством РФ, а с другой – показать нашу несостоятельность.

Вот выдержки из документов. Они говорят о многом.

Из письма Камдессю от 3 марта 1999 года:

«Уважаемый господин премьер-министр,

В развитие Ваших предложений по возможному продолжению нашей совместной работы, полученных через посла Ушакова, я направил эксперта МВФ в Москву, с тем чтобы он обсудил с представителями правительства финансовую программу на 1999 год. Упомянутый экс-

перт уже сделал для меня доклад, и я с удовлетворением узнал, что дискуссии в Москве были открытыми и честными и что они способствовали улучшению нашего понимания предпосылок бюджета 1999 года. Однако дискуссии не привели, к сожалению, к достижению согласия по основным фискальным мероприятиям. В том, что касается доходов, я с разочарованием узнал о решении правительства отменить экспортную пошлину на газ, снизить налогообложение газовой отрасли и отказаться от пошлин на экспорт нефти в связи с падением цен на нефть.

С учетом уже имеющего место значительного сокращения расходных статей бюджета главный упор, очевидно, следует сделать на доходной части. Для того чтобы достичь желаемого результата, новые меры должны предусматривать как минимум откладывание на неопределенное время снижения НДС и повышения налогообложения энергетического сектора... Меня беспокоит также то обстоятельство, что пока не предпринимаются шаги по закрытию главных банков, являющихся потенциальным источником дополнительных потерь в общественном секторе, и что все еще ожидает принятия законодательство по реструктуризации банков. Наконец, как Вы знаете, меня беспокоят сообщения о возможных злоупотреблениях в обращении с резервами Центробанка, и нам потребуются гарантии того, что со средствами, которые уже выделил и выделит МВФ, будут обращаться соответствующим образом.

Удовлетворительное решение указанных вопросов является очень важным для программы, которую мог бы поддержать Фонд. Господин премьер-министр, мы ожидаем продолжения работы с целью достижения соглашения с вашим правительством». В этой связи Камдессю предложил нашим экспертам «встретиться вновь для достижения согласия по последним деталям вашей экономической программы, которую мог бы поддержать МВФ».

Я ответил М. Камдессю в весьма спокойных и выдержанных тонах, стараясь конкретно показать, что часть поставленных им вопросов уже решается по нашей собственной инициативе, а другая часть не останется без нашего внимания. Одним словом, делается многое, что открывает путь к соглашению. В заключение еще раз подтвердил, что мы считаем настоятельно необходимым приезд в Москву уже в ближайшие дни миссии МВФ. Со своей стороны готовы дать указания нашим министерствам и ведомствам работать плодотворно и конструктивно, что, как мы полагаем, поможет в кратчайшие сроки достигнуть договоренности по экономической программе.

9 марта Камдессю направил мне еще одно письмо, в котором писал:

«Я весьма рад отметить, что Вы согласны с необходимостью принятия дальнейших существенных шагов в области налоговой политики и особенно что Вы выражаете готовность отложить снижение ставки налога на добавленную стоимость до следующего года. Я также отмечаю Ваше намерение возродить работу Комиссии по доходам с целью увеличения налогообложения в топливно-энергетической отрасли.

Господин премьер-министр, я разделяю Ваше твердое стремление как можно скорее достичь согласия по экономической программе, которую мог бы поддержать Фонд. Именно действуя в этом духе и будучи уверенным, как Вы мне заявляли, в том, что Вы готовы на необходимые шаги для исключения непонимания по этим и другим вопросам, направляю на этой неделе в Москву передовую группу, с тем чтобы попытаться сузить разногласия в оценках, разработать и найти согласие по дополнительным мерам в налоговой сфере. Ожидаю встречи с Вами в Вашингтоне 24 марта. Тогда мы вместе сможем обсудить сложившуюся ситуацию и, если потребуется, попытаться продвинуть вперед Вашу программу».

Опять уход от ответа по соглашению. Оказывается, предстоящая встреча со мной рассматривается всего лишь в качестве «обмена мнениями по сложившейся ситуации». Но приезд «передовой группы» МВФ в Москву все-таки был положительным фактором, и мы договорились в правительстве, что сделаем все для успешных ее контактов с нашими заинтересованными министерствами и ведомствами.

Работу с миссиями МВФ с нашей стороны возглавил Маслюков. Не скрою, сначала к этому руководство Фонда отнеслось настороженно. Однако по мере общения с Маслюковым эта настороженность постепенно рассеивалась – наши партнеры видели, что он стремился прийти к подписанию соглашения с МВФ. У меня лично не было никаких сомнений в том, что Юрий Дмитриевич будет действовать именно в таком направлении, и нравилось это кому-то или нет в нашей стране и за рубежом, но первый заместитель председателя, отвечающий за экономическую сферу работы правительства, по моему твердому убеждению, должен был возглавить нашу практическую работу с МВФ, что и произошло.

Я встретился с миссией 19 марта. Вот выдержки из записи состоявшейся беседы.

Е.М. Примаков: Хочу вас приветствовать и поблагодарить за то, что вы приехали. Мои коллеги мне говорили, что вы проделали большую и полезную работу. Я знаю, что в общем пока рано говорить о решительном продвижении. Но тем не менее на нашей встрече нужно зафиксировать, что мы готовы идти навстречу друг другу и продвинутость определенная есть. Если вы с этим согласны, давайте считать это общим выводом.

Ж. Беланже (руководитель миссии МВФ): Совершенно очевидно, продвижение вперед имеет место.

После этой обоюдной констатации я предложил приступить к конкретике.

П.: Мне понятно, что вы считаете необходимым увеличить доходную часть бюджета. Это заботит и правительство. Мы понимаем, что нужно задействовать все резервы. Главное направление – сделать все, чтобы заработал реальный сектор экономики. Мы не можем постоянно зависеть от Международного валютного фонда. Мне сказали, что вы с моими коллегами зафиксировали цифру в 32 миллиарда рублей, которые, по вашему мнению, должны быть дополнительно включены в доходную часть бюджета.

Б.: Эту цифру сегодня утром просчитал господин Маслюков.

П.: Вы на него ответственность не перекладывайте. Мне хочется от какой-то отправной точки идти. Поэтому я и спросил: можно ли считать, что эта цифра зафиксирована и с вашей стороны.

Б.: Да, но при условии уточнения ряда технических вопросов с господином Задорновым. Он еще должен меня убедить.

П.: Конечно, нужно еще убедить и нас, потому что 32 миллиарда и для нас цифра очень большая. Вы хорошо понимаете, господин Беланже, что легче всего нам было бы просто записать эту цифру. Но мы на это не пойдем. Мы хотим абсолютно честных отношений с вами, без всяких уверток. Я готов обсуждать и пытаться выполнять все ваши рекомендации, но при условии, что они выполнимы. Например, введение дополнительного налога на наиболее дорогостоящие марки автомобилей иностранного производства. Это нам подходит, так как не ударит по широким слоям населения. Очевидно, придется рассматривать вопрос и об увеличении сборов за бензин, но только высокооктановый, так как нам нужно думать о том, чтобы не нанести урон сельскохозяйственному производству, армии, не ударить по интересам малоимущей части населения.

Понимаете, сложность с доходной частью бюджета у нас во многом из-за невыплаты долгов странами СНГ за поставленные им нефть, газ, электроэнергию. Задолженность эта достигает 7 млрд долларов. Из них 2 млрд приходится на Украину. В общем положение у нас в этом вопросе не из легких. Недавно, например, я сказал: необходимо выделить средства, чтобы электроэнергию дать в Южную Осетию, которая, как вам известно, входит в состав Грузии. Потому что зима, люди страдают от холода. Когда я был еще министром иностранных дел, по просьбе в том числе и американцев мы давали в кредит газ в Сараево. Но это я отвлекся, и отнюдь не для того, чтобы «поплакаться в жилетку», а показать вам наши трудности во всей красе.

У нас есть кое-какие резервы, которые мы будем использовать. Но хочу подчеркнуть, что мы не намерены при этом уменьшать – хоть и маленькие, хоть и недостаточные – те средства, которые хотим вложить в реальный сектор экономики. Потому что тогда мы не обеспечиваем завтрашний день.

Б.: Я хотел бы затронуть ряд вопросов. В прессе, например, сейчас идут сообщения о том – забавно даже как-то получается, – что Международный валютный фонд проявляет заботу о зарплатах и пенсиях в России. Это не означает, что я такой уж либерал. Но мы должны быть убеждены, что собираются достаточные средства, которые обеспечат расходы, сокращаемые до разумных пределов.

В наших переговорах мы продвинулись вперед. Однако надо отдавать себе отчет, что мы сейчас имеем дело с общими подходами. А вот в деталях очень много будет трудностей. Много лет назад я работал в Венгрии. Есть такое выражение в венгерском языке: дьявол сидит в деталях.

П.: У нас есть другое выражение: «адвокат дьявола». Мы согласны: станьте «адвокатом дьявола».

Б.: Я не удивлен, что у вас есть такое выражение. Мы должны быть готовы к тому, что по мере обсуждения рассмотренных вопросов будет возникать еще целый ряд проблем, которые нам придется решать. Те письма, которые были получены, сначала от господина Маслюкова, а потом от вас, помогли сократить тот разрыв, который существовал. Вы цифру упомянули, я с ней согласен: 32 миллиарда. Похоже, что именно о такой сумме мы сейчас говорим.

Но очень хотел бы по возвращении в Вашингтон проинформировать господина Камдессю о том, каково отношение к дальнейшим возможным корректировкам. Потому что ни мы и, как вы только что сказали, ни вы не хотим, чтобы соглашение у нас было достигнуто на основе фальшивых цифр. Я хотел бы, чтобы в результате дальнейших переговоров с вашими коллегами, может быть, с вами лично я был в состоянии убедить господина Камдессю, что эта дополнительная сумма будет найдена.

П.: Мне кажется ваша позиция разумной. Моих коллег я попрошу быть абсолютно конструктивными. Что касается вас, то я очень просил бы взвешивать реальность тех или иных предложений, реальность, естественно, не с точки зрения их абстрактной справедливости.

Ж. Беланже согласился с этим, но, как оказалось, только на словах.

Б.: Мы вам назвали ряд областей, в которых могут быть деньги. Как насчет «Газпрома»? Дело в том, что «Газпром» не уплачивает то, что по закону должен платить в бюджет.

П.: Я вам хочу кое-что объяснить. «Газпром» – акционерное общество. Я попросил подсчитать, сколько в общей сложности мы у «Газпрома» должны взять на основе закона о бюджете. Вышло: 54 млрд рублей плюс 5,4 млрд рублей – экспортные пошлины. Итого – 59,4 млрд рублей. Я председателю правления «Газпрома» Вяхиреву говорю – 62. Он недоумевает – почему?

Я отвечаю: так нужно государству, меньше не можем. Вот какой разговор был. А вы нас упрекаете в том, что мы не берем налогов у «Газпрома». Я и сейчас буду нажимать, чтобы «Газпром» учитывал необходимость индексации по динамике курса рубля. Мы это сделаем. Но Вяхирев мне тоже может сказать, и с этим придется считаться: в таком случае я прекращаю поставку газа в Беларусь, на Украину, в Грузию, пока они мне не выплатят долги; я устанавливаю на внутреннем рынке цены, равные экспортным; я прекращаю поставки газа тем электростанциям, а это преобладающее большинство, которые мне не платят.

Что мы можем сделать? Вы часто – и я вас понимаю – мерите мерками цивилизованной рыночной экономики. У нас такая экономика, уверен, будет, но пока ее нет.

Дальше со стороны Беланже начали звучать нравоучительные нотки.

Б.: Необходимо делать шаги в этом направлении, в том числе очень важные шаги. И среди них – заставить всех выплачивать налоги в денежной форме и создать такие условия, когда все компании, да и Украина, выплачивали бы за газ или за коммунальные услуги в денежной форме.

Я стал внутренне понемногу «закипать», но только внутренне.

П.: Мы к этому стремимся. И у нас процент в денежной выплате растет. Динамика есть, она неплохая. Но в один присест решить проблему невозможно. Мне сейчас записку передали. В этом году увеличились платежи «Газпрома» живыми деньгами. Но я не могу сразу требовать от него выхода на 100 процентов. Потому что и он мне тогда вполне резонно скажет: обеспечьте и мне 100-процентное покрытие газа живыми деньгами. Нельзя зарезать корову, которая дает молоко! Поэтому нам надо очень тонко подходить ко всему этому.

Что мы вынуждены подчас делать? Вот Беларусь нам должна за газ, и этот долг хоть как-то нужно получить.

И мы берем у нее частично необходимыми товарами, продовольствием. И это все отдается «Газпрому» для реализации.

Б.: Тогда они должны все это продать, а полученные денежные средства перечислить в бюджет.

П.: Нет. Это их средства. Они только налоги перечисляют.

Б.: Вчера мне господин Родионов сказал, что «Газпром» готов выплачивать в полном объеме все свои налоговые обязательства так, как они зафиксированы в законодательстве на сегодняшний день, при условии что правительство будет полностью выплачивать по своим счетам. И он сказал, что готов это делать в денежной форме. Но он также заявил, что вместо того, чтобы давать вам эти деньги в обмен на будущие инвестиции, он лучше возьмет кредит, возьмет заем.

П.: Пусть господин Родионов вам не подыгрывает. Он совершенно по-другому говорил, когда был министром.

Б.: Мне надо было на пленку записывать.

П.: Надо было еще записывать тогда, когда он был министром.

Понимаете, все увязано. Вот, по вашим словам, он говорит, пускай заплатит нам правительство, но ведь платить ему должны электростанции. РАО «ЕЭС» – а это акционерное общество. Дальше. Мы под давлением Международного банка – и я считаю, что это правильно, – приватизируем угольные шахты. А электростанции не получают от угольщиков и сами не платят. Денежная доля увеличивается, но в то же время она не достигает 100 процентов и не достигнет в ближайшее время. Потому что это еще полурыночная экономика. Понимаете?

Б.: Вот почему надо давить на то, чтобы увеличить собираемость налогов.

П.: Мы давим. Ввели банкротство предприятий, которые не платят. Но давайте будем исходить из действительности, с чем мы сразу столкнулись? Значительная

часть этих банкротств – ложные. Не хотят платить. Делят предприятие на части. Ликвидные средства переносят в одну часть, а остальное банкротится. Борются против этого? Боремся и будем наращивать борьбу с теми, кто нарушает закон. Уже по этим 6 месяцам видно, как действует правительство.

Сейчас чуть-чуть оживилась экономика. Пока чуть-чуть. Но мы рассчитываем на большее. Мы не замкнулись и не изолировались, мы считаем себя частью мирового хозяйства. Поддержка отечественного производителя не расценивается как альтернатива привлечению иностранного капитала. Мы провели через Госдуму закон о разделе продукции. До нас никто этого не мог сделать. Мы провели закон об инвестициях. Мы сейчас проводим закон о концессиях. Неужели в МВФ не видят ни наших реальных трудностей, ни наших усилий по их преодолению? Нам нужно именно в настоящий момент подписать соглашение с МВФ, которое базируется на взаимопонимании.

Б.: Совершенно очевидно, что мы тоже стремимся к достижению соглашения.

Я почувствовал необходимость жесткой реакции на эту фразу Беланже и сказал: «Сомневаюсь в том, что вы стремитесь к подписанию соглашения».

– Просто даже себе представить невозможно, что МВФ не хочет заключать соглашение, – тут же отреагировал Беланже. – Но нам нужно такое соглашение, которое уже сейчас приведет к устойчивым корректировкам ваших планов в отношении доходной части бюджета. Иначе давление будет нарастать, и в какой-то момент вам придется делать корректировки в большем объеме. На этой неделе я не устал повторять, что причина, по которой вам понадобятся дополнительные деньги, состоит, например, в том, что вам придется выделять на пенсии дополнительные средства.

– Это понятно, – продолжал я убеждать собеседника, вернее, пытаться его убедить. – Но это замкнутый круг. Если мы не договариваемся с Международным валютным фондом, тогда перед нами стоят худшие перспективы, в том числе по вопросу о размерах повышения пенсий. Вот смотрите. МВФ дает Индонезии 20 миллиардов долларов. Вы даете Таиланду 17 с лишним миллиардов. А вы сравнивали их пенсию в реальном выражении с той пенсией, которую они получали три года тому назад? И вы считаете, что она выросла? И вы считаете, что выросла у них реальная зарплата за это время?

Беланже вел свою «параллельную партию».

– Нет, – сказал он. – Я не прошу, чтобы у вас произошло увеличение пенсий. Я просто хочу, чтобы индексация была в разумных пределах. Не очень отстающая от растущих цен.

– И мы хотим. Неужели вы думаете, что не хотим?

Понимая, что разговор опять заходит в тупик, я перешел к другой теме.

П.: Здесь сидит исполнительный директор МВФ от России Можин. Он говорил мне, что есть такие настроения, чтобы установить срок наблюдения, а затем решать – подписывать или не подписывать соглашение с нами. Но мы шесть месяцев уже работаем. Уже можно установить, кто мы, как действуем, уходим ли мы или не уходим от каких-то общих ценностей. Можете еще один критерий ввести: как мы относимся к стабилизации на макроуровне.

Б.: Я вернусь к вопросу о наблюдательном периоде, то есть о накоплении стажа выполнения согласованных мер. Но мне один из моих коллег передал записку насчет Индонезии, Таиланда и так далее. Другие-то страны жалуются, что мы к России относимся лучше, чем к остальным. Я могу вам сказать, что Украина очень жалуется по этому поводу.

П.: Что, Украина? Я говорю о тех странах, которые уже получают кредиты от МВФ. При чем тут Украина?

Б.: Украина жалуется, что к России мы относимся лучше. Представители Украины нам говорили, что они абсолютно уверены – мы никогда не пойдём на заключение соглашений с Украиной, пока такое соглашение не будет заключено с Россией. Они считают это дискриминацией.

П.: Да мы не против того. Дайте Украине кредиты. Пожалуйста.

Б.: Мы намерены работать с максимальной конструктивностью. Я надеюсь, что после ваших переговоров с директором-распорядителем МВФ наша миссия вернется сюда для продолжения переговоров. И я надеюсь, что господин Задорнов сможет выполнить то, что он пообещал. Тогда у нас в действительности произойдет сокращение размера разногласий. Но вы будьте готовы к тому, что директор-распорядитель задаст вам очень конкретные вопросы.

П.: И я буду конкретные вопросы ему задавать. Есть три сценария. Один, который мы хотели бы осуществить, – это прийти к согласию. Допустим, мы договариваемся и вы возвращаетесь в Москву для составления документов. Это для нас лучший сценарий. Второй: мы знаем, что вы не хотите нам дать кредиты. Это для нас плохо. Плохо будет и для страны, и для правительства. Я думаю, что это и не в интересах МВФ. Но такой вариант, пусть пока гипотетический, все-таки возможен. Однако есть и третий сценарий, который для нас абсолютно неприемлем, – это выжидательная позиция и бесконечные переговоры.

Б.: Я считаю, что мы проявляем достаточно доброй воли в этих переговорах. Мы не играем в игру, которая означает бесконечные переговоры. Что касается наблюдательного срока, то здесь никакой дискриминации по отношению к России не осуществляется. Я думаю, что вы сумели удержать стабильность шесть месяцев, и это следует поставить вам в большую заслугу. Как в будущем?

У нас уже есть опыт работы, который свидетельствует о том, что и раньше кое-что записывалось, но никогда не осуществлялось. А сейчас господин Задорнов хочет, чтобы я на слово поверил, что все будет осуществлено. Поэтому и нужен период накопления стажа выполнения предусмотренных мер.

П.: Я понимаю, если что-то записано, то должно выполняться. За нами наблюдать не надо. Если берем на себя какие-то обязательства, то они будут выполняться. Но у нашего правительства отношения с МВФ пока складываются в виде приятных и полезных переговоров. И только. У нас пока нет никакого продвижения, условно говоря, к их материальной имплементации.

Так закончилась эта беседа.

В конце марта в Москву вновь приехал директор-распорядитель МВФ. Я по телефону настаивал на его приезде, особенно после того как не долетел до США и не встретился с ним. Беседа с Камдессю, сначала в широком составе, а потом один на один, состоялась в Доме правительства 29 марта. М. Камдессю уже успел увидеться с главами Совета Федерации и Государственной Думы, руководителями фракций, Патриархом Алексием II, не говоря уже о Геращенко, Задорнове, Боосе, Вяхиреве и других. Состоялся разговор по телефону Камдессю с президентом. «Благодарю за хорошую организацию работы, – сказал Камдессю в начале нашей встречи. – Я имел возможность побеседовать с рекордным числом руководителей».

А затем все опять «пошло по кругу».

Михаил Задорнов сказал мне, что вопрос «повис» на 17 млрд рублей, которые дополнительно необходимы для «разумного увеличения расходов и выхода на профицит в 2 процента».

Но не тут-то было. «Не только эти 17 миллиардов, но к ним следует прибавить все, что понадобится для корректировки зарплат и пенсий с учетом уровня инфляции», – ехидно улыбаясь, заявил Камдессю.

При поддержке Маслюкова, Задорнова и Бооса я пробовал доказать, что мы не сможем полностью компенсировать за один 1999 год падение в реальной заработной плате, пенсиях, денежном довольствии, происшедшее во втором полугодии 1998 года, т. е. сразу погасить все катастрофические последствия 17 августа. Во втором полугодии 1998 года нам было не до компенсации – в первую очередь надо было закрыть проблему кризиса, провести стабилизацию экономики в целом. Однако уже во второй половине 1998 года мы вышли на регулярную выплату зарплаты, пенсий, стали решительно сокращать, а по ряду выплат ликвидировали долги. А с 1999 года начинается компенсация, причем немалая. И средства на нее заложены в бюджет. Но тем не менее в течение 1999 года мы никак не сможем компенсировать все, что потеряло население в результате событий 17 августа 1998 года. Надо также принять во внимание, что хуже будет, если проведем индексацию, но не обеспечим ее доходами и опять начнем накапливать долги по зарплате, пенсиям, денежному довольствию армии.

Камдессю и его команда выслушали все наши объяснения, но вдруг появилась новая цифра требуемого увеличения доходов – 45 млрд рублей «как минимум»!

– Мы все время возвращаемся на те же позиции. От одной миссии МВФ до другой сокращаем разногласия, и вдруг снова откат, – сказал я. – Вчера мы пришли к цифре в 17 миллиардов, а сегодня выясняется, что вы хотите ее увеличить почти в три раза.

– Я знаю, что у вас очень тяжелая проблема с индексацией зарплат и пенсий, – как бы примирительно ответил Камдессю. Но давайте посмотрим, что вы получили бы, если бы полностью проиндексировали также свои доходы. А именно, если бы покупатели бензина на бензоколонке и покупатели алкоголя платили бы в реальном выражении то же самое, что они платили в июле 1998 года.

При этом Камдессю подчеркнул, что «хотел бы показать нам наиболее легкие способы пополнения доходной части бюджета». Но он по сути дела не прореагировал на мои слова о том, что в 1998 году цена бутылки водки была равна 4 долл., т. е. примерно 24 руб., а по нынешнему курсу в 23–24 руб. за доллар цена поднимается до 100 руб., т. е. будет составлять десятую часть средней заработной платы. «Если мы последуем вашей рекомендации, – добавил я, – этого правительства не будет через несколько дней».

– Не понимаю, – упорствовал Камдессю, почему любители алкоголя должны платить меньше, чем в 1998 году?

– Да они не платят меньше. Они получают меньше. Если мы установим цену в 100 рублей за бутылку водки, то ее будут подпольно делать и продавать. Из любой гадости будут делать и травить людей. Это же реальная жизнь.

– Восстановив акциз до того уровня, который был в 1998 году, – продолжал тянуть свою линию Камдессю, – вы получите дополнительно 3,5 миллиардов рублей. В августе прошлого года люди не травились же.

– Еще как травились. Знаете ли вы, – не выдержал я, – что только за 1997–98 годы у нас от недоброкачественной водки погибло больше людей, чем мы потеряли за всю войну в Афганистане?!

– Просто потрясает, – перешел на другую тему Камдессю, – что в России налогообложение высокооктанового бензина составляет 1 цент за литр, в то время как в целом в Европе – 25 центов за литр, а в США, которые тоже производители, 10 центов за литр. Если бы вы в течение нынешнего года достигли уровня этого акциза США, то получили бы в бюджет дополнительно 20 миллиардов рублей.

– За счет чего, покажите? Вы берете весь бензин. А вы возьмите только высокооктановый и покажите, каким образом я получу 20 млрд. На весь бензин мы не можем

поднять акцизы. Это ударит по сельским труженикам, армии. У нас к тому же миллионы людей, у которых старые автомашины, прослужившие 10–15 лет. Их постоянно латают, и эти автомашины заправляются низкооктановым бензином.

– Извините, – согласился Камдессю. – Сейчас уточню цифры. Нам дали неправильную информацию. Надо было бы раньше ее дать нам.

– Вы же понимаете, – продолжал я, – что и в целом сопоставлять одни лишь цены в США и у нас просто нельзя. Вы сопоставьте долю этих цен в средней заработной плате в США, у нас и во Франции. И если Вы мне покажете, что эта доля у нас меньше, чем во Франции или Соединенных Штатах, тогда я подниму руки.

– Вы говорите, что не можете получить столько, сколько я предлагаю, путем увеличения акциза на бензин, – сказал Камдессю. – Хорошо. Но существует ряд других областей, в которых вы могли бы взять деньги. «Газпром», например. Кроме того мы договорились, что обдумаете вопрос о пошлине в размере 5 экю за тонну вне зависимости от цены на нефть.

– Мы уже установили пошлину в 5 экю, но если цена за баррель будет выше 12 долларов. Больше пока брать не можем. В будущем, как мы считаем, цена будет повышаться. В постановлении правительства у нас записано прямо, что пошлины будут индексироваться.

Выяснилось, что директор-распорядитель не видел этого постановления. Не ведал он и о многом другом из того, что уже сделало правительство. Вместе с тем я как-то прочувствовал во время нашей беседы возможность того, что отдельные политики, или скорее политиканы, главным образом из России, целенаправленно снабжали его такой информацией, которая отнюдь не располагала Камдессю к договоренностям с нашим правительством.

Не хочу осуждать Камдессю, хотя и можно было бы предъявить ему ряд претензий. В целом он все-таки был

настроен позитивно. Когда Камдессю, может быть, не совсем умело или не совсем со знанием наших дел подсказывал, как увеличить доход, то за этим, уверен, стояло в конечном счете стремление не дать рухнуть российскому бюджету. На его памяти была практика, когда на утверждение Госдумы представлялись нереальные по исполнению бюджеты, заранее ориентированные на неизбежную корректировку по расходам, а источником необходимых средств был в основном Международный валютный фонд. Камдессю не верил, что мы не пойдём тем же путем. Недоверчиво отнесся он и к моим словам о том, что мы надеемся на дополнительные доходы за счет заработавшей экономики. В качестве примера я специально привел не сырьевые отрасли, а машиностроение, где заказы в январе 1999 года по сравнению с январем (!) 1998 года выросли в три с половиной раза. На его лице был написан скептицизм.

Во время переговоров я проворачивал все это в уме и решил, что настал момент энергично подытожить.

– Господин Камдессю, я договорился с вами о том, что мы жестко обеспечиваем 2-процентный профицит. Я за это отвечаю. Может быть, для этого понадобится увеличить доходы на 11, а может быть, на 18 миллиардов рублей. Я сейчас эту цифру фиксировать не хочу. Могу вам зафиксировать мое отношение к профициту. Все. Понимаете? Давайте так и договоримся, потому что мы идем по кругу.

Далее. Правительство будет стремиться к тому, чтобы покупательная способность населения в 1999 году в целом была не ниже чем 85 процентов от периода с 1 января до 17 августа 1998 года, а в 2000 году уже полностью индексирует все потери населения от августовского кризиса 1998 года. Правительство будет делать все от него зависящее для *постоянного* – хочу это подчеркнуть особо – подъема реальных доходов населения. Если хотите, запишем в коммюнике, что МВФ рекомендует нам, чтобы

все дополнительные источники были задействованы для достижения этой цели. Вы удовлетворены, – спросил я?

– Хорошо, – согласился директор-распорядитель. Но тут же зарезервировал за собой право «зафиксировать понимание» по другим проблемам кроме бюджета. Некоторые из них, по его словам, будут определены во время приезда следующей миссии МВФ. В ответ на мою просьбу уточнить, о какой миссии идет речь, Камдессю сказал, что следует продолжить встречи и в Москве, и в Вашингтоне, чтобы разработать— «мы уже близки к этому» – согласованное заявление в соответствии с установленными формами в МВФ. Оно явится основанием для предоставления кредита Российской Федерации.

Напоследок Камдессю сказал: «Есть еще вопросы, связанные с печальной историей компании “Фимако”⁵. Мы должны получить документ о результатах расследования. И тогда МВФ может скорректировать систему предоставления вам средств, систему перечисления денег. Кроме того, чтобы восстановить честь жены Цезаря, я должен получить письмо от Генерального прокурора Российской Федерации о том, что обвинения, которые были выдвинуты против Центрального банка России, не обоснованы».

– Жена Цезаря вне подозрений, – парировал я, в то же время понимая, что шутками тут не отделаешься.

– Я хочу сказать, что эта история наносит огромный ущерб вашей стране, – продолжал Камдессю. – Я не желаю усложнять положение, но в будущем, очевидно, не следует перечислять наши средства, предназначенные России, на счет в каком-то третьем банке в Лондоне, Цюрихе или Нью-Йорке. Не хочу этого, потому что считаю, что это ставит вас в какие-то «треугольные» отношения с нами.

Мне оставалось сказать директору-распорядителю, что Генеральная прокуратура России ведет следствие и, пока оно не закончится, не смогу просить прислать

письмо в МВФ об отсутствии претензий к Центральному банку. Одновременно подчеркнул, что к нынешнему руководству Центробанка, насколько я знаю, претензий не предъявляется. Если же причина задержки в предоставлении кредитов России в «треугольных» отношениях, то чего же проще – не нужен будет никакой контроль за использованием нами получаемых средств, если МВФ просто переведет их с одного своего счета на другой свой счет и зачет эту сумму за выплату долгов России по кредитам.

Что касается «Фимако», то в печати были приведены кое-какие факты из ее истории: зарегистрирована на Нормандских островах по поручению Евробанка, 78 процентов капитала которого принадлежит России. В «Фимако» – малоизвестную в то время офшорную компанию с уставным капиталом в 1 тыс. долл. – Центробанк перевел в одном лишь 1993 году помимо одного миллиарда долларов из собственных средств еще 500 млн и, наконец, 800 млн долл. из траншей, полученных от МВФ. В дальнейшем закачка средств в «Фимако» продолжалась. Компания использовалась и на рынке ГКО, будучи «своей» и в то же время «иностранной».

Мои познания в области операций «Фимако» или с помощью «Фимако» за пределы этой информации не распространялись. Но я, так же как и Камдессю, знал, что она фигурирует в одном из уголовных дел Генпрокуратуры. Решил эту тему с подачи Камдессю не «подхватывать» в беседе.

Несмотря на трудные переговоры, расстались мы с Камдессю на хорошей ноте. Но к этому времени уже стало ясно, что возможность реального продвижения к соглашению с МВФ, хотя и зависит от той личности, которая находится во главе фонда, определяется в наибольшей степени позицией Соединенных Штатов.

Кстати, практически одновременно с Камдессю у нас проходили встречи с президентом Международного банка

реконструкции и развития Дж. Вулфенсоном. Самые лучшие воспоминания остались у меня и моих коллег от бесед с этим незаурядным, доброжелательным человеком, стремившимся вникнуть в суть проблем, познать особенности нашей российской действительности и максимально, в меру своих возможностей, помочь нам.

С глубокой признательностью отнесся к письму Вулфенсона, направленному им по следам моего снятия с поста председателя правительства. В этом письме высоко оценивается деятельность нашего кабинета и выражается недоумение по поводу его отстранения.

Тронуло меня и то, что в июне 2000 года, приехав в Москву на полтора дня, Вулфенсон встретился с президентом Путиным, председателем правительства Касьяновым и не оставил без внимания меня – мы провели с ним полтора часа, непринужденно беседуя на многие темы. Полностью разделил его озабоченность в связи с неравномерностью развития демографической ситуации в мире. По словам этого глубоко мыслящего человека, именно это и приведет уже через 30–40 лет к серьезнейшим катаклизмам. «Думаете, я в МБРР работаю из-за высокого жалованья? Нет, я хочу быть полезным, особенно в преддверии развития такой ситуации», – сказал Вулфенсон.

Я абсолютно уверен в искренности этих слов.

Но это уже позже. В момент нахождения правительства у власти переговоры с Вулфенсоном и его командой шли конструктивно, с успехом. Были согласованы крупные займы от МБРР на развитие угольной промышленности, социальные нужды. Но их получение опять-таки находилось в зависимости – это по уставу Банка – от факта соглашения с МВФ. А ключи от соглашения находились, как бы это ни отрицали при встречах со мной американские представители, в руках США – главного акционера МВФ.

II. Сумбурная позиция Вашингтона?

Накануне моей поездки в Давос, где раз в год собираются на форум известные представители деловых, политических кругов, главы правительств и даже государств, 14 ноября 1998 года, я получил послание вице-президента США А. Гора. «Я поручил моим советникам изучить нынешнее экономическое положение России и выработать оптимальные рекомендации, как России следует поступить в дальнейшем, – писал Гор. – Я направляю вам эти оценки. Это откровенный, даже резкий документ, но он честно отражает наши взгляды. Мы хотим разработать конструктивные предложения о том, каким образом США и другим странам работать с Россией в интересах обеспечения экономической стабилизации и продвижения реформ».

Позже удалось выяснить, что автор прилагаемого к письму А. Гора «Меморандума по вопросу о российском экономическом кризисе» Л. Саммерс – один из видных американских экспертов, первый заместитель министра финансов США.

Глазам своим не поверил, знакомясь с этим документом, как во многом созвучны его оценки с нашими по поводу причин экономического кризиса в России. Хочу процитировать дословно.

«Уроки из усилий по проведению преобразований, предпринимавшихся до сих пор. Кризис обострил то, что было ясно уже некоторое время назад. В России нет главных основ здоровой рыночной экономики: доверия к национальной валюте как источнику ценности (или даже средству платежа в крупных сделках); банковской системы, которая выдает кредиты не связанным с ней частным фирмам; правовой системы, которая защищает

права собственников и инвесторов; справедливой системы регулирования и сбора налогов, которая обеспечивает предсказуемый, конкурентный, прозрачный деловой климат, эффективно обеспечивает правительство финансовыми ресурсами и не служит механизмом государственной коррупции.

В России существует по крайней мере две школы мысли на то, почему эти основы до сих пор не были развиты в России. Первая из них утверждает, что для развития этих основ требовалось длительное время везде, даже на Западе. Кроме того, у российских реформаторов были нереалистичные ожидания относительно сроков разработки рыночных инструментов, законов и накопления рыночного опыта, которых никогда не существовало в России. Согласно другой школе, США и Западная, а также Центральная и Восточная Европа не могут служить моделями для России. Более важное значение для нее могут иметь азиатские пути развития, которые в большей степени зависят от сотрудничества и взаимосвязи государственного и частного секторов.

Вероятно, правы и те, и другие. Но для России главным является роль государства. Иронией последствий советского периода является то, что опыт коммунизма серьезно подорвал, а может быть, даже и разрушил доверие российского народа к государству, его желание делегировать ему власть, его веру в способность государства обеспечить эффективную социальную защиту...

Модель рыночной демократии остается правильной для России, однако ей должна быть обеспечена поддержка со стороны государства, которое создает конкурентную, упорядоченную, предсказуемую и прозрачную среду. Нет никаких культурных или исключительно российских особенностей в том, что страна не смогла в течение последних шести лет идти к инвестированию и росту. Наоборот, плачевные экономические результаты объясняются естественной реакцией со стороны части

российского населения и бизнеса на очевидные неудачи в области политики регулирования и правовой системы».

Ключевой фразой была следующая: «Премьер-министр Примаков и его правительство стоят перед чрезвычайно сложной, но неизбежной задачей выработки нового экономического курса».

Все это звучало как явная критика в отношении авторов и проводников экономической политики в России в предшествовавшие девяностые годы. Но почему об этом в таких определенных выражениях американские руководители не говорили ни Гайдару, ни Чубайсу, ни Федорову, ни Черномырдину, наконец, Ельцину? Почему *тогда*, до нашего прихода, они не определялись в пользу серьезного вмешательства государства в экономику – конечно, цивилизованного и с полным учетом перехода страны к рыночным отношениям, – в пользу резкого усиления роли государства?

И Клинтона, и Гора особенно в предвыборный период 1999–2000 годов их оппоненты-республиканцы упрекали за то, что они слишком много «дали России». По сути эти упреки безосновательны. В экономическом плане, даже не только материально, но и в реальных рекомендациях практически ничего не дали, а в научно-техническом многое получили, да за бесценок, в том числе и через «утечку мозгов» из России. С горечью, болью сказал в одном из своих интервью Президент Российской Академии наук Ю.С. Осипов: «Мы должны понимать, что многие представители самых перспективных направлений науки XXI века, получив прекрасное образование и воспитание в научных школах Академии наук и лучших университетах России, пополняют сегодня научные сообщества и фирмы США, Германии, Франции, Канады и других стран».

Политика «приручения» России, на которую делали ставку руководители США в девяностые годы, стоила им совсем недорого. Готов по этому вопросу «взять под защиту» и президента Клинтона, и вице-президента Гора.

Но вернемся к американскому меморандуму, направленному мне вице-президентом США. Кроме оценок текущего положения и причин кризиса в России в нем сохранился ряд предлагаемых мер. Многие из них уже осуществлялись нами. Например, жесткое ограничение эмиссии, отказ от эмиссии для финансирования «неизбирательного спасения банков», отказ от мер по сокращению конвертируемости рубля, переход к политике «плавающего» валютного курса «с возможностью его фиксации в будущем, когда будут созданы адекватные макроэкономические условия», ликвидация долгов в сфере выплат зарплат и пенсий, проведение аудиторских проверок банков «для того, чтобы определить немногие из них, которые нужно сохранить в соответствии с предложениями Центрального банка», замена собственников и управляющих неплатежеспособных банков, обеспечение более состоятельных и прозрачных «процедур приватизации», увеличение сбора налогов в денежной форме и т. д.

Другие предложения совпадали с нашими намерениями: налоговая реформа при снижении уровня налогов, но их сбор на более широкой, предсказуемой и честной основе, «чтобы перевести субъекты из неофициального в официальный сектор», изменение «системы российского налогового федерализма в сторону лучшего сочетания доходов с ответственностью», «отделение банков от крупных финансово-промышленных групп», «реализация на практике законодательства о разделе продукции для разблокирования поступления миллиардов долларов в форме прямых иностранных инвестиций в российский энергетический сектор», разрешение «более широкого участия иностранных банков в деле строительства здоровой, хорошо управляемой банковской системы, которая кредитует “реальный сектор экономики”», гарантия защиты прав интеллектуальной собственности. И дальше: «поставить вне закона конкретные недобро-

совестные действия главных акционеров, бороться с преступностью и коррупцией в органах милиции». Ну как будто американцы слышали наши обсуждения на заседаниях правительства и возвращали нам наши собственные планы в виде своих советов!

Но были и такие рекомендации, которые на данном этапе мы осуществить не могли. К примеру, повышение пенсионного возраста, отказ от субсидий и прямых кредитов, специальный налоговый режим для иностранных инвестиций в энергетическом секторе.

После получения послания А. Гора, сопровождаемого меморандумом, с положениями которого во многом был согласен, в хорошем настроении поехал в Давос, где должна была состояться моя встреча с вице-президентом США. После выступления на форуме, в котором я обозначил основные направления деятельности правительства, поехал в резиденцию Гора. Он меня встретил очень любезно. В основном разговор касался событий в Косово, но вот в холл деревянного двухэтажного коттеджа, где происходила беседа, зашел Ларри Саммерс. Обратившись к нему, я сказал, что полученный нами меморандум – очень интересный документ. Каково же было мое удивление, когда он, улыбаясь, ответил: «Но вы же далеки от выполнения рекомендуемых “ключевых мер”». Вот, оказывается, откуда «дул ветер». Напомню, что эта встреча происходила уже после того, как прошли первые контакты с МВФ.

Гор явно стремился разрядить обстановку, подчеркивая важный характер проводимой беседы. Но на душе от этого не легчало. Неужели до такой степени можно заранее программировать линию, вне зависимости от того, как действует или как намерен действовать твой собеседник? Оказывается, можно.

Я в этом убедился и при встрече с моим давнишним знакомым, первым заместителем госсекретаря США Стробом Тэлботтом 23 февраля 1999 года в Белом доме

в Москве. Перед встречей мне был вручен меморандум Тэлботта под названием «Вопросы экономики». Чего только в нем не было! Сначала утверждение, что США инициировали «пакет многосторонней помощи» России со стороны «Большой семерки». Затем прямые угрозы: «В течение последнего года наш диалог по вопросам экономики стал походить на диалог глухих... если вы сделаете ошибочный вывод, что мы желаем вам зла, что мы желаем вашего провала, возрастет вероятность того, что нам не удастся договориться по другим вопросам».

Далее в меморандуме «констатировалось»: «Несмотря на усилия МВФ, визит Камдессю, его последующее письмо, а также длительный визит его команды в январе, ваше правительство пока не проявило реальной готовности к проведению сугубо технических дискуссий, необходимых для достижения соглашения о новой программе займов. Тем не менее по итогам ваших встреч с Мадлен (Олбрайт. – *Е.П.*), вице-президентом Гором и другими в Давосе у нас сложилось впечатление, что вы считаете это политическим вопросом – Билл Клинтон, дескать, может просто заявить, что Россия должна получить поддержку МВФ и остальные члены семерки согласятся с этой рекомендацией».

Далее приводился целый набор аргументов против незамедлительной договоренности с МВФ: «В течение считанных месяцев деньги будут либо съедены инфляцией, либо потеряны в результате бегства капитала, причем бремя российских долгов станет еще тяжелее, а экономика окажется в еще более тяжелом положении. Независимо от поддержки со стороны МВФ, если у вас не будет рациональной экономической программы, вам придется включить печатный станок для того, чтобы заплатить по счетам, либо залезть в долги». А затем общее заключение: «Результаты проведенного в МВФ анализа совершенно ясны. Существующий бюджет не позволяет выплачивать зарплаты и пенсионные пособия. МВФ не

стремится к уменьшению этих бюджетных расходов, однако для того чтобы защитить зарплаты и пенсии, вам нужен новый план расходов и более высокий уровень поступлений в бюджет. Кроме того, программа МВФ необходима для того, чтобы открыть дорогу к пересмотру погашения долгов».

«Так же, как и в переговорах о контроле над вооружениями, – снисходительно советовал Тэлботт, – переговоры с МВФ требуют большого объема трудной технической работы. Обеим сторонам необходимо укрепить доверие и проработать огромное количество сложных вопросов. Однако в настоящий момент, несмотря на большую заинтересованность сторон, все еще не создан фундамент для взаимного доверия и урегулирования основных технических проблем. Именно это должно стать отправной точкой вашего взаимодействия с МВФ».

«Должно стать», «следует сделать», «вам нужно решить» – не слишком ли много императивных интонаций?

Они всю проявились и в разделе меморандума «Что делать»: вам и МВФ необходимо прийти к согласию по поводу того, каким образом можно обеспечить рациональную основу бюджета. Необходимо, чтобы МВФ на основе сугубо технических и конкретных данных понимал, каким образом вы собираетесь обеспечить поступления в бюджет большого количества денежных средств для финансирования всех приоритетных направлений вашей политики и создать противовес заложенным в бюджете необоснованным посылкам относительно курса рубля, инфляции и расходов. Необходимо, чтобы вами были приняты фундаментальные политические решения, с тем чтобы добиться прогресса в этих областях и дать международному сообществу возможность оказать соответствующую поддержку.

А дальше уже требования, касающиеся даже внутренних дел правительства России: координатор по вопросам взаимодействия с МВФ должен быть наделен полномо-

чиями по урегулированию возможных разногласий между различными структурами правительства. По вопросам структурной перестройки банковского сектора следует обеспечить вашим сотрудникам необходимую поддержку, позволяющую им решить эту задачу. Следует также спросить у них, в чем, по их мнению, заключаются проблемы.

«Хочу, чтобы вы понимали, – говорилось в меморандуме, – сколько политических и экономических усилий мы в это вложили. Речь идет о многих миллиардах долларов – и не только о фондах, предоставляемых по линии МВФ, но и о том, какого рода содействие предполагается оказать в погашении долга. Это означает, что такая же решимость должна быть проявлена и с вашей стороны – решимость предпринимать активные шаги».

Не скрою, я был возмущен, прочитав это «эссе» по вопросам экономики. За кого они нас принимают? Неужели Тэлботт, кстати, один, как я уверен, из наших доброжелателей и тех, кто по-настоящему знает Россию, думает, что настало время с нами разговаривать таким тоном? Я не сомневался, что ему «помогли» в составлении меморандума. Но это не меняло дела. Тэлботт – это не секрет – очень близок к президенту Клинтону. Поэтому я решил во время встречи со Струобом, с которым – еще раз хочу подчеркнуть – нахожусь в приятельских отношениях, поставить все точки над «i». Этой беседе придавал особое значение, так как из меморандума Тэлботта отчетливо сквозило, что решения МВФ диктуются Вашингтоном.

– Я внимательно ознакомился с вашим меморандумом и прямо хочу сказать, что по меньшей мере удивлен, – с этого я начал разговор с С. Тэлботтом 23 февраля 1999 года в Доме правительства в Москве. – Вы пишете, что имеет место диалог глухих. Не согласен. Это монолог глухого и слепого. Думать о том, что мы ничего не делаем, и не видеть того, что делается в стране? Я не знаю,

посол, очевидно, сообщает вам что-то. Есть у вас и аналитики, которые следят за тем, что происходит в России.

Правительство полгода уже находится у власти. Полагать, что за это время произошла только политическая стабилизация, абсолютно неправильно. В экономическом плане достигнуто очень многое. Мы не кричим об этом, потому что не считаем результаты уже «прорывными». Но дело в том, что не подтверждаются те прогнозы, которые были сделаны в Соединенных Штатах. Согласно вашим прогнозам, в январе – феврале вообще все должно было рухнуть в России.

Инфляция прогнозировалась огромных размеров. В феврале же она понизилась до 4 процентов по сравнению с 8 в январе и 11 процентами в декабре. Прогнозировалось, что рубль чуть ли не достигнет отметки 100–120 по отношению к доллару. А рубль у нас сейчас стоит на отметке 22,5–22,8 по отношению к доллару. Я не говорю, что это соотношение не изменится, но мы его сдерживаем.

Вы нас упрекаете в том, что мы не занимаемся экономикой. А почему тогда за пять месяцев существования правительства «неординарное» эмиссионное финансирование составило только 1 миллиард долларов? Это ничтожно мало. Вместе с тем полностью рассчитались с бюджетниками, выплатили задолженность по денежному довольствию армии, платим текущие пенсии, правда, пока еще не выплатили всю задолженность. Поскольку это не эмиссионное финансирование, то откуда берутся средства? Нам ни цента не дали ни МВФ, ни вы, никто не дал. Откуда тогда это все? Значит, увеличились доходы по налогам. Значит, увеличились доходы по таможенным сборам, несмотря на то что в результате финансового кризиса уменьшился импорт. Значит, мы ведем борьбу с коррупцией и преступностью. Значит, медленно-медленно, но идет оживление!

Нельзя быть в плену представлений, абсолютно не имеющих ничего общего с действительностью. И нельзя с нами разговаривать тоном вашего меморандума, – продолжал я. – Мы идем навстречу требованиям МВФ. Мы сделали профицит, как вы пишете правильно, в 2 процента. Но нам говорят: надо еще больше. Все время требуют. А за счет чего? Кто понимает в экономике, ответьте, за счет чего? За счет того, что нужно не платить зарплату бюджетникам или не платить армии. Или когда летчику полагается минимальных 160 налетных часов, а я должен давать горючего только для того, чтобы он летал по 10 часов? Не будет этого. Это правительство уйдет, но не будет этого делать. Не буду я и распатывать социальную ситуацию в стране, чтобы хаос начинался. Ни мы, ни вы не заинтересованы в этом.

Не думайте, что мы удовлетворены экономической ситуацией в стране. Но тяжелое состояние во многом сложилось, потому что вы занимаете выжидательную позицию в отношении России и потому что МВФ занимает такую позицию с вашей подачи. А между тем для нас острейший вопрос – рефинансирование. Потому что мы не можем отложить свои долги МВФ. Без соглашения с МВФ мы не можем получить уже выделенные займы Международного банка реконструкции и развития, не можем получать займы и кредиты по государственной линии на двусторонней основе.

Хотите нас изолировать? Скажите прямо об этом, и тогда мы будем думать, что нам делать и как нам поступать со своей стороны. Откуда такое отношение к нам? Думаете, мы что-то делаем против США? Если это так, скажите нам в открытую об этом. Однако у нас даже в мыслях этого нет.

Опасаетесь, что бюджет принят «липовый»? Но мы не можем внести в бюджет, как вы предлагаете, ряд «реальных соотношений». Вы представляете, если бы мы обозначили в бюджете цифру 40 рублей за доллар? На

следующей неделе было бы уже 40 рублей за доллар. Кириенко обозначил верхний уровень коридора до конца года, а у него рубль достиг этого уровня сразу же через неделю. Мы поступили по-другому: настояли, чтобы бюджет мог корректироваться каждый квартал. В общем, чувствуется с вашей стороны такая снисходительность: вроде пришли люди из университета и учат второгодников в школе.

Теперь хочу о других вещах сказать. Мы получаем от вас сигналы такого содержания: либо будем пересматривать договор по ПРО с вами, либо США в одностороннем порядке примут решение по созданию национальной системы ПРО. Что это, ультиматум? Или по вопросу о Косово. Мадлен Олбрайт сама убеждается, что далеко не одни сербы виноваты. Что дадут военные удары по сербам? Вы нас опять загоняете в угол. К тому же этот готовящийся удар не обоснован ни с какой точки зрения. Не знаю, может быть, я отстал от жизни, но я многого не понимаю.

Простите меня за эмоциональность, – заключил я, – но нас действительно все это очень задевает.

– Единственное, что я полностью отвергаю, Евгений Максимович, это ваши извинения, – ответил Тэлботт. – Я, конечно, знал, когда сюда ехал, что у нас есть трудности в наших отношениях, но за последние 35 минут моя оценка изменилась существенно в направлении большего пессимизма, но все-таки не безнадежности. Я думаю, что мы можем использовать эту встречу, чтобы действительно достичь прогресса в понимании друг друга, подчеркиваю именно это понятие – «понимание». И стагнация в наших отношениях неприемлема, особенно потому, что этого можно избежать. Есть как объективная, так и субъективная основа для того, чтобы резко исправить наши отношения. Думаю, что цель моя будет заключаться в том, чтобы сообщить президенту, вице-президенту и госсекретарю, что, хотя наша беседа была очень откро-

венной, может быть, даже очень сердитой, все-таки был хороший у нас разговор и что это положило основу для дальнейшего продвижения вперед.

Хочу начать с экономики.

Я считаю необходимым сказать, что намерения президента Клинтона и вице-президента Гора на 100 процентов противоположны тому, в чем вы нас подозреваете. Если Россия почувствует себя изолированной, то это действительно будет иметь очень отрицательные последствия для президента и вице-президента (Тэлботт, очевидно, намекал на предвыборную борьбу, во время которой республиканцы умело раскручивали «российскую тему», утверждая о провале политики Клинтона – Гора. – *Е.П.*) и в течение последующих десятилетий для всего мира. И наоборот, если Россия будет интегрированной со всем миром, то мы тогда сможем работать вместе, чтобы решать мировые вопросы. И нет предела потенциалу, который может таким образом создаваться для работы.

– Ваши гости не представляют МВФ, – продолжал Тэлботт. – У вас сегодня непосредственные отношения с господином Камдессю и его коллегами, и мы надеемся, что в конце концов они будут продуктивными. Но мы представляем президента Клинтона и вице-президента Гора. Мне ясно, что не удалась идея в отношении этого документа, на который вы так отреагировали. Когда вернусь в Вашингтон, буду проводить тщательное расследование, но боюсь, что первоначальный вариант этого документа найдется в моем компьютере. И еще более неприятно будет обнаружить, что и президент Америки приложил руку к окончательному «продукту». Он по двум причинам хотел заочно участвовать в сегодняшней встрече. Во-первых, чтобы отметить, что политическое решение помочь России, принятое им еще шесть лет назад, полностью распространяется на правительство, в котором вы являетесь премьер-министром. Все американ-

ские дипломаты, которые здесь присутствуют сегодня, имеют своей целью построить «мост» между положительным политическим решением и еще не решенными экономическими вопросами. И во-вторых, снять спорную между нами проблему, о которой вы не упомянули в своих замечаниях, – это Иран, чтобы разрядить ту «бомбу», которая может взорваться.

Далее по просьбе Тэлботта включился в беседу Карлос Паскуаль – один из ведущих сотрудников государственного департамента США. Он практически повторял то, что уже было сказано Струбом Тэлботтом. Опять высказывались, правда, уже не в такой форме, как в меморандуме, претензии в наш адрес. Опять я объяснял что к чему.

Какой «сухой осадок» остался после этого разговора? Американцы подчеркивали – это сделал и Паскуаль, – что они говорят от имени самого высокого руководства США. Из приведенных ими «аргументов», полностью совпадающих с «доводами» МВФ, да и из прямых высказываний следовало, что существует не только тесная связь между Вашингтоном и фондом, но и направляющая линия США в вопросе предоставления или непредоставления нам финансовой помощи. Собственно, я бы даже сказал точнее, в проведении выжидательной позиции, которая, как, очевидно, кое-кто полагал в Вашингтоне, может стать «многофункциональной». Одна из ее целей – заставить нас после ослабления России в результате 17 августа и под угрозой банкротства при невыплате долгов МВФ следовать или во всяком случае не противодействовать американской линии во внешней политике (назревала события в Косово, не закончилась антисаддамовская операция в Ираке, началось движение в сторону создания национальной противоракетной обороны, что было идентичным одностороннему выходу США из Договора по ПРО 1972 года). Другая цель – внутриамериканская, связанная с попытками усилить демократов

в их предвыборной борьбе с республиканцами, показать им, что нынешнее руководство США не такое уж «беззубое» в отношении России.

К этому времени в американском «истеблишменте», по-видимому, уже сложились две группы. Первая, к которой, как мне представляется, принадлежали и Клинтон, и Олбрайт, и тот же Тэлботт, продолжала считать, что необходимо иметь хорошие отношения с Россией, так как это является неременным условием стабильности на глобальном уровне. Но эпоха «брата Бориса» заканчивается, и следует держать пока Россию на дистанции – кто его знает, как повернутся события в этой стране, где (это по-настоящему настораживало американцев) расширяется процесс коррумпиования и к власти подбираются отдельные олигархи, к которым в результате их нечистоплотности в Соединенных Штатах складывалось явно негативное отношение. Вторая группа вообще считала, что следует игнорировать нынешнюю Россию. Пусть, дескать, поварится в собственном соку.

Полагаю, что далеко не случайно Тэлботт так резко поставил в разговоре, который, казалось бы, не имел к этому никакого непосредственного отношения, тему Ирана. На иранской теме он сосредоточился еще больше, когда после общей встречи мы остались с ним один на один.

На «иранской проблеме», возникшей в российско-американских отношениях, хотел бы остановиться подробнее и я.

Иран – суверенное государство, в котором развиваются сложные процессы. Происходит столкновение все более укрепляющегося «светского начала» с далеко еще не бессильной чисто религиозной идеей, принявшей крайние формы. Выборы президента Хатами показали, что большинство электората – причем немалое – высказывается за отказ от «жесткого исламизма» в организации государства и общества. Это одно измерение происходя-

щих событий. Другое в том, что Кум – религиозная столица Ирана – судя по всему отказывается от «экспорта исламской революции», что было характерно для «ранних исламистов», пришедших к власти после свержения шаха в 1979 году.

Россия внимательно наблюдала за всеми этими изменениями, и не любопытства ради. Иран – соседняя страна, которую связывают с нами многие десятилетия взаимовыгодных отношений. Эти отношения не прерывались и включали в себя не только сильный экономический элемент, но с середины 90-х годов и политическое сотрудничество, особенно по тем вопросам, где у нас сблизились интересы. Это в первую очередь стабилизация положения в Таджикистане и антиэкстремистская позиция в отношении Афганистана. Тегеран проявил заинтересованность в этом, особенно после того, как стало ясно, что не удастся «оседлать» положение в Таджикистане, а талибаны в Афганистане представляют для Ирана серьезную угрозу.

Будучи министром иностранных дел, я провел не одну консультацию и предпринял немало успешных практических шагов совместно с моими иранскими партнерами в деле подготовки и осуществления соглашения между таджикским руководством во главе с президентом Э. Рахмоновым и руководителями исламской оппозиции, часть которой базировалась в Тегеране. Успешно контактировал я и с министром иностранных дел Ирана в Дамаске в 1995 году с целью выхода из кризиса в Ливане, который мог принять угрожающие формы для всего региона при продолжении обстрела израильской Северной Галилеи организацией «Хизбалла» и израильских бомбардировок ливанской территории.

Не раз говорил я о ситуации в Иране с Мадлен Олбрайт, пытаясь показать, что санкции, жесткие формы обращения с этим государством, превращение его чуть ли не в изгоя в мировом сообществе лишь усугубляют об-

становку в этой стране и в этом плане полностью контрпродуктивны.

Россия развивала и развивает экономические отношения с Ираном, в частности строит в Бушере атомную электростанцию. Эта АЭС уже давно стала «притчей во языцех» в российско-американских отношениях. В Вашингтоне оставались глухими к нашим разъяснениям о том, что мы не делаем ничего в Бушере для создания ядерного оружия, что в Иран поставляются легководные реакторы, точно такие же по своим характеристикам и потенциальным возможностям, как те, которые США взяли на себя обязательство поставить КНДР. Были намерения у отдельной российской организации – лишь только намерения – участвовать в создании исследовательского (невоенного) ускорителя и урановой шахты в Иране, но и эти проекты были запрещены президентом РФ. Наши американские партнеры скептически относились и к нашим разъяснениям о том, что военно-техническое сотрудничество с Ираном ограничивается поставками обычных видов вооружений.

Возрастание интереса к российско-иранским отношениям со стороны США обозначилось в довольно резкой форме в 1997–1998 годах, особенно по вопросам ракетостроения в Иране. Эту тему США сделали «сквозной», а подчас чуть ли не самой главной во время встреч с представителями России на всех уровнях. Думаю, что «масла в огонь» подлили израильские и американские спецслужбы, которые, однако, не смогли представить ни одного факта нарушения со стороны государственных органов России международных регламентаций или своих международных обязательств в сотрудничестве с Ираном. А тот список, который буквально тиражировался и передавался нам полностью в идентичном виде американцами, израильянами и даже по их просьбе другими иностранными представителями, содержал в своей преобладающей части либо непроверенные сведения по по-

воду действий частных российских фирм, организаций (например, указывался адрес одной из них, а оказывалось, что там расположено общежитие), либо надуманные обвинения (например, обучение иранских студентов на физическом факультете одного из московских высших учебных заведений).

Но все-таки не было дыма без огня. Дело в том, что отдельные ученые, специалисты, и не только из Российской Федерации, но и из других стран СНГ, могли выезжать в Иран, зачастую через Европу, и проводить консультации по ряду вопросов. Когда я был главой правительства, то ФСБ доложило, что ни один человек, непосредственно принимавший на сколько-нибудь значительном уровне участие в производстве оружия массового уничтожения и средств его доставки, не покидал за последние годы территории России. Но, естественно, нельзя было поручиться, что, скажем, ученый, занимающийся турбулентностью, не в состоянии выехать за границу. Запрет на такой выезд не мог иметь места. Если бы это произошло, то первыми на нас обрушились бы западные демократы. К тому же неконтролируемый выезд за рубеж мог бы осуществляться через открытые границы со странами СНГ, например с Украиной, Грузией, Казахстаном.

Имели место и отдельные попытки в самой России передать иранцам интересующие их закрытые сведения в области вооружений. Однако такие попытки не только не поощрялись, но решительно пресекались Федеральной службой безопасности России, причем без всякой «наводки» со стороны. Об этих акциях ФСБ сообщалось публично. Так что не было никаких оснований приписывать России то, что она не делала и не намеревалась делать.

В ответ на американские представления, которые, как правило, делались в общей форме, мы, как правило, просили представить уточняющие конкретные факты, данные. Я обращался с этим не только к американцам, но и

к израильтянам, когда в качестве министра иностранных дел России совершил визит в Израиль и по настоянию принимающей стороны встретился с руководителями военной разведки. Мне ответили, что не могут представить конкретные данные, так как не хотят подвергать опасности свои источники информации.

Но вернемся к моему разговору с Тэлботтом. Сказал ему, что иранская тема не может по своей природе быть «раздражителем» в российско-американских отношениях. Мы будем строго соблюдать все международные регламентации, но они не должны подменяться навязыванием «правил игры» со стороны США.

К большому сожалению, акцент на «иранскую проблематику» продолжался. В конце 2000 года США стали настаивать на том, чтобы мы прекратили вообще военнотехническое сотрудничество с Ираном. Россия, конечно, не могла подчиниться и не подчинилась такому диктату. Кстати, у нас были гораздо большие основания настаивать на прекращении военного сотрудничества США с Пакистаном, который создал и поддерживает экстремистский режим Талибан, превративший Афганистан в рассадник международного терроризма.

Через месяц после моего разговора с Тэлботтом в США вылетела делегация нашего правительства, возглавляемая Ю.Д. Маслюковым, для окончательных переговоров с МВФ. В послании, адресованном мне, от 30 апреля 1999 года директор-распорядитель МВФ М. Камдессю писал: «Я рад, что нам удалось достичь согласия с господином Маслюковым и его командой по Вашей экономической программе. Я не сомневаюсь, что осуществление этой программы совместно с мерами, которые Вы планируете предпринять в связи с кредитом, предоставляемым Всемирным банком в целях проведения структурной перестройки, усилит макроэкономическую стабильность в России и улучшит перспективы для самой этой перестройки с целью перехода к рыночной эконо-

мике, основанной на денежных потоках. Это приведет к продолжительному экономическому росту.

Я буду рад рекомендовать Исполнительному совету одобрить соглашение по предоставлению России кредита в поддержку Вашей программы в размере 3,3 миллиарда долларов США в течение 18 месяцев, как только Вы предпримете первоначальные меры, способствующие осуществляемой программе...

Несмотря на то, что я не хотел бы определять какую-либо часть программы как более важную, чем другие, тем не менее Вы, должно быть, захотите узнать, что сегодня меня посетил господин Келер – президент Европейского банка реконструкции и развития, с которым мы имели длительную дискуссию по вопросу реструктуризации банковского сектора в России. Я понял, что он обсуждал этот вопрос и с главой Всемирного банка господином Вулфенсоном. Мы все трое убеждены, что правительству необходимо обеспечить сильную политическую поддержку программе по реструктурированию банковской сферы. Я знаю, что могу рассчитывать на Вас в этом деле. Наши три организации проводят совместную работу, и мы надеемся вскоре ознакомить Вас с нашей скоординированной точкой зрения по ключевым вопросам в данной области.

Я могу заверить Вас, что МВФ будет продолжать поддерживать Ваши усилия по реализации экономической программы в эти тяжелые времена. Я прекрасно осознаю те трудности, которые Вам предстоит еще преодолеть, но я также знаю и то, что не существует легкого пути для восстановления экономической стабильности и создания условий для роста».

Казалось, марафонский бег близок к окончанию, однако линия на затягивание решения вопроса о кредитах МВФ была возобновлена при правительствах Степашина, Путина и Касьянова.

III. «Петля» над Атлантикой

Между тем, несмотря на принимаемые нами меры, направленные на привлечение и восстановление доверия иностранных инвесторов, несмотря на то, что наиболее крупные иностранные компании не покинули российский рынок после событий 17 августа, экономические двусторонние отношения России с зарубежными странами тоже оставляли желать лучшего. Ухудшались условия доступа российских товаров на рынки наших торговых партнеров, что болезненно сказывалось на начинающей подниматься российской промышленности. Это снижало и наши возможности по погашению внешнего долга.

Правительство добивалось равных условий допуска на зарубежные рынки. И опять многое упиралось в позицию США. На середину двадцатых чисел марта было назначено заседание российско-американской комиссии, которую возглавлял со стороны США вице-президент А. Гор, а с нашей – сменявшие друг друга председатели правительства: Черномырдин, Кириенко и я.

Мы провели серьезную подготовку к поездке. Заранее в США для проведения переговоров с американцами вылетел ряд членов кабинета. Я подготовился к принятию участия в рассмотрении вопросов не только на пленарных заседаниях комиссии, но и на ее профильных комитетах. На заседании Комитета по развитию делового сотрудничества решил сделать упор на вопросе по экспорту в США российской стали – «стальное лобби» США оказывало серьезнейшее давление на американскую администрацию, пытаясь закрыть для России доступ на свой рынок, и с этой целью было активизировано антидемпинговое расследование. Между тем от экспорта стали зависело благополучие нескольких наших крупных ме-

таллургических заводов – производство на них в свою очередь «по цепочке» влияло на оживление значительной части промышленности. Меня перед поездкой посетили многие директора таких предприятий с просьбой защитить их интересы.

В наследство нашему правительству досталась и нерешенная проблема финансирования Эксимбанком США совместного проекта создания самолета Ил-96 МТ. Что касается нас, то мы выполняли все свои обязательства, начиная от регистрации самолета вне России и кончая выделением кредита Внешэкономбанка.

Готовился поставить вопрос и об американской сертификации самолета Ан-124-100, который уже был сертифицирован в качестве гражданского грузового судна Международным авиационным комитетом (МАК). От американской сертификации, которая решалась крайне медленно, зависела эксплуатация этого самолета на рынке авиаперевозок в США, в чем мы были очень заинтересованы.

И конечно, собирался остановиться на такой застарелой проблеме в наших экономических отношениях с США, как предоставление России на постоянной основе режима наибольшего благоприятствования в торговле с Соединенными Штатами. Наряду с этим особое внимание решил уделить поощрению экономического сотрудничества между двумя странами на региональном уровне – нашим Дальним Востоком и Западным побережьем США.

Хотел заострить вопрос о поддержке американской стороной в виде дешевых кредитных ресурсов российского малого предпринимательства, расширения сотрудничества в агробизнесе, включая выход на российский рынок таких крупнейших американских машиностроительных корпораций (естественно, при сотрудничестве и создании совместных производств с нашим сельскохозяйственным машиностроением), как «Кейс» и «Джон Дир». Мы рассматривали это в виде канала получения

новейших технологий, в чем нуждается наша промышленность, создающая сельскохозяйственное оборудование.

Намечена была встреча и с представителями крупного американского бизнеса, которых я намерен был пригласить к активному сотрудничеству с нами.

В целом экономическая программа визита в США была сверстана хорошо. Я думаю, что она одновременно была иллюстрацией того, что наше правительство считало своей важной задачей в том числе и защиту за рубежом интересов отечественного бизнеса вне зависимости от его форм собственности. В большинстве из упомянутых мною проектов были заинтересованы акционерные общества, частные предприниматели.

И конечно, поездка в США давала возможность провести беседы с президентом, вице-президентом, государственным секретарем по всей сумме российско-американских отношений. А такой разговор, особенно как показала беседа с Тэлботтом, был крайне необходим.

18 марта, т. е. буквально накануне поездки, поздно вечером мне позвонил А. Гор. После обмена приветствиями и взаимной констатации важности предстоящей встречи в Вашингтоне Гор сменил тему на события в Косово. Сначала он сказал об опасениях того, что «Белград может в любой момент начать широкомасштабное наступление» – нужно сказать, что Россия не обладала подобной информацией. Потом, заметив, что «косовскую проблему можно решить мирным путем», Гор тут же добавил: «Поверь, бомбардировки – это не наш выбор».

Главное, как я понял, заключалось с его стороны в призыве, обращенном к нам, «принять политическое заявление, из которого было бы ясно, что именно Белград несет ответственность за срыв переговоров».

– Хочу сказать откровенно, – ответил я. – Если мы сделаем такое заявление, то это может быть расценено

как наше приглашение ударить по Югославии. Мы не можем и не пойдём на это.

Стало ясно, что «косовская нота» начинает звучать все отчетливее в связи с предстоящей встречей в Вашингтоне. Но мы в Москве все еще надеялись, и не просто надеялись, а делали все для того, чтобы не допустить такой ситуации, когда по американской инициативе НАТО нанесет удар по Югославии.

Помощник вице-президента США Л. Ферг 22 марта, подчеркнув, что читает заранее и тщательно подготовленный текст, сообщил по телефону помощнику председателя правительства К.И. Косачеву следующее:

«1. В Вашингтоне считают предстоящий визит Е. Примакова очень важным для обеих сторон.

2. Этот визит будет проходить на фоне очень быстро развивающейся ситуации вокруг Косово.

3. Американская сторона дает еще один шанс С. Милошевичу, направив в Белград Р. Холбрука.

4. Если эта встреча не принесет искомых результатов, С. Милошевич будет нести всю полноту ответственности за последствия, включая проведение военной операции.

5. Главное, чтобы Е. Примаков понимал серьезность ситуации и чтобы возможные действия американской стороны не явились для него сюрпризом. Американская сторона хочет быть в этом вопросе абсолютно понятой».

От себя Л. Ферг добавил, что эта информация «ни в коем случае не означает совета Примакову отменить свою поездку».

К.И. Косачев зашел ко мне в кабинет, когда там находились министр иностранных дел И.С. Иванов, директор СВР В.И. Трубников. Я надиктовал следующий ответ, нашедший их одобрение, который был передан Ферту для вручения Гору: «Примаков также считает свой визит в США очень важным. Он тщательно готовится к предстоящим переговорам. Но, получив ваш сигнал, просил передать следующее. В Вашингтоне хорошо известна

позиция России – мы против применения силы в отношении Югославии. Тем более что при всей сложности ситуации мы далеко не считаем исчерпанными политические меры. Если США все же пойдут на военную акцию против Югославии, то Е.М. Примакову, естественно, не останется ничего иного, как прервать свой визит».

Мы пришли к выводу, что позиции полностью определены. Пишу обо всем этом, да и о дальнейших перипетиях, связанных с решением развернуться над Атлантикой, столь подробно не в последнюю очередь из-за тех спекуляций, которые позже появились в наших СМИ. Одни разглаговольствовали на тему об «экспромте» решения развернуть самолет за три часа до планировавшегося приземления на военной базе вблизи Вашингтона, где обычно принимали правительственные воздушные корабли. Другие – в том числе и некоторые политические деятели – упрекали меня за то, что не прибыл на место, не отправился сразу же в Совет Безопасности и не выступил с его трибуны, разоблачая готовящийся военный удар по Югославии. Авторы этих упреков, по-видимому, забыли, что летел в Вашингтон, а ООН, в том числе Совет Безопасности, находится в Нью-Йорке, что его созыв и тем более приглашение выступить на его заседании не решаются «с кондачка», если вообще в сложившейся ситуации это было возможным.

Итак, после обмена мнениями через Ферта продолжались контакты между сторонами чисто технического порядка, связанные с деталями визита. Ни в какой форме больше события в Косово и вокруг Косово во время этих контактов через посольства двух стран по телефону и факсу не поднимались.

23 марта утром самолет, взлетевший с правительственного аэродрома Внуково-2, взял курс на США с промежуточной посадкой в Шенноне. Со мной летели губернаторы Э.Э. Россель, К.А. Титов, В.А. Яковлев, В.Я. Бутов, несколько министров, В.В. Геращенко, видные бизнес-

мены В.Ю. Алекперов, Р.И. Вяхирев, М.Б. Ходорковский, помощники и другие. Работа над документами, проектами моих выступлений продолжалась и в воздухе.

После транзитной посадки самолета в Шенноне мне доложили, что позвонил наш посол в Вашингтоне Ю.В. Ушаков и, сославшись на свой только что состоявшийся разговор с С. Тэлботтом, передал: «На 98 процентов обозначился срыв переговоров специального посланника США Р. Холбрука с С. Милошевичем, и Соединенные Штаты будут применять военную силу против Югославии».

Я тут же попросил соединить меня по телефону с А. Гором. Разговор состоялся в 15 часов по московскому времени. Гор подтвердил, что «вероятность удара постоянно нарастает, так как переговоры с Холбруком в Белграде ни к чему не ведут».

– А когда в США будет точно известно о результатах переговоров с Холбруком? – спросил я.

– В ближайшие часы, – ответил Гор.

– С учетом того значения, которое имеют для нас отношения с США, я принимаю пока решение вылететь в направлении Вашингтона. Но если во время моего полета все-таки будет принято американское решение об ударе по Югославии, прошу немедленно предупредить меня об этом. В таком случае я не приземлюсь в США.

– Мы проинформируем немедленно о результатах переговоров Холбрука – останется он в Белграде или нет, – сказал Гор.

– В данном случае меня интересует не передвижение Холбрука, а решение США по удару. Именно об этом прошу мне незамедлительно сообщить.

– Хорошо. В любом случае, – сказал Гор, – я хочу подтвердить, что мы не заинтересованы в ухудшении отношений между США и Россией.

– Мы тоже не заинтересованы в этом, – подчеркнул я. – Но нам придется публично объяснять, почему пред-

седатель правительства, совершавший визит в США, не приземлился там, а полетел обратно. Буду признателен за звонок на борту моего самолета.

– Благодарю за этот разговор. Надеюсь, что в Шенноне ты успел выпить ирландский виски, – попробовал пошутить Гор.

– Ирландскому виски я предпочитаю русскую водку, – ответил я.

Раздалась команда: «По коням!» Самолет взлетел и взял курс на Вашингтон. На душе у всех было беспокойно – ждали звонка от Гора. Звонок раздался в 21.00 по московскому времени. Между бортом самолета над Атлантикой и Вашингтоном состоялся следующий разговор.

А. Гор: Евгений, звоню тебе в связи с нашей договоренностью. Холбрук только что вылетел из Белграда. Дипломатические усилия не дали результата. И наша подготовка к удару движется вперед без остановки. Милошевич же продолжает свое наступление против косовских албанцев. Это ничем не может быть оправдано, тем более что насилие осуществляется уже в течение нескольких дней. Ежедневно сербские силы убивают невинных людей, разрушают деревни, выгоняют людей из своих домов.

Мы упорно работали над тем, чтобы подготовить твой нынешний визит. Нам предстоит проделать важную работу. Мы, разумеется, будем рады тебя приветствовать, если ты решишь прилететь. Но если ты примешь решение отложить визит, то предлагаю отметить в сообщении для прессы следующие моменты: американо-российские отношения имеют самое важное значение: визит откладывается, но не отменяется, то есть мы как можно скорее назначим новые сроки его проведения, выразим сожаление относительно того, что мирное решение по Косово пока не найдено.

Если эти положения для тебя приемлемы, то конкретный текст мы могли бы согласовать с вашим посольством в Вашингтоне. Когда ты предлагаешь такое сообщение сделать? Где ты предполагаешь приземлиться – в Гандере или на территории США?

Е. Примаков: Прежде всего хотел бы поблагодарить тебя за откровенность. Мы дорожим своими отношениями с США. Показателем этого является решение продолжать лететь в Вашингтон, которое я принял после нашего первого разговора по телефону, когда находился в Шенноне. Однако мы категорически против военных ударов по Югославии. Считаю, что вы делаете огромную ошибку. Причем это касается не только наших отношений. Это не даст никаких позитивных результатов вообще. Нам все равно придется искать политическое решение проблем.

В условиях, когда ты прямо говоришь мне, что удары по Югославии неминуемы, я, разумеется, прилететь в Вашингтон не могу. Придется нам переговорить позже. Убежден, что еще не все политические средства достижения урегулирования исчерпаны. Надеюсь, что вы еще раз взвесите все последствия своих предполагаемых действий. Полагаю, что после военных ударов вернуться в русло политического урегулирования будет намного труднее.

Сожалею, что своими действиями вы ставите под удар все, что наработано и в отношениях между Россией и НАТО. Достичь этого было очень нелегко. Под удар ставится и ратификация Договора СНВ-2⁶. Надеюсь, что, решаясь на такой шаг, вы хотя бы просчитываете ситуацию на два-три хода вперед.

Г.: Прошу понять, что речь идет о том, чтобы остановить убийство ни в чем не повинных людей. Крайне сожалею, что применение силы против Милошевича может сказаться на наших отношениях. Давай поговорим попозже, может быть тогда, когда спадет эмоциональный

накал. Так что же насчет моего предложения сообщить о том, что твой визит откладывается на более поздние сроки?

П.: Спрошу санкцию президента на заявление примерно такого содержания: в условиях, когда А. Гор сообщил мне о неизбежности военных ударов по СРЮ, я не могу начинать визит и не могу делать посадку на территории США. Давай на этом закончим. До свидания.

Г.: Сожалею, что все так получилось. Надеюсь скоро вновь переговорить с тобой.

После этого разговора пригласил к себе всю команду, летевшую со мной в самолете, – губернаторов, министров, помощников, бизнесменов и спросил их, одобряют ли они в создавшихся условиях решение развернуться над Атлантикой и лететь домой. Все без исключения единодушно высказались «за». Вызвал командира корабля и предложил ему менять курс. Прямо до Москвы не хватило бы горючего, поэтому запланировали посадку в Шенноне. Самолет развернулся.

Попросил соединить меня по телефону с Ельциным. Рассказал ему обо всем. Президент отреагировал однозначно: «Принятое решение одобряю». Получив мой утвердительный ответ на вопрос, хватит ли керосина для самолета на обратный путь, добавил: «До встречи».

IV. Опять в прицеле – Косово

Еще 16 марта, т. е. за неделю до моего несостоявшегося визита в США, я беседовал в Москве с министром иностранных дел Италии Ламберто Дини. Италия – наш надежный партнер. Дини – долголетний друг со времен моей бытности министром иностранных дел. Я знал о его

незаурядном государственном уме и был уверен в его доброжелательном отношении к России.

Дини сообщил о том, что гарантированы кредиты под экспорт итальянских товаров в нашу страну. Проговорили продвижение работ в рамках сотрудничества «Газпрома» с итальянскими партнерами с кодовым названием «Голубой поток» по транспортировке российского газа. Разговор зашел о многостороннем совместном проекте Россия—Италия—Германия по созданию транспортного самолета нового поколения. Заместитель председателя правительства В.А. Густов сказал, что 20 совместных объектов «уже хорошо раскручены». В стадии разработки еще 30 проектов, и будет заполнена вся итальянская кредитная линия.

Затем разговор зашел о Косово. Это было естественно, так как события на Балканах очень волновали не только Россию, но и Италию, может быть, Рим даже в большей степени, чем столицы других западных стран.

– Мы очень озабочены, – сказал Дини, – потому что косовские албанцы, по-видимому, «хитро» подписали ряд соглашений. И поэтому совершенно необходимо получить согласие сербов на статус автономии Косово. Мы надеемся, что в ближайшие дни это соглашение может быть достигнуто, хотя буквально сегодня в Париже сербская делегация предложила длиннющий список поправок к тому, о чем уже было договорено в Рамбуйе.

В данный момент мы не очень хорошо понимаем, какую тактику и какие цели преследует Милошевич, – продолжал излагать свою позицию Дини. – Его отказ от международного присутствия смешанного – гражданского, военного – вынуждает нас думать, что он намерен довести дело до разрыва. Мы выражаем надежду, что по крайней мере через контактную группу в Париже белградское правительство все-таки примет принципы, разработанные в Рамбуйе. Если будет политическое соглашение,

уже потом можно дискутировать, как его применять в различных вариантах. А если не будет этого политического соглашения, то возникает ситуация застоя, и я не могу себе представить, как из нее можно будет выйти, в том числе и потому, что с американской стороны прослеживается идея «наказать» Сербию. Думаю, что как у Италии, так и у Франции и Германии будут серьезные оговорки по поводу воздушных ударов по Сербии, – заключил Дини.

К сожалению, этому пророчеству не суждено было сбыться.

По возвращении в Москву сразу встретился с Ельциным. Он согласился, что, очевидно, следует вылететь в Белград с несколькими «силовиками», чтобы попытаться склонить Милошевича к более конструктивному подходу к переговорам на заседании контактной группы в Париже.

Тут же позвонил по телефону Милошевичу и сказал об идее визита в Белград при понимании того, что он согласится выступить после нашей встречи с заявлением о готовности подписать политическое соглашение в Рамбуйе. «Это серьезно затруднило бы реализацию антиюгославских планов, – подчеркнул я. – Должен знать ваше мнение заранее, поскольку если такая поездка закончится безрезультатно, то это будет иметь серьезные негативные последствия. Натовцы заявили бы тогда: “Вот видите, и у русских ничего не получилось. Политические средства исчерпаны”».

– Я вам очень благодарен за предложение о помощи, за поддержку, – ответил Милошевич. – Но вчера состоялось заседание парламента Сербии, который полностью отверг соглашение.

В таких условиях и при таком настроении Милошевича предпринимать поездку было нецелесообразно.

Решил позвонить федеральному канцлеру Шредеру, который 24 марта собрал в Берлине глав государств и

правительств стран – членов Европейского союза (в это время Шредер был председателем ЕС). Сразу же настояжила одна его фраза: «Как бы ни развивалась ситуация вокруг Косово, мы выступаем за то, чтобы связи Европы с Россией, Европейского союза с Россией не прерывались и сотрудничество продолжалось». Становилось все более ясно, что вопрос об ударе по Югославии предрешен. Тем не менее я еще раз сказал о нашей позиции: «Мы убеждены в том, что, если дело дойдет до военных ударов по Югославии, это будет большой ошибкой, которая объективно отбросит нас назад. Мы уверены в том, что урегулированию проблемы Косово они не помогут».

После того как федеральный канцлер заверил, что проинформирует своих коллег о нашем разговоре, я решил добавить следующее: «Господин федеральный канцлер, вы как опытный политик не можете не осознавать, насколько опасно развертывание Североатлантическим блоком военных действий в центре Европы без санкции Совета Безопасности ООН и против суверенного государства, которое не совершало акта внешней агрессии. Тем самым наносится серьезный удар по всей системе послевоенного мирового устройства. Мы продолжаем работать с С. Милошевичем. Я сегодня беседовал с ним. Мы не собираемся прекращать наших дипломатических усилий. На мой взгляд, неудача миссии Р. Холбрука не означает, что все возможности дипломатического воздействия исчерпаны. Однако события начинают развиваться не по нашему сценарию».

В ночь на 25 марта Югославия подверглась бомбардировкам и ракетному обстрелу НАТО.

25-го утром я связался по телефону с премьер-министром Великобритании Э. Блэром, который сразу же сказал, что у НАТО, дескать, не было другого выхода после провала переговоров с Милошевичем.

– В этом я с вами расхожусь, – ответил я. – Но считаю, что даже сегодня еще не поздно исправить сделанную

ошибку. Под ударами натовской авиации не удастся заставить Милошевича сесть за стол переговоров. Это нереальная задача. Надо найти выход из ситуации. При эскалации конфликта решение косовской проблемы затруднится.

По содержанию разговора и по тону чувствовалось, что Блэр тоже проявляет заинтересованность найти выход из создавшегося положения. Он сказал: «Надеюсь, что мы сможем сформулировать какую-то инициативу в ближайшие дни. Не могли бы вы выйти на Милошевича и оказать на него давление?»

– Если вы прямо сейчас прекратите налеты на Югославию, то мы могли бы созвать контактную группу и на ней обсудить, что делать дальше. Если вы будете затягивать решение о прекращении ударов, то перейти к поиску совместной развязки будет все сложнее и сложнее.

– Нам сложно остановить военную акцию в отсутствие каких-либо шагов со стороны Милошевича, – подытожил западную позицию премьер-министр Великобритании.

В создавшихся условиях ключевой проблемой оставалось прекращение бомбардировок. Был рад звонку по телефону президента Ширака вечером 27 марта, который сказал, что за час до этого «долго обсуждал ситуацию в Косово, в частности продолжение ударов по Югославии, с президентом Клинтонем». «Думаю, – продолжал Ж. Ширак, – что сегодня есть только одно решение, и оно должно исходить из Москвы. Американцы будут продолжать удары, оправдывая их бойней в Косово. Если мы хотим изменить положение, нужен хотя бы небольшой жест со стороны Милошевича. В противном случае, учитывая позицию американцев, удары не будут прекращены. Только Россия может повлиять на Милошевича, с тем чтобы он сделал какой-то жест, изменив таким образом ситуацию. Может быть, стоит вам лично съездить в Белград, чтобы добиться чего-нибудь от Милошевича?»

На мой вопрос, чего я мог бы добиться от него и будет ли таким «небольшим сигналом» согласие Милошевича на созыв контактной группы, Ширак ответил утвердительно.

Незамедлительно доложил Ельцину о телефонном звонке президента Франции. Договорились, что вылетчу в Белград 30 марта и в поездке меня будут сопровождать министр иностранных дел Иванов, министр обороны Сергеев, директор Службы внешней разведки Трубников и начальник Главного разведывательного управления Генштаба Корабельников. По завершении переговоров с югославским руководством предполагался полет в Бонн для встречи с председателем Европейского союза Шредером.

29 марта мне позвонил председатель Совета министров Италии М. Д'Алема. Создавалось впечатление, что накануне моей поездки в Белград западные акции были скоординированы. Наверняка, зная о телефонном разговоре с Шираком, американцы хотели найти дополнительные каналы, чтобы довести до нас свою ужесточенную по сравнению с Ж. Шираком позицию – не сводить «сигнал» Милошевича лишь к его согласию на обсуждение ситуации на заседании контактной группы. За этим стояло стремление «дожать» Милошевича, но, с другой стороны, не дать России сыграть роль государства, которое своими политико-дипломатическими усилиями выведет мир из опаснейшей ситуации, порожденной натовскими бомбардировками суверенной Югославии, к тому же без всякой на то санкции ООН. В Вашингтоне, возможно, опасались, что в случае успешных российских миротворческих усилий будет ослаблена роль США, особенно после неудачи миссии Холбрука. Российский успех еще более контрастно мог бы выглядеть на фоне расширяющегося противодействия, главным образом в Европе, ударам по Югославии, которые приводили к разрушению гражданских объектов, многочисленным жертвам среди мирного населения.

Вместе с тем в Вашингтоне и столицах европейских стран – участниц НАТО не могли не понимать, что откровенный отказ от российской миссии усилит антизападные настроения и изоляционистские тенденции в самой России, будет способствовать, в конечном счете, сближению Москвы с Белградом, возможно и в военной области. Немало было и тех, кто опасался эскалации конфликта, перехода его в стадию наземной операции против Югославии, что, несомненно, чревато серьезными потерями, в том числе в натовских вооруженных силах. Они считали, что контакты России с Милошевичем могут исключить такую эскалацию.

С учетом всех этих зачастую противоречивых настроений и соображений Соединенные Штаты, которые, безусловно, не просто играли роль «первой скрипки», но дирижировали всем натовским оркестром, выработали линию: не препятствовать, даже в какой-то степени поощрять миротворческие усилия России, но одновременно поднять планку требований к Милошевичу в качестве условий прекращения бомбардировок. И даже в случае серьезных подвижек в его позиции в результате миссии России не считать их «достаточными». В точности такого анализа я полностью убедился позже.

А теперь о телефонном разговоре с председателем Совета министров Италии Д'Алемой, состоявшемся перед моим и моих коллег вылетом в Югославию.

– Мы сейчас предпринимаем активные усилия, для того чтобы найти политический выход из ситуации в Югославии, – сказал он. – Я думаю, что этого нельзя сделать, пока не поступит значимый позитивный сигнал из Белграда.

В ответ на мою просьбу пояснить, что Д'Алема подразумевает под словом «значимый», он сказал:

– Во-первых, надо приостановить наступление на ковских албанцев и начать вывод сербского спецназа из края, как предлагал Милошевичу Холбрук. Во-вторых,

необходимо возобновить переговоры на базе политического соглашения, которое было подготовлено в Рамбуйе.

– Пойдет ли на это Милошевич? – задал я вопрос, как бы рассуждая вслух. – Вы знаете, что Россия поддерживала переговоры в Рамбуйе. Но Милошевич уже заявил, что натовские бомбардировки перечеркнули все, что было достигнуто ранее. Я вижу свою задачу в том, чтобы добиться от Милошевича позитивного «сигнала».

– Таким минимально необходимым для нас «сигналом» было бы прекращение наступления в Косово и начало вывода спецподразделений из края, – уточнил позицию Д'Алема. – Если вы ничего не добьетесь в Белграде, то для Запада и для американцев это будет означать, что с Милошевичем нельзя иметь дело. Это даст НАТО основание перейти к третьему этапу операции, который будет тотально разрушительным. Бомбардировки не только не прекратятся, но даже усилятся. Милошевич должен четко определиться. Иначе, повторю, действия НАТО будут тотально разрушительными.

В этих словах уже звучала угроза. Я ответил на нее спокойно:

– Вы думаете, будет легко перейти к третьему этапу, особенно если речь пойдет о наземных операциях? Они приведут к большим жертвам. Всем известно: югославы – крепкий орешек. Вспомните историю Второй мировой войны: германская армия была достаточно сильна, но ничего не смогла сделать с Югославией. Повторю, нынешний выбор НАТО – это путь в никуда.

Я еду в Белград не только для того, чтобы помочь Милошевичу найти выход из сложившейся ситуации. В равной мере я хочу помочь немцам, итальянцам, французам, да и самим американцам. Я стремлюсь делать все возможное, чтобы сохранить тот позитивный потенциал, который был накоплен после окончания «холодной войны». Недостаточно получить «сигнал» только от Милошевича. Почему бы НАТО не объявить о паузе в бомбардировках? Ведь это тоже будет «сигнал»?

– Если Белград проявит готовность остановить кровопролитие в Косово и начнет вывод из края своих спецподразделений, то можно было бы приостановить бомбардировки Югославии, – повторил д’Алема. – Наверное, порядок должен быть таким: сначала пауза в бомбардировках, а потом начало переговоров. Я разговаривал с Клинтоном: незамедлительное прекращение натовских бомбардировок абсолютно нереально.

Я понял, что Д’Алема расширил приемлемые для Запада рамки «сигнала» от Милошевича и одновременно пригрозил эскалацией применения силы, если югославы окажутся несговорчивыми. Обратило на себя внимание, что и Ширак, и Д’Алема ссылались на свои контакты с Клинтоном как на главную фигуру в «антиюгославской игре» и в то же время хотели как-то обозначить свою более мягкую позицию.

30 марта мы вылетели в Белград. С аэродрома поехали в резиденцию Милошевича, находившуюся в черте города, – обычный дом, даже, как показалось, не находившийся под особой охраной.

– Сначала пообедаем, а потом побеседуем? – спросил Милошевич.

Я предпочел сразу начать беседу. Она длилась более 6 часов и проходила отнюдь не легко. Не буду подробно описывать все ее перипетии. Главное, что в итоге удалось получить следующий «сигнал»:

готовность к политическому урегулированию, которое может быть достигнуто путем переговоров представителей национальных общин Косово;

готовность конструктивного подхода к переговорам, результатом которых должно стать обеспечение равных прав всего населения Косово вне зависимости от национальности и вероисповедания;

готовность сразу же после прекращения бомбардировок начать отвод югославских вооруженных сил, находящихся в Косово;

готовность обеспечить возвращение беженцев в Косово.

31 марта, вылетая из Белграда в Бонн, мы понимали, что в случае серьезного настроя в пользу прекращения ударов по Югославии американцы и другие члены НАТО могли бы воспользоваться этим «сигналом» хотя бы для объявления паузы в бомбардировках и изначальных шагов политического урегулирования. Однако едва успел наш самолет оторваться от взлетной полосы, по белградскому аэродрому был нанесен бомбовый удар.

Ведь они даже не знают, с чем мы летим в Бонн, справедливо возмущались мои коллеги, и уже дают «ответ» на неизвестный им «сигнал» из Белграда.

Предопределенность ответа на любой (кроме капитуляции) «сигнал» со стороны Югославии проявилась и при встрече со Шредером, которая последовала сразу же после нашего приезда. Практически, даже не пытаясь вникнуть в суть югославской позиции, прощупать возможности ее развития, федеральный канцлер парировал – «недостаточно». После нескольких попыток я почувствовал бесполезность усилий каким-либо путем сдвинуть его с зафиксированной позиции. Я узнал, что у Шредера предварительно был телефонный разговор с Клинтоном. Хочу подчеркнуть, что этот разговор, который предопределил позицию федерального канцлера, тоже состоялся до того, как на Западе узнали о подвижках в позиции Милошевича – он сделал свое публичное заявление позже.

Шредер пытался «самортизировать» проявленную им «безоговорочную жесткость» словами о заинтересованности в продолжении российских контактов с Милошевичем, о том, что следует развивать отношения ЕС с Россией – «это слишком важно для всего мира». «В отличие от других, – сказал Шредер, – мы считаем, что Россия должна играть особую роль в безопасности на Балканах».

Через два года, сопровождая уже в качестве руководителя думской фракции президента Путина, я присутствовал в Бонне на его встрече с бывшим канцлером ФРГ

Г. Кодем, который назвал натовские бомбардировки Югославии «величайшей исторической ошибкой». «Если бы я был в то время федеральным канцлером Германии, никогда бы этого не допустил», – добавил Кольт.

После окончания переговоров со Шредером мы направились в аэропорт и вылетели в Москву.

Сразу же после нашего возвращения из Бонна 31 марта по телефону состоялся обмен мнениями с Ж. Шираком.

– Дорогой друг, – сказал президент Франции, – у меня следующее мнение. Даже если результат оказался не таким, как мы все ожидали, ваша миссия все-таки была очень полезной. Она показала, что нельзя действовать в обход России. Надо признать, что США хотели сами решить проблему Косово. Мы считаем, что российское участие в урегулировании очень важно. Оно необходимо и для единства Европы. Что касается подхода европейцев, то мы желали бы видеть Косово автономным образованием внутри югославских границ. Это разумное предложение, которое означало бы возврат к положению, существовавшему до 1989 года. Меня также беспокоит, что лидеры косовских албанцев вновь начинают требовать предоставления независимости. Растет число сторонников этой идеи среди албанского населения края. Это – нехороший симптом. Думаете ли вы о новой миссии в Белград? – спросил Ширак.

– Если мы соберемся вновь в Белград, – ответил я, – хотели бы заранее знать о реальной натовской позиции. Но направляться в Югославию с призывом «выбросить белый флаг» не будем.

Беседа с Ж. Шираком, как всегда, закончилась сердечно.

Основной темой разговора с К. Аннаном 2 апреля был зондаж с моей стороны возможности его поездки в Югославию в качестве посредника в деле поиска путей политического урегулирования. Однако К. Аннан тогда ответил

уклончиво: «Я сейчас провожу консультации со всеми заинтересованными сторонами в целях поиска наиболее рационального выхода из сложившейся ситуации. Хочу услышать мнения всех. Это очень важно, чтобы нащупать контуры выхода».

Посол Югославии в Москве, с которым я встретился 3 апреля, родной брат Слободана Милошевича. Я был уверен, что он передаст в Белград все нюансы нашего разговора. Я подчеркнул важность происшедшей встречи С. Милошевича с лидером косовских албанцев И. Руговой. Продолжение таких контактов усиливает позиции Белграда, особенно если будет заявлено публично, что обсуждался вопрос о предоставлении автономии Косово.

Зная о том, что министр иностранных дел Югославии на днях направил К. Аннану письмо с резкой критикой в адрес ООН, сказал послу: «Я посоветовал бы вашему министру быть более сдержанным – он слишком прямолинеен, знаю это и по моим встречам с ним. А в нынешней ситуации Югославии нужно искать союзников или хотя бы “нейтралов”».

Ознакомившись с посланием Милошевича в мой адрес, я попросил посла передать ему благодарность за добрые слова о роли России, и в частности о нашей миссии в Белград. Вместе с тем, отвечая на отдельные положения послания, сказал: «Югославы могут быть уверены в том, что мы не откажемся от нашей позиции, в том числе в рамках предстоящей встречи министров иностранных дел “большой восьмерки”. Одновременно, – продолжал я, – попросите Слободана не перегибать палку. Было бы контрпродуктивно заранее отказываться вообще от переговоров на будущее. В свое время и де Голль договаривался с алжирцами, и израильтяне с палестинцами сели за стол переговоров».

25 апреля состоялся телефонный разговор с Г. Шредером, который произнес «ключевую фразу»: «Мы по-прежнему исходим из достигнутой в рамках Европейского

союза договоренности о постоянных контактах с Россией по югославскому кризису. Хотел бы поинтересоваться, – добавил Шредер, – вашей оценкой ситуации».

Отвечая Шредеру, выделил два момента: «Первый. На наш взгляд, очень неплохо, что состоялась встреча между Милошевичем и Руговой. Российскому послу в Белграде поручено встретиться с Руговой. Несмотря на то что отношение к нему в настоящий момент может быть разным, диалог с ним полезен. Как мне представляется, если Милошевичу удастся договориться с Руговой, то это может помочь запустить процесс политического урегулирования.

Второй. К нам поступают сведения, что НАТО проводит подготовку к наземной операции в Косово. Если такая операция состоится, это серьезно осложнит положение. Такого разворота событий нельзя допустить ни в коем случае, ведь это повлечет за собой еще большее число жертв со всех сторон».

– Благодарю вас. Мы обсудим это, – лаконично заметил федеральный канцлер.

Я был тоже «лаконичен», отвечая на его вопрос о наших планах в отношении Югославии. «Нужно прекратить бомбардировки или хотя бы начать с паузы», – сказал я.

На основном содержании телефонной беседы с А. Гором, состоявшейся 6 апреля по его инициативе, хотел бы остановиться подробнее. Обычно мы называли друг друга по имени, а теперь он обратился ко мне «господин премьер-министр», стремясь, очевидно, придать официальный характер разговору, подчеркнуть его значимость.

Вице-президент назвал «два обстоятельства, которые вызывают у США особую озабоченность». «Я хотел бы услышать, – сказал Гор, – заверения в связи с направлением российского разведывательного судна в Адриатику, что вы не будете делиться разведывательной информацией с сербами. Вторая “озабоченность” касается того,

что, несмотря на эмбарго ООН на поставки военной техники в Югославию, в Министерстве обороны России и в других правительственных ведомствах идет подготовка поставок военного имущества СРЮ. Подобные поставки, а также передача разведывательной информации нанесли бы огромный урон отношениям России с Западом».

– Господин вице-президент, – сказал я, – мы тоже заинтересованы в сохранении наших отношений, в том чтобы они не ухудшались. Но это не может быть «улицей с односторонним движением». Вы говорите, что мы не должны усиливать нашу поддержку Югославии, но не заявляете, что США и НАТО не должны наращивать военные операции. Между тем эти два аспекта взаимосвязаны.

Вскоре состоится встреча министров иностранных дел «восьмерки». Думаю, что они обсудят вопрос о том, какие практические шаги можно предпринять для перехода от военного решения конфликта в Косово к дипломатическому. Олбрайт почти ежедневно беседует с Ивановым. Если не будет эскалации военных действий с обеих сторон, ситуацию можно разрядить. В таких условиях Россия будет делать все, чтобы сохранить свои отношения с Западом.

– Спасибо за ваши комментарии, – сказал Гор. – Но сначала позвольте ответить на ваши высказывания о логическом противоречии в моих словах. Мы ничего не делаем против России. Наши действия направлены на прекращение насилия со стороны Милошевича по отношению к косовским албанцам, чтобы дать косоварам возможность вернуться в Косово и жить там в безопасности в условиях автономии. Сейчас в Косово сложилось ужасающее положение: проводятся этнические чистки, людей выгоняют из домов, вынуждают бросать все свое имущество и через горы добираться до внешних границ Косово. Уже более миллиона человек вынужденно покинули свои жилища. Мужчин отделяют от женщин и детей

и во многих случаях просто расстреливают. Все это, Евгений, просто ужасно!

– Ал (я тоже решил перейти на обращение по имени), ты говоришь, что ничего не предпринимаете против России. Недавно ракета взорвалась в 500 метрах от российского посольства. Что было бы, если бы она попала в посольство? Другая ракета взорвалась в 300 метрах от российской школы в Белграде. Что было бы, если бы она туда попала?

Теперь о цифрах. Я не защищаю инициаторов и исполнителей этнических чисток. Считаю, что эти действия ужасны, бесчеловечны. Но массовое вытеснение албанцев началось после того, как НАТО приступило к бомбардировкам. Ты сказал, что из Косово бежало более миллиона человек, но там все население составляет около миллиона. Что касается наземной операции, то не дай Бог, чтобы она началась, поскольку она повлечет за собой тысячи гробов с обеих сторон. Сейчас надо искать развязки. Давайте вместе думать, как их найти.

– Хочу заверить, что направление наших вертолетов в Албанию не является подготовкой к наземной операции, – отреагировал Гор. – Мы не изменили свои позиции на этот счет. Ввод наземных сил возможен только для выполнения политического соглашения. Теперь об этнических чистках. У нас есть однозначное свидетельство, что чистки начались задолго до бомбардировок. Все беженцы, а их сотни тысяч, говорят, что этнические чистки и бомбардировки не взаимосвязаны. Они все говорят одно и то же. Особенно сильное впечатление производит, когда это говорят маленькие дети.

– Мы направили российскую гуманитарную помощь обеим сторонам – не только в Сербию и Черногорию, но и в Македонию, где находятся лагеря албанских беженцев.

– Мы это ценим. Теперь о наших ракетах, которые, как ты сказал, едва не попали в российское посольство и в школу в Белграде, и попросил меня представить, что

было бы, если б они туда попали. Мы предпринимаем все необходимые меры предосторожности, и поэтому мне даже нет необходимости пытаться представить себе такое. Мы ничего не делаем, что было бы направлено против России. Но, с другой стороны, мы видим признаки, что кое-кто в России хотел бы причинить нам ущерб. Если бы ты дал мне личные заверения, что Россия не планирует передавать сербам разведывательную информацию и направлять туда военную помощь, я был бы весьма признателен. Но многое зависит от вас.

– Вы направляете оружие АОК⁷. В отрядах АОК есть ваши офицеры связи. Это – факты. Никто не просит ведь у тебя личных заверений, что США прекратят поддержку албанских сепаратистов. Давайте сделаем все, чтобы перевести конфликт в русло политического урегулирования. Тогда отпадет необходимость ставить друг перед другом такие острые вопросы. При этом могу заверить, что ни президент, ни я, ни кто-нибудь другой не хочет втягивания России в военный конфликт. Мы сделаем все, чтобы этого не допустить.

– Мы тоже предпочли бы политическое урегулирование силовому. Олбрайт и Иванов достигли согласия по многим ключевым моментам. Осталось расхождение только по вводу международных сил безопасности и в отношении того, что первый шаг должен сделать Белград. Рассчитываю, что на контактной группе завтра удастся расширить поле согласия и сократить имеющиеся расхождения. После этого в конце недели мы проведем встречу политдиректоров, на которой можно будет закрепить достигнутый прогресс.

– Евгений Максимович (по-видимому, Гор решил в конце беседы найти нечто среднее в обращении ко мне – не официальное, и не по имени), у нас нет офицеров связи в отрядах ОАК, и мы не изменили своей позиции относительно ввода в Косово наземных сил: они могут быть развернуты там только в рамках соглашения о мирном урегулировании.

– Заверение, что не планируете наземную операцию, вселяет оптимизм. Я тоже надеюсь на успех предстоящих на этой неделе переговоров.

Так закончился наш разговор с Гором. Дальнейшее развитие событий подтвердило правоту многих выдвинутых мною аргументов. Руководители НАТО твердили, что бомбардировками, уничтожающими гражданскую инфраструктуру Югославии, убивающими и калечащими людей, они «достигли своих целей». Так ли это? Стабилизации в Косово нет. Главной дестабилизирующей силой – теперь вынужденно признают на Западе – является так называемая армия освобождения Косово, которая расправляется с сербским населением, добываясь отделения края от Югославии и создания «Великой Албании». Сербское население этой исторически сербской территории, принадлежность которой к Югославии не берут на себя смелость оспаривать даже те страны, которые участвовали в вооруженных действиях против Белграда, превращается в беженцев. Нет и не будет при создавшемся положении массового возвращения в Косово и албанских беженцев из Западной Европы, о чем мечтал, в частности, принимавший участие в антиюгославских действиях Бонн.

Косово уже стало «раковой опухолью», метастазы которой распространяются на соседние страны и территории – Македонию, прилегающие районы Сербии. Кто-то на Западе пытается «смазать» картину, представив дело таким образом, будто резкое обострение обстановки теперь уже и вокруг Косово – это, дескать, предмет разношнорий между македонскими властями и местным албанским населением. На самом деле к дестабилизации ведут целенаправленные действия албанских экстремистов, базирующихся в Косово.

Тот факт, что президентские выборы в октябре 2000 года выиграл Коштуница, тоже не является результатом ударов НАТО по Югославии. Безусловно, в итогах выборов

отразилось широкое недовольство югославской общественности. Но чем? Не политикой, направленной на сохранение территориальной целостности Югославии или его противодействием попыткам диктовать этой стране неприемлемые для нее условия. Результаты президентских выборов свидетельствуют о другом: общество не согласено с методами бывшего президента по руководству Югославией, с отсутствием демократического выбора в созданном им режиме.

Но приведет ли переизбрание президента в Югославии к решению косовской проблемы?

В Косово расположены многонациональные вооруженные силы. Они с трудом контролируют обстановку. Но не будут же они находиться там вечно. А дальше что? Опять придется предлагать Белграду сесть за стол переговоров с национальными косовскими общинами. Между тем у нового президента в Белграде, нуждающегося в самоутверждении в качестве лидера сербов, поле для маневрирования еще меньше, чем у Милошевича. А альтернативой политическому процессу может быть только война, раздирающая на куски теперь уже все Балканы, если в порядок дня станет перекройка карты региона. Так что о достижении внутривнутриполитической цели в Югославии с помощью бомбардировок говорить не следует.

К тому моменту, когда мне позвонил 10 апреля председатель Совета министров Италии, на Западе, в том числе и в странах НАТО, стали нарастать требования прекратить бомбардировки Югославии. Настроения в пользу незамедлительного перехода к мирному решению подогревались тем, что все очевидней становилась несостоятельность курса силового навязывания Югославии условий политического урегулирования. Поэтому внимание многих сконцентрировалось на предложениях, связанных с именем Генерального секретаря ООН, ввести в Косово международные силы с участием российских под флагом Организации Объединенных Наций.

В начале нашей беседы д'Алема подчеркнул, что выступает за прекращение бомбардировок, но добавил: «Белград, как минимум, должен согласиться с тем, что заявил Генеральный секретарь ООН. Ведь заявление Аннана – это не ультиматум НАТО, а инициатива третьей стороны, не участвующей в конфликте. Но если бы Белград принял присутствие международных сил под эгидой ООН для обеспечения безопасности беженцев и это поддержала бы Россия, то и со стороны США отношение было бы более позитивным. Все европейские государства поддержали бы такой сценарий, и Клинтон не смог бы ничего возразить. Вчера в разговоре со мной, – продолжал д'Алема, – он изъявил готовность подумать. Поддержка такой инициативы с моей стороны, а также Шираком и Шредером обеспечена. Полагаю, что России следует поддержать инициативу Аннана и оказать соответствующее влияние на Милошевича. По-моему, это единственный путь, который может вывести к политическому решению, вернуть рассмотрение вопроса под эгиду ООН. Не думаю, однако, что НАТО согласится на прекращение бомбардировок, если в позиции Милошевича не произойдет существенных изменений».

– Но они уже есть. Нужно остановить бомбардировки. Когда продолжаются бомбардировки гражданских объектов, очень трудно пытаться влиять на Милошевича.

– Да, это я понимаю, – сказал д'Алема, – но будет нелегко убедить американцев. По крайней мере, пока у военного командования НАТО не появится уверенность в том, что ослаблены сербские вооруженные силы. Если я правильно понял вас, Россия считает, что без прекращения бомбардировок трудно поддержать инициативу Генерального секретаря ООН?

– Поездка Кофи Аннана в Белград полезна, – ответил я. – Неделю назад сказал ему об этом. Нужно, чтобы он приехал в Югославию не под грохот бомбардировок. Допустим, я говорю гипотетически, Милошевич принимает

план Аннана. Готова ли НАТО в таком случае сразу же полностью отказаться от бомбардировок?

– В этом случае я лично готов потребовать прекращения бомбовых ударов. Но нужна общая позиция. Думаю, что Ширак и Шредер поддержат меня.

– Если вы этот «сигнал» нам дадите, то я попрошу нашего президента связаться с Милошевичем – в ход будет таким образом пущена «тяжелая артиллерия».

– Я немедленно примусь за работу, – заверил д'Алема. – В понедельник состоится совещание министров иностранных дел стран – членов НАТО. Это будет первое политическое коллегиальное совещание альянса после начала кризиса. Это шанс проработать наши идеи, и мы не можем его упустить. Хочу вам также сказать, что в 10 часов по римскому времени у меня планируется телефонный разговор с Ельциным.

– Я в курсе.

– Хотел бы повторить ему все то, что сказал вам. Считаю, что если бы Россия смогла повлиять на позицию Белграда в позитивном плане, то она стала бы одним из главных действующих лиц в политическом урегулировании. Тогда можно было бы перевести переговоры в рамки Совета Безопасности ООН. Такое участие России было бы позитивно воспринято в ООН.

– Хорошо. Будем работать. Спасибо за звонок.

В этот же вечер позвонил Кофи Аннан. Мне было приятно, что он периодически звонил мне в такие критические моменты – и в связи с иракскими событиями, и теперь, на острейшем этапе развития обстановки вокруг Югославии. Я очень уважаю этого человека, который, умело лавируя в такой нелегкой для себя ситуации, заставил считаться с собой даже «сильных мира сего», в течение многих лет рассчитывавших на «карманного» Генерального секретаря ООН. Не всегда это удавалось. Пример Кофи Аннана – яркое тому свидетельство.

Окончание нашего телефонного разговора было таким:

Е. Примаков: Подождем до понедельника, когда состоится встреча министров иностранных дел стран НАТО. Но если не будет увязки прекращения огня в Косово с прекращением бомбардировок, то ничего не получится.

К. Аннан: Понимаю вас. Если такая увязка будет принята сторонами, то можно будет начинать работать с Милошевичем.

П.: Конечно.

А.: Я нахожусь в постоянном контакте со всеми сторонами, советуюсь, как решать эту проблему. Сегодня вечером буду связываться с американцами. Информую вас по итогам.

П.: Буду рад с вами поговорить, господин Генеральный секретарь.

А.: Спасибо (по-русски).

Так закончилась моя «югославская эпопея». Хотел бы при этом особо отметить, что действовал далеко не в одиночку. Осуществлялась координация, согласование вырабатываемых подходов с руководителями, как у нас принято называть, силовых структур. Каждый день, включая воскресенье, в 9.30 в моем кабинете в Доме правительства собирались министр иностранных дел, министр обороны, директор СВР, начальник Генерального штаба и начальник ГРУ. Мы обсуждали ситуацию, инициативные предложения, возможные действия с нашей стороны. И ежедневно наши предложения с конкретными разработками направлялись президенту.

Как я узнал позже, такое мое повседневное общение с «силовиками» категорически не нравилось кое-кому в окружении Ельцина, и это в немалой степени способствовало назначению Черномырдина специальным представителем президента по югославскому кризису. Что касается Виктора Степановича, то он активно включился в миротворческую миссию и, безусловно, сыграл очень важную роль в прекращении ударов по Югославии. Назначение спецпредставителем Черномырдина переложи-

ло тяжесть работы на его плечи. Это произошло приблизительно за три-четыре недели до моей отставки. В книге я рассказываю о восьми месяцах нахождения на посту председателя правительства и, вполне понятно, делаю упор на свои беседы, акции. В этой связи, надеюсь, меня не заподозрят в том, что я преуменьшаю значение заявлений, действий президента, назначенного его представителем по югокризису Черномырдина и других.

Вместе с тем надеюсь, что, находясь на посту руководителя Правительства России, кое-какое «наследство» оставил тем, кто с успехом продолжал действовать с целью прекращения бомбардировок, а затем и стабилизации положения в Косово, – к сожалению, к моменту написания книги еще далеко не устоявшегося.

Перечитал написанное и подумал: а не стоит ли сократить все эти пересказы разговоров с руководителями западных стран, Генеральным секретарем ООН? Решил – не нужно. Ведь это живые документы времени. И еще потому, что из этих и других контактов российских и западных политиков создавалась ткань подхода, который при всех имеющихся противоречиях, различиях все-таки вывел в конце концов этот самый опасный со времен Второй мировой войны конфликт из его наиболее острой фазы. Не стоило сокращать, очевидно, и потому, что слишком уж односторонне освещают события некоторые «мемуаристы» в России.

«СЕМЬЯ», ПРЕЗИДЕНТ И Я

I. «Ловушки», расставленные на пути

С какого момента меня стало «обкладывать» близкое окружение президента?

Не могу сказать, что сразу после вступления в руководство правительством я ловил «косые взгляды» из Кремля, хотя уже тогда насторожили разговоры управляемых извне СМИ о том, что нынешней экономической команде не удастся переломить тяжелейшую ситуацию, сложившуюся после 17 августа. Лично меня при этом – пока(!) – никто не трогал. Более того, некоторые полупонамекали, а другие вполне прозрачно отмечали, что все войдет «в свое русло», если после небольшой паузы экономические позиции в правительстве займут «настоящие специалисты».

Расчет был вполне определенный: через некоторое время, скажем через пару-тройку месяцев, заменить «левую» часть команды, а меня – «невиновного» или даже «полезного для общества» (ведь я получил широкую поддержку – никуда от этого не денешься) – превратить в «карманного премьера», который не несет ответственности за экономику и согласен работать с совсем другими по своим взглядам людьми, «назначенными» в правительство. Не только не исключаю, но уверен, что такая схема вначале складывалась в головах у ряда кремлевских стратегов.

Приблизительно через месяц после моего назначения председателем правительства Б.Н. Ельцин неожиданно завел со мной, как он сказал, «стратегический» разговор.

– Я хотел бы обсудить ваши перспективы как моего преемника. Что нам следует делать в этом отношении.

Перебирая в памяти эпизоды разговоров с Ельциным, я позже подумал, не была ли эта «стратегическая» беседа проведена с целью прозондировать мою готовность «играть в команде» даже ценой согласия на то, что из правительства уберут «левых», заменив их на привычных «либералов»? А может быть, это была элементарная проверка моих намерений – не больше? Однако, кто знает, возможно, тогда Ельцин и не лукавил.

Так или иначе, в момент состоявшегося разговора я воспринял сказанное Ельциным серьезно.

– У меня нет президентских амбиций, и вообще считаю, что не смог бы по-настоящему работать во главе правительства, если бы нацелился на президентскую гонку – таков был мой ответ. – Цель моей нынешней деятельности, – добавил я, – во многом не согласуется с интересами глав регионов, а успех в определенном плане зависит от давления на целый ряд руководителей субъектов Федерации. Я не думаю, что все они одобрительно относятся к идеям укрепления центральной власти, жесткого контроля за использованием трансфертов из федерального бюджета, к требованию отмены всех местных постановлений и решений, противоречащих Конституции Российской Федерации и ее законам, усилению борьбы с антиобщественными явлениями, особенно в экономике. А в случае прицела на участие в президентских выборах необходимо было бы мое «соглашательство» или хотя бы отказ от жесткости в постановке острых вопросов. Я на это пойти не могу, поскольку это не соответствует задачам правительства.

Тогда Ельцин разговор прервал. Позже он возвратился к нему, но совершенно в другом ключе...

Пожалуй, то была первая «ловушка» на моем пути как руководителя кабинета. Я ее обошел, не только отказавшись играть не по своим правилам, но заявив во всеулышание, что уйду в отставку, если снимут Маслюкова или Кулика.

Не знаю, стало ли это основной причиной того, что ни Маслюкова, ни Кулика не тронули вплоть до моего собственного увольнения в мае 1999 года. Возможно, на первых порах окружение Ельцина не хотело осложнять отношения с левой частью Думы, которая в то время представляла собой большинство. А в последующем кремлевские стратеги пришли к выводу, что моя «инициативная» отставка в связи с увольнением представителей левых сил, которые к тому же хорошо зарекомендовали себя в качестве профессионалов, – не лучший вариант. Такая «смена караула» будет более болезненной и вызовет большее сопротивление в обществе, чем спокойная замена самого председателя правительства, пусть неплохо решившего тактические задачи, но теперь, дескать, уступающего место тому, кто больше подходит для достижения стратегических экономических целей. Так в общем позже публично и разъяснил президент решение, которое он принял в мае 1999 года.

Конечно, мне помогало при обходе первых «ловушек», что не был одиозной фигурой. Не был я связан с какими бы то ни было финансовыми или коммерческими структурами, имел «прозрачные» доходы и исправно платил налоги. Хотя и работал при разных, как говорится, режимах, но сохранял свое лицо. Все это было широко известно.

Тогда выбрали другой «ракурс» атаки. В некоторых СМИ излюбленной темой стала моя «экономическая несостоятельность»: дескать, никогда не занимал никаких хозяйственных должностей. Во время одной подобной дискуссии по радио мой внук (уже окончивший университет) – тоже Евгений Примаков – не выдержал и, вос-

пользовавшись обращением к слушателям звонить по телефону в студию, выступил в прямом эфире и напомнил, что я закончил аспирантуру экономического факультета МГУ, стал кандидатом, а затем доктором экономических наук, в течение ряда лет руководил Институтом мировой экономики и международных отношений, в деятельности которого одно из главных мест занимало изучение экономического зарубежного опыта с выходом на его практическое применение в народном хозяйстве СССР. Был избран академиком АН СССР по отделению экономики.

Выступил он в мою защиту с «открытым забралом», представившись. Я был очень тронут не только поступком внука, но и тем, что узнал об этом не от него, а из заметки, опубликованной в газете.

Между тем мои оппоненты, которые постепенно «перерастали» в категорию противников, пошли еще дальше. Соглашаясь с тем – невозможно было отрицать очевидную истину, – что правительство стабилизировало политическую ситуацию, которая могла перерасти в «выяснение отношений» на улицах, они начали обвинять и меня, и кабинет в целом в бездействии в области экономики. Авторам таких оценок было невдомек, что если бы мы безучастно относились к параличу экономики, – а именно в таком состоянии она находилась, – более того, не принимали бы решительных и продуманных, взвешенных мер в экономической области, способных одновременно дать результат и в социальной сфере, то наше правительство попросту не смогло бы удержать политическую ситуацию в России.

Мои отношения с «левыми» не переставали занимать умы «семьи» и после того, как было решено пока не трогать тех, кто окрашен в их цвета в правительстве. Ельцину его окружение все время твердило, что коммунисты мною чуть ли не манипулируют и, возможно, я даже не сознаю этого.

Через пару месяцев после моего вступления в должность Ельцин сказал мне: «Вас обволакивают “левые”, которые, находясь в правительстве, выполняют указание ЦК КПРФ».

– Вы меня неплохо знаете, – ответил я. – При всех своих недостатках я никогда не «ложился» ни под Горбачева, ни под вас. Что касается «левых» в правительстве, то они находятся в нем в личном качестве. Нужны примеры? Пожалуйста. Маслюков выступает против импичмента президенту, в то время как КПРФ занимает противоположную позицию. «Левые» в правительстве открыто предлагают незамедлительно ратифицировать в Государственной Думе Договор по СНВ-2.

По-видимому, наибольшее впечатление на Бориса Николаевича произвели мои слова: «Позвольте, но Маслюков в моем и Черномырдина присутствии отказался от вашего предложения занять пост руководителя правительства. Если бы Маслюков выполнял, как вы говорите, волю своего ЦК, разве он не согласился бы возглавить кабинет и стать второй фигурой в государственной иерархии?»

– Неужели меня так неправильно информируют? – президент поднял на меня тяжелые глаза, в которых отсвечивали недоумение и гнев.

Может быть, в свете этого эпизода читатель поймет, почему я не единожды вынужден был повторять: в случае если без моего согласия произойдут «изъятия» из правительства, уйду в отставку. В немалой степени такие повторы были связаны и с постоянно появляющимися в СМИ сообщениями со ссылкой на информированные источники о предстоящих заменах в правительстве. Но в то время я надеялся, что президент играет самостоятельную роль и может противостоять таким козням.

Меня подозревали (и уж точно очень этого боялись) в «сращивании» с КПРФ, хотя стремления к такому стратегическому союзу не наблюдалось ни с одной стороны.

Были контакты с руководителями КПРФ, во время которых происходил обмен мнениями главным образом о социальных и экономических проблемах. Со своей стороны коммунисты никогда не информировали меня – может быть, это и к лучшему, я абсолютно не упрекаю их в этом – о своих акциях, намерениях, планах, перспективах. Когда мною или моими коллегами высказывались пожелания «пропустить» или ускорить прохождение через Думу необходимых нам законопроект, мы наперед знали: нам пойдут навстречу в том случае, если это не столкнется с узкопартийными интересами. Так было и тогда, когда мы просили отказаться от идеи импичмента президенту, так как затеянная кампания мешала правительству стабилизировать политическую ситуацию, что было крайне важно, ужесточала линию Кремля, что было крайне нежелательно.

Правда, и с моей стороны не проявлялась готовность положительно откликнуться на некоторые пожелания, высказываемые руководителями компартии, например о смещении с занимаемых постов А.Б. Чубайса – председателя правления РАО «ЕЭС» и Сергея Генералова – министра энергетики. У меня были другие соображения на сей счет. Поэтому, когда я пригласил Чубайса и попросил его отказаться от проведения политических совещаний его правых единомышленников в служебных помещениях РАО «ЕЭС», я действовал не по чьей-то указке, а стремился отдалить правительство и его структуры от политической борьбы. Хотел также, чтобы не «подставлялся» сам Чубайс – сильный и нужный менеджер. Такая оценка не означает, что разделяю идеи и политические подходы Чубайса или одобряю практику приватизации, проведенную под его руководством.

Был рад, что Чубайс согласился со мной и честно сдержал данное им слово.

Что касается Генералова, то, работая с ним в правительстве, убедился в том, что это способный человек,

чувствующий сложную обстановку, понимающий суть стоящих перед министерством проблем и готовый решать их на профессиональном уровне.

Возглавляемый мною кабинет придерживался центристских или, точнее, левоцентристских взглядов, и это создавало почву для определенного сближения с левыми силами. Но оно могло произойти лишь в том случае, если бы компартия сделала упор на необходимость единства всех «государственников», патриотов, осознав и отразив в своих документах, что нет возврата к командно-административной модели общественного и экономического устройства, которая существовала, когда КПСС была у власти.

II. Страхи ложные

Вскоре после своего назначения я почувствовал, что окружение президента, с одной стороны, хотело, чтобы я находился на дистанции от Кремля, не участвовал в подготовке и принятии президентских решений, а с другой – опасалось моей самостоятельности. Это противоречило моим взглядам: я привык к «командной игре», но никогда не соглашался на роль «марионеточного деятеля».

С первых же дней в правительстве я подчеркивал (собственно, так же делал, будучи и директором СВР, и министром иностранных дел), что те или иные мероприятия кабинета либо обговорены с Ельциным, либо осуществляются после получения его санкции. Не всегда это соответствовало истине, часто потому, что президент оказывался малодоступен из-за своего физического состояния.

Такая линия вначале поддерживалась Ельциным. Он несколько раз звонил мне по телефону (часто подобные звонки приходились на ночное и раннее утреннее время) и говорил: «Больше берите ответственности на себя».

Я это делал, не переставая подчеркивать роль президента. Однако вскоре у Ельцина появились сомнения – его целенаправленно информировали о том, что я «веду свою партию».

Ничего у меня не получилось и со стремлением участвовать в обсуждениях, призванных найти оптимальные решения для президента, к сожалению, все больше отходящего по состоянию здоровья от самостоятельного руководства страной. В октябре 1998 года я пригласил к себе Татьяну Дьяченко – дочь Бориса Николаевича, которая играла в «семье» роль скорее не идеолога-стратега, а исполнителя, так как больше, чем другие из окружения, имела к нему доступ и знала, когда можно у него подписать ту или иную бумагу или получить нужную резолюцию.

Мы встретились в моем кабинете в Доме правительства. У меня не было никакой предвзятости по отношению к ней. Я начал разговор со слов: «У нас с вами общая цель – сделать все, чтобы Борис Николаевич закончил свой конституционный срок в кресле президента. Досрочный его уход в нынешних условиях не соответствует интересам стабилизации обстановки в России. Давайте думать вместе, как этого достичь лучшим образом. Нужно думать и о тактике. Необходимо показать стране, миру, что президент работает бесперебойно и эффективно. Если вы разделяете сказанное мной и не сомневаетесь в моей искренности, то почему замкнулись в узком кругу? К тому же я не новичок в анализе ситуаций, прогнозных оценках, выработке вариантов».

– Да что вы, Евгений Максимович. Мы так вас уважаем.

К этому был сведен ответ на высказанные мною недоумение и предложение работать вместе. Так была захлоп-

нута дверь, которую я пытался открыть. Мотивы могли быть только одни: окружение президента понимало, что не соглашусь играть в оркестре, дирижируемом олигархами.

Однако это было бы полбеды, если бы одновременно не стремились отдалить Ельцина от меня. Представляется, что «семья» делала так потому, что у нас с ней различные «группы крови», но еще и потому, что опасалась моих встреч с президентом, во время которых он мог получать реальную информацию, во многом не совпадавшую с оценками его окружения.

Помню, когда Бориса Николаевича в конце ноября положили в Центральную клиническую больницу (ЦКБ) с диагнозом «пневмония», я несколько раз ставил вопрос о том, чтобы навестить его и доложить об обстановке. Каждый раз мой визит откладывался. Наконец, когда я попал к Ельцину, он раздраженно (сказывалось нашептывание со стороны «семьи») спросил: «Почему вы в последнее время избегаете встреч со мной?»

– Побойтесь Бога, Борис Николаевич, я все время ставлю вопрос о встрече, но ее откладывают, ссылаясь на мнение врачей. Не рекомендуют даже звонить вам по телефону.

– Вызовите немедленно Анатолия Кузнецова, – отреагировал на мой ответ президент, – и, уже обращаясь к этому совершенно непричастному к составлению графика посещений Ельцина человеку, с металлом в голосе сказал: – Каждый раз соединять меня с Примаковым по телефону и, как только он об этом попросит, приглашать на встречу.

Мое замечание о том, что Кузнецов тут ни при чем, а все в этом плане определяется Татьяной Дьяченко, осталось без внимания.

– Ну как? – спросила она меня в коридоре, когда я вышел из палаты.

– Борис Николаевич недоволен тем, что редко с ним вижу, – ответил я.

– Но часто после встреч с вами он чувствует себя хуже. Вы уж постарайтесь не огорчать его, – сказала Татьяна Борисовна.

На первые месяцы моего премьерства пришлось череда болезней президента, и мне по его поручениям пришлось заниматься многими высокими гостями – проводить с ними переговоры, устраивать в их честь приемы. Все это не оставалось незамеченным в обществе. Особенно много говорилось о том, что Председатель КНР Цзян Цзэминь посетил Ельцина в больнице и пробыл у него чуть больше получаса, а остальное время пребывания в Москве пришлось на встречи, в которых российскую сторону представлял я.

16 октября президент отменил свою поездку в Малайзию, где был запланирован саммит государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Россия должна была быть представлена на этой встрече, первой после того, как нас наконец-то приняли в состав Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС)⁸. Вместо президента в Малайзию полетел я. Через 10 дней был отменен визит Ельцина в Австрию. Вместо него с однодневным визитом для встречи с руководством ЕС полетел председатель правительства. Несколько позже был отменен запланированный на 6–7 декабря визит президента в Индию. Туда также прибыл я. На мои плечи переложили основную тяжесть визитов в Москву Шредера, Нетаньяху и других.

Тема передачи некоторых функций президента председателю правительства стала распространяться. В средствах массовой информации промелькнуло сообщение о том, что во время беседы с редакторами ведущих органов печати и телевидения руководитель администрации президента В. Юмашев, сославшись на нездоровье Ельцина, говорил о возможности перехода части полномочий пре-

зидента главе правительства. Думаю, не случайно Ельцин, несмотря на объявленные более поздние сроки возвращения из больницы, 20 октября неожиданно приехал в Кремль. Тут же пригласив меня, он задал вопрос, готов ли я подтвердить, что не буду выдвигаться на пост президента (?!).

– Я многократно говорил об этом.

– Ну, тогда скажите еще раз перед телевизионными камерами.

– Пожалуйста, еще раз заявлю.

Вошли телевизионщики. Мы с Борисом Николаевичем стояли бок о бок. Услышав мои слова о том, что не намерен участвовать в президентской гонке, Ельцин одобрительно кивнул головой, потом сказал, что полностью одобряет деятельность правительства.

Через некоторое время началось уже видимое обострение отношений с президентом. Расскажу все по порядку. В ноябре, во время одного из докладов Ельцину, сказал ему, что стабилизации обстановки в стране помогло бы принятие закона, в котором гарантируется безопасность и определяются условия жизнедеятельности российского президента, уходящего в отставку.

– Понимаете, мне неудобно вносить проект такого закона, – сказал Ельцин.

– Согласен с вами. Могу законопроект внести я.

После этого разговора развивались события, которые свидетельствовали о необходимости посмотреть на проблему политической стабильности в обществе шире, не ограничиваясь гарантиями президенту после конституционного срока его нахождения во власти.

Широко распространялись предположения о настрое Ельцина на запрет КПРФ, введение чрезвычайного положения, срыв предстоящих президентских выборов. Позже в мемуарах Ельцина прямо сказано, что все это он намеревался предпринять.

22 января 1999 года я направил идентичные письма председателям двух палат российского парламента, в которых, в частности, говорилось:

«Сегодня чрезвычайно остро встал вопрос об обеспечении политической стабильности в стране в предвыборный период. Без этого невозможно преодолеть последствия социально-экономического кризиса, решать вопросы восстановления и развития экономики страны, вернуть доверие людей.

В такой сложный для страны период считаю очень важным принять все необходимые меры для укрепления институтов государства и обеспечения согласованных действий федеральных органов государственной власти. С этой целью предлагаю выработать согласованные правила поведения Президента, Федерального собрания и Правительства Российской Федерации и совместно принять пакетное решение».

В совместном заявлении предлагалось изложить систему добровольно взятых на себя обязательств, действующих до *новых президентских выборов*: президент не распускает Думу и не использует право отставки правительства, правительство не ставит в Государственной Думе вопрос о доверии, что также может повлечь за собой роспуск Госдумы. Дума в свою очередь отказывается от импичмента (кампания набирала силу). Внесение поправок в Конституцию РФ может осуществляться лишь на основе согласованной позиции. К письмам я приложил и проект закона о гарантиях неприкосновенности лицам, занимавшим пост Президента Российской Федерации.

Председатель Госдумы Г. Селезнев сразу же разослал письмо всем депутатам. Естественно, это моментально стало достоянием окружения Ельцина, и «семья» должным образом отреагировала.

Но сначала о том, почему с этой очень важной, как считал и продолжаю считать, инициативой выступил я. Абсолютно искренне полагал, что Ельцину неловко быть

автором проекта, который прекращает кампанию по импичменту и гарантирует его неприкосновенность после окончания конституционного срока. Думал, что ноябрьский разговор с ним дает мне право на инициативу. Но при этом за президентом оставалась возможность корректировки текста заявления – в письмах подчеркивалось, что после одобрения предлагаемого подхода проект будет согласован с Ельциным.

Не скрою, я не очень стремился и к предварительному согласованию текста, зная, что любой разговор на эту тему упрется в позицию «семьи», а просчитать эту позицию было совсем не трудно. Я не придал значения тому, что президент в это время находился в ЦКБ. Это и было активно использовано против меня.

На мою инициативу сразу же отреагировал Березовский. Отвечая на вопрос главного редактора газеты «Коммерсантъ», он сказал: «Предложение Примакова – не желание стабилизировать политическую ситуацию, а желание проявить себя. А это опасно... Я увидел в Примакове человека, желающего сначала стать президентом, а потом думать о России». Я воспринял это заявление не столько как сигнал, подаваемый Ельцину, сколько как отражение уже сформировавшейся точки зрения Кремля. И оказался прав.

До начала очередного доклада, когда телевизионщики снимают «картинку», Ельцин, угрюмо насупившись, сказал мне: «Что вы такое выделяете за моей спиной?» Встретив мой недоуменный взгляд, разъяснил: «Речь идет о вашем обращении в Госдуму».

– Борис Николаевич, я хотел бы разговор с вами вести не под прицелом телекамер.

– Хорошо, оставьте нас вдвоем, – сказал президент, обращаясь к тележурналистам.

– Разве вы не помните предысторию? Мы с вами обсуждали вопрос о гарантиях президенту после его отставки. Речь шла не именно о вас, а вообще о Президенте

России. Я, естественно, считал и считаю, что нужно этот вопрос решить, но его следует рассматривать не самостоятельно, а в контексте других проблем, которые в совокупности будут служить стабилизации в обществе.

– Все равно, – сказал Ельцин, – вы должны были согласовать эту инициативу.

Из «источников Кремля» в СМИ тут же поступила информация, что разговор президента и главы правительства был «тяжелым». Но шар был запущен, и предложение получило широкий резонанс. В результате администрации пришлось в свою очередь проявить инициативу. Заместитель главы администрации О. Сысуев весьма добросовестно, со знанием дела возглавил подготовку альтернативного документа. Не думаю, что такой подход Сысуева был по душе всем в окружении Ельцина. Не всем им понравился – уверен в этом – и тот факт, что провести совещание членов Совета безопасности, посвященное подготовке этого документа, президент поручил мне. Это свидетельствовало о том, что чаша весов еще не склонилась в пользу тех, кто разрабатывал планы моей отставки. А может быть, такая комбинация предусматривалась с целью показать общественному мнению, что я «переориентировался»?

Совещание состоялось 5 февраля на Старой площади, в помещении, где когда-то заседало политбюро ЦК КПСС. Альтернативное заявление имело определенные недостатки – взаимные обязательства относились теперь к предвыборному периоду в Госдуме; президентские выборы вообще не упоминались; ни слова не говорилось о необходимости снять вопрос об импичменте, что наводило на мысль о стремлении использовать кампанию по импичменту для «контратаки», в том числе против правительства, обвиняемого в «косвенном пособничестве» отстранению президента. Однако заявление и в новом варианте содержало ряд полезных положений. Среди них отказ без предварительных консультаций ставить

вопросы изменения Конституции и отставки правительства, меры по улучшению условий выборов в Госдуму, «недопущение криминализации органов законодательной и исполнительной власти». Исходя из этого, мы поддержали проект совместного заявления. В заключительном выступлении на совещании членов Совета безопасности я сказал:

«Сегодня надо всем осознать, что ценой политических амбиций может стать целостность России и ее демократические завоевания. Граждане России устали от конфронтации. Они справедливо требуют от власти найти компромиссы и создать нормальные социальные условия жизни. Необходимо протянуть руку всем, кто работает на консолидацию общества, и решительно пресекать любые действия тех, кто создает социальную напряженность, а тем более нарушает Конституцию страны. На пути оздоровления обстановки в стране важно проявить твердость, решительно отмежеваться от популизма, политиканства и сосредоточить усилия на ежедневной напряженной работе».

Идея совместного заявления и в моей редакции, и «альтернативного» так и не была реализована, ушла в песок...

Между тем рейтинг правительства и его руководителя продолжал расти. Но параллельно росло и количество публикаций и телепередач, в которых все более резкой и беспредметной критике подвергался кабинет, сгущались прогнозы по поводу его предстоящей замены.

Кульминацией, конечно, было заседание, посвященное подготовке к празднованию третьего тысячелетия, когда президент, оглядев всех сидевших за огромным круглым столом в Кремле, бросил свою «историческую» фразу: «Не так сидим». К этому моменту С.В. Степашин уже был назначен первым заместителем председателя правительства, и он-то «не так сидел». Вместо того чтобы рядом с президентом – через несколько стульев от него.

Со Степашиным меня связывали и связывают добрые, товарищеские отношения. Забегая вперед, подчеркну – в момент последнего разговора с президентом, 12 мая 1999 года, которым закончилась моя карьера руководителя правительства, я подтвердил, что не имею ничего против назначения Степашина на мое место.

Мне казалось, что фраза «не так сидим» еще не означала полное совпадение позиции Ельцина и «семьи» по вопросу о снятии меня с поста премьера. Впрочем, я думаю и сегодня, что на тот период такое неполное совпадение действительно имело место. Неужели я ошибался и тогда, и сейчас?

15 марта я посетил Бориса Николаевича в ЦКБ, и после наставлений, как нужно вести себя с журналистами, советов встретиться с главными редакторами, побывать на телеканалах (что я, кстати, исправно делал), Ельцин сказал присутствовавшим при этом разговоре корреспондентам телекомпаний: «В некоторых СМИ говорят, что кто-то хочет вбить клин между мной и премьер-министром. Природа еще не создала клина между Ельциным и Примаковым».

Через два года я прочел только что изданную в Москве великолепную книгу «Воспоминания» великого князя Александра Михайловича, который со слов С. Витте пересказал, как произошло снятие того с поста председателя кабинета министров России. «Государь – восточный человек, типичный византиец, – сказал про Николая II Витте после своей отставки в 1906 году. – Мы говорили с ним добрых два часа; он пожал мне руку; он меня обнял. Желал мне много счастья. Я вернулся домой, не помня под собой ног, и в тот же день получил указ о моей отставке».

Конечно, по масштабам того, что смог и успел сделать, я никак не сравниваю себя с блестящим премьером Витте. Да и президента Ельцина трудно заподозрить в византийской утонченности. Но все-таки жаль, что книгу эту я

прочел не в тот момент, когда часть прессы предрекала мой близкий уход из правительства, а я ориентировался или, точнее, был дезориентирован публичными президентскими заверениями в обратном.

9 апреля на встрече в Кремле с руководителями глав республик Ельцин снова заявил: «Не верьте слухам о том, что я хочу Примакова снять, правительство распустить и так далее. Все это домыслы и слухи. Такого нет и не предполагается...»

Казалось, на этом можно было бы поставить точку. Но президент добавил: «Я считаю, на сегодняшней стадии, на таком этапе Примаков полезен, а дальше будет видно. Другое дело, что надо укреплять правительство. Этот вопрос стоит».

Это уже можно было рассматривать как «звонок». Я решил ответить публично. И не для того, чтобы предотвратить развитие событий. Напротив, я понимал, что мой публичный ответ будет максимально использован «семьей» против меня – «видите, как осмелел (или обнаглел) премьер, бросая открытый вызов Кремлю; не мы ли говорили, что он все больше проявляет президентские амбиции?». Я отлично знал, что такие «оценки» наверняка западут в сознание президента, но все-таки не мог смолчать ни по своему характеру, ни по обуревавшим меня чувствам, хотя и слыл человеком сдержанным. Пренебрег советами многих окружавших меня людей.

Мое выступление записывали в Белом доме и транслировали по всем телевизионным каналам. В частности, я сказал: «Хочу повторить свою позицию, которую занимал с самого начала, и никому не надо ее извращать – попытки провести через Думу импичмент президенту несостоятельны и контрпродуктивны. Такая политическая игра безответственна и опасна. Она может раскачать общество и спровоцировать серьезнейший политический кризис. Я однозначно за то, чтобы президент

Ельцин оставался на своем посту весь конституционный срок, категорически против досрочных выборов и президента, и Госдумы.

Считаю также, что серьезную опасность представляют призывы распустить партии, саму Госдуму, ввести чрезвычайное положение. Это – путь авантюрный, угрожающий взорвать внутреннюю ситуацию в стране, иными словами, путь в никуда.

Полагаю недостойной и противоречащей интересам страны, – продолжал я, – ту возню, которая ведется вокруг правительства, а в последнее время и кампанию против его председателя.

Пользуясь случаем, хочу еще раз заявить, особенно тем, кто занимается этой антиправительственной возней, успокойтесь, у меня нет никаких амбиций или желания участвовать в президентских выборах и я не вцепился и не держусь за кресло премьер-министра, тем более когда устанавливаются временные рамки моей работы: сегодня я полезен, а завтра посмотрим».

Коснулся и «подкидываемых обвинений» против отдельных членов кабинета. Призвал соответствующие органы разобраться в этом, подчеркнув, что в случае неподтверждения этих обвинений клеветники не должны оставаться безнаказанными.

Не знаю, стало ли это реакцией на мое телевыступление, но 19 апреля перед вручением премий и стипендий журналистам президент призвал их «не стравливать» его с Примаковым. «Когда сталкиваете, – сказал он, – то в обществе появляется неуверенность, в обществе начинают сомневаться: кто прав – президент или премьер. Мы уважительно относимся друг к другу. Советуемся друг с другом, регулярно встречаемся». Вместе с тем Ельцин добавил: «Премьер-министр еще не привык к критике. А правительство разве работает идеально? Нет. Зачем же обижаться».

В словах и интонациях Ельцина я чувствовал колебания. Обычно в таких случаях он «рубил сплеча». Или еще время не наступило для этого?

А «семья» продолжала свое давление на президента. Все больше в этом плане начали нажимать на самую болезненную для него «точку» – пожалуй, впервые явно пробуксовывало осуществление не просто его намерения, а приказа. Оказалось, очень нелегко снять с поста генерального прокурора Юрия Скуратова. С такой пробуксовкой «семья» решила связать мое имя.

Мои отношения со Скуратовым были хорошие. У нас дважды совпадал по времени отдых на берегу Черного моря, в Сочи, где мы общались семьями. Встречался с ним и по делам, будучи главой правительства. Переживал, когда началась грязная история с видеокассетой. Нынешний министр культуры, будучи руководителем государственной телевизионной компании, показал по телевидению видеозапись порнографического содержания, на которой было запечатлено «лицо, похожее на генерального прокурора».

Накануне беседы со Скуратовым в ЦКБ Ельцин позвонил мне и предложил поучаствовать в разговоре, который состоялся рано утром 18 марта. Кроме нас присутствовал В. Путин. Я был сторонником компромисса, который в конце концов состоялся. Скуратов написал повторное заявление в Совет Федерации об отставке. Этому предшествовало эмоциональное объяснение им своей позиции. Дату на заявлении он поставил 5 апреля – на следующий день должно было состояться очередное заседание Совета Федерации. Ельцин согласился с тем, что до этого времени Скуратов будет продолжать расследовать «швейцарские материалы» по «Мабетексу»⁹. Однако президент категорически не хотел с ним работать, а это, во всяком случае в условиях нынешней России, да, очевидно, и многих других стран, закрывало для гене-

рального прокурора возможность полноценно осуществлять свою деятельность.

На улице произошел мой разговор со Скуратовым наедине. Я старался объяснить ему, что в данной ситуации – особенно с учетом отношения к нему Ельцина – состоявшееся решение выглядит оптимальным. Мне показалось, что Юрий Ильич поверил мне, так как понимал, что я отнюдь не принадлежу к лагерю его недругов. Знаю, что аналогичную моей позицию занимали и многие его друзья, и коллеги по «цеху», с мнением которых Скуратов считался.

В это время на авансцену вышел А. Волошин, назначенный Ельциным главой администрации президента. Несмотря на коллизии, имевшие место ранее, у меня поначалу установились с ним нормальные рабочие отношения. В кабинете председателя правительства стоит селектор прямой связи. Я пользовался достаточно часто этим прямым каналом и решал с Волошиным многие вопросы. Поэтому то, что произошло дальше и, главное, в какой форме это произошло, было для меня неожиданным.

Волошину «семьей» было поручено подготовить второе заседание Совета Федерации и провести решение об отставке Скуратова. Он поднялся на трибуну, что-то проямлил, что-то сказал невнятное. Думаю, что его выступление во многом способствовало результату голосования: Совет Федерации во второй раз отклонил отставку генерального прокурора. Это было крупным поражением противников Скуратова, которые уверяли президента, что на этот раз, дескать, Совет Федерации обязательно примет отставку.

Сразу же после голосования Волошин собрал на «тайную сходку» представителей ведущих СМИ и сказал им: «Не ссылайтесь на меня лично, а процитируйте “высокопоставленного сотрудника администрации”, который

вам заявил, что это Примаков привел к решению Совета Федерации по Скуратову. Примаков ведет свою собственную игру и не может быть союзником президента».

Убежден, что Волошин не осмелился бы самостоятельно, без согласованного решения, возможно с Березовским (его не без оснований считали человеком Березовского), открыто выйти на «тропу войны». Не исключаю и того, что он пытался защитить себя от обвинений в провале «операции» в Совете Федерации.

Содержание брифинга, который провел Волошин, стало известно мне не только по лентам информационных агентств, но и по записи на диктофон – пленку принес один из журналистов, участвовавших на встрече у главы администрации. Я был возмущен до глубины души. Прежде всего потому, что в отношении Скуратова с самого начала занимал однозначную позицию: относился к нему хорошо, тем более считал, что против генерального прокурора не могут быть использованы противозаконные и неконституционные меры, но в то же время говорил ему о необходимости уйти с этого поста. Выступая на том же заседании Совета Федерации, подчеркнул, что для меня как для прагматика имеет значение следующее: будет ли продолжение деятельности Скуратова в Генеральной прокуратуре способствовать работоспособности этой организации, улучшению политической обстановки в стране в целом, или, напротив, все это осложнит ситуацию. «С этой точки зрения, – сказал в своем выступлении, – сохранение Скуратова в должности генерального прокурора контрпродуктивно».

Но дело было не только в этом. Глава администрации президента в открытую, перед журналистами, выступил, как говорится, наотмашь против премьер-министра. Это был настоящий вызов.

Вскоре состоялось заседание членов Совета безопасности, на котором я председательствовал. После того как

была «пройдена» вся повестка дня, я попросил задержаться членов СБ – там были и руководители двух палат Законодательного собрания, и министры иностранных дел, обороны, внутренних дел, другие. Волошин, сказав, что ему нужно уйти на «назначенную встречу», двинулся к двери. Я твердо попросил его остаться. В присутствии всех спросил Волошина: «Какое вы, глава администрации президента, имеете право делать провокационные заявления, направленные против меня? Не забывайте, что я все еще председатель правительства. Кто вам поручал раскачивать общество?»

Многие, правда в более мягких тонах, поддержали сказанное мною.

Решил этим не ограничиваться и пошел к Ельцину. Ознакомившись со стенограммой высказываний Волошина перед журналистами, он спросил, достоверна ли информация. Я ответил: «Вы можете узнать это у самого Волошина. У меня есть запись на пленку». Президент решительно нажал на кнопку: «Вызовите Волошина». Зашел руководитель администрации, которому президент даже не предложил сесть.

– Это сказано вами? – спросил Ельцин, показывая переданную мною стенограмму.

Волошин ответил утвердительно.

– Кто вы такой? Вы просто чиновник. Вы находитесь в моей тени. Вы сами еще ничего не сделали. Как вы смеее сталкивать меня с председателем правительства?

Обращаясь ко мне, Борис Николаевич спросил: «Могу я оставить этот документ у себя?»

Обращаясь к Волошину, он сказал: «Я положу это в сейф. Это все время будет висеть над вами. Идите».

Когда мы остались одни, Ельцин произнес: «Теперь убедились, что это идет не от меня?»

На следующий день я узнал, что Волошин приглашен на обед к президенту. А меньше чем через месяц я был снят с поста главы правительства.

III. Страхи истинные

А по-настоящему атака на меня началась и участь как премьера была predetermined, когда окружение президента узнало, что вскоре после вступления в должность премьера я обратился к руководителям различных министерств и ведомств, в том числе правоохранительных, с указанием лично изложить их видение обстановки, связанной с экономической преступностью и коррупцией. Да простит меня читатель за пространные выдержки из некоторых полученных ответов. Но они очень показательны. Это – свидетельства из первых рук о многочисленных аферах и глубине проникновения экономической преступности. Это – подтверждение несомненной осведомленности о тех каналах, через которые проникает зло. Одновременно это было показателем отсутствия политической воли Ельцина вести решительную борьбу с таким антиобщественным явлением, которое захлестнуло страну.

Из доклада председателя Государственного таможенного комитета (ГТК).

К настоящему времени в сфере внешнеторговой деятельности сложилась обстановка, в условиях которой государство несет значительный ущерб за счет правонарушений и преступлений.

ГТК России неоднократно докладывал в правительство о ситуации с «ложным экспортом» и «ложным транзитом». В противоправной деятельности принимают участие по сговору российские и иностранные фирмы – продавцы, покупатели, перевозчики, посредники. Они прикрываются фиктивными документами на перемещение товара по территории России, на оплату инофирмами закупленных товаров, которые в действительности

реализуются в России. В документах, представленных предприятием-продавцом, имеется заверенный пограничной таможенной штамп – «товар поступил». Однако средства таможенной идентификации зачастую оказываются поддельными. Таким образом, правонарушения при псевдоэкспорте носят ярко выраженный организованный характер.

Типичной является проведенная в период с октября 1997 по сентябрь 1998 года совместным российско-британским предприятием «Кворум» незаконная сделка с использованием льготы, предоставленной таможенным режимом «вывоз товара на переработку». СП «Кворум» заключило договор с двумя офшорными компаниями: «Тотал Интернешнл Лим.» (Бермудские острова) и «Кворум Энтерпрайзес» (Великобритания) – на переработку 3 млн тонн мазута стоимостью 300 млн американских долларов на двух заводах Франции и на одном заводе в Нидерландах. Под этот договор была выдана лицензия ГТК России. Продукты переработки должны были быть возвращены в Российскую Федерацию. Проведенная совместно с АО «Совфракт» дополнительная проверка маршрутов судов через «Ллойд Шиппинг» показала, что танкеры во французские порты не заходили, а выгрузили мазут в Великобритании, Швеции и Гибралтаре. Под видом таможенного режима («вывоз товара на переработку») были проведены обычные коммерческие операции. При этом российский импортер уходит от уплаты и импортных таможенных пошлин. Вместо продуктов переработки им ввозится закупаемый за границей бензин.

Из справки, представленной руководителем Федеральной службы по валютно-экспортному контролю (ВЭК).

Остро назрела и требует скорейшего решения проблема деятельности офшорных компаний на нашем финансовом рынке. Деятельность компаний и банков, зарегистрированных в офшорных зонах, фактически сведена

к вывозу валюты за рубеж, обналичиванию денежных средств, легализации («отмыванию») доходов, полученных преступным путем. Таким способом из страны вывозятся сотни миллионов долларов.

В последние годы гражданами и организациями России, СНГ и Прибалтики с целью получения дополнительной неконтролируемой прибыли, а также «отмывания» грязных денег регистрируется большое количество офшорных компаний за рубежом. Например, только в Республике Кипр зарегистрировано более 2000 подобных компаний, 14 филиалов и представительств российских банков. По данным, полученным ВЭК, в период финансового кризиса августа 1998 года основная часть иностранной валюты приобреталась на внутреннем валютном рынке для банков, зарегистрированных в Прибалтийских республиках и Республике Науру. Выборочный анализ пяти уполномоченных банков показал, что в августе 1998 года ими было закуплено для банков, зарегистрированных в Республике Науру, свыше 227 млн долл. США.

Из доклада директора Федеральной службы безопасности (ФСБ).

Несовершенство уголовно-правового законодательства, криминализация кредитно-финансовой системы и внешнеэкономической деятельности, нецелевое использование и прямое хищение бюджетных средств, рост масштабов коррупции и активизация деятельности преступных сообществ способствуют углублению негативных процессов, происходящих в стране. Преступления, совершаемые на экономической почве, все чаще носят дерзкий, изобретательный характер и в своей совокупности несут серьезную угрозу экономической безопасности государства.

Так, в последнее время в стране участились случаи применения схем незаконного отчуждения пакетов акций, находящихся в федеральной собственности. Все ча-

ще отмечаются попытки мошеннических действий организованных групп из числа российских и иностранных граждан в сфере инвестиционного сотрудничества. Закрывая фиктивные договоры о привлечении долгосрочных инвестиций под залог государственных пакетов акций предприятий, объектов недвижимости, земли и минеральных ресурсов, мошенники получают долговые обязательства или векселя, авалированные правительствами республик, главами администраций. В дальнейшем эти долговые обязательства или векселя размещаются в зарубежных банках. Под них получают кредитные средства и присваивают их.

Создаются различного рода финансовые суррогаты, открывшие большие возможности для злоупотреблений как со стороны должностных лиц органов исполнительной власти, так и со стороны представителей коммерческих структур.

Рядом руководителей банков создаются компании и фирмы, учредителями которых являются они сами, их родственники или доверенные лица. Указанные структуры используются для получения неучтенной прибыли путем выделения им невозвратных кредитов под льготные проценты, которые потом переводятся за рубеж, что также позволяет банку уходить от налогообложения. Осуществляется выдача валютных кредитов банкам-нерезидентам, которые не погашаются и постоянно пролонгируются.

Таковыми действиями указанные лица нанесли ущерб только бюджетным организациям на сумму свыше 200 млн долл. США. По данному факту возбуждено уголовное дело.

Из записки Генерального прокурора Российской Федерации.

Среди факторов, обуславливающих повсеместно производственный спад и продолжительный социально-экономический кризис, значительное место занимают неце-

левое использование и хищение бюджетных средств. Их результатом становятся отток государственных средств в предприятия негосударственной формы собственности, незаконное обогащение частных лиц за счет государства, прогрессирующая тенденция становления теневых финансово-экономических отношений, утрата возможности государственного контроля и управления перспективными с точки зрения ожидаемой прибыли предприятиями, ущемление интересов собственно государственного сектора экономики, огромный потенциал которого во многом из-за этого не реализуется.

В условиях острой нехватки финансов обеспечение строго целевого использования бюджетных средств становится одной из главных задач государства, однако реально действенный контроль за их расходованием не осуществляется. Так, наделенные контрольными функциями органы федерального казначейства сами допускают многочисленные нарушения. В 1997 году из 620 млрд руб. (в ценах 1997 года), подлежащих возмещению в доход федерального бюджета, органами федерального казначейства взыскано лишь 27,3 млрд руб., или 9,5 процента. В ряде субъектов Российской Федерации взыскание средств по материалам проверок органов казначейства в 1997 году не превышало 3 процентов. Весьма редко в Центральный банк Российской Федерации вносятся представления о лишении банков-нарушителей лицензий на совершение банковских операций.

Анализ прокурорской практики свидетельствует о серьезной криминализации экономики. Теневой бизнес активно финансирует коррупционные связи организованной преступности с чиновниками государственного аппарата, которые принимают управленческие решения в пользу организаций, находящихся под контролем преступной среды. По разным оценкам, на подкуп представителей государственного аппарата криминальные и коммер-

ческие структуры тратят от 20 до 50 процентов своей прибыли.

Органами прокуратуры практически повсеместно выявляются факты игнорирования требования законодательства о запрете совмещения государственных и муниципальных должностей с предпринимательством, депутатской деятельностью. Одновременно прослеживается устойчивая тенденция принятия на региональном уровне актов, незаконно предоставляющих иммунитет депутатам законодательных органов субъектов Федерации, а также представительных органов местного самоуправления.

Из записки министра юстиции Российской Федерации.

Проблема правового противодействия общественно опасным явлениям, по мнению Минюста России, заключается в первую очередь в недостаточно активной правоприменительной практике правоохранительных органов. Полагаем целесообразным поручить МВД России, ФСБ России, ФСНП России, ГТК России, Минюсту России с участием Генеральной прокуратуры обсудить на совместном заседании коллегий вопрос о состоянии правоприменительной практики в сфере борьбы с экономической преступностью и преступлениями, совершаемыми с использованием служебного положения, обеспечив качественное улучшение этой работы, и при необходимости разработать соответствующие изменения и дополнения в действующее законодательство.

Из предложений, направленных в правительство председателем Высшего арбитражного суда Российской Федерации.

На законодательном уровне необходимо решить вопрос о неукоснительном выполнении акционерными обществами обязательств по начислению и выплате дивидендов по акциям, находящимся в государственной собственности.

В некоторых случаях в решениях о приватизации крупных предприятий предусматривается право создаваемых на их основе акционерных обществ направлять причитающиеся государству дивиденды на инвестиционные цели данного предприятия (например, газовой промышленности). На практике использование соответствующих дивидендов выходит из-под контроля государства. Целесообразно, чтобы во всех случаях причитающиеся государству дивиденды своевременно начислялись. Решения о направлениях их использования, в том числе на инвестиционные или иные цели соответствующего акционерного общества, могут принимать уполномоченные государственные органы с учетом реальных условий.

Как показывает практика, государство в ряде случаев несло значительные убытки в связи с передачей в залог находящихся в государственной собственности пакетов акций крупных и стратегически важных объектов, которые по истечении срока залога не могли быть выкуплены. От подобной меры следовало бы отказаться.

В целях исключения возможности неоправданного сосредоточения значительных пакетов акций в руках руководителей акционерных обществ, созданных на базе приватизированных государственных предприятий, и исключения злоупотребления с их стороны целесообразно установить предельный размер пакетов акций, которые могут находиться в их собственности (например, на сумму, не превышающую 10 процентов уставного капитала общества).

И наконец, из записки министра внутренних дел, в которой во многом обобщаются проблемы криминализации экономики.

Масштабы разворовывания государственных ресурсов и собственности достигли беспрецедентных в истории человечества размеров, поставив страну на грань катастрофы. Расчеты ранних идеологов формирования новой России через создание любыми способами класса собст-

венников, которые потом будут заботиться о сохранности и приумножении своего богатства внутри страны, не оправдались...

По оценке Банка России, поток иностранной валюты, переправляемой из России за рубеж, составляет в настоящее время от 1,5 до 2,0 млрд долл. США ежемесячно. Основные каналы нелегальной утечки валюты: невозврат валютной выручки под предлогом форс-мажорных и иных обстоятельств (по разным оценкам, от 150 до 300 млрд долл. США);

авансовые отчисления при импорте в счет будущих поставок, которые нередко вообще не осуществляются;

перечисления на счета иностранных фирм валютных средств в счет оплаты фиктивных услуг;

завышение контрактной цены при импорте, занижение при экспорте;

вывоз капитала частными лицами – до начала кризиса валюта нередко вывозилась курьерами коммерческих фирм и «челноками» в мешках, что зафиксировано в таможенных документах, причем мер по установлению их происхождения не осуществлялось.

Внутри России наиболее доходные отрасли экономики оказались поделенными между различными финансово-промышленными группами, тесно связанными с организованными преступными формированиями. Все это происходило и происходит на фоне возрастания коррумпированности государственного аппарата и органов местного самоуправления. В орбиту коррупции втянулась значительная часть правоохранительной системы, на что преступниками были направлены огромные средства. При этом эффективность выявления, пресечения и раскрытия преступлений и правонарушений в сфере экономики нельзя признать удовлетворительной.

Анализ уголовных дел, оперативных и иных материалов позволяет выделить ряд наиболее типичных направ-

лений криминального внимания, связанных с извлечением значительных объемов преступной прибыли.

Прежде всего это сфера деятельности естественных монополий (добыча, переработка, транспортировка, продажа на внутреннем и внешнем рынках сырьевых ресурсов, энергоносителей, транспорт, связь).

Кражи и хищения крупных партий металлов стали нормой деятельности предприятий металлургического и машиностроительного комплексов, а также в сфере их хранения, переработки и транспортировки. Достаточно сказать, что страны Балтии, не имея в своем распоряжении месторождений цветных металлов, вышли на одно из ведущих мест в мире по их экспорту.

Серьезное беспокойство вызывает ситуация в сфере добычи и переработки драгоценных металлов и драгоценных камней, обращения валютных ценностей. Эта сфера стала одной из наиболее притягательных для преступных сообществ. Единичные факты хищения валютных ценностей переросли в массовое разграбление достояния государства. Участились случаи незаконной разработки недр, переброски добытого золота в места традиционной нелегальной торговли (Северо-Кавказский регион) и за пределы России. Одновременно этими же группировками на российский рынок ввозится огромное количество низкопробных ювелирных изделий. Предприятия переработки используются злоумышленниками как канал легализации похищенного золота.

Руководители многих государственных и акционерных структур при осуществлении внешнеторговых сделок скрывают за рубежом получаемые валютные средства, размещают их там на счетах в банках и используют в корыстных целях, приобретая недвижимость, автомобили, яхты и тому подобное. Места расположения недвижимости, приобретенной на вывезенные из России средства, хорошо известны зарубежным правоохранительным ор-

ганам. Проверка законности их приобретения не будет представлять сложности.

На сегодня стали очевидными коррумпированность и разложение аппарата таможенных органов всех уровней. Так, например, на «черное» растаможивание контейнера с бытовой техникой установились «расценки» от 7 до 12 тыс. долл. США, которыми пользуется явное большинство импортеров. С учетом общего объема такого импорта ежемесячная сумма, оседающая в карманах взяточников, достигает нескольких десятков миллионов долларов США. Аналогичная картина имеет место при поставках белого сахара под видом сахара-сырца.

Следует обратить особое внимание на многомиллиардные хищения, совершенные организациями и учреждениями, которым были предоставлены таможенные льготы, отсрочки платежей, а также реализующими гуманитарную помощь.

Не меньшую опасность для экономики страны создала принявшая массовый характер практика нецелевого использования государственных инвестиционных средств и кредитов, направляемых на развитие и реструктуризацию конкретных отраслей и предприятий. Это наглядно проявилось в процессе проверок угледобывающих предприятий Кемеровской, Челябинской и иных областей в связи с акциями горняков по блокированию железнодорожных магистралей. Установлено, что государственные средства, выделенные данным предприятиям, по назначению не использовались, объемы их хищений нередко превышали задолженности по заработной плате шахтерам.

Все эти негативные процессы в значительной степени являются следствием нарушений при приватизации и разгосударствлении собственности.

Должностные лица, на которых возложено решение вопросов разгосударствления, совершают следующие виды преступлений: получение взяток, которые в основном

даются за оказание услуг при приватизации и за нарушение условий проведения аукционов и конкурсов с целью выигрыша заинтересованным лицом. Работниками администраций приватизируемых предприятий совершаются умышленные искажения стоимости основных и оборотных средств с целью присвоения части имущества либо последующего приобретения по заниженной цене. Используется также умышленное приведение предприятий к банкротству и их приватизация по заниженной стоимости.

Характерно, что в процессе кризиса многие коммерческие банки умышленно спровоцировали свое банкротство, перевели капиталы за рубеж, заработали значительные средства на колебаниях валютного курса.

Массовый характер приобрели правонарушения на потребительском рынке: занятие предпринимательской деятельностью без регистрации и уплаты налогов, торговля суррогатами, импорт потребительских товаров без уплаты таможенных пошлин, катастрофический рост мошеннических операций и др. Особую опасность представляет незаконное производство и оборот алкогольной продукции. Серьезные проблемы возникают с повсеместным насыщением рынка винно-водочными изделиями неучтенного производства и неконтролируемого ввоза на территорию России. Данные свидетельствуют о том, что фактически объемы производства водки и ликеро-водочных изделий почти в два раза превышают объемы, приводимые в статистических и налоговых отчетах. Непоказанная, или «теневая», часть производства налогами не облагается, расчеты за нее осуществляются наличными деньгами.

МВД России предложило создать под руководством председателя правительства орган для разработки комплекса межведомственных мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих криминализации экономики страны, вытеснению из нее организованной

преступности, возмещению причиненного государству ущерба.

Оценки правоохрнительными структурами положения в стране заставляли «бить в колокола». Обращение к их руководителям и доклады главе правительства были по сути подготовкой к наступлению на экономическую преступность и коррупцию. Я понимал, что без этого трудно, если вообще возможно, добиться перемен в экономической ситуации. Более того, отсутствие реальных мер, решительной борьбы с таким печальным явлением сделает Россию изгоем в мировом сообществе.

Соответствующие выдержки из этих докладов были направлены в министерства и ведомства, отвечающие за состояние дел в той или иной области. Им тоже было предложено в кратчайшие сроки доложить в письменной форме руководителю правительства о предпринимаемых конкретных мерах. Приступили к подготовке расширенной коллегии Министерства внутренних дел, посвященной борьбе с экономической преступностью.

Отлично понимал, что все это насторожит тех, кто уже запустил руку глубоко в государственный карман. Ведь и они хорошо представляли себе, что предпринимаемые меры – только начало. Однако необходимы разъяснения. Я был далек от мысли идти на массовые репрессии. Нужны были строго выверенные и осуществляемые в соответствии с законом демонстративные шаги, направленные на то, чтобы остановить распространение раковой опухоли. Но, естественно, все должно было происходить строго по закону.

Придать гласности полученные от руководителей правоохрнительных органов докладные записки? Понимал, что это взбудоражит общество, и без масштабной реакции со стороны власти – а мы в тот момент по многим причинам к этому не были готовы – объективно нанесет вред борьбе с экономической преступностью и коррупцией. Но «сигнал» о наших намерениях нужно

было дать. Поэтому вполне сознательно воспользовался объявлением об амнистии (главным образом лиц, осужденных за мелкие преступления, инвалидов) и сказал: может быть, хорошо, что освобождаются места, на которые сядут осуждаемые на основе закона за экономические преступления. Повторил это и в Давосе.

Что тут началось! Идеологом развернувшейся атаки был Волошин, который в одном из своих интервью заявил, что при переходе к рынку вообще нет преступлений в области экономики. Дело, дескать, в том, что идет первоначальное накопление, а дальше все «уляжется».

Б. Березовский был более «прагматичным». Передергивая мое заявление, подменив слова «экономические преступники» на «коммерсанты и предприниматели», он заявил: «Это был знак системе. И система начала действовать старыми кагэбэшными методами. Уверен, отмашка была дана Примаковым, и расплачиваться за это придется именно ему». А дальше последовали фальсификации, подтасовки, подлоги, ложь, дезинформация, распространение невероятных слухов через тех журналистов, кого взял на содержание Березовский.

Противно, да и нет нужды рассказывать обо всех этих пакостях. Но об одном сюжете все-таки хочу упомянуть. Он весьма характерен.

17 декабря 1998 года в Белый дом пришел министр внутренних дел С. Степашин и положил мне на стол записку, в которой говорилось о том, что возвратить в Россию те громадные суммы, которые продолжают незаконно уплывать за рубеж и размещаться на счетах в иностранных банках, можно только через открытие уголовных дел. На записку Степашина (там перечислялось несколько фамилий, но, кстати, не было Березовского) я отреагировал следующей резолюцией: «Прошу проговорить вопрос с генеральным прокурором. Следует, не откладывая, открывать уголовные дела. Ущерб, нанесенный государству, огромен. Что можно было бы вернуть?»

Считал и считаю, что это был адекватный ответ на проблему, справедливо поставленную министром внутренних дел.

Я возвратил Степашину эту записку с моей резолюцией из рук в руки (она не проходила через канцелярию правительства). За моей резолюцией последовала резолюция Степашина:

«Рушайло В.Б., Кожевникову И.Н.

Прошу совместно с Генпрокуратурой продолжить активное проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Усилить наши позиции в кредитно-финансовых учреждениях, обеспечив своевременное выявление фактов злоупотреблений и нарушений. Проработать по линии Интерпола возможность возвращения похищенных средств. О ходе работы периодически докладывайте. Очередная информация Е.М. Примакову к 05.01.99».

Документ очутился у «осведомленного обо всем» Березовского, и он начал его «раскручивать». Вот где, мол, попался Примаков! Он приказал завести на меня уголовное дело, да и не только на меня, – это ли не превышение полномочий председателя правительства? Где закон? Где справедливость? Можно было бы продолжить список этих риторических вопросов, столь любимых Борисом Абрамовичем.

Чтобы настроить не только президента, но и широкие слои общественности против меня, выдумали так называемый список Примакова. Якобы я дал задание правоохранительным органам собрать компромат на полторы сотни людей, и мне были представлены «соответствующие материалы». Услужливые – далеко не бескорыстно – «Новые Известия» опубликовали этот «список», заявив, что у них есть документальные доказательства. Список был составлен «мастерски». Наряду с людьми, которых было нетрудно заподозрить в коррумпированности, в него

попали лица, известные в обществе своей порядочностью, честностью. Смотрите, мол, на кого замахнулся Примаков.

Я решил, что без суда здесь не обойтись. Совершенно естественно, судебный процесс против клеветников я выиграл и в первой, и во второй инстанциях. Более того, суд, запросив правительство, Генпрокуратуру, МВД, ФСБ и убедившись в грубой фальсификации, осуществленной авторами материала, опубликованного в газете, которая, конечно, со своей стороны не могла представить суду никаких документов, определил штраф, наложенный на «Новые Известия», в 200 тыс. руб. С трудом эта сумма была получена и переведена московскому детскому дому № 5.

Итак, получив незаконным путем служебный документ МВД и сфальсифицировав его содержание, Березовский начал уверять всех, что я возглавил гонения на него – «честного предпринимателя». Не в виде оправдания – мне оправдываться не в чем и не перед кем – скажу, что обо всем, что было связано с расследованиями по делам компаний «Фимако», «Мабетекс», «Аэрофлота»¹⁰, с изъятием документов, с ордерами на арест, узнавал из новостей по телевидению. Не только не давал, да и не мог давать каких-то указаний в качестве руководителя правительства. Однако через подвластных Березовскому журналистов моя «управленческая» роль во всем этом усиленно муссировалась.

Все делалось для того, чтобы создать в обществе мнение о том, что глава правительства ведет страну чуть ли не к 1937 году. Впрочем, об этом в некоторых оплаченных материалах СМИ говорилось прямо. Делался акцент и на том, что я, дескать, сам был руководителем в прошлом одной из спецслужб – значит, тоже «кагэбэшник». Таким путем хотели, с одной стороны, подготовить почву для моего устранения, а с другой – запугать. Вто-

рая цель оказалась невыполнимой. Мы в правительстве неуклонно продолжали наращивать меры против экономических преступлений. И строго по закону. Именно этого по-настоящему опасались те, кто возглавлял кампанию против меня. Именно это вызывало их истинный страх.

Страхи удваивались, так как у меня были хорошие, товарищеские отношения с руководством спецслужб, правоохранительных органов, а также в немалой степени оттого, что я владел достаточным объемом подлинной информации.

Характерно, что сразу после назначения меня руководителем правительства мы в дружеской обстановке встретились со всеми «силовиками». Борис Николаевич, конечно, знал от меня заранее об этой встрече. Возможно, не от меня он знал и о том, что мы все говорили о необходимости поддержать президента и плотно работать для укрепления государственности в России, порядка в обществе.

Встречался с руководителями силовых структур и впоследствии, будучи премьером. И всегда эти встречи имели своей задачей решение государственно важных проблем, среди которых, конечно, не последнее место занимала борьба с преступностью и коррупцией.

Насколько остро ставился этот вопрос, свидетельствует мое выступление на расширенной коллегии МВД России 15 января 1999 года, которое, предполагаю, «подлило масла в огонь» антиправительственной кампании, инициируемой «семьей». Тем более что на заседании коллегии не только присутствовали, но и поддержали основные идеи моего выступления руководители всех правоохранительных органов.

В выступлении я стремился показать, что существуют не только объективные условия резкого обострения криминогенной обстановки в России – разбалансированность экономики, денежной системы, кризисное состояние оте-

чественного производства, общее снижение дисциплины, правовой нигилизм, – но и субъективные причины – организационные упущения в работе правоохранительных органов, недостаточная эффективность их деятельности, факты коррупции со стороны ряда сотрудников. Я призвал к бескомпромиссной борьбе с предателями, связанными с преступными элементами в бизнесе.

Говоря о работе правительства, заострил внимание на первостепенном значении законотворческой деятельности и *экономических мер* по борьбе с криминалом. Не думаю, что некоторые олигархи, начавшие все более нагло выступать против правительства, были в восторге от того, что значительную часть своего выступления посвятил столь близкой им практике «легального криминала». Иными словами, использованию «дыр» в ряде пролоббированных ими же законов, позволяющих развиваться преступности на экономическом поле.

«От вас, – сказал я, обращаясь к руководителям правоохранительных органов, – во многом зависит, сможем ли мы построить рыночную экономику цивилизованного типа, переломить негативные тенденции в бизнесе, изменить менталитет многих отечественных бизнесменов, искаженный в последние годы криминальным налетом». В этой связи призвал к взаимодействию правоохранительных структур, при котором МВД, ФСБ, прокуратура, налоговая полиция могли бы играть главенствующую роль на своих профильных направлениях, одновременно объединяя усилия и других организаций.

В моем выступлении могли бы совершенно справедливо усмотреть призыв к серьезному усилению борьбы с экономической преступностью и криминалом по всем направлениям. Из выступлений руководителей правоохранительных органов на расширенном заседании коллегии МВД я понял, что этот призыв не останется безответным.

«Сигнал» приняла и часть «семьи».

IV. Кто есть кто

Я не был знаком с А.С. Волошиным ни лично, ни заочно до того, как Б.Н. Ельцин во время моего очередного доклада в январе 1999 года стал зачитывать замечания по экономической политике правительства. Чего там только не было.

Упреки в том, что мы исходим в проекте бюджета на 1999 год из темпа инфляции в 30 процентов, а не в 100–120. Ответил, что учет инфляции на уровне 100–120 процентов означает полное бездействие правительства и Банка России в области проведения денежно-кредитной политики, а также одновременное стимулирование инфляционных ожиданий, что ускоряет рост инфляции.

Упреки в том, что намеченная величина сбора налогов абсолютно нереальна. Ответил, что такая величина реальна, так как мы исходим в проекте бюджета из фактических поступлений в конце 1998 года и некоторого повышения собираемости за счет увеличения платежей в хозяйственном обороте.

Упреки в том, что в проект бюджета не закладывается в полном объеме погашение и обслуживание внешнего долга. Ответил, что этого нельзя делать, так как мы не можем исходить из возможности погашения всех 17,5 млрд долл., поскольку эта сумма равна 80 процентам доходов бюджета.

Не привожу всех замечаний – их было очень много и, что характерно, все они были нанизаны на идею: правительство, дескать, пришло в противоречие с положениями бюджетного послания Президента Федеральному Собранию РФ на 1999 год.

Мои возражения Ельцин выслушивал молча, не комментируя их, выдвигал очередные замечания по зачитываемому тексту.

– Борис Николаевич, автор этой критики либо не знает реальной обстановки, либо злопыхательски настроен в отношении правительства. Я даже не хочу знать его имени. Пожалуйста, дайте мне этот текст, и я в письменной форме отвечу на каждое из этих замечаний.

– Да, сделайте это в письменной форме, – сказал Ельцин. – В отношении автора секрета нет. Это заместитель главы администрации по экономической политике Волошин.

Такой «поклеп», положенный на стол президента, без предварительных встреч, разговоров с членами кабинета, еще раз доказывал, что Ельцина пытаются любыми путями привести к мысли об экономической несостоятельности кабинета. М.М. Задорнову было поручено подготовить детальный ответ, который был направлен Ельцину. Он больше этого вопроса не касался.

Вся ли администрация президента втянулась в подковерную борьбу с правительством? Руководил администрацией до 7 декабря 1998 года В. Юмашев. Я не думаю, что его следует зачислять в стан активных противников правительства и меня лично. Возможно, он плыл по течению какое-то время, пожалуй, уже после того, как перестал занимать пост руководителя администрации и стал советником президента. Но через 20 дней после моего снятия с поста премьер-министра я получил письмо Юмашева, в котором, в частности, говорилось:

«Огромное Вам спасибо. За мужество, за долготерпение, за понимание. Вам удалось то, что не удавалось ни партиям, ни движениям, ни президенту, ни Думе, никому – успокоить людей, вселить в них надежду. Хотел бы подтвердить то, что Вы, видимо, и сами чувствовали. На посту главы администрации пытался сделать все, чтобы Вам помочь, выстраивал всех своих, всю администрацию, чтобы мы работали как одна команда».

Пытался. Вышло ли – вот в чем вопрос.

На смену Юмашеву пришел на пост главы администрации Николай Николаевич Бордюжа – человек прямой,

порядочный. Нет никаких сомнений в том, что он в отношении меня вел себя безукоризненно. 24 декабря, открывая свое первое в качестве руководителя кремлевской администрации совещание с полномочными представителями президента в регионах, Бордюжа сказал, что «активизация позитивных ожиданий у населения после формирования нового правительства во многом связана с именем Примакова – прагматика и человека дела». Несомненно, это заявление насторожило определенных лиц в окружении Ельцина. Ведь в СМИ при назначении Бордюжи публиковались материалы, согласно которым он был подобран на этот пост в качестве «сильной личности», чуть ли не для противопоставления мне.

Возможно, в «семье» не придавали должным образом значения тому, что еще до перехода Н.Н. Бордюжи в Кремль у меня с ним сложились добрые, товарищеские отношения. Возможно, недооценивался последовательно твердый характер самого Бордюжи. А может быть, его назначение было личной инициативой хорошо в то время относившегося к нему Ельцина, который в часы своей активной работы мог подчас с прежним упорством проталкивать отдельные решения даже через сопротивление «семьи». Но к сожалению, лишь в эти часы и лишь отдельные. Соотношение все больше склонялось в пользу группы лиц из его окружения. Это привело в конечном счете к тому, что Бордюжа занимал свой пост считанные месяцы после ухода в отставку Юмашева.

Узнав, что я пишу книгу о своем восьмимесячном пребывании в правительстве, Бордюжа передал мне для опубликования сделанную им запись последнего телефонного разговора с президентом после того, как Ельцин решил заменить его на посту главы администрации Волошиным, сохранив за Бордюжей должность секретаря Совета безопасности России. Этот телефонный разговор, состоявшийся 19 марта 1999 года в 15.00 между Ельциным, пребывавшим в резиденции «Русь», и Бордюжей,

находившимся в Центральной клинической больнице, говорит о многом.

Б. Ельцин: Здравствуйте, Николай Николаевич. Как самочувствие? Я принял решение разъединить должности секретаря СБ и главы администрации президента, так как считаю, что совершил ошибку, объединив эти должности. На пост главы администрации думаю назначить Волошина, а вас оставить на посту секретаря Совета безопасности. Как вы на это смотрите?

Н. Бордюжа: Спасибо, Борис Николаевич, за предложение, но я вынужден отказаться. Если вы не возражаете, я изложу свои аргументы.

Первое, это решение не ваше, а навязанное вам вашей дочерью – Дьяченко по рекомендации группы лиц. Причина этого кроется не в ошибочности объединения двух должностей, а в том, что я инициировал снятие Березовского с поста исполнительного секретаря СНГ и отказался участвовать в кампании по дискредитации Примакова и его правительства. Организовали эту кампанию Дьяченко, Абрамович, Юмашев, Волошин, Мамут с благословения Березовского.

Второе, остаться работать в Кремле – это значит принимать участие в реализации тех решений, которые вам навязывают Дьяченко, Юмашев, Абрамович, Березовский, Волошин, а многие из них зачастую носят антигосударственный характер или противоречат интересам государства. Участвовать в этом я не хочу.

Третье, я боевой генерал, бывал во многих «горячих точках», рисковал жизнью, подолгу не видел семью. Всегда был уверен, что служу интересам России и в интересах Президента России. Поработав в Кремле, понял, что страной правит не президент, страной правит от имени президента кучка недобросовестных лиц и правит в своих интересах, а не в интересах государства. Состоять в этой компании я не могу и не хочу.

Е.: А если я вам прикажу, вы исполните?

Б.: Исполню, но прошу мне это не приказывать.

Е.: Я бы хотел, чтобы вы работали рядом со мной, у вас все неплохо получалось. Я не ожидал, что они набрали такую силу. Я их всех разгоню! Хорошо! Я отменяю свое решение! Вы остаетесь главой администрации, и мы работаем вместе. Как вы на это смотрите?

Б.: Борис Николаевич, я готов, но у меня есть одно условие: из Кремля должны быть уже сегодня удалены ваша дочь – Дьяченко, Юмашев, Волошин, запрещен свободный вход Абрамовичу, Мамуту, Березовскому. В этом случае я буду работать.

Е.: Хорошо, я подумаю. Мы еще встретимся и все обсудим.

В 20.00 этого же дня президент подписал Указ об освобождении Н.Н. Бордюжи от должностей и главы администрации президента, и секретаря Совета безопасности.

Ельцин бывал разным. Одним до выборов 1996 года, особенно до обескуражившей его необходимости идти на второй тур вопреки твердому убеждению в том, что полностью и единолично контролирует ситуацию. Другим он начал становиться тогда, когда появилась группа, которая, будучи в ту пору достаточно разнородной, сумела объединиться, для того чтобы организовать прохождение Ельцина в президенты.

Но этим дело не ограничивалось. Целью этой группы стало отлучение от президента тех, кто был близок с ним, – Коржакова, Барсукова, Сосковца. «Прежние» делали все, чтобы укрепить единоначалие Ельцина, а некоторые через это защищать и собственные интересы. Скрывали его периодические «срывы», старались уберечь от явных проколов. «Царь Борис» – его они так называли в глаза в неофициальной обстановке, но сами не претендовали на «царствование».

Новое окружение президента отличалось от прежнего качественно. Стремясь не допустить победы любого не контролируемого ими лидера на выборах, «новые» од-

новременно сделали ставку на Ельцина, через которого стремились управлять страной *сами*, чтобы стабильно обогащаться и, самое главное, не подвергаться при этом никакой опасности. Выполнению этой задачи во второй ее части помогла болезнь Ельцина. Он окончательно стал другим после операции на сердце. Будучи зависимым от медикаментов и работая считанные часы, да и то не каждый день, он физически не мог сопротивляться давлению со стороны нового окружения. «Семья» этим широко пользовалась.

Правда, в те моменты, когда Ельцин работал, он подчас становился прежним, как это проявилось, например, в телефонном разговоре с Бордюжей, да и в описанном выше разговоре со мной, касавшемся «обволакивания меня “левыми”». Но заканчивался такой непродолжительный этап, и начиналось время царствования «семьи».

Небезынтересно, что по ряду кадровых вопросов, которые я хотел решить вопреки мнению «семьи», складывалась «тягучая ситуация». Я, например, был ознакомлен руководителем Главного государственно-правового управления Президента Российской Федерации Р. Ореховым с уже подготовленным к подписанию, но справедливо им задержанным проектом указа президента, предоставлявшим права на сомнительную сделку одному из российских государственных банков. Проект был подготовлен по записке его председателя во время «безвластия» в правительстве, так как Кириенко уже ушел, а Черномырдин не смог приступить к работе. Высказав этому банкиру все, что думаю о нечистоплотности сделки, поставил вопрос о его снятии с должности. В администрации согласились – в то время открыто против мало кто рискнул бы пойти, – но сказали: дайте замену. Замену одну за другой отвергали «по объективным причинам». Сказал об этом во время одного из докладов Ельцину. Он вызвал Волошина и приказным тоном заявил: решить вопрос о замене в 24 часа! Волошин не возражал. А этот банкир, тесно связанный с «семьей», работает до сих пор...

Конечно, условия, когда президент царствовал, а «семья» правила, служили ее интересам. И «семья» стремилась законсервировать такое положение – если не выйдет в обход конституции, то во всяком случае на конституционный срок.

Борис Николаевич Ельцин, несомненно, интересная личность. В первой половине девяностых годов был, безусловно, волевым, с высоко развитым чувством интуиции, уверенным в себе руководителем. Чего-то не знал, но постигал через опыт, практику. Достаточно в этой связи проследить его деятельность на международном поприще – от слабо подготовленного и плохо разбирающегося в международных делах человека в конце восьмидесятых годов до лидера, дружбы с которым, да и просто общения с которым искали или добивались многие опытные политики с большими именами. Это была не только дань России – одному из главных «игроков» на международной арене, действовал не только ореол лидера такой могучей страны. Дело было и в самом Ельцине, который часто ухватывал проблему и самое важное – демонстрировал, несмотря на внешнюю жесткость, конструктивность с целью решения многих вопросов.

У него были и ошибки, и промахи, но мне представляется, что это большая и в то же самое время трагическая фигура, которая, несомненно, вошла в Историю.

Самую активную роль в борьбе против меня играл – собственно, он и не скрывает этого – Борис Абрамович Березовский. Характер и формы его деятельности, которые привели к баснословному и сказочному обогащению, – не предмет изложения в этой книге. Я не считаю возможным для себя пересказывать то, что было опубликовано во многих газетах и журналах, и вообще пользоваться недокументальными источниками. Но факт остается фактом: Березовский стал, пожалуй, самой видной фигурой в группе быстро и очень разбогатевших людей при переходе России к рыночным отношениям. При

этом он выделялся своими амбициозными претензиями не более и не менее как на управление страной. Преследуя именно такие цели – этим он отличается, скажем, от В.А. Гусинского, – Березовский прибрал к рукам многие средства массовой информации.

Провозглашаемая им «миссия» олигархов – править государством – была одной стороной его идеологии, тесно связанной с другой – специфическим отношением к бизнесу. Интересное в этом плане интервью дал Борис Березовский корреспонденту «Ведомостей» (№ 53 от 24.03.00). Вот выдержки из интервью: «Рычаг власти, который реально у меня был и который остается, – это средства массовой информации. Мощный рычаг власти, но у него другая природа – частная собственность».

«Я считаю, что монополизация очень полезна сегодня для России», – сказал Березовский, отвечая на вопрос журналиста относительно монополизации алюминиевой промышленности.

– Если это чистая сделка, – спросил корреспондент, – почему надо было проводить ее через офшоры?

– А это просто механизм такой, который уводит от налогов и решает другие, чисто финансовые, вопросы из-за несовершенства законодательства, – ответил Березовский. – Не надо пытаться быть альтруистом. Бизнес альтруизма не подразумевает.

Не хочу комментировать эти слова. Отмечу только, что в нынешнем правительстве тоже есть специальное антимонопольное министерство, которое решило после «разбирательства» дела с алюминиевой промышленностью заявить, что никакой монополизации ни рынка, ни производства не произошло.

Как-то в одном из своих интервью Березовский сказал, что у него со мной могли бы сложиться идеальные отношения. Но он, дескать, распознал во мне после того, как я пришел в правительство, человека с кагэбэшным мышлением. Я не думаю, что отношения могли бы быть

идеальными даже вне зависимости от того, как я мыслил. Определяющим в этих отношениях стало поведение Березовского.

Когда я был министром иностранных дел, он несколько раз посещал Смоленскую площадь и бывал у меня. Сначала это были беседы на «теоретическом уровне», во время которых Березовский (очевидно, это была черта его характера) уверенно говорил о вещах, в которых не разбирался или разбирался недостаточно глубоко.

– Нас разделяет, – например, говорил Березовский, – отношение к НАТО. Я считаю, что России следует вступить в НАТО, а вы против этого.

При этом ему было неведомо, что, даже если бы у нас зародилось такое желание, России в НАТО не попасть, что и проявилось со всей основательностью позже в натовской реакции на известное заявление президента Путина.

Но это были лишь «теоретические» размолвки, а дальше произошла коллизия. Перед поездкой в Грузию Березовский попросил проконсультировать его по грузино-абхазским отношениям. Я ответил, что дело это весьма деликатное и не нужно затрагивать эту тему в поездке (Березовский тогда еще не был секретарем Исполкома СНГ, и эта проблема не входила в систему его служебных интересов). Узнав, что есть заготовка по документу, который мы хотим предложить двум сторонам конфликта, Березовский попросил меня дать ему почитать этот документ, тут же клятвенно обещав не цитировать его. Бегло просмотрев одну страницу, он обратился ко мне уже с другой просьбой – дать ему копию документа, опять обещав, что ни в коем случае никому не покажет и нигде о нем не скажет, а просит лишь для того, чтобы правильно ориентироваться во время разговоров в Тбилиси.

Каково же было мое удивление, когда с этим проектом Березовский начал «челночные поездки» между Тбилиси и Сухуми, естественно решая свои собственные дела.

Возвратившись в Москву, он позвонил мне и попросил назначить время встречи. Я отреагировал в достаточно жесткой форме на поведение Березовского. Ни капельки не смущаясь, он ответил: «Вы же сами дали мне этот документ и сами разрешили работать с ним. Я не помню ни о каких ограничениях».

Чем дальше, тем больше. Я уже писал о фальсификациях, передергивании фактов, клевете. Отвечать ли на все эти гнусности? Многие из моего окружения подталкивали меня на это. Я отверг такие советы, в частности обратиться в суд, когда в интервью французской газете «Фигаро» Березовский заявил, что у него есть документы (!), подписанные Примаковым, в которых содержатся инструкции и прямые указания следователям о том, как против него действовать. Стопроцентно выиграл бы дело, так как, естественно, таких документов у Березовского нет и быть не могло – их не существовало в природе.

Когда Березовского назначили исполнительным секретарем СНГ, я даже помогал ему в выработке оптимальной схемы реорганизации Исполнительного секретариата. Кстати, хотя я и не был сторонником назначения Березовского на этот пост, но – он это отлично знает – не приложил руку к снятию его, что стало в конечном счете результатом размолвки в то время Ельцина с частью «семьи». Полагаю, что Ельцин никогда к нему хорошо не относился.

Березовский, безусловно, способный человек с системным мышлением, но с этим абсолютно не соотнобразуется его стремление демонстративно выставлять себя в качестве «серого кардинала», личности, которая якобы решает все и вся в России. Может быть, такое показное всеисилие проистекало и проистекает из того, что Березовский хорошо осведомлен «о слабостях» нашего общества, конкретных людей, особенно на чиновничьем уровне. Коснулось это и некоторых журналистов. Скольким из них он «подарил свою ценную дружбу» в прямом и переносном смысле?

Наиболее разнузданный характер кампания против меня приняла уже после моего смещения с поста премьер-министра – во время подготовки выборов в Государственную Думу. Но и в то время, когда я был главой кабинета, клевет Березовского Доренко в своей «авторской» программе на находившемся под контролем его босса первом канале российского телевидения систематически демонстрировал антипримаковские «мотивы» и «сюжеты».

17 января 2000 года в журнале «Эксперт» было опубликовано интервью одного из видных «пиарщиков» (так называют людей, которые различными путями пытаются создать общественное мнение в пользу тех или иных лиц или против оппонентов), руководителя Фонда эффективной политики Глеба Павловского. Меня заинтересовали те места в интервью, где оценивается деятельность премьер-министра и мои возможности, в том числе, по его мнению, неиспользованные.

«Примаков, конечно, не рассматривался как преемник, а только как пожарник. И в этом смысле вся история с Примаковым для политической команды власти была потерей времени. Но им пришлось заниматься, потому что он совершенно правильно оценил процесс, а значит, представлял исключительную опасность.

– Что он сделал?

– Он дал идею. Он стал альтернативой власти в самой власти. А это именно то, что ищут массы. И история Ельцина, и поздняя история Лебеда подтверждают, что массы не примут альтернативу власти вне власти. Они ищут альтернативы в самой власти. И Примаков сделал именно это. Он как бы построил систему перетока полномочий – из Ельцина харизма власти вытекала, а в него втекала. Он набирал в массах общую поддержку, рейтинговый потенциал. А элитам предъявлял эту поддержку и одновременно показывал, что он не так страшен. Но при этом он сделал несколько ошибок именно на уровне элитной политики.

– Он мог быть более успешен как политик?

– Да, если бы не совершал ошибку в отношении ряда ельцинских элит, которые были участниками проекта ухода Ельцина и искали решение проблемы преемника. Не исключено, что Примаков мог бы им предложить решение, а он ими пожертвовал, по-видимому считая, что они изолированы (идеология “семьи” к этому времени уже сложилась). Однако, отказавшись от них, Примаков позволил выстроиться в ельцинских элитах оппозиции себе. Но существенно то, что он оставил некую модель».

Павловский, несомненно, человек умный, но неужели он серьезно предполагал, что, будучи председателем правительства, я мог пойти на какую-то сделку с «семьей» или частью «ельцинской элиты» для того, чтобы обеспечить свое политическое настоящее и будущее? Это было начисто исключено. Отсюда такая острота направленных против меня атак.

V. Поставлена последняя точка

12 мая 1999 года я приехал к назначенному времени к президенту на очередной доклад, зашел в его кремлевский кабинет. Как всегда, приветливо поздоровались. Он предложил мне сесть на обычное в таком случае место – за большим столом, предназначенным для заседаний. Сам сел так же, как обычно, за торец стола рядом со мной.

Несколько насторожило, но не более того, его раздраженное обращение к пресс-секретарю: «Почему нет журналистов?» Когда в комнату зашли аккредитованные в Кремле представители телевизионных каналов и агентств, Ельцин спросил их: «Почему не задаете вопросы о пра-

вительстве?» На последовавшие сразу же вопросы он ответил: «Да, перемены будут». Посмотрев на меня, добавил: «И значительные».

Молнией в голове пронеслась мысль: есть решение уволить моих заместителей и таким образом вынудить меня уйти в отставку. Но действия разворачивались по другому сценарию. Как только вышли журналисты, президент сказал:

– Вы выполнили свою роль, теперь, очевидно, нужно будет вам уйти в отставку. Облегчите эту задачу, напишите заявление об уходе с указанием любой причины.

– Нет, я этого не сделаю. Облегчать никому ничего не хочу. У вас есть все конституционные полномочия подписать соответствующий указ. Но я хотел бы сказать, Борис Николаевич, что вы совершаете большую ошибку. Дело не во мне, а в кабинете, который работает хорошо: страна вышла из кризиса, порожденного решениями 17 августа, преодолена кульминационная точка спада в экономике, начался подъем, мы близки к договоренности с Международным валютным фондом, люди верят в правительство и его политику. Вот так на ровном месте сменить кабинет – это ошибка.

Ельцин повторил просьбу написать заявление. А после моего вторичного отказа президент вызвал Волошина, у которого, конечно, уже был заготовлен указ.

– Как у вас с транспортом? – вдруг спросил меня Борис Николаевич.

Ответил на столь неожиданный вопрос, что для меня это не проблема. Могу ездить и на такси.

Чувствовалось, что Ельцин переживал происходившее. Ему было явно не по себе. Сморщившись от боли, положил руку на левую часть груди. Сразу же в кабинет вошли врачи. Я хотел встать и уйти, но Борис Николаевич жестом меня удержал. После медицинской помощи он почувствовал себя явно легче, встал, сказал: «Давайте останемся друзьями» – и обнял меня.

Я вышел в приемную, там были В.В. Шевченко, секретари, которые уже знали о происшедшем и, судя по всему, тоже переживали случившееся. А меня обуревали смешанные чувства: с одной стороны, безусловно, обида, а с другой – потрясающее чувство свободы, я бы даже сказал точнее, освобождения. Позвонил домой, рассказал обо всем жене, которая отреагировала более чем радостно.

В этот же день президент выступил по телевидению с подготовленным ему текстом, в котором вперемешку говорилось о том, что я выполнил свой долг, в тяжелой обстановке сплотив общество, добившись стабильности. Но это все было отнесено лишь к тактическим задачам, а стратегически, дескать, в области экономики, нужно сделать большой рывок, и поэтому, мол, нужен сейчас другой человек. «Уверен, – закончил свое выступление Ельцин, – что новый премьер способен придать работе кабинета необходимую динамику и энергию». Новым председателем правительства стал Сергей Вадимович Степашин. Через два месяца его постигла та же участь. На смену – тоже неожиданно для Степашина – пришел опять новый премьер.

Из Кремля я приехал в Белый дом, где в зале заседания правительства попрощался с коллегами. Был очень тронут тем, что встретили меня стоя и провожали аплодисментами. Я сказал очень кратко: «Мы делали все, что могли, и нам не приходится краснеть». Поблагодарил всех министров, руководителей ведомств, со многими из которых, конечно, сохранил и сохраняю дружеские отношения.

А вечером был на стадионе, где шел футбольный матч. Некоторые решили, что это была продуманная акция, чтобы показаться народу в хорошем настроении. На самом деле просто захотелось посмотреть футбольную игру любимой команды. И все.

Так закончились 8 месяцев моего руководства Правительством РФ.

Жалею ли я о том, что все-таки дал себя уговорить в сентябре 1998 года занять пост премьер-министра? Ведь за эти месяцы пришлось не только пережить много далеко не легких дней по работе, но и перенести немало ударов в спину. Оценивая теперь уже ретроспективно свое согласие возглавить кабинет, которое даже Ельцин в телевыступлении о моей отставке назвал «мужественным», должен сказать: «Не жалею». Прежде всего потому, что уверен – эти 8 месяцев прошли с пользой для страны, для нашего народа.

Думаю, что они показали предел псевдолиберальной практики, затягивавшей страну в пучину перманентного кризиса. Уверен, что, несмотря на возможность зигзагообразного движения, уже никому не удастся загнать нашу экономику в это пагубное для России русло. Верю и в другое: то, что было заложено правительством в его экономический курс, те идеи, которые были провозглашены в области государственного строительства, те действия, которые начали осуществляться против засилья экономической преступности и коррупции, несомненно, будут иметь свое продолжение – пусть не по всем линиям, пусть не во всем последовательно, но в основном несомненно.

Глубоко, сердечно благодарен авторам тысяч писем, телеграмм из всех уголков России, от коллег из-за рубежа, в которых выражалась поддержка, содержались добрые слова в мой адрес, в адрес всего нашего правительства.

Не сбылись надежды моих недругов, что, как только уйду с поста премьера, обо мне просто все забудут. Вопреки этим прогнозам, которые тоже в немалой степени легли в основу решения о моей отставке, мой рейтинг продолжал расти. Это было полной неожиданностью для «семьи». Согласно имевшейся информации, ряд ее «технических экспертов» после некоторого оцепенения пред-

ложили игру на повышение рейтинга, с тем чтобы потом его демонстративно обрушить. Но это уже относилось к тому периоду, когда я возглавил список движения «Отечество – Вся Россия» на выборах в Государственную Думу.

Жалею ли я о том, что период моей работы во главе кабинета оказался искусственно ограниченным лишь 8 месяцами? Конечно, многого мы не успели сделать. Вместе с тем я не ушел из политической жизни и надеюсь, что в меру своих сил еще послужу России.

Накопилась ли злость в отношении Ельцина, «семьи»? Накануне празднования Дня независимости 12 июня 1999 года – это было ровно через месяц после моего смещения – один из близких к окружению Ельцина людей прозондировал мое настроение в случае, если меня наградят высшим орденом. Ответил, что не приму награды. Обида – да, но не злость.

Очевидно, продумывались и другие способы «нейтрализации» меня перед выборами в Государственную Думу. В ноябре был приглашен к президенту Ельцину, которого не видел с момента моей отставки и который не позвонил мне ни разу даже после того, как мне успешно сделали операцию на бедренном суставе и боли остались в прошлом. Я не принял приглашения. Дело было не в Борисе Николаевиче. Но сам способ приглашения через третьестепенное лицо из секретариата протокола президента наводил на размышления: а не готовится ли какая-нибудь «пиаровская» акция против меня? Отказавшись от приглашения, заявил представителям СМИ, что не намерен иметь дело с окружением президента, с «семьей», зная ее истинные в отношении меня настроения.

Конечно, Ельцин составляет с «семьей» одно целое. Но не могу все-таки поставить их на одну доску или сказать, что отношусь к Ельцину и «семье» одинаково.

После отставки нигде, ни в какой связи не отзывался отрицательно о президенте. В день рождения Ельцина 1 февраля 2000 года послал ему теплую телеграмму. Так

случилось, что в этот день в Москве находилась Мадлен Олбрайт. Во время встречи с ней мне передали записку от В. Шевченко, в которой говорилось, что «Борис Николаевич хотел бы, в случае Вашего согласия, видеть Вас сегодня. Пожалуйста, позвоните до семи вечера». Оставалось еще какое-то время до семи. Начали звонить по оставленному мне телефону, но тщетно. Шевченко никто найти не мог. Сначала на вопрос, заданный моим помощником, отвечали уклончиво и неопределенно, а потом вообще никто не снимал трубку. Через несколько дней увиделся с Шевченко, которому, как я понял, было неприятно на эту тему разговаривать. Очевидно, в очередной раз поработала «семья».

Когда ушел с поста премьер-министра, не сразу решил для себя, продолжать ли в другом качестве участвовать в активной политической жизни. Отбросил сомнения только после операции, когда убедился, что здоровье не будет помехой. К сожалению, у нас в стране было слишком много примеров того, как лидеры, крупные политические деятели, не обладая способностью самооценки, самоконтроля, да еще под аккомпанемент прославляющих их песнопений, напрочь забывали о своих физических, а нередко и связанных с ними интеллектуальных пределах. Расплачивалось за это население, государство.

Существуют, однако, не только физические ограничения. По-видимому, не чужда природе человека, подвергаемого несправедливым ударам, отрешенность от того, что по большому счету происходит вокруг, но уже без его участия. Пусть, мол, сатана там правит бал, и в результате люди гибнут за металл. Плетью обуха, дескать, не перешибешь. Я, к счастью, не принадлежу к тем, кто в подобных условиях опускает руки или замыкается в своем маленьком мирке.

С благодарностью, но не более, выслушал приглашение вернуться на академическую стезю. Не привлекли меня и многочисленные предложения пойти за большие

вознаграждения консультантом в различные коммерческие структуры. Отверг предложение выехать за рубеж на дипломатическую работу. Равным образом отнесся и к призывам ряда партий войти в их состав и даже возглавить их. Но сказал Ю.М. Лужкову, что единственным вариантом для себя считаю возможность участвовать в выборах в Государственную Думу во главе центристского или левоцентристского движения, объединяющего ряд организаций.

Вскоре такое движение выстроилось. В него вошло «Отечество», лидером которого является Лужков, «Вся Россия», возглавлявшаяся президентом Татарстана Шаймиевым, губернатором Санкт-Петербурга Яковлевым, президентом Ингушетии Аушевым, Аграрная партия во главе с Лапшиным и Куликом, профсоюзные, женские организации.

Не буду описывать всю ту беспрецедентную – можно сравнить только с геббельсовской пропагандой – клевету и грязь, обрушенные на нас с Лужковым теми же лицами, с которыми жизнь развела по разные стороны баррикады, когда я находился в правительстве. Администрация президента дирижировала этой компанией, считая нас главными противниками. Бесстыдству не было предела. «Апогеем» был показ по телевидению операции в одной из московских клиник, «аналогичной» той, которую мне «еще не раз предстоит сделать». Экраны телевизоров заливало море крови в сопровождении вкрадчивого баритона на все способного ведущего Доренко, который, уставившись в текст «суфлера», взмахнул «импровизировал» на тему о том, что я стремлюсь в президенты, так как это поможет мне непрерывно лечиться.

Не в последнюю очередь страх наших недругов подогревался тем, что росла популярность ОВР и его лидеров. Это более чем отчетливо проявлялось не только в рейтингах, но и во время многочисленных встреч с избирателями в различных регионах России. В таких условиях

и появилась «стратегическая задумка» – за несколько месяцев до выборов создать послушное политическое движение «Единство» и с помощью «административного ресурса» обеспечить ему хотя бы второе после КПрФ место в Госдуме. На этой идее сомкнулась администрация президента с кучкой бизнесменов. Из администрации шли прямые указания губернаторам сделать все, чтобы победило «Единство».

Конечно, не все подчинились, но некоторые губернаторы, которые еще накануне превозносили ОВР и прогнозировали его несомненный успех, отводили глаза при встречах с представителями нашего движения или разводили руками: мол, поймите, мы зависим от финансовых трансфертов из центра. А другие ничего не говорили, но мы-то хорошо понимали, что им не хотелось бы ссориться с правоохранительными органами. Говорили, что не обошлось без фальсификации. Кучка бизнесменов в свою очередь бросила огромные деньги на скороспелое создание новой организации.

«Операция» закончилась успехом. ОВР было оттеснено на третье место. В администрации президента потирали руки. Березовский не уставал повторять, что именно он – автор всех этих «гениальных идей», а затем в пылу полемики, теперь уже с президентом Путиным, признал, что он финансировал продвижение «Единства» в парламент. Это «авторское» признание осталось без последствий.

Работа во главе фракции в Госдуме в это турбулентное время дала мне ощущение того, что ОВР своей деятельностью служит интересам России.

Весной 2001 г. состоялись переговоры между руководителями «Отечества» и «Единства» об образовании единой партии. К этому подтолкнула близость или совпадение платформ двух центристских организаций, а также то, что в Госдуму был внесен проект закона о партиях, по которому лишь они будут иметь возможность

выдвигать списки депутатов для избрания в законодательные органы. По-видимому, это тоже сыграло свою роль, так как жизнь заставила задуматься заранее о создании наиболее благоприятных условий для выборов в новую Думу. Кремль воспринял этот процесс весьма положительно, так как, по мнению непосредственно zaangażированных в подготовке к слиянию двух политических движений руководителей администрации, таким путем создается центристская «партия власти».

Что касается меня, то я ни на каком этапе не привлекался и даже до самого последнего дня не был информирован о переговорах по слиянию. Точно так же оставался в стороне и тогда, когда двумя движениями был создан орган, непосредственно приступивший к осуществлению этой задачи. Я принял совершенно спокойно, очевидно справедливое, объяснение Ю.М. Лужкова в ответ на заданный вопрос одного из журналистов, что я не участвовал в этом процессе, так как не был членом движения «Отечество» (хотя и возглавлял фракцию ОВР в Госдуме, две трети которой из «Отечества»). Не будучи непосредственно вовлеченным, тем не менее не скрывал своих взглядов. Они тезисно сводились и сводятся к следующему:

- России нужна сильная центристская партия;
- судя по настроениям избирателей «Отечества» и «Единства», да и по объективным потребностям страны, не следовало бы ориентировать эту партию на *правый* центризм;
- партией власти может называться та партия, которая образует власть, а не та, которая образуется властью;
- связь вновь образуемой партии с нынешней властью базируется на том, что президент Путин исповедует центризм, проводит центристскую линию, и в таких условиях сплоченная и дееспособная центристская партия будет полезна с точки зрения эффективности его власти, однако такая партия нужна не для того, чтобы подхватыв-

вать на лету и выполнять команды от всех (часто достаточно разнородных) органов исполнительной власти, – она должна принимать участие в выработке курса и определении той тактики, которая необходима для его осуществления;

– оптимальным, с моей точки зрения, решением могло быть не слияние, а самороспуск «Отечества» и «Единства» и после этого создание единой партийной системы – представляется, что без самороспуска не удастся быстро избавиться от «генетических» связей, настроений и корпоративных стремлений членов новой партии;

– слияние двух политических движений ни по Закону о выборах, ни по существующему регламенту Госдумы, ни по логике – избиратели голосовали не за создаваемую объединенную структуру, а за конкретные движения – не может иметь зеркального отражения в нынешней Государственной Думе: речь могла идти и пошла о создании координационного совета для четырех центристских депутатских объединений («Единство», ОВР, «Народный депутат» и «Регионы России») при сохранении их самостоятельности.

ОТ ЕЛЬЦИНА К ПУТИНУ

I. Операция «наследник»

31 декабря 1999 года последовало заявление президента Бориса Ельцина о том, что он подает в отставку. В этом же заявлении называлось имя преемника – Владимир Путин.

Для меня, как и для многих других, все это, преподнесенное публике под Новый год, было неожиданным. Не потому, что в обществе не были осведомлены о недееспособности президента, которая многократно проявлялась в течение длительного срока – практически с 1996 года. И не потому, что кто-либо всерьез мог подумать: ближайшее окружение Ельцина перестает поддерживать его на президентском посту или тем паче осознало необходимость своего отхода от государственного руля. Все хорошо знали неистребимую жажду власти у Бориса Ельцина, который никогда не соотносил со своими физическими возможностями, истощенными болезнями и вредными привычками, стремление руководить, править, одним росчерком пера назначать или снимать людей с важных государственных постов. Непохоже, что и окружение Ельцина, так называемая «семья», поняло бесперспективность нахождения на вершине власти.

Что же подтолкнуло организаторов отставки президента на этот предновогодний шаг? Позже в мемуарах Бориса Ельцина, написанных представителями того са-

мого окружения, очень много внимания будет уделено рассказу о том, как в тайне от всех эта акция вынашивалась *самим* президентом, как он боялся посвятить кого бы то ни было в свои намерения, дабы раньше времени не выпустить это «ошеломляющее» известие в общество. Возможно, авторы заявления президента об отставке искусственно отводили его от сути дела, боясь, что в последний момент он заупрямится, и поэтому отвлекали Ельцина игрой «в прятки». «Неожиданность» сделанного заявления устраивала «семью», но это отнюдь не диктовалось опасениями, что какие-то мало-мальски значимые силы в обществе сыграют на ситуации и выступят за сохранение Ельцина. Резко упавший, фактически до нуля, рейтинг президента служил абсолютно неоспоримым доказательством невозможности такого развития событий. Торопились по другой причине.

Главной у авторов предновогодней акции была идея преемственности власти. Досрочная отставка Ельцина означала, что выборы на пост Президента России по действующей Конституции должны состояться не позже чем через три месяца. Откладывать их на более поздний срок для тех, кто вынашивал план преемственности, было рискованно. Вместе с тем приближение выборов по времени давало возможность развить успех, который далеко не праведными методами был обеспечен при выборах в парламент в декабре, т. е. за несколько недель до заявления Ельцина об отставке. Тогда удалось, используя главным образом «административный ресурс», создать в Государственной Думе достаточно серьезные позиции для администрации президента.

Не было никаких сомнений, что фигура преемника, по замыслу инициаторов досрочного ухода Ельцина, должна была соответствовать основной задаче— продлить курс, проводимый при Ельцине. Иными словами, продолжать движение в направлении, которое уже привело к сказочному обогащению группы людей, и не просто к

обогащению, а к все большему влиянию этой теневой группы на политику государства, в том числе в вопросах расстановки кадров. И конечно, создать условия для надежной безопасности «семьи». Я хотел бы подчеркнуть, что преемника выдвигала определенная группа с абсолютно конкретными целями.

Кто он – Владимир Владимирович Путин? Какую роль может сыграть этот человек, находящийся не только на самом главном по Конституции, но и в реальной российской действительности определяющем посту в государстве? Почему именно он был избран на амплуа преемника Ельцина? Не случайно эти вопросы возобладали над эмоциями в связи с уходом Бориса Ельцина не только у нас в стране, но и за рубежом.

Не думаю, что уже при назначении С.В. Степашина на мое место в качестве премьера в уме держалась кандидатура Путина на пост президента – а ведь именно так события преподносятся в мемуарах Ельцина. Знаю, что ставку на Степашина как в дальнейшем на кандидата на пост главы государства делали влиятельный политик и бизнесмен А.Б. Чубайс и его группа. Может быть, фамилия Путина всплыла в виде альтернативы среди тех в окружении Ельцина, кто опасался резкого роста влияния Чубайса. Возможно, хотели надежно вовлечь в «семью» директора ФСБ – одного из наиболее информированных людей в государстве. При этом верили, что именно Путин сможет обеспечить безопасность «семьи».

Я, как, очевидно, многие, искал ответ на другой вопрос, еще более важный для России и остального мира: станет ли новый президент в случае его избрания руководствоваться теми мотивами, по которым его кандидатура была выдвинута? Ведь все «пиаровские» и другие сопутствующие предвыборной кампании и выборам акции не могут затмить собой главное – всенародно избранный Президент РФ получает, может быть не сразу, но обязательно получает, свободу рук, которая позволит

следовать или не следовать тем «наказам», что давались ему при выдвижении.

В.В. Путин прошел через ряд ступеней государственной и муниципальной службы, проработав в том числе во внешней разведке, но на сравнительно небольших должностях. Я, например, будучи директором СВР, ни его, ни о нем ничего не знал. Перед назначением Путина председателем правительства (тоже неожиданно для многих) за пару месяцев до объявления «наследником» Ельцина В.В. Путин в течение нескольких лет работал в мэрии Санкт-Петербурга, в кремлевской администрации, а затем в должности директора Федеральной службы безопасности. Этот послужной список был явно недостаточным для того, чтобы охарактеризовать его как политика.

Такой вывод разделял и я. Но одновременно из ряда бесед с Путиным мне становилось ясно, что он – патриот, что ему чужды шовинистические взгляды, что он не сориентирован на сближение с левыми или правыми, а его политические симпатии и антипатии диктуются национальными интересами России, естественно, такими, как он их понимает.

Несомненно, мне нравится Путин и как человек. Было очень приятно, что после моего отстранения с поста премьер-министра он позвонил и предложил встретиться с коллегией ФСБ. Когда я ответил, что готов приехать, он возразил мне, что вся коллегия хотела бы навестить меня. И действительно, неформальная встреча состоялась у меня на даче, сопровождаемая теплыми словами в мой адрес. Это был серьезный поступок, и думаю, что Путин его в деталях ни с кем не согласовывал.

Будучи председателем правительства, Путин принял приглашение и пришел на мое семидесятилетие, которое я уже после отставки отмечал с друзьями в одном из далеко не самых шикарных московских ресторанов. Пришел, зная, что я, конечно, не пригласил ни одного чело-

века из ближайшего окружения тогда еще не объявившего о своем уходе президента Ельцина. И не просто пришел, а произнес добрые слова обо мне.

Контактируя с ним в его бытность директором ФСБ, я также находил в нем человека достаточно определенного, умеющего держать слово. Думаю, что он хорошо воспринял мое решение не становиться его конкурентом в президентской гонке. Я сказал ему об этом сам. Дело не в том, что у меня были реальные шансы победить – их не было, так как «бал правили» те, у кого в руках были средства массовой информации. Да и сам Путин становился очень популярным в обществе, особенно после того, как он взял на свои плечи всю тяжесть ответственности за решительные действия против чеченских террористов и сепаратистов. Но мое участие в выборах могло бы реально привести к необходимости второго тура, а Путин, как известно, сумел добиться победы сразу, в первом.

Одним словом, ровные, хорошие отношения у нас сложились, и это позволило мне сразу после избрания Путина президентом встречаться с ним и говорить по телефону. Естественно, хотел понять его намерения, его линию. Должен сказать, что не всегда это был полноценный диалог, но даже из тех скупых реплик, которые звучали с его стороны, можно было прийти к выводу, что Путин хочет перемен, ощущает их необходимость.

Все упиралось в вопрос, способен ли Путин вырваться из того окружения, которое первоначально его выдвинуло? Может быть, именно порядочность заставит его придерживаться каких-то обещаний, если он давал их тем, кто выдвинул его кандидатуру?

Характерно, что в российских средствах массовой информации гадали, на кого опирается Путин – на санкт-петербургских коллег по тому времени, когда он работал в этом городе, либо на чекистов. При этом никто, даже из недоброжелателей, не осмеливался сказать, что он опирается на «семью».

II. Разрыв генетической цепочки

Значительно конкретнее начало определяться отношение к Путину при анализе его практической линии, которая явно отличала его от предшественника.

Думаю, что можно в этой связи назвать несколько направлений. Первое – укрепление вертикали исполнительной власти. Совершенно ясно, что эта идея овладела умом нового президента именно потому, что он на своих предыдущих постах смог убедиться в реальной угрозе территориальной целостности России, самоуправстве многих губернаторов, руководителей национальных республик, входящих в Российскую Федерацию. Безусловно, «масло в огонь» подлили события в Чечне. Будучи премьер-министром, Путин непосредственно связал свое имя с решительными действиями против чеченских боевиков – сепаратистов, которые к тому моменту уже осуществляли экспорт «чеченского опыта» в Дагестан, Ингушетию, приступили к террористическим актам на территории России.

Можно спорить с методами, с помощью которых предлагалось выстроить вертикаль исполнительной власти, стягивающей в единое целое все российские территории. Однако ясно, что Путин не просто задумывается над решением этой задачи, но стремится ее решить на деле.

Стало очевидным и другое: если Ельцин, заигрывая с руководителями регионов России, предлагал им взять «столько суверенитета, сколько они смогут проглотить», то Путин обозначил курс на сужение поля их возможностей, особенно по антиконституционной и незаконной деятельности. Ни для кого не было секретом, что смысл внесенного президентом и принятого с некоторыми по-

правками Госдумой закона «О преобразовании Совета Федерации» в том, что Совет Федерации отныне будет состоять из представителей губернаторов, а сами они, таким образом, лишаются неприкосновенности личности, гарантированной им ранее как членам верхней палаты российского парламента.

Хотя это направление деятельности Путина явно не совпадало с курсом Ельцина, оно навряд ли могло само по себе восприниматься как непосредственная угроза интересам и позициям «семьи». Но другое направление активности Путина уже затрагивало непосредственно ее интересы. Понимая важность такого механизма, как средства массовой информации, особенно электронные, Путин начал противодействовать влиянию на них олигархов, которые теми или иными путями установили контроль над многими телевизионными каналами и газетами.

Читатели в цивилизованных странах, наверное, не представляют ту обстановку, которая существовала в России, когда по мобильному телефону владелец даже небольшого пакета акций, но выплачивающий из своего кармана большие деньги менеджерам и творческим работникам телевизионных компаний, газет и журналов мог диктовать, что следует говорить в той или иной программе, кого следует «мочить», а кого поднимать. Вплоть до того, какими словами следует оперировать— не фактами, а словами. Такая практика поддерживалась при Ельцине. Более того, отдельные члены «семьи» ее и осуществляли. Путин открыто выступил против.

Наконец, проявилась еще одна линия – ужесточение отношения к тем, кто нарушает законы, кто пользуется своим положением в целях, не имеющих ничего общего с интересами широких слоев населения.

Все эти меры создавали контуры политики нового президента, но ряд из них осуществлялись далеко не самым оптимальным и последовательным образом. Можно

ли упрекнуть за это Путина? В определенной степени – да, так как необходима большая решительность, чтобы довести до конца предпринятые инициативы, полезные для общества. Но есть и другие причины. Одна из них – отсутствие профессионализма у многих людей, окружающих Путина, даже у тех, кто искренне хочет претворения в жизнь принятого курса. В то же время существуют группы лиц, пытающихся дискредитировать нового президента. С их помощью благие намерения нередко выхолащиваются или осуществляются в таких формах, которые делают их контрпродуктивными.

Когда, например, вводились посты представителей президента в регионах и вся страна была разделена на семь округов, это справедливо воспринималось как усиление влияния центра. Но функции «супергубернаторов» с самого начала не были достаточно четко определены. Как выяснилось позже, тормозящее воздействие оказала доставшаяся в наследство Путину часть его администрации. Между тем представители президента на местах обрастали бюрократическими аппаратами, а некоторые назначали теперь уже и своих представителей в субъектах Федерации. Это может антагонизировать губернаторов, причем не только нечестных, но и тех, которые зарекомендовали себя с хорошей стороны, и таким образом превратить правильное решение в негативное.

Или возьмем, к примеру, проявившееся в новом бюджете, представленном правительством на 2001 год, стремление в максимальной степени сконцентрировать финансовые ресурсы в центре, главным образом за счет так называемых доноров (наиболее благополучных в производственном отношении субъектов Федерации), а потом раздавать все это другим регионам в виде трансфертов и субвенций, идущих в основном на потребление. Такая политика противоречит экономическому укреплению России в целом.

А «наезды» налоговой полиции на отдельные средства массовой информации – не просьба выдать необходимые документы для проверки, озвученная налоговым инспектором, которого пусть сопровождают при этом пара милиционеров, а «вброс» полицейских и спецназа в масках и с автоматами? А тяжба Министерства культуры с кинематографистами с целью забрать у них многомиллионный кинофонд, владение которым позволяет снимать многие отечественные фильмы в наше тяжелое время? А усиленная пропаганда по всем «проплаченным» каналам СМИ, что Путин опирается на выходцев из спецслужб? А обвинения, брошенные Березовским, будто из средств Аэрофлота, связь с которым он ранее решительно отрицал, проплачивалась предвыборная кампания в парламент прокремлевской организации «Единство»? А вакханалия в связи с предложением Путина принять государственную символику – в России она была до сих пор не узаконена – и в этой связи вернуться к музыке гимна, звучавшей в советский период, естественно, с другими словами? Началась широкая кампания против этого решения, привлекли к ней всех, кого только можно, включая Ельцина (!), пошли даже на грубое искажение позиции Патриарха. При этом полностью абстрагировались от того, что одновременно Путин узаконил трехцветный российский флаг, пришедший на смену красному с серпом и молотом, и российский герб с двуглавым орлом. Эти государственные атрибуты существовали до революции 1917 года.

Со всей очевидностью напрашивается вывод о целенаправленной работе определенной группы, с тем чтобы дать понять Путину: «Опирайся на нас, как это делал Ельцин, ведь мы единственные, на кого ты можешь опереться». Группа эта разношерстная, но ее объединяет стремление заблокировать Путина. Судя по реакции западной прессы, существует поддержка этой группы и за рубежом.

Конечно же, в сегодняшнем взаимозависимом мире большое значение имеет мировоззрение Путина, которое определит суть его международного курса и в конечном счете повлияет на место и роль России в современном мире.

Когда Путин был назван преемником Ельцина, на Западе, очевидно, считали, что он будет идти по накатанному пути, и это там многих устраивало. Но так не получилось. Насторожились в связи с избранными маршрутами его визитов в качестве президента – не только европейское турне, но и Китай, КНДР, Индия, Монголия, Куба.

Независимость проявилась и в первых беседах с западными лидерами. Однако это была не поза человека, возвышающегося над другими, и тем более не заявка на противоборство. Некоторые иностранные собеседники Путина, с которыми мне удалось переговорить, отмечали, что для них неожиданно раскрывался образ нового президента как политика, профессионально понимающего сложные международные проблемы, откровенного и предсказуемого. Противоречит ли такому образу настрой Путина на то, чтобы отстаивать национальные интересы России? Нисколько. Уверен в том – это явствовало и из моих разговоров с Путиным, – что даже жесткое отстаивание позиций, выгодных России, не совмещается у него со стремлением к конфронтационности.

И по знанию проблем, и по отсутствию тяги к «позе», а подчас и панибратству с иностранными коллегами Путин не является «продолжением Ельцина». Нынешний Президент России, как мне представляется, значительно более адекватный партнер для иностранных политиков.

Из бесед с Путиным – по мере отдаления от момента избрания беседы становились более откровенными – я понял, что он стремится, чтобы его шаги по укреплению российской государственности, диверсификации внешней политики или заявления о необходимости защиты национальных интересов не были интерпретированы как враждебные для Запада.

Характерна для Путина как фигуры, определяющей внешнеполитический курс России, линия в отношении ближневосточного урегулирования. Я с группой депутатов фракции ОВР был в Пензе, куда мне позвонил президент, сказав, что намерен всячески содействовать прекращению кровавых стычек и с этой целью принять участие в совещании, созванном в Шарм-аш-Шейхе. По его инициативе МИД России сделал заявление о готовности нашей страны быть представленной в Шарм-аш-Шейхе на том же уровне, как и другие, – туда направлялись руководители палестинцев и израильтян Арафат и Барак, президенты Клинтон и Мубарак, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан и исполнительный секретарь Европейского союза Солана. Приглашения нам не последовало. Позже американцы в частных разговорах ссылались на мнение израильтян, израильтяне – на американцев, министр иностранных дел Египта, извинившись, сказал, что его страна лишь представляла свою территорию. Однако Путин дал указание ни в коей мере не драматизировать ситуацию или пытаться использовать ее, «разжигая страсти». По его словам, главное – продолжающаяся готовность России использовать свое влияние и опыт для возобновления мирного процесса.

Так действовал Путин и 24 ноября 2000 года, когда в Москву прибыл Арафат, и во время беседы Путин связал его по телефону с Баракком. Это способствовало прямому контакту двух лидеров – несомненно, полезному, хотя и не положившему конец кровопролитию. Нужно отметить, что это произошло после того, как потерпела неудачу попытка свести Арафата и Барака в Вашингтоне, да и в Шарм-аш-Шейхе они «общались» через посредников. Я упоминаю об этом и для того, чтобы показать, насколько непродуктивно не использовать возможности России.

Характерна реакция Путина на события, связанные с избранием Коштуницы. Твердое заявление о призна-

нии его президентом Югославии сопровождалось встречей в Белграде министра иностранных дел Иванова с Милошевичем с целью не допустить кровопролития. Путин посоветовал Милошевичу признать народный выбор, что и было сделано.

Известна негативная позиция Путина по поводу бездумного заявления со стороны руководства правительства об «откладывании» в одностороннем порядке выплаты в полном объеме долгов СССР Парижскому клубу. Путин не высказывал эту позицию публично. Но есть все основания утверждать, что он не имел никакого отношения к авторству этого, мало сказать, непродуманного решения кабинета.

А может быть, его ошибка в том, что он в подобных случаях не высказывается открыто?

Очевидно, Путин не всегда сразу может «оседлать» ситуацию: ему противодействуют немалые силы, координирующие свою деятельность и подчас вовлекающие в нее даже тех, кто не подозревает, на кого работает.

Но все это сегодня, а завтра? Хватит ли решимости президенту последовательно проводить провозглашаемую им линию, давать справедливые оценки тем или иным действиям его нынешнего окружения, четко осуществлять кадровую политику, избавляться от людей, запятнавших себя неблагоприятными поступками?

Уверен, что разрыв «генетических связей» Путина с Ельциным и его окружением неизбежен и процесс начался. Обозначилось и новое соотношение сил в руководстве страной. Олигарх Березовский, небезуспешно пытавшийся претендовать при Ельцине на роль «серого кардинала», провозгласил, что находится в жесткой оппозиции к Путину. Далеко не убежден в том, что Путина поддерживают, тем более активно, другие члены «семьи», которые открыто не последовали примеру Березовского. Пока они затаились.

Вместе с тем ряд западных газет и журналов, вдруг возлюбив Березовского, стали прогнозировать «охоту на

ведьм» со стороны Кремля. Такие прогнозы и оценки не только ни в коей мере не отражают действительности, но искусственно смещают акценты.

Многие из аппарата Путина, из числа членов его администрации, с одной стороны, пытаются понять нового лидера, с тем чтобы угодить ему, а с другой – продолжают обслуживать интересы различных олигархических групп. Подчас это уже приводит к коллизиям. 14 октября 2000 года в прессе было опубликовано открытое письмо 102 депутатов Государственной Думы президенту под названием «Унять нефтяных хищников». В письме, в частности, говорилось, что «нефтяные бароны» хищнически эксплуатируют месторождения, уходят от выплаты налогов, устанавливают непомерно высокие цены на горючее на внутреннем рынке, вывозят прибыль за границу. Подписались под этим письмом представители различных депутатских групп, в том числе «прокремлевских».

Администрация президента с ног сбилась в попытках дезавуировать «легкомысленное» письмо. Через неделю после его публикации, казалось бы, работа была закончена. На ленте агентства «Интерфакс» появилось сообщение о том, что 60 членов фракции «Единство» снимают свои подписи. Но вдруг ситуация приняла совершенно иной оборот, и чиновники схватились за голову. В Думу поступила резолюция Путина на открытое письмо, которая гласила: «Проблема, поставленная депутатами, совершенно правильная». Более того, обращаясь к налоговому министру и начальнику Федеральной службы налоговой полиции, президент в своей резолюции добавил: «Ваше бездействие удивляет».

Этот эпизод показателен вдвойне: он раскрывает суть ряда аппаратчиков, работающих с Путиным, и те трудности, которые уже возникают у самого президента. А ведь аппарат не заменишь в один прием...

Много неуклюжего проявилось и во время событий вокруг телекомпании НТВ. Конечно же, если страна

вступила в рыночные отношения, а она, безусловно, развивается по этому пути, то коммерческая часть деятельности НТВ, в том числе необходимость погашать полученные кредиты, очевидна. Вместе с тем телекомпания – сложный и особый организм. Когда задеваются его интересы, то речь неизбежно идет о проблеме свободы печати, а она не возможна без самостоятельности уже сложившегося коллектива журналистов. Мне представляется, что назначение на высшие должности НТВ людей, не просто не имеющих никакого отношения к телевидению и вообще к журналистике, но и достаточно скомпрометированных, – это по меньшей мере неумный ход, за которым, по-видимому, стоит руководство администрации президента.

Мне во многом импонирует то, что делает Владимир Владимирович Путин. Он, безусловно, человек способный, быстро входящий в суть дела, умеющий выступать перед различными аудиториями, спокойный, сдержанный, интеллигентный. Но проявится ли его решимость, когда при формировании команды единомышленников придется теснить с насиженных мест не только нескольких олигархов, но и их приспешников?

После того как исполнился год со дня пребывания Путина на посту президента, он впервые пошел на целую серию серьезных замен в правительстве. Некоторые из них – назначение министром обороны С.Б. Иванова, руководителем Федеральной службы налоговой полиции – М.Е. Фрадкова, возвращение в МВД отличного профессионала В.А. Васильева и другие – несомненно свидетельствовали о том, что президент стремится активно исправлять обстановку в важнейших органах государственной власти. Все обратили внимание на то, что он назвал эти перестановки лишь началом процесса. Я не принадлежу к тем, кто ограничивает причины перемен лишь выдвижением на ключевые посты лично преданных людей.

Способность Путина избавиться от общности с выдвинувшей его группой – основной критерий, по которому можно судить о перспективах президента. Нельзя переоценивать и того, что все больше ожиданий в обществе связывается с тем, насколько твердой и последовательной будет его политика, готовность решительно сломить сопротивление тех сил, которые мешают его деятельности. Сломить не на путях авторитарной системы, а на основе строгого выполнения закона.

III. Россия перед выбором

Развитие России в 90-е годы, несомненно, привело к главному – накоплен такой масштабный и многосторонний потенциал изменений, который исключает возвращение к советской модели управления экономикой, государством, обществом, к старой практике международных отношений.

Вместе с тем путь, пройденный Россией в 90-е годы, оказался слишком противоречивым, динамика непродуманной, стихийной, последствия легкомысленно непрочитанными. В итоге в начале нового века Россия опять стоит перед выбором, но каким?

– Между цивилизованными рыночными отношениями и засильем всевластных монополистических групп, использующих эти отношения не только во вред государству, но и среднему и мелкому бизнесу;

– между социально ориентированной многоукладной экономикой и развитием, при котором увеличивается часть населения, живущая за чертой бедности;

– между законами, обязательными для всех, и беззаконием, коррупцией, проникающей во все поры жизни общества;

– между порядком, обеспечивающим безопасность граждан, и нерешительностью в подавлении организованной преступности, срачивающейся с частью правоохранительных органов;

– между укреплением федеральных связей и сепаратизмом, проявившимся в ряде регионов;

– между демократией и хаосом;

– между повышением роли государства под реальным контролем общества и диктатурой;

– между отстаиванием национальных интересов, не впадая в конфронтацию с зарубежными государствами, и желанием войти в «клуб цивилизованных государств», следуя в фарватере политики Соединенных Штатов.

Нынешний президент, для меня это ясно, задумывается над всеми этими и многими другими вопросами, и именно в ближайшие годы может быть создан тот задел, который предопределит перспективы России на годы вперед.

Хорошо помню разговор с Путиным в Сочи, куда была приглашена группа ведущих ученых из Российской академии наук летом 2000 года. Обращаясь к Путину с предложением о такой встрече, я подчеркнул важность того, чтобы идея принадлежала ему. Но, передавая приглашение президенту Российской академии наук Ю.С. Осипову, Владимир Владимирович сослался на мою инициативу, добавив, что за ним был лишь выбор места встречи, так как, находясь на отдыхе, он сможет больше времени посвятить откровенным разговорам с учеными. Путин отличается от предшественника – и это тоже очень важно – тем, что не горит желанием выдать чужие мысли за свои и не делает этого, даже когда, казалось бы, это диктуется интересами так называемого пиара. Такая черта Путина как политика, которую я наблюдал и в других случаях, тоже говорит о том, что во главу угла он ставит порядочность в отношениях с окружающими.

Попытаюсь изложить те идеи, которые либо были высказаны президентом на этой встрече, либо нашли его поддержку.

Россия навсегда покончила с изоляционизмом. Она не только уже является, но и все больше ощущает себя частью мирового хозяйства. Но какие перспективы открываются для нашей страны в этом плане? Нужно прямо сказать, что экстраполяция тех тенденций, которые контрастно обозначились в конце XX века, перенос их в нынешний век чреваты все большим разрывом между экономически развитыми странами и Россией. Речь даже не идет о превращении ее в сырьевой придаток. Явно недостаточное внимание, уделяемое приросту разведанных запасов природных ископаемых и модернизации их добычи, может через небольшой период времени резко сократить конкурентоспособность России и в этой области. Без новых акцентов в экономической политике тяжелая участь уготована и российской промышленности с морально и физически устаревшим оборудованием.

Путин внимательно выслушал мнение выдающихся ученых-естественников, принимавших участие во встрече, и полностью поддержал их вывод о том, что будущее России неразрывно связано с прорывами в научно-технической области, с ее активным участием в мировом процессе интеллектуализации производства. В настоящее время место различных стран в этом процессе определяется их удельным весом на мировом рынке наукоемкой продукции. Доля США составляет 39 процентов, Японии – 30, Германии – 16, России – 0,3 процента. Между тем весь мировой рынок наукоемкой продукции создан в результате развития шестидесяти макротехнологий. России не под силу прорваться по всему широкому фронту. Однако в 7–8 направлениях так называемых критических технологий Россия могла бы преуспеть – здесь еще сохранился задел, кадры (катастрофические масштабы приобрела утечка мозгов из страны), инновационный

потенциал. Президент согласился и с тем, что эта задача может быть решена лишь при государственном регулировании и финансировании соответствующих программ.

Вышесказанное передает настрой президента, его понимание необходимости незамедлительных и активных действий, способных обеспечить прорывы России в научно-технической области, которые могут и должны стать «локомотивом» для всей российской экономики. Однако от понимания до практических шагов – большая дистанция.

Я понимаю трудности Путина, связанные с доставшимся ему тяжелым наследством. Понимаю, что в результате ему приходится браться за решение огромного числа задач, растянутых по широкому фронту. Но сможет ли команда Путина отобрать главные из них и сосредоточиться в первую очередь на их решении – от этого зависит очень многое.

Конечно, «российское перепутье» на пороге XXI века проистекает и из неопределившегося характера того мирового контекста, в котором будет развиваться наша страна. В мире, как и в самой России, за 90-е годы произошли серьезнейшие изменения. Нет двух противоборствующих систем государств, объединившихся по идеологическому принципу. Нет сегодня и реальной опасности столкновения на глобальном уровне. В прошлое из жизни человечества ушли и мировые войны, когда государства объединялись в коалиции и шли «стенка на стенку».

Вместе с тем отсутствие перспективы мировых войн не идентично наступлению периода международной безопасности. Изменились лишь характер и масштабы угроз. Международные конфликты сбросили с себя политико-идеологическую, но в значительно большей степени, чем раньше, приобрели этническую, религиозную окраску. Усилия по их урегулированию затруднены тем, что, с одной стороны, они по большей части развиваются внутри государства, а с другой – имеют международную составляющую, например, экстремистско-исламскую.

Усиливается опасность международного терроризма, сомкнувшегося в целом ряде случаев с сепаратизмом. Чрезвычайную угрозу представляет и расползание оружия массового уничтожения.

На какую структуру будущего мироустройства все это наложится? Как ни звучит на первый взгляд парадоксально, в современном мире не сохранились супердержавы. Советский Союз перестал существовать, но и Соединенные Штаты, которые являются не только самым мощным в экономическом, финансовом, технико-технологическом, а теперь и в военном отношении государством, перестали быть супердержавой. «Супердержава» – категория «холодной войны». Отличительными признаками такого государства не могут быть только экономические, военные и иные преимущества. Супердержава должна выполнять функцию обеспечения безопасности целой группы стран. Причем в период, когда существует для них реальная и *общая* угроза. Естественно, что супердержава становится лидером этой группы, диктует ей свою волю, командует ею. Таким был Советский Союз. Такими были и Соединенные Штаты. Теперь условия изменились.

Симптоматично, что в самих Соединенных Штатах все чаще обозначается тенденция решать вопросы безопасности в отрыве в том числе и от своих партнеров по «холодной войне». Примером служит крен в сторону национальной системы ПРО. Но представляется, что такая тенденция проистекает и из стремления «развязать себе руки» на случай демонстрации или даже применения силы.

Обращают на себя внимание также призывы в США к отходу от «паритетного» сокращения вооружений с Россией, от той стратегической линии, которая выразилась в переговорах, соглашениях и в конечном счете в договорах СНВ-1, СНВ-2. Предлагается замена этого курса на самостоятельные решения в области стратегических вооружений.

В сентябре 2000 года Строуб Тэлботт в одном из интервью сказал, что теперь Соединенные Штаты будут вести переговоры с Россией по СНВ-3 лишь в «пакете» с переговорами об изменении Договора 1972 года по ПРО. В середине сентября меня посетил посол США Дж. Коллинз, которому я задал вопрос: не изменили ли Соединенные Штаты свою позицию по переговорам о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений в рамках СНВ-3? Ведь еще совсем недавно США заверяли нас, что сразу же после ратификации договора по СНВ-2 они готовы приступить к переговорам по договору СНВ-3. Более того, эта позиция была публично зафиксирована в совместном заявлении, принятом президентами двух стран в ходе их встречи на высшем уровне в Москве в сентябре 1998 года.

Посол Коллинз передал этот вопрос Строубу Тэлботту, и он 2 октября 2000 года направил мне письмо, в котором совершенно определенно подтвердил изменение американской позиции. На деле это означает, что Соединенные Штаты могут отказаться от дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений, если мы не откроем им дверь для *легального* выхода на создание национальной системы противоракетной обороны. Думаю, что такая позиция, занятая Вашингтоном, настоятельно требует не только России. Но к сожалению, она существует. А ультимативная постановка вопроса о необходимости «пакетного» решения опять наводит на мысль о том, что в США достаточно серьезные силы продолжают мыслить категориями супердержавы. Сохранится ли такая тенденция при президенте Дж. Буше – не в первые месяцы его нахождения у власти, а в виде устойчивого курса?

Вместе с тем в мире будут развиваться серьезные процессы, которые ведут в конечном счете к становлению полицентристского устройства. И эти процессы, которые, несомненно, носят объективный характер, скажутся на

структуре международных отношений в XXI веке. Первый из них – глобализация, основой которой является бурное развитие техники, технологий, взаимозависимость в финансовой сфере, преимущественный характер транснациональных форм роста производства. Другой – неравномерность экономического развития, в полной мере присущая XX столетию. Но теперь она ускоряется, накладываясь на межгосударственную региональную интеграцию. Наряду со всем этим все более контрастно проявляется не просто неравномерность демографического развития, но «перелив» значительных групп населения из одних стран в другие, даже с континента на континент.

Характерно, что без всяких войн или вооруженных столкновений (которые, конечно, тоже порождают волны беженцев – «невозвращенцев» на внутригосударственном и межгосударственном уровнях) уже происходит массовое переселение людей. Европа «почернела». Англичане «разбавляются» азиатами. Соединенные Штаты абсорбируют ежегодно сотни тысяч латиноамериканцев. Многие «переселенцы» образуют этнические общности на новой родине. Эта общемировая тенденция может не обойти стороной и Россию – население за Уральским хребтом до Тихого океана составляет относительно небольшой процент от общероссийского.

Путин, как и многие другие в нашей стране, считает, что многополярный мир – наилучший вариант для России, впрочем, как и для целого ряда других стран. Многополярное устройство предусматривает повышение роли Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности – единственного органа, наделенного полномочиями санкционировать применение силы на международной арене.

Однако движение к многополярному миру, базирующееся главным образом на объективных процессах, приходит в противоречие с субъективным фактором. Соеди-

ненные Штаты, судя по их политике, намерены вести дело в той или иной форме к созданию однополярного мироустройства. Если устоится такой миропорядок, международный контекст для России в XXI веке будет неблагоприятным. Этот вывод – хочу добавить – абсолютно не идентичен отрицанию многочисленных и масштабных полей, на которых совпадают интересы России и Соединенных Штатов. Не идентичен он и недооценке того, что развитие отношений с США является одним из наиболее важных российских внешнеполитических приоритетов.

Инициативы В.В. Путина, направленные на продолжение переговоров с США по сокращению СНВ, его призыв уже теперь прийти к ограничению в 1500 боеголовок у каждой стороны, весь смысл военной реформы в России – все это свидетельствует о реализме российского руководства, четко представляющего себе и обстановку в мире, и действительные возможности страны.

Точная оценка того «перепутья», на котором оказалась нынешняя Россия, равно как и истинного характера внутривнутриполитического размежевания, необходима, как мне представляется, новой администрации США. Тем более что на Западе далеко не всегда правильно ориентировались в развитии событий в России, особенно в 90-е годы, и поэтому не всегда оптимально выбирали направление своей «российской политики».

Однако главное зависит от нас, россиян. И в немалой степени от того, насколько далеко пойдет президент Путин, чтобы избавить Россию, вступившую на путь рыночных преобразований, демократии, от тяжелого груза ошибок и преступлений 90-х годов прошлого столетия.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В XX веке произошло резкое убыстрение развития человечества. Технологические и технические прорывы полностью изменили условия жизнедеятельности людей. Не менее радикальные сдвиги наблюдались на мировой арене. Распались некогда могущественные империи. Перестали существовать, казалось бы, на века сколоченные государства.

Ценой двух самых кровопролитных в истории войн человечество выстрадало надежду на стабильный и справедливый миропорядок. Но путь к нему стал сложнее и длиннее, чем многим казалось в середине столетия, после победы над фашизмом.

Главная веха на этом пути – прекращение «холодной войны» между двумя противостоящими друг другу по идеологическим соображениям системами государств. Многие причины, в том числе субъективного характера, привели к тому, что перестал существовать Советский Союз. Его преемницей стала деидеологизированная Россия, ослабленная по сравнению с СССР, но сохранившая позиции одного из основных «игроков» на международной арене и не утратившая потенциала могущества и авторитета.

Что касается другого блока, сформировавшегося для ведения «холодной войны», то он продолжает существовать, очень медленно меняя свою суть. А его лидер – Соединенные Штаты – все еще инерционно движется в русле «сверхдержавизма».

Появляются и новые мировые «центры силы». Среди них огромный и быстро накачивающий экономические мускулы Китай.

Эта картина не позволяет полностью перечеркнуть возможность глобальной конфронтации – теперь уже на геополитической основе. Однако вероятность такой конфронтации резко снижена, тем более что различные проявления глобализма в экономике, науке, технике «стягивают» земной шар. Очень важно, что наряду с этим существует политическая перспектива объединения усилий всех активных игроков на мировой арене для укрепления международной безопасности и борьбы как с доставшимися в наследство, так и новыми вызовами: опасными локальными конфликтами, экстремизмом, облекающим себя в религиозные одежды, терроризмом, сращивающимся с сепаратизмом, расширяющимся разрывом между «золотым миллиардом» и остальным миром.

Без участия сильной России этот процесс не будет эффективным. Речь идет именно о сильной России. Слабая страна, раздираемая внутренними конфликтами и в то же время владеющая огромным ядерным арсеналом, – элемент неустойчивости, непредсказуемости. Такая Россия противоречит интересам не только ее населения, но и мирового сообщества.

Сильная Россия сегодня не должна ассоциироваться с угрозой стабильности в мире. К выводу об опасности, исходящей от России, может привести только инерционность мышления или недооценка многослойной российской действительности, непонимание реального изменения соотношения сил в стране – происшедшего и происходящего. Адекватное восприятие России – важный элемент мобилизации всех возможностей для решения общечеловеческих задач в нашем беспокойном мире. Черты нового тысячелетия, в которое мы вступаем, расплывчаты. Но мир вошел и в новый, XXI век. Каким он будет?

Очевидно, имеют право на существование два магистральных сценария на первую декаду XXI века.

Первый сценарий. Возобладает ставка на «натоцентризм» в Европе, возможно и шире – с охватом близлежащих регионов Азии. Провозглашенное во время предвыборной кампании в США намерение республиканской администрации отказаться от активных действий за пределами страны останется лишь тенденцией. Несмотря на большую, чем прежде, самостоятельность Европы, США будут «заказывать музыку» и по сути принимать решения о применении силы против неудобных режимов и «невыгодных» ситуаций. Это низведет ООН до уровня одной из многих международных организаций – не более. Это вытолкнет Россию в зону изоляции от решения общемировых проблем, что неизбежно ужесточит ее политику – и внутреннюю, и внешнюю, заставит искать партнеров для «контригры». Это объективно будет способствовать тяготению трех стран – России, Китая и Индии – к координации действий при защите своих интересов. Наконец, это приведет к новому после окончания «холодной войны» мировому разделу, не обязательно чреватому глобальным столкновением в первом десятилетии XXI века, но и не застрахованному от новой конфронтации на глобальном уровне.

Второй сценарий. Тенденция в США дистанцироваться от активного участия в международных отношениях (главное, мол, надежно обеспечить технико-технологическими средствами собственную безопасность) растворится во всеобщем движении к новому миропорядку. Его отличительной чертой станет освоение полей совпадающих интересов – борьба с международным терроризмом, урегулирование региональных конфликтов, выработка мер, препятствующих распространению оружия массового поражения, обеспечение всеобщей экологической безопасности и так далее.

Интеграция не только России, но и Китая в мировую экономику и политику будет происходить плавно, без искусственных задержек и извне, и внутри. К американо-российскому процессу сокращения стратегических вооружений присоединятся Китай, Англия и Франция. ООН получит второе дыхание. Силовые приемы на мировой арене будут осуществляться в случае необходимости только по решению Совета Безопасности ООН. Произойдет организационное оформление на широкой основе миротворческих сил, способных стабилизировать обстановку в различных регионах. Широко будет задействована превентивная дипломатия, ставящая целью не допустить перерастание конфликтов в вооруженные столкновения. Совместные усилия мирового сообщества будут вести к урегулированию существующих ныне конфликтных ситуаций. Неделимость мира позволит реально начать решение проблем его беднейшей части.

К моменту выхода этой книги оба сценария были вероятными, и ни один из них еще не получил достаточно-го импульса для своего возобладания над другим.

Российский фактор будет не последним в таком историческом выборе.

МИР ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

По следам событий 11 сентября мною была написана книга, которая вышла в конце 2002 года. Тираж разошелся. Во многих письмах читателей поднимался вопрос о втором издании книги.

А главное – после ее выхода в свет произошло событие, влияющее на всю обстановку в мире – американская война против Ирака. Это подтолкнуло меня к подготовке второго, дополненного, издания. Во втором издании есть также новая глава – о конфликтных ситуациях у российских границ.

Хотел бы поблагодарить многих коллег и друзей в Екатеринбурге, которые взяли на себя труд переиздания «Мир после 11 сентября». Большая благодарность также моей помощнице М.Ю. Тихоновой, которая взвалила на себя тяжесть технической работы – без этого навряд ли удалось бы представить в издательство новую, изрядно дополненную рукопись в столь короткий срок.

Жуткое зрелище. 11 сентября 2001 г. Си-эн-эн «живьем» показывает, как самолет врывается в один из «близнецов» – небоскреб торгового центра в Нью-Йорке. Эту телепередачу ретранслируют во всем мире. Не успеваешь даже понять, что происходит, – наверное, не только у меня сначала мелькнула мысль об ужасной авиакатастрофе, но вдруг ошеломленная дикторша кричит: «Смотрите, второй самолет врывается в соседний небоскреб!». Пожар, огонь растекается по фасаду, небоскреб на глазах оседает, другой разваливается на части. В «близнецах» находились тысячи людей, большинство из которых погибли.

Одновременно еще один самолет врезался в здание Пентагона в Вашингтоне. Похищенный террористами чет-

вертый самолет не дотягивает до цели – то ли до Белого дома, то ли до Капитолия.

Это был самый масштабный террористический акт за всю историю. Естественно, сразу вслед за взрывами в Нью-Йорке, Вашингтоне многих, если не преобладающее большинство здравомыслящих людей, захлестнули скорбь, сочувствие к американцам, пережившим этот ужас, и гнев в отношении извергов-террористов. Но после болевого эмоционального шока наступило время раздумий.

Без всякого преувеличения, раздумья необходимы. Тем более, что события 11 сентября начали мультиплицироваться. Тот же террористический почерк проявился на острове Бали (Индонезия)¹¹, где в результате преступного акта погибло 200 человек. Звеном той же цепи стали события 25 октября 2002 г. в Москве, где террористы захватили более 700 заложников и готовились их уничтожить, что было предотвращено в результате блестяще проведенной операции подразделений специального назначения. Но более 100 человек все-таки спасти не удалось...

МОНСТР НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

І. От убийства монархов – к массовому террору

Террор не только имеет достаточно длительную историю, но и прошел определенную эволюцию. Ряд авторов отождествляют с терроризмом вообще все насильственные действия, что представляется неправильным. Террор – это специфические методы достижения целей, главным образом политических, путем убийства государственных деятелей и расправ над мирным населением.

В данном случае задачей не является изложение истории терроризма, первые проявления которого имели место еще в Древнем мире. Остановлюсь лишь на качественной эволюции террора в XIX–XX веках, что должно послужить пониманию феномена международного терроризма в его наиболее острой форме, проявившейся 11 сентября 2001 г.

В XIX – начале XX века взлет террора был связан с анархистской и националистской деятельностью. Объектом террористических действий были, как правило, государственные мужи. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова; Желябов и Перовская создали группу, убившую русского царя Александра II; Каляев метнул бомбу в карету и взорвал великого князя Сергея Александровича, возглавлявшего московскую власть. В 1914 г. Первая мировая война началась с выстрелов в Сараево, где был убит австрийский эрцгерцог Франц

Фердинанд. В 1934 г. в Марселе были убиты югославский король Александр и французский министр иностранных дел Луи Барту.

Убийства государственных деятелей продолжались и во второй половине XX века. В 1963 г. неизвестные лица убили президента США Джона Кеннеди, в 1973 г. баскские сепаратисты – адмирала Карреро Бланко, в 1979 г. боевики Ирландской республиканской армии – лорда Маунтбеттена, в 1981 г. исламские заговорщики – президента Египта Анвара Садата, в 1984 г. сикхские сепаратисты – премьер-министра Индии Индиру Ганди, в 1995 г. еврейские экстремисты – премьер-министра Израиля Рабина.

Вместе с тем акцент в террористической деятельности был перенесен на мирных жителей. Классический пример – применение газа зарина террористической сектой «Аум Синрике» в токийском метро.

Террор расширил зону своих действий, однако какое-то время оставался «внутристрановым», не выходил на международную арену. Баскские сепаратисты в Испании или религиозно-экстремистские «братья-мусульмане» в Египте имели связи с подобными себе иностранными организациями, но действовали преимущественно внутри «своих» стран. Та же «Аум Синрике», имевшая сеть представительств в различных странах, проводила теракты в «своей» Японии.

В конце XX века во весь голос заявили о себе чеченские террористы. Террор, направленный против населения в городах центральной и южной России – Москве, Санкт-Петербурге, Буденновске, Черкесске, Первомайске, Армавире, Владикавказе, Минеральных Водах и других, – унес жизни многих сотен мирных жителей, в том числе детей, женщин, стариков. Как только начала, хотя и с трудом, стабилизироваться обстановка в Чечне, бандиты наряду с терактами за ее пределами приступили к террору против тех чеченцев, которые активно встали на сторону федеральных сил.

Чеченские сепаратисты имеют разветвленные связи с иностранными террористическими организациями. На их примере ярко проявляется такая характеристика современного терроризма, как массовый его «перелив» через международную террористическую сеть из одной страны в другую: многие чеченские полевые командиры прошли подготовку в лагерях на территории Афганистана, арабские «добровольцы» принимают участие в терактах в России, чеченские боевики были и, очевидно, остаются в отрядах «Аль-Каиды» – террористической организации бен Ладена.

Во второй половине XX века террор отличают две особенности. Одна из них – он входит в арсенал средств преимущественно сепаратистских и экстремистских религиозных или политических движений, широко используется левыми экстремистами, например организацией «Красные бригады», стремящимися с помощью террора против «сильных мира сего» победить капитализм. Другая особенность террористической активности во второй половине XX века – террор распространяется за национальные рамки и действует на международной арене.

Положение обостряется тем, что в своей международной разновидности терроризм сражается с отдельными государствами, с их структурами. Типичным стал, например, на первых порах постшахский Иран, провозгласивший лозунг «исламской революции» и осуществлявший операции по ее насильственному экспорту.

II. Самодостаточный терроризм

Однако подобная модель международного терроризма уже в конце XX века начала терять связь с государственными структурами. В какой-то степени сохранялась го-

сударственная поддержка отдельных террористических групп, но она явно шла на убыль. Это произошло во многом в результате политики ведущих «игроков» на международной арене, вышедших из «холодной войны», в первую очередь России, европейских стран, США. Методами были не только давление на государства, поддерживающие отдельные террористические организации, но и «свет в конце тоннеля». Соединенные Штаты главную ставку делали на давление, санкции, даже применение военной силы. Россия выступала за сбалансированный подход, применение в основном политических мер. Такую же позицию занимали многие страны – члены Европейского союза.

Немалую, а точнее решающую, роль и те и другие сыграли, например, в развороте Ливии, прекратившей поддержку террористических групп – и финансовую помощь, и подготовку на своей территории боевиков.

С целью обеспечить такую перемену в ливийской политике в качестве директора Службы внешней разведки России (СВР) я по указанию российского руководства специально выезжал в Триполи, где имел плодотворные беседы с ливийскими руководителями. Знаю, как эффективно на этом поле действовали и европейские коллеги. В середине и во второй половине девяностых годов Муаммар Каддафи порвал связи с итальянскими «Красными бригадами», с «Ирландской республиканской армией», выслал из страны террористическую организацию Абу Нидаля, разорвал отношения с экстремистскими палестинскими группами «Фронт освобождения Палестины – генеральное командование», «Палестинский исламский джихад». Из Ливии были выдворены подозреваемые в терроризме лица, работавшие против режимов в Египте, Йемене и Иордании.

Большую роль в закреплении Ливии на такой позиции сыграли и США, принявшие в конце концов приемлемый для Ливии формат и место проведения суда над

двумя ливийцами, подозреваемыми в террористическом акте, в результате которого 270 человек, включая 189 американцев, погибли на борту самолета компании «Пан-Американ», пролетавшего в 1989 г. над Локерби (Шотландия). Суд состоялся не в США или Великобритании, как первоначально требовали Вашингтон и Лондон, а в Голландии в конце января 2001 г. Представляется, что это во многом предопределило сделанное через год заявление Ливии в поддержку антитеррористической операции США в Афганистане, а затем согласие ливийского лидера М. Каддафи выплатить компенсацию пострадавшей стороне, в том числе семьям погибших в результате террористического акта, совершенного ливийцами.

В девяностые годы позитивные перемены произошли во внутренней жизни Ирана. Симпатии иранского народа начали перетекать из религиозного центра, расположенного в Куме, к среднего уровня духовному деятелю Хатами, ставшему известным своей сдержанностью, призывами отказаться от поддержки экстремистских проявлений в общественной и религиозной жизни, во внешней политике, провести реформы, обеспечить свободу печати. Изменения в настроениях в Иране самым контрастным образом проявились во время двух президентских выборов, выигранных Хатами с большим преимуществом (1997 г. и 2001 г.), и на выборах 2000 г. в меджлис, в результате которых господствующие позиции в парламенте заняли реформаторы.

Главным образом под воздействием перемен во внутреннем общественном мнении Иран практически отказался от экспорта исламской революции, иными словами – от насильственного распространения иранской религиозной модели организации государства и общества.

В отношении Ирана тоже сыграли свою положительную роль Россия, европейские страны, взявшие курс на поддержку внутренних позитивных сдвигов в этой стране путем преодоления ее изоляции от внешнего мира.

Перемены в настроениях ведущих государственных деятелей США в отношении Ирана проявились в последний период нахождения у власти администрации Клинтона. Я почувствовал это во время многочисленных разговоров на иранскую тему с государственным секретарем Соединенных Штатов Мадлен Олбрайт. В марте 2000 г. она выступила с речью, в которой подчеркнула важность новых позитивных взаимоотношений между США и Исламской Республикой Иран и призвала к открытому диалогу между двумя странами без всяких предварительных условий. Тем более что к этому времени европейские союзники США уже находились на стадии активного «критического диалога» с Ираном.

Однако призыв Олбрайт не был подхвачен администрацией Буша, хотя, вопреки сложностям внутривнутриполитического положения в Иране, в его политике не затухали позитивные перемены. Так, Иран – мало кто обратил внимание на это – с самого начала поддержал американскую операцию в Афганистане и способствовал военному успеху США в тех афганских районах, где традиционно пользовался влиянием.

Вопреки этим позитивным тенденциям США ужесточили критику в адрес Ирана. Более того, представители администрации Буша назвали Иран среди возможных после Афганистана целей антитеррористической американской операции. Все это дало контрпродуктивный эффект: в Иране стала проявляться тенденция к сближению двух групп – умеренных и радикалов-традиционалистов. Одновременно в ответ на израильские вооруженные акции на территории палестинской администрации участились обстрелы израильской северной Гилеи с территории Ливана организацией «Хизбалла», поддерживаемой Тегераном.

Несмотря на наблюдаемые зигзаги в развитии обстановки в тех или иных странах, общим, магистральным проявлением на грани XX и XXI веков можно считать

ослабление связей террористических групп с государственными структурами.

Между тем, события 11 сентября воочию показали новую и наиболее опасную разновидность международного терроризма: самодостаточная система, не связанная с каким-либо государством, через преступления, унесшие тысячи мирных жизней, заявила о себе как о качественно новом игроке на международной арене.

Союзы и войны между государствами, сотрудничество и конфронтация между ними до последнего времени безраздельно определяли ход развития международной обстановки. Иными словами, эта обстановка складывалась в результате тех или иных отношений между государствами, группами государств, возникающими и распадающимися их альянсами. Но опять-таки государств, которые наряду с легальными международными организациями были субъектами международных отношений. Теперь такой вывод стал недостаточным.

Если бы организация, совершившая террористическое нападение на США, была связана с любым государством Ближнего, Среднего Востока, Африки или Юго-Восточной Азии, об этом бы знала по меньшей мере одна из разведок ведущих стран мира – Служба внешней разведки России, Центральное разведывательное управление США, британская МИ-6, германская БНД, французская, китайская, индийская или любая другая. Трудно представить себе страну на Востоке, правительственные круги которой были бы полностью защищены от иностранных спецслужб, не имеющих в них никаких источников информации. Исключаю полностью – к такому выводу приводит и мой собственный опыт руководства Службой внешней разведки России, – что любая спецслужба не передала бы американцам поступившие к ней сообщения о готовящихся террористических актах на территории США.

При этом не следует забывать, что подготовка к преступным акциям продолжалась в течение длительного периода. По словам заместителя главы американской дипломатической миссии в Кабуле Д. Сиднея, террористы «начали концентрироваться в Соединенных Штатах за два года до террористического акта». Накапливались финансовые средства. Будущие террористы-самоубийцы проходили подготовку для управления пассажирскими авиалайнерами. Не каждого допустят до такой учебы, и не каждый способен успешно ее пройти. Помимо всего прочего, нужно было сфабриковать соответствующие документы, не вызывающие никаких подозрений, что тоже дело кропотливое и специфическое. Как правило, владельцы таких документов перемещаются, акклиматизируясь, из страны в страну.

Большое число помощников должно было быть вовлечено в планирование и осуществление операции: проникновение на территории целого ряда аэродромов США, обход контрольных препон при посадках в самолеты, синхронное похищение в небе по крайней мере четырех авиалайнеров с пассажирами на борту (возможно, намеревались похитить даже больше), уход из зоны наблюдения аэродромных радаров и опять-таки синхронные удары по заранее намеченным целям. И все это происходило практически без утечки информации. Такая нелегальная организация должна быть очень мощной, достаточно многочисленной, финансово обеспеченной и действующей автономно.

Федеральное бюро расследований США и другие американские спецслужбы ведут разработку предполагаемых членов этой организации, которой, как установлено американцами, руководил Усама бен Ладен – миллионер саудовского происхождения, обитавший при режиме «Талибан» на территории Афганистана. Вероятно, что американцы в конце концов сделают достоянием гласности материал, добытый, в том числе, в результате допро-

сов членов бенладеновской банды «Аль-Каида». После ареста во время операции в Афганистане бандитов вывезли и изолировали на военной базе США Гуантанамо, расположенной на кубинской территории. Надеюсь, что полученные данные не будут искусственно использованы против какого-либо государства-«изгоя» и подтвердят автономный характер преступной организации.

Что касается спецслужб, то в связи с террористическими атаками 11 сентября на них обрушилась лавина критики. Особенно досталось американским. Мне представляется это неправильным. Проникновение в такие автономные и отличающиеся железной дисциплиной организации, как «Аль-Каида», – дело сверхтяжелое. Однако общее представление о существовании и деятельности бен Ладена и его организации у американских спецслужб, несомненно, было. Выступая в сенате 2 февраля 1999 г., директор ЦРУ Дж. Тенет заявил: «Нет никаких сомнений в том, что Усама бен Ладен, его союзники в различных частях мира и сочувствующие ему готовят дальнейшие атаки против нас... Организация бен Ладена имеет связи буквально во всем мире, включая Соединенные Штаты, а сам он недвусмысленно заявлял, что его мишенью являются все американцы». Естественно, что, обладая такой информацией, ЦРУ и ФБР должны были проводить целенаправленную разработку организации бен Ладена.

Такая работа не могла не осуществляться. Пресса США сообщила, а советник президента по национальной безопасности Кондализа Райс подтвердила, что за месяц до трагедии, 6 августа, президент Буш был ознакомлен с докладом ЦРУ, в котором говорилось о подготовке людьми бен Ладена терактов в Соединенных Штатах с использованием самолетов. Но доклад не содержал никаких конкретных данных, и поэтому, очевидно, на него не обратили должного внимания.

По-видимому, американские спецслужбы, возмущенные упреками в некомпетентности, дали и другую утечку

в печать: еще в июле 2001 г. агент ФБР в Аризоне сообщал, что для подготовки боевиков могут использоваться летные училища в США, и эта секретная информация тоже была доложена американскому руководству. На нее в то время тоже не обратили внимания.

Я не думаю, что ЦРУ или ФБР, опасаясь за свои источники, предоставили руководителям своего государства неполную информацию. Просто подробностей у них, скорее всего, не было.

Однако этот пример должен насторожить мировое разведсообщество. Конечно, в новых условиях необходимо усиление взаимодействия разведок различных стран, и особенно обмен информацией, в том числе создание коллективного банка данных по террористическим организациям и их членам. Но этого, пожалуй, уже недостаточно. Совместная работа на поле взаимных интересов, а таким полем, несомненно, является антитеррористическая борьба, должна включать в себя и коллективное аналитическое осмысление полученной информации. Формы и методы такого осмысления следует искать и находить. Это требование вытекает из уроков 11 сентября.

Нужно сказать, что в то время, когда я был руководителем Службы внешней разведки России, мы, пусть с трудом, но все-таки наладили контакты с разведслужбами государств НАТО*. Во время «холодной войны» такое было немыслимо. В первой половине девяностых годов контакты осуществились с пользой для всех. Теперь наступает новый этап. В таких чувствительных для всех нас сферах, как терроризм, возможно, следует идти даже на совместные операции. Очевидно, далеко не все разведслужбы при этом будут готовы «засвечивать» свои источники информации. Однако это не должно мешать ни созданию общего банка данных, ни совместной работе

* Подробнее об этом в моей книге «Годы в большой политике». – М.: Совершенно секретно. 2000.

по аналитическому осмыслению особенно «острой» информации, ни проведению, при необходимости, совместных или скоординированных параллельных акций.

Все это ни в коей мере, кстати, не перечеркивает существование национальных спецслужб, которые продолжают свою работу в интересах каждого государства, но исключая, по всеобщему согласию, неприемлемые для нынешней стадии мирового развития методы.

III. История бен Ладена

История террористической сети и биография ее основателя бен Ладена в значительной степени сформировались под воздействием различных процессов и тенденций второй половины XX столетия. Общий подъем самосознания мусульманских масс после краха колониальной системы был во многом облечен в форму радикального воинствующего исламизма. «Холодная война», борьба двух противоположных лагерей предопределили стремление каждого из них привлечь, зачастую не брезгуя никем и ничем, на свою сторону как можно большее число различных движений и организаций. Что касается США, то ввод советских войск в Афганистан создал почву для их сближения с самыми реакционными мусульманскими группами, которые подчас образовывались и начинали действовать при прямом американском участии.

В связи с окончанием «холодной войны» и выводом вооруженного контингента СССР из Афганистана положение изменилось. Радикальные воинствующие мусульманские организации начали переориентироваться, видя своего главного противника в Соединенных Штатах. Образовавшийся временной лаг между окончанием кон-

фронтации на глобальном уровне и реальной возможностью объединить усилия всех ранее разделенных «холодной войной» государств в создании справедливого мира использовался воинствующим исламизмом для наращивания своих сил. Характерной особенностью стал упор на теологические мотивы, которые, однако, лишь формально связаны с историей и сущностью ислама.

Усама бен Мухаммад бен Ладен родился 28 июня 1957 г. в Саудовской Аравии. Он был одним из более чем пятидесяти детей преуспевающего предпринимателя, создавшего в 1931 г. мощную строительную компанию «Сауди бен Ладен групп». Постепенно компания диверсифицировалась в разветвленную структуру, завоевавшую сильные позиции в нефтяной, химической промышленности, банковском деле, в телекоммуникациях и спутниковой связи. Эта структура имела в начале XXI века более 60 филиалов и дочерних компаний в Азии, Европе и США. В январе 2003 г., участвуя в международном экономическом форуме в Джидде (Саудовская Аравия), я был приглашен посетить штаб-квартиру этой компании как одной из самых мощных и влиятельных в стране. Меня и моих коллег тепло приветствовал и давал разъяснения президент компании – брат Усамы бен Ладена. На мой вопрос, сохранились ли у него отношения с Усамой, президент ответил категорическим «нет», добавив, что «в семье не без урода».

Так или иначе, но Усама бен Ладен, единственный сын десятой жены Мухаммада, после смерти отца унаследовал 250 млн. долларов. За двадцать лет Усама по меньшей мере удвоил или даже утроил это наследство, плюс немалые проценты получал, согласно непререкаемым саудовским обычаям, со строительных подрядов семьи. Следовательно, финансовые возможности Усамы бен Ладена для создания и приведения в действие организации были достаточны.

Парадокс в том, что в становлении бен Ладена и его организации приняли участие американские спецслужбы.

Есть основания считать, что их подходы к бен Ладену были осуществлены вскоре после окончания им учебы в университете имени короля Абдель Азиза Аль-Сауда в городе Джидда, когда он с головой ушел в борьбу против советских солдат в Афганистане. Дело не только в том, что он сам принимал участие в военных действиях. Гораздо более ценной для тех, кто стремился к тому, чтобы Советский Союз увяз в Афганистане, была деятельность бен Ладена по созданию «Мактаб аль-Хадамат» («Бюро обслуживания»), открывшего вербовочные пункты в различных странах для пополнения рядов боевиков, воевавших в Афганистане против советского военного контингента. Один из таких пунктов был открыт на территории Соединенных Штатов. Бюро рекрутировало и отправило в Афганистан тысячи наемников, организовало на территории Афганистана и Пакистана лагеря их подготовки. Судя по некоторым источникам, бен Ладену принадлежала идея вооружения афганских моджахедов «стингерами» – США начали поставлять их в Афганистан, где они использовались против советских самолетов и вертолетов.

Бен Ладен, осуществляя свои действия против советских войск в Афганистане, тесно сотрудничал с ЦРУ, под руководством которого проводилась операция «Циклон», предусматривавшая выделение на содействие афганским боевикам до 500 млн американских долларов в год.

Спецслужбы США руководствовались в то время принципом «враг моего врага – мой друг». В ряде случаев тогда и СССР руководствовался этим же принципом.

Однако созданные в других странах для использования в конфронтации между США и СССР или просто поддержанные в период «холодной войны» боевые организации оказались в большинстве случаев неустойчи-

выми. А после окончания «холодной войны» вышли из-под контроля. Так произошло и с образованной бен Ладеном в 1987 г. организацией «Аль-Каида». Вначале ее деятельность не распространялась за пределы Афганистана, но после вывода оттуда в 1987 г. советских войск «Аль-Каида» трансформировалась в антиамериканскую структуру. В нее начали входить не только арабы, но и вообще мусульмане-сунниты. В феврале 1998 г. в одном из своих заявлений «Аль-Каида» призвала всех мусульман повсеместно убивать американских граждан – военных и невоенных – и их союзников.

Такой поворот на 180 градусов характерен не только для «Аль-Каиды». Этого не избежали и некоторые другие группы, ныне занесенные в списки террористических. В свое время, например, на оккупированном Западном берегу реки Иордан израильская разведка «Моссад» создала арабскую организацию «Хамас» с заглавной целью противопоставить ее «Организации освобождения Палестины». Вскоре «Хамас» ушел из-под израильской опеки и полностью переориентировался.

«Аль-Каида» быстро набиралась опыта террористических операций. Расширялась география террора – Йемен, Сомали, США (взрыв торгового центра). В августе 1998 г. синхронно произошли взрывы в посольствах США в столицах Кении – Найроби и Танзании – Дар-эс-Салам, в результате которых погибло более двухсот и ранено около четырех тысяч человек. Бен Ладен открыто приветствовал эти акции, но нигде и никогда прямо не признавался в «авторстве» «Аль-Каиды». Этим бен Ладен и его организация отличались от остальных, сразу же вслед за террористическим актом объявлявших о своей причастности: смотрите, мол, какие мы «всесильные». По-видимому, самодостаточность «Аль-Каиды», ее незаинтересованность во «внешних» источниках финансирования во многом способствовали такой «рекламной сдержанности».

К автономной самодостаточности «Аль-Каиду» подталкивали сами события. Много писали, например, о связях бен Ладена и его организации с Саудовской Аравией. Действительно, во время нахождения советских войск в Афганистане координация его деятельности с Эр-Риядом имела место, но после переориентации бен Ладена на борьбу против США поле совпадения его интересов с саудовским режимом свелось к минимуму. Более того, обеспокоенный возможной реакцией США, режим Саудовской Аравии выдворил бен Ладена из страны (куда он возвратился после вывода советских войск из Афганистана), а затем лишил его и саудовского гражданства. Бен Ладен вынужденно покинул и Судан, куда перебрался из Саудовской Аравии, – Хартум тоже не захотел иметь из-за него неприятности.

Очевидно, не могли существовать доверительные связи бен Ладена с Ираком. После оккупации иракскими войсками Кувейта не кто иной, как бен Ладен, предложил саудовскому руководству направить на борьбу с Саддамом Хусейном тысячи своих боевиков, потерявших «работу» в результате вывода советских войск из Афганистана.

Не мог стать партнером бен Ладена и Иран, потому что лидер «Аль-Каиды» находился на стороне суннитов-талибов в их борьбе против преимущественно шиитского «Северного альянса», а шиитский Иран занимал резко противоположную позицию и боролся против организации «Талибан».

Талибы были единственными, с кем поддерживал отношения бен Ладен. Но «Талибан» был скорее движением, а не устоявшимся государственным режимом. Да и здесь не все было просто. Бен Ладен выдал свою старшую дочь за руководителя талибов шейха Омара, прилюдно демонстрировал и другие признаки близости к талибам, но по сути оставался полностью автономной силой, находясь вплоть до начала американской опера-

ции в Афганистане в своем укрепленном районе – системе пещер и подземных ходов, вырытых во время войны с советскими частями в Афганистане. С талибами его связывала и совместная контрабанда наркотиков, которая увеличивала финансовые возможности «Аль-Каиды». Он помогал «Талибану» проводить операции по отмыванию денег, в том числе и через чеченскую мафию. Однако и в этом вопросе не обходилось без сложностей в отношениях. После 1998 г. американские спецслужбы активно контактировали с «Талибаном» по вопросам, связанным с прекращением производства наркотиков. В это же время «Аль-Каида» расширяла свой наркобизнес.

О том, что «Аль-Каида» не растворилась в движении «Талибан» и, более того, имела там своих недругов, свидетельствует заявление главы разведки талибов Хаксара*. По его словам, он даже предлагал США в 1999 г. свою помощь в ликвидации духовного лидера «Талибана» муллы Омара, поскольку считал, что при нем «движение превратилось в марионетку сначала в руках пакистанской разведки, а затем – Усамы бен Ладена и его «Аль-Каиды»». Предложение было сделано, по свидетельству Хаксара, в Пешаваре двум американским дипломатам – Грегори Мачизу и Питеру Макилльвайну. Ответ не был получен.

Не мешало бы добавить, что и экстремистское исламское движение «Талибан», захватившее власть в Кабуле и претендовавшее на контроль над всей страной, было создано не без помощи США. Будучи министром иностранных дел, я встречался с премьер-министром Пакистана Бхутто, которая не скрывала, что движение «Талибан» было образовано военной разведкой Пакистана при участии ЦРУ. Так что, возможно, Хаксара связывало с американскими «дипломатами» длительное знакомство.

* The Guardian. 2002.11.06.

Одно совершенно ясно: «Талибан» сознательно оказывал в Афганистане гостеприимство бен Ладену и его «Аль-Каиде», главным образом по мотивам идеологического единства – приверженности и тех и других идеям радикального воинствующего исламизма.

Автономность не только не мешала, но, напротив, способствовала «Аль-Каиде» расширять зоны влияния. Подняв знамя воинствующего исламизма, бен Ладен провозгласил в качестве цели создание «истинно исламского государства, объединяющего на основе шариата мусульман всего мира». Согласно его «баянам» – заявлениям, которые он периодически делал, нет отдельных народов, исповедующих ислам, а существует единая мусульманская нация. Исходя из этих «истин», бен Ладен помогал алжирским и египетским экстремистам. Он поддерживал и финансировал террористические палестинские группы.

По имеющимся данным, бен Ладен оказал серьезную помощь албанским сепаратистам в Косово, особенно антисербской Армии освобождения Косово, которую сами американцы первоначально справедливо занесли в список террористических организаций, а затем, исходя из своих геополитических целей, стали поддерживать. Идейной основой такой помощи является стремление бен Ладена создать экстремистски настроенное исламское государство в центре Европы, включая Албанию, Косово, Санджак, часть Боснии, часть Македонии, часть Черногории. Немалое значение при этом имел и тот факт, что балканский маршрут был важнейшим каналом поступления наркотиков из Афганистана в Западную Европу.

Во второй половине девяностых годов в Афганистане была создана разветвленная инфраструктура террористов, включая тренировочные лагеря, командные пункты, координирующие действия боевых групп в Египте, Алжире, Индии, Саудовской Аравии, Таджикистане и не-

которых других странах; террористы получили аппаратуру спутниковой связи, типографии и большие запасы современного оружия. Йозеф Бодански, американский исследователь международного терроризма, писал: «В лагерях Бадр-1 и Бадр-2... все больше появляется добровольцев из Средней Азии и с Кавказа»*.

Многие данные свидетельствуют о связях бен Ладена и его «Аль-Каиды» с чеченскими боевиками, арабский и не только арабский элемент в составе которых проходил подготовку в Афганистане. Там же бен Ладен, по некоторой информации, встретился с иорданцем Хаттабом, ставшим впоследствии лидером вооруженной ваххабитской группировки в Чечне. Хаттаб в свою очередь познакомил его с другим руководителем чеченских сепаратистов Ш. Басаевым.

IV. Страшная перспектива

Итак, появляются убедительные основания считать, что на мировую арену вышли автономно действующие самодостаточные организации, исповедующие массовый террор как средство осуществления своих целей. Пока мы говорим только об одной из них – об «Аль-Каиде», но где гарантии, что она останется единичным феноменом? Тем более что характерная черта таких организаций – отсутствие бравады и вообще рекламной активности в связи с осуществлением террористических акций. Вместе с тем масштабы террора, число его жертв ставятся на первое место.

* *Бодански Йозеф*. Талибы, международный терроризм и человек, объявивший войну Америке. – М.: Вече, 2002. С. 271.

Когда единственными «игроками» на международной арене были государства, течение событий было значительно более предсказуемым и, что, быть может, еще важнее, значительно более контролируемым. СССР и США, возглавлявшие после Второй мировой войны две противоположные идеологические системы и обладавшие взаимоуничтожающим ракетно-ядерным потенциалом, сдерживали друг друга. Государства, примыкавшие к двум сверхдержавам, ими контролировались. Те, кто не входил в эту систему, тоже вели себя достаточно сдержанно, особенно в отношении возможности выхода конфликтов за региональные рамки. Терроризм в то время не представлял собой столь острой международной угрозы.

А что теперь? Как обеспечить в новых условиях безопасность даже самых мощных в военном отношении стран, их населения?

Положение усугубляется тем, что для террористических автономных организаций далеко не закрыт путь, ведущий к обладанию ядерным оружием и другими видами оружия массового уничтожения (ОМУ) – химическим, биологическим, радиологическим. Причем речь идет именно о целом ряде террористических организаций: бенладеновская «Аль-Каида» – не единичный пример такого рода. По словам директора ЦРУ Тенета, «организация бен Ладена – лишь одна из десятка террористических групп, которые проявляли интерес к химическому, бактериологическому, радиоактивному и ядерному оружию или уже получили его. Бен Ладен, например, назвал приобретение этого оружия “религиозным делом” и заметил: “Как мы будем его использовать – это наше дело”».

Обстановка к началу XXI столетия стала еще больше способствовать возможности сращивания террора с ОМУ. Во-первых, отделение от государственных структур и выход в «автономное плавание» создает для террористических организаций большую свободу маневра. Во-вторых,

финансовая достаточность увеличивает их потенциальные возможности. В-третьих, сращиванию террора с ОМУ помогает – нужно смотреть правде в глаза – процесс глобализации, сделавший общедоступными информационные потоки, способствующий обходу всевозможных ограничений. В-четвертых, развитие вооружений приводит к созданию более компактных видов ядерного оружия, облегчает производство бактериологического и химического оружия, что объективно делает ОМУ более доступным для террористов.

Обладает ли самодостаточная террористическая организация бен Ладана уже в настоящее время средствами массового уничтожения? В обвинительном акте по делу Усамы бен Ладена, подготовленном американскими властями, говорится, что «Аль-Каида» с 1993 г. пыталась достать ядерное оружие или его компоненты. После начала военной операции США в Афганистане американские разведчики обнаружили в одном из кабульских зданий «Аль-Каиды» схему действия ядерного заряда. Обнаружены также сведения о том, что двое пакистанских ядерных физиков были в Афганистане во время правления талибов.

Есть основания считать, что ближе всего подошли террористы из «Аль-Каиды» к обладанию радиологическим оружием. Министр юстиции, генеральный прокурор США Дж. Эшкрофт заявил, что арестованный в чикагском аэропорту 8 мая 2002 г. Абдулла аль-Маджахир, известный как Хосе Падилла, прибывший из Пакистана, готовил по заданию «Аль-Каиды» взрыв «радиоактивной грязной бомбы». Целью атаки был Вашингтон. Аль-Маджахир намеревался также распылить отравляющие вещества в крупных американских отелях*. О разработках

* По сообщениям американской прессы, аль-Маджахир является уроженцем Гондураса. В девяностых годах он прибыл в США и стал там активно заниматься физикой и химией. Неоднократно выезжал в

«Аль-Каидой» радиологической бомбы министр обороны США Д. Рамсфельд заявил еще в апреле 2002 г., ссылаясь на допрос захваченного в плен в Афганистане Абу Зубейды – одного из сподвижников бен Ладена.

Следовательно, мир уже находится не так далеко от возможности применения террористами одной из разновидностей ядерного оружия. А террористические акты против объектов, содержащих ядерное оружие, транспорта при его перевозке, атомных электростанций, предприятий, где перерабатывается ядерное топливо, – таких возможных целей сотни в каждой крупной стране, и их поражение чревато подчас масштабной ядерной катастрофой. К началу 2002 г. уже 43 государства имели атомные электростанции или ядерные реакторы, способные производить ядерные материалы. Более чем в 100 государствах накапливаются запасы радиоактивных материалов. Нет оснований считать, что все эти запасы надежно контролируются и охраняются.

Наконец, международный терроризм приобретает особую опасность в условиях распространения ядерного оружия, появления все большего числа владеющих им стран, некоторые из которых к тому же вовлечены в региональные конфликты. Когда, например, началась американская военная операция в Афганистане, в соседнем Пакистане развернулось мощное движение в поддержку талибов. Сотни тысяч людей вышли на улицы пакистанской столицы Исламабада, а также Карачи, других городов, требуя отстранить от власти «проамериканский режим».

Не могло не обратить на себя внимания, что одновременно сам режим отправил в отставку несколько неблагонадежных высших офицеров. Думаю, что многие не без оснований опасались, что через захват власти в Па-

Пакистан и Афганистан, где контактировал с представителями «Аль-Каиды». Помимо всего прочего, это служит серьезным доказательством разветвленных связей террористической организации.

кистане силы, близкие к афганским талибам, в том числе в пакистанской армии, могут добраться до ядерного оружия. Такие тревоги в тот раз не оправдались. А что будет в последующем?

В сентябре 1996 г. я в качестве министра иностранных дел России принимал участие в заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Там же был принят президентом Б. Клинтонем. Говоря об особой важности скоординированных действий США и России, президент – признаюсь, неожиданно для меня – назвал самой острой проблемой в предстоящую четверть века конфликт между Пакистаном и Индией с перспективой сползания к использованию ядерного оружия. Можно, в конце концов, рассчитывать на то, что появление ядерного оружия в Индии и Пакистане не приведет к его применению в региональном конфликте – существует обоснованная надежда избежать этой трагедии благодаря осмотрительной политике государств, вовлеченных в конфликт, и широким международным усилиям. Иное дело, если ядерное оружие окажется в руках террористической организации.

Чрезвычайно важны непосредственно связанные с борьбой против международного терроризма реальные действия в области нераспространения всех видов оружия массового уничтожения. Мировое сообщество, несмотря на принятые им меры, основной из которых стало подписание большинством государств Договора о нераспространении ядерного оружия, на деле все-таки оказалось пассивным. Какие шаги следует предпринять, чтобы затруднить процесс перехода ряда стран, особенно тех, которые погружены в региональные конфликты, в разряд «ядерных», – вопрос непростой. Но трагедия 11 сентября требует заняться этим вопросом вплотную.

Думается, что это – одна из главных задач и для российской дипломатии, и для российских спецслужб. Тем более что «неофициальные» ядерные и большинство

«пороговых» государств расположены вблизи от российской территории.

Если российско-американские отношения вступили в новую фазу, предусматривающую рост взаимного доверия, то нужно, чтобы Россия перестала быть незаслуженно обвиняемой то в слабом контроле над своими ядерными средствами, то в сотрудничестве с другими странами в строительстве атомных электростанций, которые, дескать, используются ими для создания ядерного оружия. На смену такой риторике, зачастую продиктованной соображениями, имеющими мало общего со стремлением предотвратить расползание ядерного оружия, должно прийти тесное сотрудничество государств, объединенных антитеррористическими целями.

Вспоминаю, когда был председателем правительства, а до этого министром иностранных дел, то при каждой встрече со мной и Тэлботт, и Олбрайт, и Гор «тянули из меня жилы» по вопросу о российском строительстве АЭС в Бушере (Иран). При этом фигурировал один и тот же список российских предприятий и учреждений, якобы задействованных в поставках в Иран техники и технологий, пригодных для производства ядерного оружия. Мы знали о существовании этого списка, так как ранее он был вручен нам израильскими представителями. Ничего не помогало. Ни разъяснения, что строительство в Бушере осуществляется под скрупулезным контролем Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), что многие из поименованных в списках российских учреждений вообще не числятся по указанным адресам, что поставляются в Иран легководные реакторы – точно такие же, какие США готовились поставить в Северную Корею. Наконец, что обладание Ираном ядерным оружием в первую очередь не в интересах России по чисто географическим соображениям.

Сегодня такие демарши должны наконец уйти в прошлое. Естественно, с России не снимается ответствен-

ность за любые нарушения действующих международных обязательств. Таких нарушений быть не должно.

Очевидно, необходимо, не довольствуясь существующими многочисленными документами – целый ряд резолюций Совета Безопасности ООН, конвенций, деклараций, заявлений, принятых Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций и ее специализированными учреждениями, а также Советом Европы, Организацией американских государств, Лигой арабских государств, международными конференциями, парламентами многих стран, – выработать Хартию борьбы с терроризмом.

Один из крупных юристов-международников, профессор Г.И. Морозов, справедливо утверждал, что терроризм не может рассматриваться как политическое преступление – это преступление по своему характеру уголовное. Он настаивал на том, что к терроризму неприменимы установленные национальными законами сроки давности, не должно применяться правило о невыдаче собственных граждан*.

Все это необходимо включить в Хартию. Идея ее подписания, как мне представляется, рано или поздно материализуется. Не претендуя на подробное изложение содержания такой Хартии – конечно, это предмет международных консультаций и переговоров, – уже сегодня можно было бы назвать ряд предусматриваемых ею мер.

Государства, ее подписавшие, должны взять на себя непереносимые обязательства не предоставлять свою территорию организациям, признающим терроризм в качестве способа достижения своих целей, как бы эти цели ни выглядели позитивно и благородно. Общим для всех государств, поставивших свою подпись под Хартией, должно стать введение жесткого контроля над финансо-

* Морозов Т.Н. Терроризм – преступление против человечества. – М., 2001. С. 49.

выми потоками, решительные меры по пресечению транзита через их территорию боевиков, оружия, боеприпасов для террористов. Такая Хартия могла бы вобрать в себя и другие принципы поведения государств в условиях бескомпромиссной борьбы с терроризмом.

Особо хотел бы остановиться на обязательстве всех государств, подписавших Хартию, выдавать террористов, укрывающихся на их территориях, по требованию любого государства, естественно, подкрепленного предоставлением соответствующих документов. В настоящее время далеко не между всеми государствами подписаны соглашения об экстрадиции преступников. Это подчас превращается в препятствие по их выдаче. Изменение национального законодательства – путь долгий и трудный. Одномоментно снимает это препятствие подписание Хартии по борьбе с терроризмом.

Вообще, экстрадиция лиц, замеченных в террористических действиях, чрезвычайно важна для эффективной борьбы с террором – преступники не должны уповать на то, что им удастся укрыться в каком-либо государстве. У них постоянно должна «гореть» земля под ногами.

Мировое сообщество должно прийти к выводу, что в новых условиях следует пересмотреть многие господствовавшие в прошлом взгляды на способы и методы обеспечения безопасности – собственной и союзников, установления и поддержания стабильности на региональном и глобальном уровнях. В виде важнейшей задачи выступает надежное противодействие международному терроризму, принявшему на вооружение новые методы. А для того, чтобы такое противодействие стало эффективным, необходимо сплочение всех здоровых сил в мире.

АГРЕССИВНОСТЬ ИСЛАМА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

I. Опять угроза раздела мира

Вслед за трагедией 11 сентября по Соединенным Штатам и по странам Западной Европы прокатилась антиисламская волна. Очень незначительно сняло напряжение незамедлительное посещение президентом Дж. Бушем мечети. С этой же целью премьер-министр Великобритании Т. Блэр опубликовал несколько статей в мусульманских газетах. Но такими разовыми действиями при всем желании картину исправить не удастся. Тем более что сразу же после 11 сентября в США и Европе появились многочисленные публикации, в которых утверждалось, что ислам – сама по себе агрессивная, воинствующая религия и, что было еще опаснее, будто агрессивность исламского мира нарастает.

В новых условиях обозначился прилив интереса к теории, выдвинутой американским политологом Самюэлем Хантингтоном*. По его мнению, после биполярной системы «холодной войны» устанавливается мировая система, субъектами которой являются различные цивилизации – столкновения между ними неизбежны. С. Хантингтон делит мир на западные и незападные цивилизации. Западная демократия, по Хантингтону,

* Впервые эта теория была выдвинута в 1993 г. Книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и передел мирового порядка» была переведена на русский язык и издана в Москве в 1997 г.

оказывается лицом к лицу с экстремизмом и фундаментализмом других цивилизаций и должна быть готова к новому историческому вызову. Отрицая по сути такие причины конфликтов, как экономические, политические, С. Хантингтон сводит все к цивилизационно-религиозному противостоянию. Понятно, что такая парадигма создает простор для нового раздела мира после окончания «холодной войны», теперь уже не по идеологическому, а по цивилизационно-религиозному принципу.

От того, удастся ли не допустить этого нового раздела мира, к чему осязаемо подталкивает ложное отождествление международного терроризма с исламом, а экстремистской деятельности отдельных мусульманских меньшинств с мусульманским миром в целом, во многом зависит ход развития событий в XXI веке.

Этот вывод подкрепляется тем, что мусульмане живут не отдельным замкнутым миром. В США шесть миллионов людей, принявших ислам, представляют, пожалуй, наиболее быстро распространяющуюся там религию. В Европе – миллионы мусульман, эмигрировавших из Турции, Албании, Северной Африки, Сирии и Ливана, Пакистана, Индии, Индонезии, Малайзии, Филиппин. Их число тоже не будет уменьшаться. В ряде случаев постепенно создаются контуры их компактного проживания.

Что касается России, то мусульманская часть ее населения имеет многовековую историю. Ряд частей ее нынешней территории с компактным мусульманским населением к ней исторически присоединился или был присоединен. В едином российском государстве проживает ныне около двадцати миллионов мусульман. Совершенно ясно, что разделение мира по цивилизационно-религиозному принципу нанесло бы серьезный удар по российскому федерализму. Так что водораздел пройдет не только на глобальном уровне, но и внутри многих государств.

Очень важно отметить, что перспектива такого раздела, даже само движение в этом направлении создадут

благоприятные условия для роста сепаратизма – одной из наиболее опасных болезней современности. Значительному числу государств сепаратизм уже угрожает. Для других при неблагоприятном развитии обстановки угроза может появиться в будущем. Никто не застрахован от этого, даже самые благополучные в настоящее время многонациональные государства.

Нельзя игнорировать угрозу сепаратизма, защищая общедемократические ценности – дескать, каждая нация или народность вправе сами распоряжаться своей судьбой. Так по сути ставился вопрос марксистами на пороге и в начале XX века. Особенно применительно к колониальной системе, когда народы, находившиеся под пятой империализма, боролись за свое освобождение. Марксистская формула «самоопределение вплоть до отделения» получила широкое признание и была зафиксирована в Уставе Организации Объединенных Наций.

Ныне эта формула, очевидно, устарела. После краха колониальной системы на обломках колониальных империй возникли десятки суверенных государств. С окончанием «холодной войны» в общем закончился еще один этап – новые государства появились на территории бывших Советского Союза, Чехословакии, Югославии. Важной задачей XXI века является стабилизация как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровнях, для чего необходимо выдвигание на первый план принципа территориальной целостности государств.

Если не сделать этот вывод, то можно так или иначе поощрить развитие событий, которое покроет весь земной шар множеством очагов насилия. В XXI веке 2,5 тыс. национальных и этнических групп находятся в составе 150 многонациональных государств. В случае обеспечения права этих национальных или этнических групп выделиться в самостоятельное государство, международные отношения будут погружены в хаотическое состояние.

Уже есть примеры, заставляющие задуматься над этой проблемой. Известно, что попытки защитить албанских сепаратистов в Косово обернулись другой стороной медали – стремлением косовских албанцев выйти из состава Югославии с массовым изгнанием сербов из Косово.

Глобальный демократический подход не может служить оправданием поощрения сепаратизма и потому, что албанский сепаратизм подталкивает к большой войне, которая может охватить все Балканы и даже распространиться за их пределы.

Такая же опасность грозит Чечне и прилегающим территориям.

Отказ от формулы, по которой самоопределение национальной или этнической группы включает в себя ее право на отделение и создание собственного государства, ни в коей мере не перечеркивает существование национального вопроса и необходимость его решения. Но право на самоопределение не должно входить в противоречие с защитой территориальной целостности государства. Следовательно, создание новых государств возможно на основе не одного лишь самостоятельного решения самоопределяющейся национальной или этнической группы, а при согласии на это и выделяющейся и остающейся в рамках данного государства частей его населения. В случае, если согласие все-таки не достигается, единственный путь решения национального вопроса – автономия в рамках сохраняющего свое единство государства. Такая автономия должна дать самоопределяющейся национальной или этнической группе самые широкие права в экономической, политической, культурной областях.

Таким образом, раздел мира по религиозно-цивилизационному принципу окажет крайне негативное воздействие на стабильность межгосударственных и внутригосударственных отношений. Наряду с этим затруднится становление и развитие мировой цивилизации, способ-

ной вобрать в себя все лучшие черты различных цивилизаций сегодняшнего мира.

Взгляд на историю показывает, что развитие человечества шло не через торжество одной мировой цивилизации над другой, а, скорее, через их сосуществование, которое отнюдь не предполагало да и в настоящее время не предполагает их параллельного развития, а лишь взаимовлияние, взаимодействие. Это полностью соответствует и процессу развития общественного прогресса. Академик Л.И. Абалкин в своей весьма интересной книге «Россия: поиск самоопределения» справедливо считает, что теоретически и исторически изжила себя «концепция линейной заданности прогресса»*, иными словами, прямой и обязательной, «по восходящей», замены «более низкой» формации «более высокой». Во время существования двух общественно-политических систем в одной из них – социалистической – пустило глубокие корни учение о грядущей, причем в ближайшей перспективе, кончине капитализма. После распада социалистической системы многими политологами на Западе была подхвачена идея Ф. Фукуямы** о «конце истории», так как, дескать, победила высшая форма общественного прогресса – либерально-капиталистическая, в рамках которой, дескать, решены все прежние противоречия и удовлетворены человеческие потребности. Между тем следует, очевидно, говорить о конвергенции, взаимовлиянии, взаимопроникновении двух моделей общественного развития, что порождает многовариантность общественного прогресса. Это и есть основной путь дальнейшего развития истории.

* *Абалкин Л.И.* Россия: поиск самоопределения. – М.: Издательство «Наука», 2002. С. 33.

** Известный американский политолог, профессор (род. в 1952 г.).

II. Корни терроризма не в Коране

Это факт, что ислам, точно так же, как и христианство, иудаизм, буддизм, порожден «своей» цивилизацией и оказывает весьма большое влияние на ход дальнейшего ее развития*. Однако исторической правдой является взаимозависимость, взаимопроникновение цивилизаций и их важнейших составляющих – религий. Ветхий Завет – священная книга и для иудеев, и для христиан. Коран вобрал в себя многое из двух этих мировых религий. Так, содержание Корана преподносится как откровение единого Бога, доводимое до людей через его последнего посланника Мухаммада (следовательно, ближе всех находящегося к истине). При этом Коран не отрицает других посланников Бога – иудейских и христианских, однако в целом ряде случаев их «истины» перечеркиваются «более поздними откровениями Господа». В Коране** содержатся (2:79), например, обвинения иудейских священников в том, что они исказили Тору, в которой указывается (со-

* Выдающийся российский ученый Н.Н. Моисеев писал в монографии «Судьба цивилизаций. Путь разума» (М., 1998): «Вряд ли прав Тойнби, утверждавший, что религии формируют цивилизации. (Таких же взглядов придерживается и С. Хантингтон. – *Е.П.*) Ведь цивилизации старше любой религии, и мне кажется, что в данном случае все происходит как раз наоборот: цивилизации выбирают религию и адаптируют ее к своим традициям, оправданным историческим опытом. Я думаю, что особенности цивилизаций определяются, прежде всего, УСЛОВИЯМИ жизни, особенностями территории, ее ландшафтами, климатом» (С. 42). Принимая это утверждение Н.Н. Моисеева, представляется нужным добавить, что религии являются важнейшей составной частью цивилизаций, оказывающей на них поистине огромное воздействие.

** Все выдержки и ссылки приводятся по Корану, в переводе с арабского М.-Н.О. Османова (2-е изд. М.: Ладомир, 1999). Первая цифра – сура, вторая – стих.

гласно мусульманским толкованиям) на то, что новый пророк будет ниспослан в Аравию.

В первых переводах Корана на различные языки «Аллах» переводился как Бог. Потом слово «Аллах» оставили без перевода, что могло создать впечатление, будто у мусульман свой Бог. Между тем в Коране говорится: «Если вступаете [Вы] в споры с людьми Писания, то [приведите им доводы] наилучшие. И не спорьте с теми из них, кто бесчинствует. Говорите: “Уверовали мы в то, что ниспослано нам (то есть в Коран) и что ниспослано вам (т. е. в Тору и в Евангелие). Бог наш и Бог ваш – один и тот же [Бог единый], и предаемся мы Ему”» (29:46).

Мусульманские ученые внесли большой вклад в науку, искусство, образование – иными словами, в фундамент мировой цивилизации. Ибн Сина (Авиценна) в 980 г. создал великий труд «Аль-Канун» (Закон), который был вплоть до XVII века самой известной медицинской работой в средневековой Европе. Большое влияние оказали мусульманские мыслители на знаменитого христианского богослова Фому Аквинского (1226–1274). Труды Аристотеля сохранились благодаря их переводу мусульманами на арабский язык. Титул великого историка средневековья принадлежит по праву Ибн Халдуну, проживавшему в XIV веке. Джабер ибн Хайян известен как отец химии. Само название «химия» взято с арабского «аль-кимийя». Термин «алгоритм» отражает имя ученого аль-Хаваризими (Аль-Хорезми) (на латыни – Алгоризам), предложившего математическую концепцию алгоритма. Его книга стала основным учебником математики в европейских университетах вплоть до XVI века. Примеры можно продолжить.

Несомненно и то огромное влияние, которое оказала на исламский мир западная цивилизация.

Остановился ли процесс взаимовлияния цивилизаций? Конечно, нет. Более того, усиление процесса глобализа-

ции не может не выражаться в еще большем влиянии различных цивилизаций друг на друга, в перспективе – в их сближении в лоне мировой цивилизации. Это – магистральное направление. Но такое развитие может быть затруднено, если получит импульс тенденция к расколу мира по религиозному признаку.

Исламские экстремисты, обуреваемые стремлением подчинить своим идеям весь мусульманский мир и сделать их абсолютно непререкаемыми, прибегают к Корану, вернее, к догматическому, одностороннему толкованию этой главной для мусульман священной книги. Отдельные фразы, выхваченные из Корана, однако, вряд ли могут служить характеристикой всего религиозного направления. Тем более что в Коране наряду с изречениями, которые могут интерпретироваться как призывы к насилию, содержатся в обилии призывы к миру, терпению.

В этой связи очень важны два положения из контекста Корана и из «Постановлений Мухаммеданского права относительно войны с неверными», составленных известным мусульманским средневековым ученым Кудури. Первое: призыв в случае применения силы против противников ислама не причинять вреда мирному населению – женщинам, детям, беспомощным старикам. «Не прилично мусульманам нарушать клятву, употреблять хитрость, уродовать людей, убивать женщин, стариков, дряхлых, детей, слепых, хромых, если никто из них не будет участвовать в войне своими советами или если женщина не будет царицей, – провозглашается в «Постановлениях». – Не позволительно убивать безумных»*.

«Сражайтесь во имя Аллаха с теми, кто сражается против Вас, но не нападайте первыми. Воистину, не любит Господь нападающих первыми» (2:190). Это изречение

* Цит. по: *Агрономов А.И.* Джихад: «священная война» Мухаммедан. – М.: Крафт, 2002. С. 97.

говорит в пользу оборонительного характера тех вооруженных действий, которые могли бы осуществляться по заветам Корана.

Второе положение в контексте Корана – отрицание права мусульман на самоубийство. Оба этих положения весьма важны, особенно при попытках отождествлять терроризм с исламом как таковым.

Уникальным является чрезвычайно быстрое и в общем ненасильственное распространение ислама. Победоносная экспансия аравийских арабов произошла главным образом после смерти пророка Мухаммада (632). При халифе Омаре (634–644) были завоеваны Месопотамия, Сирия, Палестина, Закавказье, территории Ирана, Египет, Киренаика. Менее чем за половину века ислам достиг окраины Китая, долины Инда, берегов Атлантического океана и Нильских порогов. Завоевания происходили через сражения с войсками Византии, сасанидского Ирана.

Вместе с тем ислам, как правило, не навязывался покоренным народам силой. Один из известных исламоведов, А. Массэ, пишет: «Почва для завоевания нередко была подготовлена внутренними раздорами. Арабов встречали чуть ли не как освободителей копты Египта и сирийцы, для которых было счастьем сбросить византийское иго. В Иране и Испании правители также были чужды народу. Арабы же ограничились тем, что несколько изменили существовавший до них административный аппарат, мучивший население мелкими придирками, сделали его более гибким...»*.

Массэ утверждает, что «покоренные народы принимали ислам не по религиозному убеждению, а для того, чтобы платить меньше налогов»**. Об этом же свидетельствует выдающийся советский востоковед Е.А. Беляев:

* Массэ А. Ислам. – М.: Наука, 1982. С. 53.

** Там же. С. 40.

«Арабы предлагали гораздо более сносные условия существования в случае подчинения их господству. Вследствие этого большинство населения завоеванных арабами стран не только не оказывало им сопротивления, но подчас выступало их союзниками»*.

Неверны представления о повальном обращении в ислам всего покоренного населения. Период принятия ислама большинством населения в Египте растянулся на четыре века, а весьма значительное число христиан-коптов сохранилось вплоть до наших дней. Относительную терпимость к иноверцам не в теории («джихад» – священная война против них), а на практике подчеркивает и тот факт, что в Ливане вплоть до настоящего времени существуют влиятельная христианская маронитская община (по конфессиональному государственному устройству ей принадлежат посты президента республики, главнокомандующего вооруженными силами), православная община, группы христиан, принадлежащих к другим церквам.

Вообще, местные христиане и сегодня составляют религиозное меньшинство во многих арабских странах. До середины XX века, т. е. до эмиграции в Израиль, это относилось и к местным евреям. Были коллизии, ограничения, подчас гонения, но евреи продолжали жить в арабских странах из поколения в поколение. И в этом отношении исламский режим был не хуже и не лучше, чем, например, режим царской России или некоторых средневековых и не средневековых европейских стран.

Ислам – одна из мировых религий, число приверженцев которой достаточно быстро растет и в современном мире. И это происходит не за счет навязывания силой. Сказывается демографический фактор – более быстрый рост населения в мусульманских странах или общинах.

* *Беляев Е.А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее Средневековье. 2-е изд. – М.: Наука, 1966. С. 140.

Но есть и другие причины. В Индии, например, ислам принимают большое число индусов из касты «неприкасаемых». Тем самым они уходят от ограничений, реально существующих для самой низшей индуистской касты.

Можно утверждать, что история ислама в целом была даже менее кровавой, чем, например, история католицизма. Ислам не знал сожжения вольнодумцев на кострах инквизиции. Были, конечно, и в книге исламской истории кровавые страницы, но насилие главным образом возникало на почве этнических столкновений и в редких случаях осуществлялось в форме зверских акций против людей, исповедующих другие религии, в том числе против выделяемых в Коране «людей Писания» (Библии) – иудеев и христиан. Насилие применялось в основном против единоверцев, принадлежащих к другим исламским «школам». Особенно закипала вражда между суннитами и шиитами.

Когда Мухаммад начал борьбу с отступившими от него мекканцами и поддержавшими их иудейскими племенами в регионе, а также с христианскими племенами в Сирии, которые совместно с иудеями готовили против него наступление, он обратился к своим войскам с призывом воевать храбро, но гуманно. Не должно быть убийств мирных людей. Не должно быть повалено ни одно дерево, ни один дом не должен быть подвергнут разрушению.

Правда, такую сдержанность пророк проявлял главным образом в «мекканский» период, а затем начались его распри с иудеями, что привело к изгнанию трех иудейских племен из Аравии. Но история не повествует о каких-то кровавых погромах.

Между тем, начиная с XI века крестоносцы предпринимали целый ряд попыток освободить «огнем и мечом» от мусульман Иерусалим и прилегающие Святые земли. Только после первого захвата Иерусалима – города, в котором до этого жили под исламским господством, но

в общем мирно мусульмане, евреи и христиане, – было за два дня уничтожено около 40 тыс. мусульман. Это, естественно, не может использоваться для того, чтобы обвинить христианство как религию, поддерживающую варварство, терроризм. Тем более что христиане-ортодоксы, или восточные христиане, уживались уже в то время с мусульманами, иногда через столкновения, но все-таки в конце концов уживались.

Все эти рассуждения, основывающиеся на фактах, приводятся отнюдь не для того, чтобы замалчивать экстремистские идеи, широко распространенные в массах мусульман, особенно в некоторых странах, погруженных в арабо-израильский конфликт. Такие идеи имеют место, и отрицать их существование невозможно, нелепо. Но эти экстремистские идеи уходят корнями скорее не в религию, а в политику. Негативное отношение к праву Израиля на существование стало реакцией на изгнание палестинцев с территории, которую они населяли, а не проистекало из Корана, где, как известно, фигурируют не только пророк «единственного Бога – Аллаха» Мухаммад, но и другие пророки, правда, менее значимые – Иса (Иисус), Муса (Моисей) и другие.

Важно отметить, что со временем экстремистское отношение к Израилю, противоречащее мнению преобладающего большинства других стран, претерпевает явную эволюцию. И далеко не случайно, что не кто иной как Абдалла, наследный принц Саудовской Аравии, где расположены две самые главные святыни мусульман, в 2002 г. предложил формулу: признание арабами Израиля за освобождение им оккупированных во время «шестидневной войны» 1967 г. территорий. Представляется, что своим появлением эта формула обязана не одному лишь стремлению привести дело к миру на Ближнем Востоке, но и желанию «идти в ногу» с большинством человечества.

III. Фундаментализм и экстремизм – разные понятия

Вместе с тем, экстремизм в лоне ислама обрел дыхание главным образом в результате не его естественного развития, а возникновения и деятельности ряда исламских сект. Некоторые из них защищают ценности, далекие от традиционного ислама, а их приверженцы, рьяно подчеркивающие свою к ним принадлежность, не ведают об этом. Примером может служить ваххабизм, «идеями» которого многие экстремисты, например на Северном Кавказе, освящают свою противоправную деятельность.

Движение ваххабитов возникло в Аравии в XVIII в. Его основатель Абд аль-Ваххаб призывал восстановить первоначальное правоверие. Резко выступив против распространения культа мусульманских святых, ваххабизм усмотрел в этом возвращение к многобожию. Основываясь только на Коране и сунне, ваххабизм исключал возможность даже их толкования, видя в этом тоже сползание к многобожию. Именно эти мотивы лежали и в отрицании многих ценностей, уже укоренившихся в исламском обществе, – даже культа пророка, которого, как утверждали ваххабиты, нельзя считать заступником, ибо это противоречит могуществу Аллаха. Они считали, что нельзя почитать что-то сотворенное, даже могилу пророка, отвергали целование главной святыни мусульман в Мекке – Каабы, не разрешали клясться именем пророка или членов его семьи, в обыденной жизни жестоко преследовали тех, кто не только потреблял спиртное, но и курил, слушал музыку, играл в любые игры.

Около 1770 г. в Неджде (Аравия) было создано государство ваххабитов, которые в начале XIX века разграбили шиитские святыни, затем взяли Мекку, разрушив мечети и исцарапав Каабу. После захвата Медины ваххабиты осквернили могилу пророка Мухаммада.

Одной из характерных черт ваххабитов были гонения на разбогатевших мусульман, призыв к возвращению к первоначальному исламскому пуританству. За это их некоторые исследователи даже называли «коммунистами в исламе».

Ваххабиты были остановлены и разгромлены в 1811 г. египетским правителем Мухаммадом Али, получившим соответствующий приказ от Порты, но вскоре восстановили свое государство. В настоящее время ваххабизм, потерявший многие из своих черт, и уж во всяком случае – тягу к пуританству и иным преобразованиям в исламе, стал официальной религией в Саудовской Аравии, руководство которой сказочно разбогатело на нефтяном бизнесе.

Знают ли историю и суть ваххабизма все его доморожденные последователи в Чечне и в Дагестане?

Экстремистские исламские идеи в историческом плане обречены в первую очередь потому, что они получили распространение в сфере анахроничной, отживающей свой век, не выдерживающей столкновения с историческим прогрессом мирового сообщества в целом. И не случайно, что лидером палестинского народа является «Организация освобождения Палестины», а не «Палестинский исламский джихад». Характерно, что и пятьдесят лет назад египтяне в борьбе против прогнившего до основания светского режима Фарука пошли не за экстремистской религиозной организацией «Братья-мусульмане», а за «Свободными офицерами», возглавляемыми Г.А. Насером. После победы в 1953 г. Насер при позитивном нейтралитете общества жестоко подавил движение «Братьев-мусульман», которое стремилось перехватить власть. Подобное противостояние имело место в Алжире и ряде других стран.

Современный исламский экстремизм направляет свои действия не столько в русло «джихада», сколько против правительств в тех странах с мусульманским населением,

которые выбрали гражданскую модель создания и укрепления государства. Об этом свидетельствуют, например, события 1982 г. в Сирии. В городе Хаме вспыхнул антиправительственный мятеж под зелеными флагами ислама. Президент Хафез Асад дал команду подавить его самым жестоким образом. По имевшейся информации, тысячи мятежников-исламистов были расстреляны.

Важно отметить, что экстремистские силы, претендующие на власть в различных мусульманских странах, не пользуются поддержкой общества. Одновременно наблюдается модернизация самого мусульманского общества. Эти процессы развиваются и в Аравии – родине ислама. Новое поколение мусульман значительно активнее, чем прошлое, выступает за демократизацию, плюрализм, свободу волеизъявления. Глобализация, вне всякого сомнения, усилит процесс демократизации ислама. Чего в этой связи стоит один интернет, с помощью которого стали широко доступны лекции, выступления мусульман-либералов.

Для понимания будущего мусульманского мира и его взаимоотношений с остальной частью человечества особенно важно делать различия между исламским фундаментализмом и исламским экстремизмом. Первый, как и любой другой религиозный фундаментализм, ратует за религиозное воспитание, соблюдение религиозных традиций в быту. Второй ставит своей целью распространение силой, в том числе и на другие страны, исламской модели государства, исламских правил поведения в обществе и в семье. Именно насильственным путем.

Тот факт, что в последнее десятилетие усилилось влияние исламского фундаментализма, имеет свое объяснение. Это, несомненно, связано с крушением колониальной системы – значительная часть колоний и зависимых территорий была населена мусульманами – и появлением на карте мира десятков суверенных мусульманских государств. В этой части фундаментализм свя-

зан с ростом национального самосознания, заторможенного при колониальном режиме.

Исламский фундаментализм подпитывается также разделом современного мира на «золотой миллиард» – благополучный Север – и остальную часть, к которой относятся большинство мусульманских стран. Усиление влияния исламского фундаментализма связано также с реакцией на шокирующие проявления «массовой культуры», которая разъедает многие моральные устои общества.

Что касается пространства бывшего СССР, где тоже наблюдается рост исламского фундаментализма, то это происходит в том числе в виде реакции на практику советских времен: запрет строить мечети, запрет на мусульманские обряды, на проведение мусульманских праздников. Подобная политика осуществлялась в отношении всех конфессий, но затронула в большей степени мусульманское население, так как ислам больше, чем другие религии, определяет быт верующих. В советский период дело доходило до гонений даже против тех партийных и советских деятелей-мусульман, кто позволил себе похоронить родственников или близких по мусульманскому обычаю – в саване и головой в направлении к Мекке. Как будто альтернативное захоронение – в гробу – было принадлежностью социализма или коммунизма.

Перспективы развития исламского общества напрямую зависят от соотношения двух течений – фундаментализма и экстремизма. Исламский фундаментализм может окончательно отторгнуть от себя экстремистское направление и перейти в исламскую демократию, соседствующую с традиционными ценностями. Такая демократия, естественно, будет отличаться от западной. Собственно, как от нее отличается, например, демократия индийская. И следует считаться с тем, что выборы, плебисциты, референдумы, парламентское законотворчество, сменяемые в пределах конституционных норм правительства, сближение в правах мужчин и женщин – все

это будет в течение очень длительного периода соседствовать с религиозными традициями.

Вместе с тем грань между фундаментализмом и экстремизмом нивелируется, когда исламское население охватывает идея сепаратизма, как произошло, например, в Косово или в мусульманской части Македонии, либо в случае солидарности с мусульманской страной, подвергающейся агрессии извне.

Несомненно, к нивелированию грани между исламским фундаментализмом и исламским экстремизмом будет подталкивать раздел мира на две цивилизации, противопоставление исламскому миру «здоровой части» мирового сообщества.

«В конечном счете интеграция исламской демократии в глобальное демократическое общество зависит от желания Запада принять исламский вариант либеральной демократии, – справедливо замечает исламовед Рэй Тейки (Ray Takeyh), исследователь Вашингтонского института ближневосточной политики. – Исламистские умеренные хотя и признают, что фактически существуют некоторые определенные “универсальные демократические ценности”, считают, что различные цивилизации должны иметь возможность выражать эти ценности в контексте, который является приемлемым и уместным в их конкретном районе. Поэтому исламистские умеренные будут продолжать вести борьбу против любых форм гегемонии Соединенных Штатов и в политическом, и культурном смыслах и считают гораздо более устраивающей их много – полярную, «многоцивилизационную» международную систему»*.

* Foreign Policy. 2001. November/December. P. 70.

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: НУЖЕН НОВЫЙ ПОДХОД

I. Трудная дорога к Мадриду

События 11 сентября подчеркнули настоятельную, жизненно важную для мирового сообщества потребность урегулирования региональных конфликтов, и особенно – ближневосточного, который в большей степени, чем все остальные, создает благоприятную почву для роста международного терроризма и его проявления в наиболее опасных формах. В беседе с президентом В.В. Путиным председатель Совета министров Италии С. Берлускони справедливо отметил: «После событий 11 сентября палестино-израильское урегулирование перестало быть отдельной региональной проблемой. Это теперь вопрос, напрямую затрагивающий отношения Запада с исламским миром».

Сразу же после трагедии 11 сентября я, как, очевидно, и многие другие, ожидал, что из Вашингтона будет незамедлительно подан серьезный сигнал, обращенный в первую очередь к России – сопредседателю Мадридской конференции по урегулированию на Ближнем Востоке, Европейскому союзу, другим членам мирового сообщества с призывом объединить усилия для выработки совместных планов выхода из ближневосточного тупика.

Тупик образовался не только потому, что на Ближнем Востоке события оказались скручены в спираль насилия, которую не были в состоянии разорвать сами участники

конфликта без решительной помощи извне. Важно отметить, что в этих условиях еще раз продемонстрировала свою несостоятельность монополия США на такую внешнюю помощь – со времен Мадридской конференции США практически сами вели дело урегулирования арабо-израильского конфликта.

Действительно, после событий 11 сентября, однако не сразу, последовали позитивные сигналы из США по ближневосточному урегулированию. Но сигналы слабые и далеко не однозначные. В результате открытым остался вопрос: будет ли и в новых условиях продолжена практика, которая свидетельствовала о многих неиспользованных возможностях урегулирования опаснейшего арабо-израильского конфликта?

Для того, чтобы определить перспективы развития мирного процесса на Ближнем Востоке, несомненно, нужно задуматься над уроками, которые следовало бы почерпнуть из прошлого. Мирный процесс на Ближнем Востоке начался около тридцати лет назад, а арабо-израильскому конфликту, если датировать его с момента образования Израиля, на четверть века больше, однако «конфликтные элементы» накапливались и до этого.

Столь большой временной лаг от начала конфликта до активных политических действий по его ликвидации равно как и небывалая продолжительность самого мирного процесса весьма показательны. И дело было не в отсутствии стремления мирового сообщества осуществить урегулирование. Мир столкнулся с отказом и Израиля, и арабских стран выполнять целый ряд резолюций Совета Безопасности ООН. Над Ближним Востоком довлела атмосфера неприязни, отрицания реально существующей действительности. И это поддерживалось, разжигалось экстремистскими силами в Израиле и в арабских странах. Непризнание права Израиля на существование в виде государства соседствовало с непризнанием анало-

гичного права за палестинским народом, хотя и то и другое было зафиксировано в решении ООН.

Самым негативным образом сказался и тот факт, что ближневосточный конфликт в пору противостояния двух систем и двух супердержав просматривался через призму конфронтации между ними. Да и сами участники ближневосточного конфликта искали для себя место в этой конфронтации. Это выразалось в стремлении тех арабских стран, которые были вовлечены в конфликт, выглядеть партнерами Советского Союза, а Израиля – Соединенных Штатов.

Участники конфликта подчас демонстрировали даже свои «идеологические узы» с двумя противостоящими системами. Некоторые арабские страны с готовностью принимали и повторяли идеи Москвы о том, что они являются «странами социалистической ориентации». Не было недостатка и в заявлениях об их принадлежности к антиимпериалистическому лагерю. А Израиль провозглашал себя неотъемлемой частью «свободного мира». Все это в немалой степени провоцировало потоки самых современных обычных вооружений на Ближний Восток.

Наконец, положение еще больше усложнялось чередой войн на Ближнем Востоке, в результате которых Израиль оккупировал все новые арабские территории. Не все войны начинались Израилем, но он всегда использовал просчеты или грубые ошибки арабской стороны – дипломатические, политические и военные. Весьма характерно, что при этом он пользовался поддержкой значительной части мирового общественного мнения, резко негативно реагирующего на безответственные призывы ряда арабских лидеров уничтожить Израиль.

Все это вместе взятое не просто на многие годы отложило начало процесса урегулирования ближневосточного конфликта, но и сделало этот процесс разорванным на части и чрезвычайно сложным. Вместе с тем именно по-

тому, что много крови было пролито, судьбы многих людей сломлены, накопилось море ярости, и ненависть застилала столь многим глаза, стало ясно: без активного вмешательства извне ближневосточное урегулирование невозможно.

Однако «холодная война» далеко не способствовала такому совместному позитивному вмешательству. Обе находившиеся в конфронтации сверхдержавы имели несовпадающие интересы на Ближнем Востоке в военной, политической и экономической областях. И США, и СССР стояли за спиной своих ближневосточных «клиентов». Израиль однозначно поддерживался Западом во главе с США, арабские страны – Советским Союзом. В стремлении нарастить свои позиции на Ближнем Востоке Соединенным Штатам удалось закрепиться в ряде арабских стран зоны Персидского залива, а после смерти Г. Насера при А. Садате – установить контроль над египетской политикой. Это создавало преимущества для США, с одной стороны, потому что Египет вышел из зоны советского влияния, а с другой – СССР не смог наладить мосты с Израилем. Такая «асимметрия» в условиях «холодной войны» тоже разводила СССР и США по разные стороны ближневосточной баррикады.

Но и СССР, и США были объективно заинтересованы в том, чтобы конфликт не вышел на глобальный уровень. США особенно опасались втягивания в конфликт с Израилем тех арабских стран, которые поставляли нефть в Соединенные Штаты, Западную Европу, Японию. Именно это даже в условиях «холодной войны» держало на плаву мирный процесс на Ближнем Востоке, создавая почву для политического вмешательства и СССР, и США с целью продвижения урегулирования. В Москве – я думаю, и в Вашингтоне – хорошо понимали, что с учетом реальной обстановки на месте без компромисса не обойтись. Но каков его предел, способный содействовать уре-

гулированию? По этому вопросу стороны расходились, и формула компромисса была найдена только после окончания «холодной войны» на Мадридской мирной конференции 1991 г.: освобождение оккупированных Израилем во время войны 1967 г. арабских территорий в обмен на мир с Израилем при обеспечении его безопасности.

II. Двуетакая тактика США

Однако эта формула, по общему признанию открывающая реальный путь к миру на Ближнем Востоке, не работает и по сегодняшний день. Сказывается менталитет вовлеченных в кровавый конфликт сторон, сложившийся на протяжении целого века. Вместе с тем удлинит путь к миру и сделал проблематичной его устойчивость общий характер двуетакой тактики США: отказ поставить во главу угла общее урегулирование арабо-израильского конфликта и фактическое отстранение СССР, а затем и России от активного участия в мирном процессе. Именно так: курс на сепаратные решения соседствовал с монополизацией США процессов урегулирования.

Нужно признать, что такая тактика, приведшая к целому ряду неиспользованных возможностей, получила право на существование в результате поддержки не только Израиля, но и ряда арабских лидеров, поощрявших ее на деле. Вот, например, как описал А. Садат известному египетскому политическому деятелю и публицисту М.Х. Хейкалу, к которому в то время он питал доверие, свою встречу с государственным секретарем США Г. Киссинджером сразу же после прекращения огня в войне

1973 г. Садат, по его словам, сказал госсекретарю, что он «покончит с Советским Союзом» и расценивает СССР «как своего противника». «Мир на Ближнем Востоке, – резюмировал Садат, – должен быть организован и контролируем Соединенными Штатами»*.

Можно добавить, что и в середине девяностых годов, будучи руководителем Службы внешней разведки России, я знал о содержании секретных израильско-палестинских переговоров не от палестинцев и в то же время был осведомлен о том, что израильтяне консультируются с Соединенными Штатами.

Представляется, что первый реальный план начать процесс всеобщего урегулирования появился сразу после арабо-израильской войны 1973 г. 22 октября 1973 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 338 о прекращении огня на Ближнем Востоке. В резолюции ООН впервые непосредственно увязывалось прекращение военных действий, т. е. выход из кризисной стадии конфликта, с началом переговорного процесса. В резолюции содержался призыв незамедлительно приступить к подготовке Женевской конференции, которая была призвана решить весь комплекс вопросов, относящихся к урегулированию ближневосточного конфликта, и установить справедливый и прочный мир в этом районе.

Принятию резолюции предшествовали беседы госсекретаря США Киссинджера с советским руководством в Москве. Соединенные Штаты тогда согласились с подходом, который не соответствовал ранее осуществлявшейся ими практике, однако отвечал реальной обстановке и предусматривал вполне естественные действия, направленные на ликвидацию всего многолетнего кровавого конфликта на Ближнем Востоке. Однако вскоре

* *Heikal M. Autumn of Fury. The Assassination of Sadat.* – London, 1983. P. 67.

стало ясно, что Женевская конференция рассматривалась Г. Киссинджером как средство «собрать в одну упряжку все заинтересованные стороны для одного символического акта и посредством этого сделать так, чтобы каждый мог проводить сепаратный курс, хотя бы на некоторое время. Было сложно и собрать такую большую встречу, и после этого держать ее в бездейственном состоянии (!) до того времени, когда дипломатия возвратится к двусторонним каналам»*.

Оправдывая свой курс, американские должностные лица зачастую говорили и писали, что, дескать, не было да и вообще нет условий для всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке. Поэтому будто бы и пришлось двигаться по пути частичных решений, которые неизбежно приобрели характер сепаратных. Более того, сторонники таких отдельных сепаратных шагов обвиняли нашу страну в том, что она пренебрегает поэтапными мерами, якобы хочет «или все, или ничего». Такие «аргументы» и обвинения полностью не соответствуют действительности.

Утверждая необходимость всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта, ни СССР, ни Россия никогда не выступали против поэтапных мер с целью достижения такого урегулирования. Но осуществление этих решений по этапам обусловлено именно тем, что они укладываются в общее русло полного урегулирования. Если определено это русло, то тогда можно идти к этой цели по этапам. Однако такому методу противопоставлялись частичные – не поэтапные, а именно частичные – изолированные сепаратные решения.

С учетом конкретной характеристики конфликта, когда Израиль противостоит не одной, а многим арабским странам и палестинскому движению сопротивления, сепаратные акты выстраивались, так сказать, не верти-

* *Kissinger H. Years of Upheaval. – Boston; Toronto, 1982. P. 747.*

кально, постепенно приближая всеобъемлющее решение, а горизонтально. И это не концентрировало, а, напротив, ослабляло общий потенциал урегулирования, так как по мере сепаратных решений ослабевала сторона, противостоящая Израилю, и одновременно ослабевали побудительные мотивы Израиля к всестороннему урегулированию.

Не думаю, что с самого начала многие в США, в том числе лица, занимающие достаточно высокие посты, не понимали пагубности сугубо сепаратных решений для дела общего урегулирования арабо-израильского конфликта. Пожалуй, сблизилась позиция СССР и США по этому вопросу в 1977 г. Летом 1976 г. мне довелось встречаться со многими деятелями, которые после избрания президентом США Дж. Картера создали его команду. На очередной Дартмутской встрече* в США мы обсуждали ближневосточную ситуацию с З. Бжезинским – будущим помощником президента по национальной безопасности. А через две недели в рамках советско-американского симпозиума, созванного двумя национальными Ассоциациями содействия ООН, ту же тему рассматривали с будущим государственным секретарем в администрации Картера С. Вэнсом. И тот и другой говорили примерно следующее: политика частных решений на Ближнем Востоке исчерпала себя; необходимо вести дело ко всеобщему урегулированию; в мирном процессе должны участвовать и США, и СССР при координации их усилий.

Широкий резонанс получила публикация по ближневосточным проблемам Брукингского института в Вашингтоне. Среди ее авторов были З. Бжезинский и У. Квандт, занявший при Картере пост заведующего ближневосточ-

* В течение ряда лет проводились так называемые Дартмутские встречи советской и американской общественности. В них принимали участие неофициальные лица, тесно связанные с руководством своих стран.

ным департаментом в Совете национальной безопасности. В качестве главного вывода в этой публикации подчеркивалась необходимость ставки на всеобщее урегулирование, которое не может быть достигнуто без соглашения о создании «палестинского очага» на Западном берегу реки Иордан. Через два месяца после вступления в должность президент Картер заявил, что «у палестинцев должна существовать родина». Президентом США в ряде выступлений говорилось и о желательности возобновления Женевской конференции.

Апогеем стало опубликованное 2 октября 1977 г. совместное советско-американское заявление, в котором провозглашалась необходимость решения таких ключевых проблем, как вывод израильских войск с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 г., палестинский вопрос, включая обеспечение законных прав палестинского народа, прекращение состояния войны и установление нормальных мирных отношений на основе взаимного признания принципов суверенитета, территориальной целостности и политической независимости. Однако в результате ожесточенной атаки на заявление со стороны американских конгрессменов, средств массовой информации Вашингтон дезавуировал его, подписав после переговоров Картера с министром иностранных дел Израиля М. Даяном «рабочий документ».

С этого момента начался переход США уже не только по существу, что проявлялось много раньше, но и формально на позиции отхода от сотрудничества с СССР в деле урегулирования при одновременном фактическом отказе от поисков путей ко всеобщему урегулированию ближневосточного конфликта.

Одной из главных вех в ближневосточном мирном процессе стало подписание египетско-израильского договора в 1979 г. Конечно, это был «прорыв», который не мог не менять отношение арабов и израильтян друг к другу. Но менял чрезвычайно медленно, и, что важнее

всего, – сепаратный характер подписанного документа усиливал альтернативу всеобщему урегулированию. Сам договор не включил в себя положения, делающие процесс ближневосточного урегулирования непрерывным. Не выполнял этой функции и «параллельный» документ – «рамки мира на Ближнем Востоке», – который З. Бжезинский справедливо назвал «фиговым листком» для Садата.

Подписанный в Кэмп-Дэвиде договор растянул на многие годы решение палестинской проблемы и к тому же не положил конец череде войн и вооруженных столкновений. По словам бывшего израильского министра обороны Вейцмана, Бегин* и его сторонники представляли себе Кэмп-Дэвидское соглашение как «способ увечивания в какой-то форме израильского правления на Западном берегу реки Иордан»**.

После подписания египетско-израильского мирного договора в течение двадцати лет не было результативных перемен в мирном процессе на Ближнем Востоке. Надежды появились в связи с приближающимся окончанием «холодной войны», что позволило созвать в 1991 г. в Мадриде мирную конференцию по Ближнему Востоку. Казалось, что в новых условиях американская дипломатия отходит от попыток монополизировать миротворческую активность на Ближнем Востоке – сопредседателем конференции наряду с США стал Советский Союз, а затем принявшая из его рук «эстафетную палочку» Россия. Не случайно, что при размыве в тот момент монопольной роли США, согласие на работу в конференции впервые дали все участники конфликта – Сирия, Египет, Иордания, Израиль и Ливан, а Центральный совет Организации освобождения Палестины (ООП) одобрил спи-

* М. Бегин стал премьер-министром Израиля 20 июня 1977 г. после победы на майских выборах возглавляемого им блока «Ликуд»; подал прошение об отставке президенту Израиля 15 сентября 1983 г.

** *Weizman E. The Battle for Peace. – Toronto, 1981. P. 190.*

сок палестинских участников совместной иордано-палестинской делегации.

СССР и США выработали формат Мадридской конференции в виде одновременных переговоров между Израилем и арабскими государствами на двусторонней и многосторонней (по общим проблемам) основе (а по Западному берегу и сектору Газы – Израиля с иорданско-палестинской делегацией). Такой формат свидетельствовал о том, что отказ от сепаратных шагов отнюдь не означал игнорирования шагов частичных, но в контексте всеобъемлющего решения. Это была та точка зрения, которой наша страна придерживалась и ранее.

Мадридская конференция дала импульс для активизации усилий и самих сторон в конфликте. В середине девяностых годов в Осло состоялось несколько серий конфиденциальных встреч представителей Израиля и Организации освобождения Палестины. Состоялась договоренность о переговорах.

Обозначилось продвижение и по сирийскому направлению, но не выходящее за рамки зондажа. Во время контактов с сирийским руководством представители США, руководствуясь, по-видимому, далеко не самыми плохими побуждениями, довели до Дамаска, что Израиль готов в конце концов вывести свои войска со всех Голанских высот, если сумеет договориться с сирийцами по всем другим вопросам. Такая перспектива воодушевила сирийцев – мне говорил об этом министр иностранных дел Сирии Шараа. Тот факт, что американцы давали со слов израильтян такие заверения, подтвердил и президент Хафез Асад.

Однако вскоре был дан задний ход: пришедшие к власти ликудовцы дезавуировали заверения американских посредников, Перес запутался в «разъяснениях», а сами американцы постарались замолчать происшедшее и отошли в сторону.

III. Попытка спасти «мадридскую формулу»

Позиция России в это время заключалась в следующем: при всей важности продвижения по палестинскому «треку», без решения вопросов урегулирования с Сирией мир на Ближнем Востоке недостижим. Более того, нерешенность сирийской проблемы создавала реальную угрозу отката и на палестинском «треке». Во время одного из разговоров с Х. Асадом я рассказал ему о своем видении сирийской позиции. Он согласился с тем, что, с одной стороны, Сирия не хочет быть первой, пришедшей к урегулированию с Израилем, а с другой – последней, так как в таком случае она объективно остается с ним один на один. Подтвердив, что такая «диалектика» создает очень узкое поле для маневрирования, Х. Асад сказал: «Мы не можем самостоятельно привести дело ко всеобщему решению, но уж во всяком случае в состоянии не допустить такой ситуации, когда Сирия останется одинокой лицом к лицу с Израилем».

В середине девяностых годов, особенно после прихода в Израиле к власти партии «Ликуд», стало еще труднее рассчитывать на быстрое решение в пользу урегулирования. В Москве посчитали, что в таких условиях нужно прежде всего сосредоточиться на том, чтобы миротворческий процесс не повернул вспять. А для этого всем сторонам конфликта нужно было договориться по двум вопросам. Во-первых, об обязательствах соблюдать преемственность в уже достигнутых при предшественниках договоренностях. С учетом длительного характера процесса урегулирования это приобретало стратегическое значение не только для арабов, но и для Израиля, который тоже не мог не думать о необходимости преемственности политики при грядущей смене руководителей на

арабской стороне. Во-вторых, о параллельном продвижении по всем направлениям урегулирования с учетом вовлеченности всех арабских участников конфликта.

К сожалению, предпринятая мною в качестве министра иностранных дел России миссия на Ближний Восток (Каир, Дамаск, Тель-Авив, Амман, палестинская Газа) для того, чтобы стороны конфликта согласились с этими доводами, не увенчалась успехом. Египетские и палестинские лидеры в целом одобрили инициативу, в Дамаске – частично, в Израиле – практически ушли от обсуждения.

Первое мое посещение Израиля в качестве министра иностранных дел было в начале 1996 г., еще при находившейся у власти Партии труда. Министр иностранных дел Израиля Перес, едва выслушав мои доводы, сказал: «Нам нужен один посредник, и им являются Соединенные Штаты». При повторном визите в Израиль, когда уже у власти находилось правительство Б. Нетаньяху, положение несколько улучшилось – во всяком случае я не услышал от него ничего похожего на «пересовскую категоричность». Но конкретного продвижения по предлагаемым Россией мерам не последовало.

По справедливости нужно сказать, что после прихода к власти в Израиле в мае 1999 г. правительства Барака США сделали немало в деле урегулирования на Ближнем Востоке. В виде «тяжелой артиллерии» был подключен президент Клинтон, совершавший специальные визиты в регион и многократно принимавший лидеров Израиля и Организации освобождения Палестины в Вашингтоне. Палестинский парламент исключил из своей хартии положение о ликвидации Государства Израиль как цели движения. С помощью госсекретаря Олбрайт удалось нащупать договоренность о содержании различных этапов вывода израильских вооруженных сил с Западного берега. Заработал механизм палестино-израильских переговоров.

Но это не привело и даже резко не приблизило завершение мирного процесса. Клинтон начал во многом соизмерять свою ближневосточную политику с созданием внутренних условий в США, благоприятных для победы А. Гора на приближающихся президентских выборах. Конечно, проявлялось также стремление Клинтона войти в историю в качестве человека, урегулировавшего этот один из самых опасных и долголетних региональных конфликтов. Поэтому, очевидно, у него не было однозначного подхода к арабо-израильским проблемам.

Больше стал оглядываться на внутреннюю ситуацию в Израиле премьер-министр Барак – и там приближались выборы, которые, как показывали опросы общественного мнения, у него было недостаточно шансов выиграть. Арафат в свою очередь не проявлял готовности к радикальным решениям, считая, что обладает еще достаточным временем для маневрирования.

Наконец, Клинтон упорно придерживался линии на отстранение России от равноправного участия в мирном процессе на Ближнем Востоке. Это вылилось наружу во время встречи в верхах, созванной в Шарм-аш-Шейхе в октябре 2000 г. Российский МИД сделал заявление о поддержке этой встречи. Одновременно было сказано, что Россия готова участвовать в ней, но на том же уровне, что и остальные. Иными словами, российский президент был готов вылететь в Египет, что он подтвердил и во время одного из телефонных разговоров со мной.

Однако приглашения не последовало. Позже заместитель госсекретаря США Миккеринг скажет, что приглашали министра иностранных дел России, а он не прилетел. Однако дело именно в том, что приглашали министра иностранных дел в то время, как все другие участники – США, Египет, Иордания, палестинцы, Израиль, ООН – были представлены высшими руководителями, а ЕС – высшим должностным лицом в области внешней политики.

К моменту проведения встречи в верхах в Шарм-аш-Шейхе уже в течение нескольких недель Западный берег и Газа были погружены в кровавые столкновения. Они начались после того, как генерал Шарон, возглавивший в Израиле партию «Ликуд», демонстративно посетил окрестности мечети Аль-Акса в Восточном Иерусалиме.

Выходку генерала Шарона сопровождал хор голосов о том, что суверенитет над этим святым местом должен безраздельно принадлежать Израилю (еще, мол, до строительства мечети Аль-Акса там существовала синагога). В ответ началось «второе издание интифады» – восстание палестинцев на Западном берегу и в районе Газы. Основным оружием палестинцев были камни. Им отвечали выстрелами. Жертв среди палестинцев было в три раза больше, чем у израильтян.

Переговорный процесс прекратился.

Договоренности о прекращении столкновений, вроде достигнутые в Шарм-аш-Шейхе, не сработали. Эскалация насилия нарастала. Клинтон продолжал вести «сольную партию». 9–13 ноября 2000 г. состоялись его безрезультатные встречи с Арафатом и Бараком. Параллельно, но, к сожалению, не вместе с США как с сопредседателем Мадридского процесса (главным образом по американской вине) действовала и Россия. 24 ноября в Москву для встречи с В.В. Путиным прибыл Арафат. Российский президент в его присутствии позвонил премьер-министру Израиля Бараку и предложил Арафату переговоры – с израильским лидером. Разговор состоялся. Кстати, это был первый контакт Арафата и Барака после начала «интифады». Однако кровавые столкновения продолжались. С палестинской стороны стали действовать террористы-самоубийцы. Израиль наносил ракетно-бомбовые удары, в том числе по мирным объектам.

9 декабря Барак объявил о своей отставке. 19–24 декабря на американской базе ВВС «Боулинг» состоялись при участии Клинтона палестино-израильские контакты.

Был обнародован новый американский план. Впервые предлагался раздел Иерусалима: арабские кварталы Восточного Иерусалима отходили к будущему палестинскому государству, еврейские – к Израилю. Аль-Харам аш-Шариф (гора, где расположена мечеть Аль-Акса) передавалась под ограниченный палестинский суверенитет, а «Стена плача», иудейский квартал и часть армянского Старого города – под израильский. Под палестинское государство отводилось 95 % территории Западного берега и весь сектор Газы. Провозглашалось право палестинских беженцев на возвращение, но на территорию палестинского государства.

Думаю, что ООП должна была принять этот план, пусть с целым рядом оговорок. Он во многом не устраивал палестинцев – все это имело место. Но в плане Клинтона были сделаны шаги навстречу палестинцам. Представляется, что нужно было зафиксировать Соединенные Штаты на этой новой позиции и добиваться ее развития.

Тем более что принятие американских предложений палестинской делегацией могло бы по меньшей мере затруднить приход к власти в Израиле Шарона, во всяком случае – повлиять на внутреннюю ситуацию в Израиле, снизить ее антипалестинский накал. Но этого не произошло.

Возможно, палестинцы не могли принять план Клинтона из-за, как полагаю, ошибочной в тот момент позиции арабских государств. Министры иностранных дел, встретившись на сессии Лиги арабских стран 4 января 2001 г. в Каире, а затем 10–11 января в Тунисе, отвергли какие-либо «уступки Израилю» по беженцам и Восточному Иерусалиму.

Возможно и то, что палестинцы надеялись получить некоторый выигрыш по сравнению с планом Клинтона во время переговоров непосредственно с израильтянами в Табе (Египет). Тем более что контакты палестинцев с израильтянами продолжались: сначала 11 января 2001 г.

на пограничном пункте в Газе по вопросам безопасности, а затем 13 января Арафат встретился с Пересом в Газе, где обсуждался и план Клинтона.

Не исключено, что, по мнению Арафата, тактика «жесткого сближения» должна была дать свои плоды. И действительно, возглавлявшим израильскую и палестинскую делегации Юси Бейлину и Махмуду Аббасу (Абу Мазен) удалось во время переговоров 21–27 января в Табе сблизить позиции сторон гораздо больше, чем Бараку и Арафату в Кэмп-Дэвиде в июле 2000 г.

Они подошли к соглашению о границах, продвинулись в вопросе о беженцах, отделив право на их возвращение от процессов, ведущих к осуществлению этого права. Но какой-либо документ подписан не был. Делегации ограничились лишь тем, что рассмотрели записи, сделанные наблюдателем ЕС на переговорах в Табе М. Моратиносом, и согласились на оформление их в виде неофициального документа ЕС.

Этим дело и кончилось. Израильтяне и палестинцы ждали результатов выборов в Израиле, а они во многом были предрешены предшествовавшим развитием событий.

IV. Инкубатор терроризма

6 февраля 2001 г. победу на выборах одержал блок «Ликуд». За него проголосовало более 60 % избирателей.

Шарон пришел к власти на гребне антипалестинских настроений в Израиле, порожденных террором смертников, и сразу резко ужесточил политику в отношении палестинцев. На Западе, да частично и в России распространилась точка зрения, согласно которой генерал

Шарон таким путем решил отреагировать на террористические акции со стороны палестинцев. Поэтому, дескать, и рейды танков, и убийства мирных жителей в палестинских лагерях и населенных пунктах, и взрывы палестинских домов – лишь «ответные меры». Некоторые бездумно их таковыми и считают.

Другие, даже соглашаясь с израильской версией, отвергают подобные меры, полагая, что они свидетельствуют о «сверхреакции» Израиля.

Не правы ни те, ни другие. Дело в том, что Шарон начал проводить свой, инициативный курс, а террористические действия палестинцев, направленные против израильского населения, объективно способствовали его планам.

Имя генерала Шарона давно стало символом политики, направленной на недопущение создания палестинского государства. Как только в Израиле пришло к власти правительство «Ликуда», премьер-министр М. Бегин предложил Шарону – бывшему генералу, руководившему в свое время в израильской армии подразделением специального назначения, человеку крайне амбициозному и жестокому, – пост министра сельского хозяйства, передав ему в руки не только вопросы создания и функционирования израильских поселений на Западном берегу, в Газе, на Голанских высотах и Синае, но практически все проблемы, связанные с оккупированными арабскими землями.

При Шароне была резко активизирована политика заселения израильтянами оккупированных арабских земель. Шарон был «духовным отцом» крайне экстремистской организации «Гуш эмуним», которая поставила своей целью основание еврейских поселений на территории «великого Израиля» без всякого на этот счет разрешения даже со стороны сочувствующего ей израильского правительства.

Ставка Бегина и Шарона на физическое истребление бойцов-палестинцев поставила в повестку дня в 1982 г. широкую интервенцию Израиля в Ливан, где находились основные вооруженные силы Организации освобождения Палестины. Выступая перед комиссией по иностранным делам американского сената, бывший заместитель государственного секретаря США и бывший представитель этой страны в ООН Джордж Болл сказал: «Нашествие в Ливан не было оборонительной акцией; это была попытка разбить единственную законную и признаваемую палестинскую оппозицию, с тем чтобы Израиль без сопротивления мог продвинуться в освоении оккупированных территорий. Такова ситуация... Во время разговора с генералом Шароном в Израиле, – продолжал Д. Болл, – он дал мне совершенно ясно понять, что его долговременная стратегия заключается в том, чтобы вытеснить палестинцев с Западного берега, сохранив на месте, как сказал Шарон одному из моих друзей, “только достаточное число лиц для работы”».

С именем Шарона тесно связаны убийства тысяч палестинцев – среди них женщины, дети – в лагерях беженцев Сабра и Шатила в Ливане. Осуществили чудовищное преступление ливанские фалангисты (ливанская организация христиан-маронитов) по инструкциям израильских военных. Согласно докладу израильской комиссии по расследованию, созданной по требованию общественности Израиля, возмущенной происшедшим, министр обороны Шарон 15 сентября 1982 г. направился в штаб фалангистов, где состоялась договоренность о «прочесывании» палестинских лагерей. На следующий день Шарон наблюдал за кровавым «прочесыванием» с крыши близлежащего к палестинскому лагерю Шатила дома.

Вооруженные палестинцы покинули Ливан, штаб-квартира Организации освобождения Палестины была открыта в Тунисе. Двадцать лет спустя Шарон громогласно

заявлял, что «ошибся», не покончив с Арафатом в Бейруте. Нескрываемая ненависть к Арафату проистекает из того, что лидер ООП рассматривается Шароном как серьезное препятствие на пути осуществления его плана не допустить создания палестинского государства. Именно поэтому Шарон открыто выступал против и израильско-палестинских переговоров в Осло, и достигнутых там результатов.

Так что поведение Ариэля Шарона после того, как в 2001 г. он возглавил израильское правительство, было абсолютно предсказуемым и не подлежало различным толкованиям. Тем более что он и в предвыборный период, да и на посту премьер-министра, неоднократно повторял свои вполне определенные заявления – в последовательности ему не откажешь.

Приведенные факты и комментарии не имеют ничего общего с поддержкой, пусть даже косвенной, террористических актов против Израиля. Нельзя оправдывать такие акты даже в том случае, если это – контрдействия палестинцев, как, собственно, нет оправданий для ответных террористических действий и со стороны Израиля. Террор против террора никогда не имел и не имеет исторической перспективы. Любые террористические акты, осуществляемые одиночками-камикадзе или регулярной армией, ведут в тупик ближневосточное урегулирование, выбивают почву из-под ног не только нынешних, но и потенциальных переговорщиков, призванных делать все для установления мира, перечеркивают перспективы безопасного существования людей во всем регионе Ближнего Востока, да и за его пределами, подвешивают дамоклов меч над арабскими умеренными режимами, проводящими конструктивную линию в отношении Израиля.

Характерно, что не только Россия, но и Советский Союз, вопреки всевозможным измышлениям, решительно осуждали террористические действия на Ближнем Востоке вне зависимости от того, кто их совершал. Мы

всегда считали, что вылазки против мирного населения нельзя оправдать никакими идейными или политическими соображениями: «требованиями национально-освободительной борьбы» или необходимостью «обеспечить безопасность» своего населения – иными словами, тем, что, дескать, цель оправдывает средства. А именно так действовали экстремисты с двух сторон – и с палестинской, и с израильской.

Вспоминаю в этой связи, как в конце 1970 г. по заданию Центрального Комитета КПСС (тогда все получали приказы из одного центра) мы вместе с Ю.С. Грядунным (будущим послом в Иордании) выехали в Бейрут и убедили руководство Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) прекратить угоны самолетов. На наш вопрос, каковы цели таких захватов, руководители НФОП ответили, что хотят, чтобы израильтяне «в конце концов возмутились и потребовали от своего правительства пойти на переговоры» с палестинцами.

На самом деле – о чем мы и сказали во время этой встречи – захваты заложников только подталкивали израильское общество к тем, кто взял на вооружение крайние меры борьбы с палестинцами, а мировую общественность разворачивали против палестинцев.

Не всегда такие демарши завершались успехом, но в тот раз повезло. Руководители НФОП впоследствии подтвердили, что отказ от угона самолетов произошел под давлением Советского Союза.

Что касается Шарона, то он никогда не отказывался от ставки на террор в отношении палестинцев, землю которых на Западном берегу и в районе Газы намеревался аннексировать, а население вытеснить за реку Иордан. После израильского вторжения в Ливан он заявил: «Иудея и Самария принадлежат нам... Также и Газа, весь район Газы»*. Находясь в США, после встречи с государ-

* The Times. 1982. 30.VIII.

ственным секретарем Шульцем 27 августа 1982 г. Шарон сделал следующее заявление: «Израиль никогда не соглашался и никогда не согласится на второе палестинское государство... Уже существует палестинское государство. Иордания является палестинским государством»*.

Можно прийти к выводу, что Шарон был и остался сторонником идеи решить палестинскую проблему на основе модернизированного «плана Аллона» (названного по имени министра иностранных дел Израиля в период с 1974 по 1977 гг.). По этому плану предусматривалось размещение израильских войск в 15-километровой зоне по реке Иордан на территории Западного берега (военная граница Израиля) и в ряде других пунктов, сохранение под контролем Израиля еврейских поселений на Западном берегу и проходов к ним при передаче остальной территории Западного берега под административный контроль Иордании. Очевидно, только заключительную фазу «плана Аллона» – передачу части Западного берега Иордании – Шарон «адаптировал к требованиям современности».

После того, как Шарон стал премьер-министром, он объявил о создании «буферной зоны» на Западном берегу при согласии оставить за палестинцами около половины его территорий. В мае 2002 г. Шарон детализировал свой план, выступая на экономической конференции в Иерусалиме. Он «согласился» эвакуировать небольшую часть израильских поселений – разрозненных и удаленных от основного поселенческого массива; «отдать» под «временное палестинское государство» около половины территории Западного берега и Газы, а другую половину отвести под израильские поселения, коридоры к ним и места расположения израильских воинских подразделений; соединить туннелями части «временного палестинского государства», расчлененного этими коридорами.

* Middle East International. 1982. 3. IX. P. 6.

Но и это «временное государство», по Шарону, можно будет создать лишь после «окончания террора», «углубления демократических реформ» в палестинской автономии и смены палестинского руководства, включая Арафата.

Шарон отвел 10–15 лет на такое «промежуточное» урегулирование, которое, в случае «если палестинцы докажут свою политическую зрелость», может перерасти в урегулирование постоянное.

Настораживает уже осуществляемая, а также, по распространённому мнению, предполагаемая практика нынешнего израильского руководства. Взрывы домов родственников террористов-самоубийц или вообще активных членов поддерживающих их палестинских организаций можно расценить не только как месть за содеянное или попытки предотвратить расширение террора. Эти акции, судя по всему, призваны запугать широкие слои палестинского населения с целью подтолкнуть их к поискам более безопасных мест жительства за пределами Палестины. Для палестинского населения делаются недоступными и те земли, которые предназначены для создания «защитных зон», отгораживающих Израиль от палестинских территорий. Цели «выдавливания» населения Западного берега и Газы служит также блокада этих территорий, препятствующая работе десятков тысяч палестинцев в Израиле, что было основным источником существования их семей.

Не последнее место в планах Шарона отводилось подталкиванию Соединённых Штатов к удару по Ираку. Судя по многому, это делалось, чтобы, воспользовавшись этим, попытаться «выдавить» значительную часть палестинцев за реку Иордан в результате карательных акций против тех, кто поддерживает Ирак – а таких, вне всякого сомнения, немало. Насколько серьёзна такая перспектива, я прочувствовал, побеседовав с премьер-министром Иордании во время пребывания на экономическом

форуме в Джидде в январе 2003 года. Он сказал мне, что специально ставил этот вопрос перед американскими руководителями, которые, по его словам, заверили Иорданию, что не допустят этого. Значит, и в США не исключали вероятность такого развития событий.

Более того. Мотивы поддержки удара США по Ираку, несмотря на то, что это могло создать угрозу безопасности израильского населения, простирались, судя по всему, за пределы использования ситуации в борьбе против палестинцев. Есть основания считать, что в израильской политической элите – не только на ее правом фланге, но есть, конечно, и исключения, – предполагают и поддерживают перманентный характер военного вмешательства США на Ближнем Востоке с целью «демократизации» всего региона. Бывший глава израильского государства и министр иностранных дел, ветеран левой «Партии труда» Шимон Перес, отвечая на вопрос о событиях после «завершения американской кампании» против Ирака, сказал: «Ближний Восток не может оставаться таким, каким он является сегодня. Здесь были и есть устаревшие правительства, режимы, которые прогнили... Я не думаю, что американцы изменят исламское мировоззрение, но они в состоянии изменить привычки»*.

Шароновское «решение» палестинской проблемы означает не только перечеркивание соглашений в Осло, но и полный отказ от формулы, предложенной наследным принцем Саудовской Аравии Абдаллой и поддержанной Лигой арабских стран, – признание Израиля за вывод его войск с территорий, оккупированных в 1967 г. Эта формула означала крупную подвижку в арабской позиции – ранее арабы требовали, чтобы границы Израиля были обозначены такими, как их прочертила в 1947 г. Генеральная Ассамблея, т. е. без значительных территорий, присоединенных Израилем в результате палестин-

* «Время МН». 2003. 26 февр. С. 7.

ской войны, последовавшей вслед за созданием этого государства. Формула принца Абдаллы была полностью поддержана и Вашингтоном.

План Шарона по времени совпал с планом Буша, который, несмотря на схожесть по некоторым направлениям с «шароновским проектом», все-таки от него отличался. О плане Буша несколько позже. А сейчас вернемся к событиям, которые последовали за «безобидным» посещением лидером «Ликуда» окрестностей мечети Аль-Акса.

V. Шароновские тупики

После вспышки насилия, которая привела к срыву палестино-израильских переговоров, было предложено два подхода к их возобновлению. Оба имели американское происхождение и дополняли друг друга. План Митчелла: комиссия, возглавляемая бывшим лидером большинства в американском сенате Митчеллом, выдвинула предложения по мерам доверия. План Тенета: руководитель ЦРУ Тенет предложил меры безопасности. В этих планах суммарно предусматривалось прекращение огня, отвод израильских танков на линию, где они находились до «интифады», отказ Израиля от поселенческой активности, меры палестинцев против террористов, возвращение за стол переговоров.

Обе стороны на словах согласились и с тем, и с другим планом. Однако на деле Израиль был далек от того, чтобы отказаться от расширения существующих и строительства новых поселений на Западном берегу и в районе Газы. Шарон, другие израильские руководители даже не обмолвились на этот счет, и расширение поселенческой

деятельности на оккупированных территориях продолжалось. А ведь это – одна из самых «раздражающих» проблем, к тому же в это время начались столкновения между палестинцами и израильскими поселенцами.

Израиль не воспринял также предложение Тенета о «связке» прекращения огня с незамедлительным разблокированием палестинских населенных пунктов. Палестинцы тоже не выполнили требование Тенета об аресте руководителей тех организаций, которые взяли на себя ответственность за акты против израильского мирного населения.

Возобновлению переговоров препятствовала позиция Израиля, настаивавшего на паузе после прекращения огня, «чтобы убедиться, что оно стабильно». Требование «предпереговорного режима» – этого не мог не понимать Шарон и его окружение – способно торпедировать саму проблему урегулирования. Нельзя незамедлительно воздвигнуть такую плотину, через которую не просачивались бы отдельные террористические ручейки, – в условиях отсутствия не только палестинского государства, но даже переговоров на эту тему Арафат не был в состоянии остановить отдельных террористов-самоубийц. Плотина – и то на первых порах с определенной степенью надежности – могла бы быть возведена только компромиссным палестино-израильским соглашением, по которому создание полноценного палестинского государства на Западном берегу и в районе Газы должно рассматриваться в «пакете» с созданием механизма действия этого государства совместно с Израилем против террористов. Только в таких условиях и появится реальная возможность обеспечить безопасность Израиля.

В целом сказались недостаточная связанность мер, предложенных Митчеллом и Тенетом, их невыстроенность во времени, а главное, отсутствие международного механизма, способного привести дело к компромиссу между сторонами.

Вследствие всего этого план Митчелла и план Тенета не остановили столкновений, и в таких условиях начала действовать внутренняя логика, которая привела к эскалации насильственных действий. Взрывы переместились на собственно израильскую территорию. Израильские танки ворвались в палестинские города – сначала осуществлялись рейды, затем произошла вторая оккупация территории палестинской администрации, той самой, откуда израильские войска были выведены в результате переговоров, последовавших при участии американцев за соглашением в Осло. Гибли мирные люди. Палестинское руководство было бессильно и остановить террор против израильского мирного населения, и оказать реальное противодействие кровавым «акциям возмездия» израильской армии.

В конце мая 2001 г. я, будучи руководителем фракции «Отечество – вся Россия» в Государственной Думе, совершил поездку в ряд арабских стран. Встретился с президентом Сирии Б. Асадом, президентом Египта Х. Мубаракком, руководителями Иордании, генеральным секретарем Лиги арабских государств А. Мусой, многими другими. Чувствовалась огромная напряженность в арабских странах. Издали такое состояние арабского общества не ощущалось в полной мере. Мой старый знакомый, известный египетский публицист Хейкал сказал: «Обреченность палестинцев, избиваемых теми, кто еще недавно считал их своими партнерами по переговорам, обескураживает арабскую элиту. Безысходность может взвинтить эмоции улицы и выплеснуться на те арабские режимы, которые продолжают иметь дипломатические отношения с Израилем (он имел в виду Египет и Иорданию. – *Е.П.*). Если не произойдет решительное вмешательство извне, во всем регионе наступит состояние смятения». Эти слова отражали реальность.

Президент Мубарак добавил к этой оценке: «Необходимо, чтобы Россия и Европа сказали свое слово. Без

этого палестино-израильским переговорам не суждено возобновиться. Без этого не будет осуществлен ни план Митчелла, ни египетско-иорданская инициатива», – в качестве первоначального условия возобновления переговоров он настаивал на отводе израильских войск на рубежи, занимаемые ими до «интифады».

Можно ли вообще было говорить в то время, что все еще существуют шансы на нормализацию? Арабская сторона, включая палестинцев, на которых лидеры арабских государств оказывали серьезное влияние, смею утверждать, была готова к этому.

Приехав в Лондон осенью 2001 г. по приглашению Европейского банка реконструкции и развития для участия в семинаре, посвященном экономической проблематике, я встретился с двумя представителями палестинского руководства. Беседа с ними убедила в том, что палестинцы продолжают видеть в планах Митчелла и Тенета выход из ситуации, если наложить их на реальный и контролируемый график выполнения.

После этой беседы была опубликована моя статья в лондонской газете «Аш-Шарк аль-Авсат» со следующими предложениями: не просто сделать новое заявление о прекращении огня с двух сторон, но сразу же, без паузы осуществить реальные меры, направленные на соблюдение такого прекращения. Израилю немедленно отвести свои войска; публично отказаться от намерений уничтожить руководителей и активистов палестинского движения; отменить приказ о превентивном огне на поражение против любого вооруженного палестинца – ведь вооружены могут быть и те, кто попытается воспрепятствовать подготовке и осуществлению терактов*. С пале-

* Начальник общей палестинской разведки Амин Аль-Хинди заявил, что палестинская служба безопасности не сможет выполнять свои обязательства, если Израиль не освободит сотни ее сотрудников, которые были арестованы на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа.

стинской стороны – предпринять конкретные шаги с целью предотвращения терактов и объявить о таких шагах.

Предлагалось также, чтобы правительство Израиля публично подтвердило прекращение поселенческой активности. Это можно было бы сделать по предварительной договоренности, параллельно с палестинским заявлением о согласии сохранить за израильтянами ряд поселений на Западном берегу. Из выступления в Вашингтонском Институте по проблемам политики на Ближнем Востоке бывшего главного переговорщика с американской стороны Денниса Росса следовало, что палестинцы в Кемп-Дэвиде предлагали израильтянам весьма значительные уступки по этому вопросу. Разве это не могло быть подано в связке с отказом Израиля от расширения поселенческой деятельности?

После такого обмена заявлениями следовало бы незамедлительно сесть за стол переговоров. Ясно, что полностью исключить какие-то эксцессы на первых порах не удастся, и только заинтересованность сторон в развитии переговорного процесса может стать фундаментом, на котором строится стабильность.

В статье подчеркивалась необходимость с самого начала договориться о международном вовлечении в двух аспектах: первый – расширение формата посреднической миссии – США, Россия, Европейский союз, ООН, а, возможно, также Египет и Иордания, имеющие, как известно, договорные отношения с Израилем. Другой аспект международной деятельности по урегулированию ситуации на Ближнем Востоке – присутствие международных наблюдателей на месте под эгидой ООН.

Россия – знаю это не понаслышке – делала очень многое для того, чтобы переломить ситуацию на Ближнем Востоке. Об этом свидетельствовали многочисленные телефонные разговоры президента Путина с Клинтонем, Бараком, Арафатом, Асадом, Мубараком, Бушем, Блэром, Шираком, Шредером и другими. Ближневосточ-

ной тематикой была насыщена деятельность Министерства иностранных дел РФ, встречи министра И.С. Иванова с госсекретарем США Пауэлом, министрами иностранных дел других государств. Проблемам урегулирования были посвящены поездки И.С. Иванова на Ближний Восток и его встречи с палестинским лидером, руководителями Израиля, Египта, Иордании, Сирии, Ливана, Саудовской Аравии, Кувейта, Ирака. Однако на тот период администрация США не была склонна занять активную позицию, без чего невозможно пробиться к урегулированию.

Россия пыталась не только найти стратегическое решение для урегулирования арабо-израильского конфликта, но в режиме реального времени обозначить такие оптимальные ходы, которые могли хотя бы промежуточно воспрепятствовать нагнетанию напряженности и одновременно готовить нелегкое генеральное решение. Это проявилось, например, когда в разгар событий, в мае 2001 г., в Москву прибыл министр иностранных дел Израиля Шимон Перес. Мне стало известно, что российские руководители в беседах с ним подчеркнули необходимость прекратить неадекватное силовое давление на палестинцев, «акции возмездия», которые приводили лишь к эскалации конфликта. Президент Путин подчеркнул в беседе с Пересом, что Россия – против любых террористических действий, с какой бы стороны они ни осуществлялись, но когда вслед за взрывами одиночек террористов-самоубийц следуют авиационные налеты на жилые кварталы, разрушение сугубо гражданских объектов, гибель сотен мирных жителей, то это лишь разжигает страсти, это путь в никуда. Если кто-то думает, что одного слова Арафата достаточно, чтобы прекратить «интифаду», то он глубоко ошибается. Конфликт между палестинцами и израильтянами погрузился на такую глубину, что слов, призывов уже недостаточно.

В беседах с Шимоном Пересом были выдвинуты два практических предложения: провести еще одно совещание в Шарм-аш-Шейхе для создания нового формата посреднической миссии, на этот раз групповой, и осуществить миссию Генерального секретаря ООН Кофи Аннана на Ближний Восток. Противники его миссии ссылались на то, что К. Аннан, побывав в свое время в Багдаде, якобы практически ничего не сделал для «умиротворения Ирака». Однако известно, что на всем протяжении кризиса вокруг Ирака несколько раз удавалось предотвратить вооруженные действия США против Багдада, заставив Багдад политическими методами подчиниться резолюциям Совета Безопасности ООН. Однажды это было связано с успехом миссии К. Аннана в Ирак. А если в дальнейшем все-таки не удалось избежать удара по Ираку, то в этом виноват не Кофи Аннан, а главным образом председатель Спецкомиссии ООН Батлер, игравший явно провокационную роль, и же с ним.

К сожалению, предложения России, озвученные в беседах с Пересом, не будучи отвергнутыми, так и не были претворены в жизнь.

Между тем, эскалация насилия продолжалась. Несмотря на протесты мировой общественности, Израиль вновь оккупировал палестинские города. На потребу западному общественному мнению делались заявления о намерении Израиля буквально в считанные дни вывести свои войска, однако выводили из одного города на Западном берегу, а вводили в другой. Кульминацией стали атаки израильских войск против палестинских лагерей, где были убиты сотни людей.

Одновременно Шарон предпринял действия лично против Арафата. Его бункер в городе Рамаллахе был окружен израильскими танками. Арафату запретили выходить из бункера, общаться с кем бы то ни было без разрешения израильских военных. Шарон заявил, что вообще не признает Арафата в качестве лидера пале-

стинцев. В Израиле зазвучали голоса тех, кто призывал физически покончить с Арафатом или насильственно вытолкнуть его с территории палестинской администрации. Стало ясно, что Шарон напруг все свои силы для того, чтобы окончательно похоронить идею палестинского государства. Характерно, что в тот период Шарон сделал упор в своих заявлениях не только на «необходимость ухода Арафата», но и на то, что больше, мол, не существует договоренностей, достигнутых в Осло и во время последовавших палестино-израильских переговоров.

Шарону тогда не удалось до конца расправиться с Арафатом. Забурился арабский мир, демонстрации негодования пронесли по всем арабским странам. В Иордании, что весьма показательно, так как эта страна придерживается прозападной ориентации и к тому же имеет дипломатические отношения с Израилем, демонстрацию протеста возглавила королева. Не без учета всего этого ужесточил свою позицию в отношении Израиля и Европейский союз.

12 марта 2002 г. США вместе с другими проголосовали за резолюцию Совета Безопасности ООН в поддержку идеи палестинского государства. 4 апреля президент Буш заявил, что направляет государственного секретаря Пауэла на Ближний Восток, и обратился к Израилю с призывом остановить вооруженные проникновения на территорию палестинской администрации и вывести войска из оккупированных на этой территории городов. Госсекретарь США в свою очередь объявил о намерении встретиться в Рамаллахе с Арафатом. Как сильная поддержка палестинского лидера расценивался телефонный разговор с Арафатом президента России.

Чем был вызван этот сдвиг в ближневосточной политике США? Американское руководство, и в первую очередь государственный секретарь Пауэл, начинало задумываться над необходимостью заручиться реальной поддержкой умеренных мусульманских режимов (к ла-

герю которых США причисляют и Пакистан) в их борьбе с международным терроризмом. Именно после 11 сентября Буш начал высказываться в пользу создания палестинского государства и против таких действий Шарона, которые могут вызвать жесткую реакцию не только палестинцев, но мусульманского мира в целом. Раскрывает мотивы такого «разворота» Б. Скоукрофт, который был помощником по вопросам национальной безопасности президента Буша-старшего. В статье, опубликованной в газете «Интернэшнл Геральд Трибюн», он писал, что создание коалиции может «принести гораздо больше пользы, чем предполагает ее главная задача – сокращение терроризма. Она может помочь США избавиться от репутации государства, движимого своими корыстными интересами, равнодушного, если не сказать высокомерного, по отношению к другим... Все это поможет разблокировать даже те проблемы, которые казались неразрешимыми на протяжении жизни многих поколений – такие, например, как арабо-израильская конфронтация»*.

Таким образом, события 11 сентября привели к некоторой перестановке акцентов в ближневосточной политике США, однако перемены эти все-таки были весьма относительны и их лимиты ограничены. Речь не шла о переориентации США, занятии ими позиции равноудаленности от сторон в палестино-израильском конфликте. Некоторая подвижка США в сторону палестинцев вскоре была сбалансирована произраильскими жестами.

Может быть впервые политика Шарона вызвала впечатляющую волну международного недовольства. Но Шарон тем не менее не отказался от идеи «избавиться» от Арафата. После острых дебатов в ночь на 3 марта на заседании израильского кабинета Шарон заявил офицерам, что все еще надеется на депортацию палестинского

* *Brent Scowcroft*. Building a Coalition is the Way to Win This War. International Herald Tribune, October 17th, 2001.

лидера. При этом он сослался на «предстоящую на днях» миссию европейских представителей, которые намерены убедить Арафата «взять авиабилет в один конец». В этой связи не могу не вспомнить, что в марте 2002 г. меня посетил в Москве бывший министр иностранных дел Италии Джанни де Микелис, ныне активно работающий с Социнтерном¹². Он сделал мне неожиданное и ошеломившее меня предложение поехать с ним в палестинскую автономию и уговорить Арафата, пользуясь моими с ним многолетними отношениями, уйти с поста лидера ООП и выехать за пределы Палестины. Это, мол, разрядит обстановку. Естественно, я ответил категорическим отказом.

Предстоящую встречу Пауэла с Арафатом Шарон назвал «грубой ошибкой». Судя по всему, он готов был даже не соглашаться на словах с США насчет будущего Арафата, конечно, понимая, что это не должно привести к напряженности в отношениях с Соединенными Штатами – в этом случае Шарона не поддержали бы многие, даже большинство его сторонников.

Не получив индульгенции от президента Буша, Шарон не посмел пойти на высылку Арафата. Не добился он, судя по всему, согласия на это и во время своей майской поездки в Вашингтон – Буш все-таки считался с позицией ведущих арабских стран, особенно Египта.

Шарон при этом не мог игнорировать и внутреннюю обстановку в Израиле, в частности заявление министра обороны Бен-Элиэзера, возглавлявшего в то время Партию труда, о том, что его партия уйдет из коалиционного правительства Шарона в случае, если будет принято решение о депортации Арафата. Так или иначе, но при несомненном антипалестинском накале в израильском обществе в тот момент не оказалось достаточно сильной поддержки крайне экстремистского плана Шарона.

Вместе с тем становилось все яснее, что продолжающиеся акции палестинцев против мирного населения

создают предлог для тех израильских сил, которые избрали путь срыва компромиссного урегулирования. Понимая это, Арафат и его окружение при поддержке Египта и некоторых других арабских стран предпринимали попытки остановить действия одиночек-самодельщиков, но безуспешно. В то же время эти акции позволяли Шарону уводить Израиль все дальше от процесса, начатого в Осло. Так, после того, как 15 ноября 2002 г. в Хевроне была расстреляна группа израильских поселенцев, Шарон объявил, что «утратил свою силу» Протокол по Хеврону от 1997 г. – это было единственное палестино-израильское соглашение переходного периода, предусматривающее временный статус Хеврона под международным гражданским контролем. Одновременно израильское руководство объявило, что «перестает действовать» согласованный палестинцами летом 2002 г. план поэтапного восстановления безопасности, который должен был начаться с Вифлеема.

VI. Единственный шанс

В начале июня 2002 г. США выступили опять единолично с планом урегулирования, получившим известность как план Буша. Положительной стороной этого плана, несомненно, является провозглашение создания палестинского государства как важной цели урегулирования. Израильские войска на Западном берегу и в секторе Газа названы оккупационными. Это были шаги навстречу арабам. Одновременно предлагалось окончательно создать палестинское государство через три года, а в течение этого периода не определять его границ.

Переход такого «промежуточного» государства в полноценную государственную структуру был обусловлен реформами на палестинской стороне при обязательной смене нынешнего руководства. В этой части план Буша выглядел как принятие США позиции Шарона, от чего Вашингтон ранее отказывался.

Итак, каков возможный путь к урегулированию ближневосточного конфликта в создавшихся условиях? Конечно, следует начать процесс с прекращения огня. Но добиться окончательного успеха можно лишь в случае, если ответственность возьмет на себя «внешняя» группа, которая не ограничится организацией возобновления палестино-израильских переговоров, а сама отработает компромиссный план урегулирования.

Идея расширения посреднической миссии с целью урегулирования конфликта начала воплощаться в жизнь – конечно, не без сопротивления израильского руководства и, как покажут дальнейшие события, не без стремления США вернуться к своей единоличной роли. Но сразу после создания «квартета» США поддержали его деятельность. 2 мая 2002 г. собралась «четверка» международных посредников по Ближнему Востоку – представителей США, России, Европейского союза, ООН. В ходе российско-американской встречи в верхах 24 мая 2002 г. было принято совместное заявление о ситуации на Ближнем Востоке, в котором говорится, что Россия и США привержены тому, чтобы использовать международную встречу для придания серьезного импульса делу продвижения мира в регионе.

В середине сентября 2002 г. ближневосточная «четверка» предложила план палестино-израильского урегулирования. Его конечной целью было провозглашено создание палестинского государства. План включал в себя три этапа. До конца 2002 г. предусматривался вывод израильских войск с палестинских территорий на позиции, на которых они находились до 28 сентября 2000 г.,

т. е. до начала резкого обострения обстановки: «промежуточная» линия, куда должны отойти израильские войска, была предусмотрена в процессе прерванных палестино-израильских переговоров на основе соглашений, достигнутых в Осло. Палестинцы одновременно должны активизировать борьбу против террористов.

На этом же этапе, в начале 2003 г., предусматривалось проведение выборов в Палестине. Это тоже необходимо, так как Шарон целенаправленно разрушал – и это ему удалось сделать – инфраструктуру власти на палестинских территориях. Параллельно будет созвано заседание на министерском уровне Временного координационного комитета (ВКК) с целью рассмотрения путей экономического развития Западного берега и сектора Газа. Важность такой встречи очевидна, так как арабские страны, особенно нефтедобывающие, могут стать основными донорами, финансирующими экономическое и социальное развитие будущего палестинского государства. Большое значение имеет вовлечение в этот процесс Израиля с учетом тесных с ним экономических связей Западного берега и Газы. Израиль прежде всего должен отказаться от блокады палестинских территорий и с самого начала прекратить поселенческую активность на оккупированных арабских землях – это тоже подчеркивается в заявлении международных посредников по ближневосточному урегулированию.

Второй этап, охватывающий 2003 г., предполагал создание палестинского государства с временными границами. Следует отметить, что это рассматривалось как промежуточный этап к постоянному статусу, основанному в том числе на прекращении израильской оккупации 1967 г.

Это рассматривалось также и как шаг к общему урегулированию арабо-израильского конфликта «на базе резолюций Совета Безопасности 242, 338 и 1397, мадридского мандата, принципа “земля в обмен на мир”

и выполнения всех существующих между сторонами соглашений». «Четверка» подтвердила «сохраняющееся значение инициативы Саудовской Аравии, одобренной на саммите Лиги арабских стран в Бейруте, которая является жизненно важной частью фундамента международных усилий в целях продвижения к всеобъемлющему миру на всех направлениях, включая сирийско-израильский и ливано-израильский треки».

На третьем этапе – 2004–2005 гг. – на основе палестино-израильских переговоров предполагается принять решения по всем вопросам статуса палестинского государства.

Было объявлено, что «четверка» будет работать постоянно, отслеживая выполнение сторонами пунктов, зафиксированных в этой «дорожной карте» (так были названы предложения «четверки»). Естественно, что особый упор «четверки» был сделан на комплексных результатах в области безопасности. В этой связи международные посредники призвали палестинцев реформировать службы безопасности, укрепить общественный порядок, вести борьбу с террором. Израильтяне и палестинцы по рекомендации «четверки» должны восстановить сотрудничество в области безопасности.

Созыв конференции по ближневосточному урегулированию был отнесен на «подходящий момент».

Следует отметить несомненно положительный заряд инициативы принципиально нового формата посреднической миссии – «четверка» обговорила свои предложения и рекомендации с министрами иностранных дел Египта, Иордании, Ливана, Саудовской Аравии и Сирии в качестве представителей комитета Лиги арабских государств и с представителями Израиля и палестинской национальной администрации.

Все это стало возможным лишь в результате того, что Россия и США сблизили свои позиции. Но дальнейшее развитие событий на Ближнем Востоке, увы, не запро-

граммировано. Правительство Шарона провело интенсивную дипломатическую кампанию в Вашингтоне, стремясь повлиять на американскую администрацию с целью задержать претворение в жизнь мирного плана, основанного на «карте мира».

Если события все-таки пойдут по «дорожной карте», то самый критический момент наступит, когда на стол переговоров ляжет проблематика, относящаяся к окончательному статусу палестинского государства: определение его границ, статуса Иерусалима, судьба беженцев, еврейских поселений на оккупированных землях. Уверен, что «международная четверка» не должна ограничивать себя разработкой маршрута палестино-израильского урегулирования, а наряду с этим предложить сторонам к 2004 г. компромиссные решения по всем этим вопросам.

А в конечном счете перспективным представляется лишь навязывание сторонам конфликта компромиссных условий урегулирования извне. Не исключено, что среди палестинцев и израильтян немало лиц, в том числе ответственных, которые ждут такого «навязывания», чтобы смягчить реакцию экстремистских сил – мол, не было иного выхода, кроме как принять представленный план урегулирования, иначе могла бы резко измениться ситуация не в пользу стороны, его отвергающей.

Кстати, противникам внешнего вмешательства, осуществляемого в форме давления на палестинскую и израильскую стороны конфликта, можно было бы напомнить, что образование государства Израиль произошло не на основе переговорного процесса между арабами и евреями, а было навязано мировым сообществом: арабам – сам факт образования еврейского государства в Палестине; евреям – создание в Палестине еще одного государства – арабского; и тем и другим – границы государств и статус Иерусалима.

Почему нельзя повторить такую форму действия мирового сообщества и в отношении создания палестинского государства, его границ, будущего Иерусалима и проблемы возвращения палестинских беженцев?

Идея выработки компромиссного плана урегулирования посредниками с целью навязывания его сторонам конфликта получает все больше сторонников. Это понятно, так как не просматривается реальная альтернатива такому способу выхода из многолетнего кровавого конфликта. «Всем должно быть совершенно ясно, что добровольно достигнутое сторонами соглашение попросту невозможно», – эти слова принадлежат бывшему министру, одному из лидеров израильской Партии труда Шломо Бен-Ами*. Идея принудительного для сторон принятия международного плана урегулирования высказывалась и палестинцами, например, Сари Нусейби – официальным представителем палестинских властей в Иерусалиме.

Главный исследователь лондонского Центра европейских реформ Стивен Эвертс справедливо отмечает: «Не исключено, что сложившаяся ситуация требует применения определенной шоковой терапии. После событий 11 сентября еще более возросла общая заинтересованность европейских стран и США в том, чтобы попытаться принудить стороны к решению, которое они самостоятельно выработать не способны. Документ должен был бы быть представлен сторонам в готовом, не подлежащем обсуждению виде, а затем дополнен обязательной для исполнения декларацией, устанавливающей, что США и ЕС становятся гарантами данного соглашения» (оставим на совести автора то, что он считает возможным отстранить Россию от тех, кто гарантирует палестино-израильское урегулирование)**.

* Financial Times. 2001. October 31.

** Европа после 11 сентября 2001 г. Сборник ст. – М., 2002. С. 42–43.

Я разговаривал на эту тему со Скоукрофтом, который был в Москве весной 2001 г. и понял, что наши позиции по этому вопросу во многом совпадают.

Мирный процесс на Ближнем Востоке уже стал своеобразным полигоном, где после 11 сентября могут отрабатываться в достаточно тяжелых условиях методы и способы коллективных политических действий мирового сообщества, и в первую очередь – США и России, по справедливому урегулированию региональных конфликтов, и в частности контролированию кризисных ситуаций. Войдет ли это в арсенал средств, призванных обеспечить стабильность в XXI веке, покажет будущее.

Что касается ближневосточного конфликта, то очень трудно испытывать «сиюминутный оптимизм». В январе 2003 г. в Израиле состоялись внеочередные выборы в кнессет (парламент), в результате которых Шарон еще больше укрепил свои позиции.

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА США

I. Односторонние решения – альтернатива Организации Объединенных Наций

Ближневосточный конфликт, процесс урегулирования которого может способствовать ликвидации почвы, благоприятствующей возрастанию международного терроризма, даже при всей своей значимости – все-таки ограниченный по месту и времени «полигон». Магистральный характер приобретает общий показатель: способность переломить тенденцию перехода от механизма ООН к односторонним или групповым действиям государств – основных игроков на мировой арене.

В конце XX века развитие этой тенденции привело к применению вооруженной силы в обход ООН против суверенной Югославии. 20 марта 2003 г. США и Великобритания без решения Совета Безопасности ООН, а по сути проигнорировав его мнение, совершили вооруженное нападение на Ирак.

Что это – уже сложившаяся система, пришедшая на смену миропорядку, основанному на роли ООН?

После окончания Второй мировой войны была создана Организация Объединенных Наций. Можно предъявить претензии к ее деятельности, но факт остается фактом: ООН сыграла важнейшую роль в качестве регулятора международных отношений, не давая «холодной войне»

перерасти в третью мировую. А во второй половине XX века подчас имели место такие коллизии, когда человечество стояло на пороге катастрофы.

Безусловно, главной сдерживающей силой было ядерное оружие. Им обладали СССР и США, возглавлявшие два находившихся в жесткой конфронтации лагеря, а также противостоявший каждому из них Китай. Две другие державы – Франция и Великобритания, ядерные возможности которых были значительно ниже, – входили в военный блок НАТО, руководимый США, и по сути не играли инициативной роли. Таким образом, угроза применения ядерного оружия сдерживала все располагавшие им державы, противоречия между которыми могли перерасти в широкомасштабную войну без победителей и побежденных.

В то же время угроза взаимоуничтожения могла привести к ощущению безнаказанности у ядерных держав, развязать им руки – и в определенных пределах это происходило, но только в определенных. Мир не сполз к хаосу во второй половине XX века потому, что основные государства, и в первую очередь ядерные, ставшие постоянными членами Совета Безопасности ООН, взяли на себя обязательства соблюдать Устав этой международной организации.

Определяющей стала статья 4 Устава ООН, которая провозгласила принцип: «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

Право применять силу было оставлено за государством или государствами только в ответ на вооруженное нападение на члена ООН. Иными словами, признавалось право государств на индивидуальную и коллективную

самооборону. Вместе с тем в качестве инструмента противодействия «угрозам миру, нарушению мира и актам агрессии» была названа Организация Объединенных Наций. Глава VII ее Устава содержит следующий порядок шагов: сначала Совет Безопасности определяет существование таких угроз, затем требует от заинтересованных сторон выполнения «тех временных мер, которые он найдет необходимыми или желательными»; в случае их невыполнения (что фиксируется тоже Советом Безопасности) этот орган может потребовать от членов ООН полного или частичного перерыва экономических отношений, всех средств сообщения, а также разрыва дипломатических отношений; в случае если все это оказывается недостаточным (опять-таки это определяется Советом Безопасности), он «уполномочивается предпринять такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности». По требованию Совета Безопасности члены ООН предоставляют в его распоряжение свои вооруженные силы либо получают право на их использование.

Как видно, на каждой стадии эскалации мер против нарушителя мира – начиная с определения ситуации, требующей применения силы, и кончая санкцией на ее применение – не просто главенствующая, но монополярная роль принадлежит коллективному органу – Совету Безопасности ООН. Наделение правом «вето» каждой из пяти великих держав исключает возможность использовать эту функцию Совета Безопасности в эгоцентристских интересах одной или нескольких из них.

Далее. Устав ООН строго разграничивает, с одной стороны, применение силы для поддержания или восстановления международного мира и, с другой – вмешательство во внутренние дела государств. В статье 7 подчеркивается, насколько эти процессы не просто раз-

лично, а несовместимы: «Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». В этой же статье применение силы как принцип распространяется исключительно на принудительные меры на основании главы VII.

Такой механизм, обеспечивающий «правила поведения» основных игроков на международной арене, а от них фактически зависит стабильность в международных отношениях, действовал во время «холодной войны». Однако после того, как распался Советский Союз, а Соединенные Штаты заняли в единственном числе позиции, которые раньше принадлежали двум супердержавам, положение меняется. Во второй половине девяностых годов продемонстрировали это со всей очевидностью события вокруг Ирака. Осуществляя удары с воздуха по этой стране, объявив в одностороннем порядке о запретах для полета иракских самолетов зонах, США при поддержке Великобритании начали действовать в обход ООН. Затем последовали вооруженные действия против Югославии.

Бывший премьер-министр Австралии М. Фрейзер, выступая 22 апреля 2002 г. в Гарвардском университете на заседании группы высокого уровня экспертов по международному праву, справедливо заметил: «На тот момент единственная санкция, которая могла исходить от ООН, заключалась в сдерживании США. Однако целью стало не создание лучшей международной системы, а принуждение ООН одобрить политику, приемлемую для Соединенных Штатов».

Именно так. Вначале обход ООН сочетался со стремлением хотя бы задним числом «вырвать» у Организации Объединенных Наций полупризнание законности осуществленной акции. Это особенно четко проявилось в отношении Югославии.

В 1999 г. США от имени НАТО без санкции Совета Безопасности ООН предприняли бомбардировки Югославии, обвинив Белград в преследовании албанского населения в Косово и потребовав немедленного вывода войск Югославии с части ее территории – из Косово (территориальная целостность Югославии, кстати, признавалась и признается НАТО).

Еще недавно считавшие так называемую Армию освобождения Косово (АОК) террористической организацией, США и ряд других членов НАТО выступили на стороне АОК, открыто ставящей своей целью отрыв Косово от Югославии и создание «Великой Албании».

Выдвинув в качестве причины своих действий «массовые репрессии против албанцев в Косово», организаторы натовской интервенции создали обстановку, при которой под прямым давлением албанцев произошло массовое изгнание из Косово сербов. Назвав в качестве одной из основных задач борьбу с экстремизмом, НАТО своей интервенцией в Косово объективно способствовало развитию тенденции создания экстремистского исламского государства в центре Европы.

«Раковая опухоль» в Косово распространила свои метастазы в другие страны, о чем свидетельствует взлет албанского сепаратизма в Македонии. Не привела натовская интервенция и к стабилизации в Косово – ее видимость, только видимость, а не реальность, возможно, будет существовать до вывода натовских сил. А что потом?

Ко всему этому привела ситуация, когда субъективная оценка происходящего в Югославии была поставлена выше ооновского принципа невмешательства во внутренние дела других государств, а меры, служащие неправильно понятым интересам одного государства, поставлены выше выверенных временем коллективных мер, осуществляемых на основе Устава ООН.

Администрация Клинтона, очевидно, понимая всю шаткость, с точки зрения международного права, натовской интервенции в Югославии, пыталась представить ее не в виде противопоставления Организации Объединенных Наций, а чуть ли не как связанную с ООН. Вице-президент США А. Гор уверял меня, в то время председателя правительства России, что бомбардировки Югославии якобы не противоречат Уставу ООН и «отражают ход дискуссии в Совете Безопасности». Насколько это и подобные ему «разъяснения» не имели и не имеют ничего общего с действительностью, следует из высказывания Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, который заявил, что «вмешательство региональной организации без мандата ООН в Косово стало трагедией, бросило вызов всей послевоенной системе международной безопасности».

В истории с Югославией характерно, что в конце концов не обошлось без ООН – и интервенция НАТО оказалась недостаточно эффективной, и выросли противоречия внутри Атлантического союза. Совет Безопасности ООН принял решение о направлении в Косово международного контингента. Этому решению подчинились все. На этом этапе был найден выход в виде возвращения от групповых действий к практике ООН. Но следует ли из этого, что уже отработана модель такого «разворота» или создана гарантия его осуществления в любом случае?

Между тем, узаконить обход ООН при применении силы против стран, отнесенных позже по американской классификации к «оси зла», призвана теория «гуманитарной интервенции». Согласно этой теории, отдельное государство или группа государств могут взять на себя ответственность за вооруженные действия против тех режимов, которые, по их оценке, приводят положение в своих странах к «гуманитарной катастрофе». Под ней подразумеваются массовые нарушения прав человека.

Мировое сообщество действительно сталкивается с масштабными проявлениями этнических чисток, массовых убийств, с политикой некоторых правителей, которая приводит к сотням тысяч, а иногда и миллионам беженцев – голодных, обездоленных людей, к силовым приемам в отношении соседних государств, к попыткам прорваться к обладанию оружием массового уничтожения. Нужно согласиться с тем, что в таких условиях права человека или интересы мира и безопасности народов перестают быть во всех случаях сугубо внутренним делом государств. Их масштабные массовые нарушения требуют реагирования со стороны мирового сообщества, включая возможность применения силы. Но как, в какой форме, на основе международного права или его игнорирования?

Основным в этой связи является вопрос, осуществлять ли применение силы в рамках принципов, заложенных в Уставе ООН, или в обход Совета Безопасности ООН. Большинство государств, к которым принадлежит и Россия, достаточно определенно высказываются за сохранение механизма ООН. Это проявилось в последние годы на всех сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Меньшинство – главным образом США и некоторые другие члены Североатлантического союза – считает, что в случае «гуманитарных операций» следует отходить от традиционной ооновской практики, так как «неповоротливый» из-за права «вето» механизм ООН «тормозит», а подчас может и сорвать необходимые срочные действия.

Естественно, что жизнь требует внесения определенных модификаций, которые не могут не затронуть и основной механизм регулирования международных отношений – Организацию Объединенных Наций. Однако, во-первых, такая модификация не должна перечеркивать ООН, превращать ее в «бюро для консультаций». И во-вторых, модернизация ООН с учетом изменений в мире должна происходить не в результате практических

действий каких-либо государств или их групп, а через коллективные усилия членов этой организации.

Нетрудно заметить, что так называемые гуманитарные интервенции, подменяющие механизм ООН, открывают широкую возможность принимать решение о применении силы на основе субъективных оценок и без всякого сдерживающего контроля со стороны Совета Безопасности. Это может обернуться и другой «стороной медали». Известно, что Тегеран в ответ на провозглашение его президентом Бушем частью «оси зла» и угрозу применить против него силу пригрозил разрушением нефтепромыслов и нефтепроводов в зоне Персидского залива. К чему придет человечество, если такой «обмен любезностями» станет универсальной основой действий на международной арене?

По оценке многих политических наблюдателей, начав вооруженные действия против Югославии, НАТО осуществило переход к новой доктрине, нацеливающей Североатлантический союз на использование вооруженных сил за пределами входящих в него стран даже в том случае, если они не подвергаются удару. Это могло быть спроецировано на международную обстановку, складывающуюся после 11 сентября. Сознательно стремясь избавить человечество от такой перспективы, особенно в эпоху, которая требует объединения международных усилий для нейтрализации различных проявлений терроризма, Россия пошла на дальнейшее сближение с НАТО.

По-прежнему крайне негативно относясь к расширению НАТО, так как это без всякой нужды вплотную приближает военный союз к российским границам, Москва вместе с тем сделала следующий (после подписания в 1997 г. Основополагающего акта) шаг в своих отношениях с НАТО. Создан Совет «Россия – НАТО». В нем решения касательно совместных действий по отражению так называемых угроз нового поколения, включая международный терроризм, принимаются всеми 20 участниками,

в числе которых и Россия. По Основополагающему акту, как известно, аналогичный совет был создан на основе «19+1». Представляется, что на это «нововведение» Запад согласился, в том числе, вследствие разочарованности многих членов НАТО результатами операции против Югославии. Например, один из популярных в Западной Европе лидеров, бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт, призвал не допустить на будущее «Косово-сербского опасного прецедента».

Однако, как показало вооруженное нападение США на Ирак, такие широко распространенные в Европе оценки не стали препятствием на пути американского курса на единоличное принятие решений по важнейшим международным вопросам.

Еще во время предвыборной кампании Дж. Буш-младший провозгласил в виде принципа своей внешней политики переход к односторонним акциям США в области безопасности и сокращения вооружений. После победы на выборах и даже после трагедии 11 сентября Буш объявил о выходе США из Договора по противоракетной обороне, подтвердив курс на создание национальной системы ПРО. В то же время было заявлено, что США без всяких обязательств и контроля будут решать вопрос о сокращении стратегических национальных вооружений самостоятельно.

Все это поставило перед Россией ряд сложнейших вопросов. Несмотря на распад СССР и серьезный экономический и политический кризис в России, в девяностых годах продолжал действовать сначала советско-американский, а потом российско-американский режим двустороннего контроля над вооружениями.

Конечно, между двумя государствами, в том числе в военной области, образовалась достаточно большая асимметрия. Однако Россия продолжает оставаться соизмеримой с Соединенными Штатами ядерной державой, и паритетные в этой области отношения двух стран

служат фундаментом разветвленной российской политики на международной арене. Отказ от режима двустороннего контроля над вооружениями и переход к односторонним неконтролируемым решениям США в этой сфере нанесли бы серьезный политический урон России. Это ослабило бы стабильность и на глобальном уровне. Российско-американский режим контроля над вооружениями создавал реальную перспективу присоединения к нему Китая, других ядерных держав.

Даже союзная с Соединенными Штатами Европа проявила негативное отношение к односторонним действиям США. Я еще раз убедился в этом, приняв участие в июне 2002 г. в Берлине в XX сессии Совета взаимодействия (Interaction Council), включающего в себя бывших глав государств и премьер-министров. В большинстве выступлений, не говоря уже об обмене мнениями в перерыве между заседаниями, в той или иной форме звучала критика политики, проводимой Соединенными Штатами. Эта сессия была срезом мирового общественного мнения. Показательно, что в сессии, очевидно, зная, о чем свидетельствует этот «срез», не приняли участия американские представители.

Важно отметить, что критика сфокусировалась и на американском курсе борьбы против терроризма. По распространному среди видных западных политических лидеров, сохраняющих свою значимость, несмотря на то, что в настоящее время они не находятся у руля власти, мнению, Соединенные Штаты могут испробовать механизм «самостоятельной интервенции» для перманентных силовых акций против других государств. В коммюнике, принятом XX сессией Совета взаимодействия, говорится: «Совет взаимодействия призывает граждан и правительства мира продемонстрировать понимание действий Соединенных Штатов против атак (11 сентября. – *Е.П.*). В то же время Совет подчеркивает опасность исключительно одностороннего подхода в антитеррори-

стической деятельности и важность Объединенных Наций в сохранении влияния международного права».

И действительно, так называемая гуманитарная интервенция, спонсируемая одним или группой государств, ни в одном случае не преуспела в борьбе с международным терроризмом. Как показывают факты, ее применение или даже угрозы применения не только не способствуют такой борьбе, но и, напротив, служат импульсом для осуществления террора. Она не имеет никакого смысла и как операция с целью наказания тех стран, на территории которых могут находиться террористические организации. В таком случае мировое сообщество зажгло бы зеленый свет для бомбардировок Лондона, где свили себе гнездо ирландские экстремисты, или Испании, на территории которой находятся баскские террористы.

Могут возразить, что ударам не должны подвергаться те страны, которые ведут борьбу с террористическими организациями. Действительно, в Великобритании и Испании такая реакция государства на террористическое присутствие очевидна. Однако есть и другие случаи, когда она проявляется не столь явственно. И опять-таки кто должен определять степень zaangażированности того или иного государства в поддержку терроризма, если при этом исключаются механизмы ООН? Это далеко не праздный вопрос.

Итак, американо-английское вторжение в Ирак в ночь на 20 марта 2003 г. стало кульминацией политики «унилатерализма» (односторонних решений). Отдельные шаги в ее контексте были сделаны при администрации Клинтона. Россия по этому поводу была в набат, но европейские партнеры США и многие остальные тогда либо не понимали, к чему приведет путь односторонних действий, либо закрывали глаза на опасности, уповая на то, что ссылки американской администрации на важность ООН или даже обращение к ней в конце концов за помощью расставят все по своим местам. Не расставили.

Но остается важнейший для всего мирового сообщества вопрос: можно ли считать, что расцвет американского «унилатерализма», о чем оповестила миру война против Ирака, свидетельствует о бесповоротном отказе США расценивать ООН в качестве организации, принимающей решение о применении силы против суверенных государств? Или такая позиция, особенно в связи с резко негативной реакцией во всем мире на действия США, будет отнесена только к администрации Буша, которая оказалась столь непрофессиональной в принятии крайне ошибочного решения?

В связи с этими вопросами возникает еще один – относительно правильности курса России на сближение с США после 11 сентября 2001 г.

II. Обоснованный риск Путина

Показательно, что на берлинской сессии Совета взаимодействия прозвучала скрытая критика и в адрес России за то, что она пошла на сближение с США в условиях их «отступничества» от коллективных методов обеспечения безопасности и сокращения стратегических наступательных потенциалов. Может быть, в этом проявилась ревность европейских союзников США. Однако, как представляется, весьма позитивно было воспринято разъяснение по поводу подписания в мае 2002 г. российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов.

Этот договор не во всем устраивал Россию, особенно в той части, в которой предусматривается возможность складирования боеголовок, подпадающих под число сокращенных. На сохранении такого «возвратного потен-

циала» настаивали Соединенные Штаты. Но тем не менее Россия пошла на подписание договора главным образом для того, чтобы прервать цепь односторонних решений Соединенных Штатов в сфере безопасности. Известно, что США лишь в последний момент согласились отказаться от своей прежней позиции по вопросу о сокращении вооружений – осуществить его единолично, без всяких обязывающих документов и без всякого контроля.

Если бы за односторонним выходом США из Договора по противоракетной обороне последовала практика столь же односторонних действий США в области наступательных вооружений, был бы нанесен чувствительный удар по всей системе международной безопасности. Это могло бы серьезно повлиять на поведение и России, и Китая. Во многом была бы утрачена перспектива связывания международными обязательствами новых де-факто членов «ядерного клуба», а также тех государств, которые ставят своей целью в него вступить. В результате пострадала бы стабильность в мире. Понимание всего этого, как представляется, лежало в основе принятого Россией решения подписать договор с США о сокращении стратегического наступательного потенциала.

Вполне обоснованной была политика России и в отношении американской «операции возмездия» с целью ликвидации «Аль-Каиды» и свержения режима «Талибан» в Афганистане. Соединенными Штатами было выбрано бесспорное направление удара: «Аль-Каида» базировалась на юге Афганистана; там же находился бен Ладен; талибы не скрывали своей солидарности с ним; бен Ладен отвечал им тем же.

Правда, в то время раздавались и такие голоса: причастность бен Ладена к теракту 11 сентября, дескать, это гипотеза, предположение; возможно, организаторами атаки были, например, наркобароны из Центральной Америки. А в некоторых восточных странах договорились даже до причастности к событиям американских

спецслужб, которые, мол, хотели создать обстановку, благоприятствующую наступательной «гегемонистской» политике администрации США. В Москве с самого начала понимали, что все эти предположения и досужие домыслы не имели ничего общего с действительностью.

Вскоре жизнь неоспоримо подтвердила, что именно бен Ладен был организатором взрывов в Нью-Йорке и Вашингтоне и именно «Аль-Каида» осуществила это преступление. В США была продемонстрирована пленка, содержащая разговор бен Ладена со своими сподвижниками после событий 11 сентября, снятый скрытой камерой. Пленку передала в эфир катарская телевизионная компания «Аль-Джазира». Вот фрагменты из того, что сказал Усама бен Ладен:

«Мы подсчитали заранее число жертв у врага, кто будет убит на месте башни. Мы подсчитали, что будет уничтожено три или четыре этажа. По моему опыту в боях, я думал, что огонь горючего в самолете расплавит металлический каркас здания и разрушит то место, куда ударит самолет, и всего лишь этажи над этим местом. Это все, на что мы надеялись...

Нас предупредили в четверг, что событие произойдет в этот день. Мы закончили работу в тот день и включили радио. Было 5.30 вечера по нашему времени. Я сидел с доктором Ахмадом Абу Аль-Хаиром. Сразу же мы услышали новости, что самолет врезался во Всемирный торговый центр... Через некоторое время сообщили, что еще один самолет врезался в здание Всемирного торгового центра. Наши братья, услышавшие эту весть, преисполнились радости...

Братья, которые совершили эту операцию, все они знали, что это будет акция смертников, и мы послали их в Америку, но они не знали ничего о самой операции, ни единой буквы. Но они прошли подготовку, а мы не раскрывали им подробностей до тех пор, пока они там не оказались, до того момента, как надо было подняться

на борт... Те, кто учился летать, не знали других. Одна группа не знала другую группу».

В создавшихся условиях Россия действовала однозначно. Президент Путин заявил не только о соболезновании американскому народу, но первым из мировых лидеров высказался о готовности сотрудничать с США в борьбе против международного терроризма. После трагедии 11 сентября я говорил с президентом Путиным. Из разговора мне было ясно, что телефонный звонок Путина к Бушу не был чем-то ординарным, обычным. Представив себе реальные масштабы проявившейся угрозы, Путин решил откорректировать на долговременной основе внешнюю политику России.

Признаки этого обозначились вскоре. В Афганистане «Северный альянс» – вооруженное движение таджиков, узбеков, хазарейцев, населяющих этот район, – получил значительную российскую военную помощь и рекомендации задействовать все свои силы и возможности в борьбе против режима «Талибан». «Северный альянс» уже в течение ряда лет вел борьбу против «Талибана». Своей долголетней выживаемостью в этой борьбе он был в значительной, если не в большей степени обязан России, которая на протяжении всего этого времени непосредственно, а также через Таджикистан и Узбекистан поддерживала «северян».

Одновременно с активизацией «Северного альянса» президент Путин вошел в контакт с руководителями Центральноазиатских государств – бывших республик СССР. После этого США подписали ряд соглашений о размещении в Киргизии, Узбекистане, Таджикистане американских воинских подразделений и военной авиации для «подскока» в Афганистан. Без вполне определенной позиции Москвы, выступившей за предоставление американцам военных возможностей в Центральной Азии, необходимость которых была очевидной в условиях готовившейся операции в Афганистане, и Бишкеку,

и Ташкенту, и Душанбе было бы значительно труднее пойти навстречу Вашингтону. В таком случае сильнее проявила бы себя внутренняя оппозиция ряду центральноазиатских режимов.

В.В. Путин в этом случае шел на обоснованный, но тем не менее большой риск. Расположение американских баз вблизи от территории России, в республиках бывшего СССР, вызвало обеспокоенность у значительной части российской общественности и уж во всяком случае у большинства российских политологов. Что касается помощи России «Северному альянсу», то там все было ясно – он боролся против сил, тесно связанных с бен Ладеном, который в свою очередь помогал чеченским террористам. А как быть с появлением американских баз на территории бывшего СССР? Будут ли они эвакуированы после окончания военной операции в Афганистане или нет?

А как отнестись к тому, что США одновременно объявили Грузию «плацдармом борьбы против терроризма» и направили туда своих военных специалистов? Если речь идет об американской помощи, призванной служить против чеченских боевиков, осевших на грузинской территории в Панкисском ущелье, то почему при этом не принималась помощь со стороны России, больше чем кто бы то ни было заинтересованной в том, чтобы боевики были выброшены за пределы Грузии? Эти вопросы волновали многих в России.

Нельзя абстрагироваться от того, что за многие десятилетия в мире распространился стереотип: военное присутствие США вблизи территории нашего государства служит или потенциально служит антисоветским, а затем и антироссийским целям. Такое восприятие американского военного присутствия еще больше обострилось в результате того, что, выдвигая базы на территорию бывшего Советского Союза, США использовали ту военную инфраструктуру, которая была создана в совет-

ские времена усилиями всего СССР. В Узбекистане, например, военнослужащие 10-й горной дивизии армии США расположились на территории бывшей советской авиабазы Ханабад.

Существует и общее понимание того, что выдвижение вооруженных сил любого государства и, главное, закрепление их на чужой территории изменяет региональный военный баланс и в конечном счете ведет к сдвигам в геополитической ситуации на глобальном уровне.

Итак, В.В. Путин принял решение помочь США на первом этапе их операции в Афганистане обрести возможность военного присутствия в Центральной Азии и остудил крайне негативную реакцию на американское военное проникновение в Грузию. Уверен, что это не было проявлением нерешительности – позиция была занята сознательно ради успеха начавшегося сближения с США в столь острый период борьбы с наиболее опасным проявлением международного терроризма. Это – один аспект проблемы. Другой заключался в том, что Россия одновременно усиливала свои позиции в решении собственной задачи – ослабления и ликвидации чеченских боевиков.

Но как ответят Соединенные Штаты? От этого будет зависеть, в какую сторону начнет дрейфовать российское общественное мнение.

III. Ответит ли адекватно Буш?

На момент написания этих строк положение вокруг военной операции США в Афганистане сохранялось неопределенным. Далеко не все высокие американские представители были склонны говорить о временном

характере военного присутствия США. Напротив, министр обороны США Д. Рамсфельд во время визита в Киргизию, где была создана американская авиабаза, заявил, что она будет существовать «столько, сколько потребуется». Подобное заявление не было единичным.

Создалось впечатление, что и центральноазиатские лидеры не прочь продлить американское военное присутствие в своих странах. Некоторые из них стремятся таким образом укрепиться у власти, сделать более устойчивыми режимы, подвергающиеся наскокам не только внешних экстремистских исламских кругов, но и внутренней политической оппозиции. Многие связываются с тем, что, будучи заинтересованными в военном присутствии на месте, США резко ослабят нарастающую критику этих режимов за «пренебрежение правами человека» и, соответственно, сократят поддержку на этом основании оппозиционных элементов.

Так или иначе, но перед визитом Президента Узбекистана Каримова в США первый вице-премьер его правительства Р. Азимов заявил в интервью газете «Вашингтон пост», что президент намерен обратиться к американской администрации с просьбой рассмотреть возможность сохранения американского военного присутствия в Центральной Азии. Визит состоялся, и была подписана Декларация о стратегическом партнерстве США с Республикой Узбекистан.

По имеющейся информации, Киргизия, вначале стремившаяся зафиксировать сроки американского военного присутствия в стране, натолкнулась на жесткую позицию США и отступила.

Очевидно, что обозначившийся проамериканский крен в позиции некоторых лидеров центральноазиатских государств и Грузии был вызван также недовольством той политикой, которую проводила Россия в странах СНГ в девяностых годах. Нельзя не признавать этого. Конечно, существовали и объективные трудности – Рос-

сия, например, не могла поддержать Грузию в ее попытках силой вернуть беженцев на территорию Абхазии. При этом грузинское руководство не удовлетворила безусловная приверженность России принципу территориальной целостности Грузии и тот факт, что российские миротворцы в решающей степени способствовали прекращению огня на грузино-абхазском фронте.

Да и центральноазиатские лидеры часто испытывали недовольство российской позицией во время споров, подчас перераставших в столкновения, узбеков с таджиками, казахами или киргизами. Россия не могла поддержать ту или иную сторону, когда Ташкент несколько раз прекращал подачу газа в Казахстан, Таджикистан, Киргизию, требуя немедленного погашения образовавшихся долгов. Россия оставалась нейтральной и тогда, когда в свою очередь давление на Ташкент оказывал Казахстан, в одностороннем порядке поднявший таможенные пошлины на узбекские товары, или Киргизия, требовавшая оплатить валютой воду, подаваемую с Токтогульского водохранилища для орошения хлопковых полей в Ферганской долине. Естественно, что стремление России использовать свое положение «над схваткой» в попытках сблизить стороны подчас вызывало резкое недовольство у того или иного участника конфликта.

Однако в российской политике отражались не только объективные трудности, но и субъективные недоработки, ошибки. Слишком долго мы раскачивались перед тем, как приняли и стараемся претворить в жизнь идею, выдвинутую Президентом Казахстана Н. Назарбаевым о Евразийском экономическом сообществе на территории бывшего СССР. Нужно было, очевидно, больше считаться с тем, что раздававшиеся в России призывы к ускоренной интеграции славянских республик в рамках СНГ (это не имеет абсолютно ничего общего с жизненно важной идеей создания Союза России и Белоруссии) вызвали настороженность и даже отторжение у некоторых центральноазиатских лидеров.

Их государства к тому же – кто больше, кто меньше – преуспели в привлечении иностранного капитала, который, например, в Казахстане, занимает лидирующие позиции, особенно в добывающих отраслях промышленности. В таких условиях еще более контрастно выглядело явное отставание интеграционных процессов на пространстве Содружества.

Не сработала в полной мере и идея коллективной безопасности стран СНГ. Если совместная охрана таджикской границы с Афганистаном и размещение 201-й российской дивизии в Таджикистане себя полностью оправдали, то на этом фоне еще более аморфно выглядели меры по оказанию Россией военной помощи Узбекистану в его противодействии боевикам экстремистской исламской оппозиции, накапливавшимся в Афганистане с целью прорваться в Ферганскую долину. До начала операции США, а по некоторым данным – и после этого, в Афганистане вблизи от узбекской границы сгруппировалось около 3 тысяч боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) во главе с Джумой Намангани (Ходжиевым).

Можно, естественно, говорить о том, что не способствовал российской военной поддержке сам Ташкент своим подчас демонстративным дистанцированием от России и разговорами о «русском империализме», тем более когда он в 1999 г. вышел из Договора о коллективной безопасности или ранее отозвал свои подразделения из коллективных миротворческих сил в Таджикистане. Но вялость российского сотрудничества с Узбекистаном в военной области, в том числе иногда в отношении оговоренных поставок российского оружия, не могла не нанести ущерб российско-узбекским отношениям.

Казалось, что все шероховатости отшлифуют радушные встречи в верхах, беспредельное гостеприимство, оказываемое российским высоким представителям при их посещении центральноазиатских государств, и рос-

кошные приемы, устраиваемые для центральноазиатских коллег в Российской Федерации. Действительно, не было недостатка в добрых словах, подписывались важные документы, однако все это не остановило разворота ряда стран СНГ в сторону США.

Такой разворот со временем может приобрести черты устойчивости, несмотря на объективную заинтересованность центральноазиатских государств, да, конечно, и Грузии, в сохранении и развитии многосторонних связей с Россией. Уже более десяти лет представители национальных элит бывших республик СССР получают образование в США или в странах Европы. Из их среды уже появились новые руководители, пока еще не самого высокого уровня. Но пока еще. Они сориентированы не на Россию, а на другие крупные державы, им близки не те ценности, на которых выросли и многие из нынешних местных руководителей.

Конечно, речь не идет о том, что страны СНГ должны быть просто-напросто сателлитами России, особенно в условиях, когда она сама укрепляет свои связи с США и другими зарубежными странами. Но это не должно перекрывать необходимость сохранить коллективный подход к решению важнейших стратегических задач, основывающийся на координации планов и усилий.

Таким образом, можно констатировать, что в связи с антитеррористической операцией в Афганистане уже произошло заметное изменение геополитической ситуации в пользу США. Американские базы в Центральной Азии расположены в непосредственной близости и от границ Китая. Во время встречи с Цзян Цзэмином в Пекине в начале 2002 г. я убедился, что китайское руководство серьезно обеспокоено этим. С созданием постоянного военного присутствия США в центрально-азиатских государствах, считают в Пекине, завершается процесс окружения Китая американскими базами. Причем переброска американских вооруженных сил на эти базы гарантирована в любом случае через Пакистан.

Серьезное беспокойство выражает и Иран, на что, в частности, обратил внимание президент Хатами, находившийся с визитом в Казахстане в апреле 2002 г.

IV. Устойчивый запах нефти

Немаловажно, что военное выдвижение США произошло в регион вблизи от Каспийского моря. Несмотря на то, что в последние годы несколько снизилась эйфория по поводу запасов нефти на Каспии, но, по самым скромным прогнозам, они сопоставимы с запасами Северного моря, а по оптимистическим оценкам – с запасами в недрах Саудовской Аравии. Вовлечение в разработку таких огромных нефтяных ресурсов может существенно повысить мировую добычу и мировой экспорт нефти, что Соединенные Штаты считают для себя приоритетной задачей с целью подорвать влияние ОПЕК на мировом рынке нефти и сбить цену на нефть.

И не только. На территории США быстро сокращаются доказанные нефтяные запасы. Возрастает зависимость США от импорта нефти, доля которого уже составляет более 60 % в потребляемом жидком топливе. По мере истощения запасов нефти на территории США эта доля будет возрастать. Самая дешевая нефть поступает в США из зоны Персидского залива. Однако именно эта зона не считается «самой надежной».

Наличие американских военных баз вблизи от Каспия не может не рассматриваться и как попытка усилить позиции США в выборе путей транспортировки каспийской нефти. В этом плане немалое значение имеет обозначившееся под флагом борьбы с терроризмом американское военное присутствие и в Грузии.

Судя по всему, администрация Буша пытается умерить стремление некоторых американских крупных нефтекомпаний протянуть нефтепровод через Иран и лоббирует дорогостоящий (по различным оценкам, от 2,5 до 4 млрд долларов), но стратегически выгодный США нефтепровод, способный перекачивать до 1 млн баррелей в день из Баку через Грузию в турецкий порт на Средиземном море Джейхан.

Существует и другой вариант, за которым в течение длительного периода стоят американские нефтяные компании, – пустить основной поток нефти и газа из Каспийской зоны через Афганистан к пакистанскому побережью на Аравийском море. Не случайно, что после начала «операции возмездия» активную деятельность в Афганистане развила американская компания «Юнокал» (UNOCAL), заинтересованная в строительстве газопровода из Туркмении к Индийскому океану через Афганистан и Пакистан. В планах этой компании – проложить рядом с газопроводом и нефтепровод.

Интересная деталь: после создания правительства Карзая президент Буш назначил своим представителем в Афганистане бывшего советника «Юнокал» американца пуштунского происхождения З. Халилзада.

Трудно в этой связи удержаться и не привести красноречивой цитаты из журнала «Бизнес уик», который писал: «...американские солдаты, нефтяные компании и дипломаты быстро осваиваются в этом отдаленном уголке мира. Сюда, в бывшее “подбрюшье” Советского Союза, западные армии не заглядывали, пожалуй, со времени Александра Македонского. Ставки в этой начатой американцами игре высоки как никогда: США ни много ни мало создают новую сферу влияния – впервые после того, как полвека назад американцы сделали то же на Ближнем Востоке»*.

* Business Week. European Edition. 2002. May, 27. P. 42.

Если США на деле – на словах они вряд ли пойдут на это – откажутся от своего военного присутствия в Центральной Азии в связи с военной операцией в Афганистане и будут наращивать его в Закавказье, это негативно повлияет на международную обстановку.

Даже одна вероятность сохранения на длительный срок баз США в Центральной Азии создает трудности для России, так как ослабляет тенденцию к большей включенности государств региона в интеграционные процессы в рамках СНГ. Расшатывается и Договор о коллективной безопасности стран Содружества.

Хотел бы подчеркнуть, что, реагируя на изменения в геополитической обстановке, Россия отказалась от прежней традиционной жесткости не только в поисках адекватных ответов – «зуб за зуб», – но и в заявлениях официальных лиц. Это опять-таки новая тенденция, свидетельствующая о стремлении российского руководства со своей стороны не обострять отношений с Соединенными Штатами.

Но это не должно стать признаком отказа России от защиты своих национальных интересов – речь может идти лишь о поисках новых форм и методов такой защиты, более адекватных нынешним условиям. Так, например, существует прямая связь между созданием американских военных баз в Центральной Азии, что, несомненно, нанесло удар по системе коллективной безопасности стран СНГ, и последовавшими мерами России, направленными на усиление коллективной безопасности за счет охвата ею «шанхайской шестерки»: России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Шаги в этом направлении были сделаны.

В то же время Россия активизировалась в вопросах статуса Каспийского моря и договорилась о разделе морского дна с двумя своими соседями по Каспию – Казахстаном и Азербайджаном. Трудные переговоры по этому поводу ведутся с Туркменией и Ираном.

Представляется, что в новых условиях может привлечь к себе внимание и идея стабилизирующего «треугольника» в Азии: сближение России, Китая и Индии, Будучи премьер-министром, в декабре 1998 г. я высказался в пользу этой идеи, имея в виду не создание тройственного союза, тем более военного, а развитие и углубление отношений между углами этого «треугольника».

Акцент при этом был сделан на необходимость нормализации отношений и развития сотрудничества, главным образом, между Китаем и Индией, так как отношения по двум другим линиям, соединяющим Россию с Китаем и Россию с Индией, не нуждаются в дополнительных мерах по их стабилизации.

По словам профессора в области международных отношений из Университета имени Джавахарлала Неру К. Баджпай, «все три страны опасаются, что США в конечном счете заполнят военными базами, разведывательными системами и космическое пространство – это даст им возможность прибегать к невиданному до сих пор применению силы». Что касается трехстороннего альянса, добавил Баджпай, то он поможет создать азиатскую систему безопасности, облегчит борьбу с религиозным экстремизмом, позволит лучше использовать энергетические ресурсы среднеазиатского региона.

В случае сохранения и наращивания американского военного присутствия в Центральной Азии объективно усилится антиамериканский элемент в политике многих стран региона, что, бесспорно, отразится и на энергетической ситуации. В результате серьезный ущерб будет нанесен идее стабилизации положения на мировом рынке энергоносителей. А такая идея может, вне всякого сомнения, осуществиться при резком расширении российско-американского сотрудничества в этой области.

В условиях такого сотрудничества можно было бы гарантированно обеспечить устойчивое покрытие растущего мирового спроса на нефть и газ, а также оптими-

зировать планы строительства новых и модернизации существующих нефте- и газопроводов. Нелишне в этой связи напомнить о географическом положении России, которая является мостом между Европой и Азией, о ее огромном потенциале энергоресурсов.

V. «Завоевать Афганистан – не съесть пончик за чаем»

Эти слова принадлежат бывшему пакистанскому премьер-министру Беназир Бхутто*. Кто-кто, а она хорошо знает ситуацию в соседней стране, которая в течение длительного периода была объектом политики Пакистана.

Американские руководители все чаще называют анти-террористическую операцию «войной». Подчеркивается неизбежно длительный характер и многоплановость военных действий в Афганистане. И действительно, они не завершились в короткие сроки бесспорной победой – не обнаружен и не ликвидирован бен Ладен и, самое главное, не созданы условия необратимости отстранения от власти организации «Талибан».

Перед событиями 11 сентября Соединенные Штаты практически не имели продуманной политики по борьбе с терроризмом. 9 сентября, то есть за два дня до событий, во время телефонного разговора с Бушем Путин сказал ему, что лидера «Северного альянса» Ахмад Шаха Масуда убили не случайно. Это было сделано для ослабления «Северного альянса», и следует ждать новых действий такого рода со стороны талибов.

* Интервью Б. Бхутто лондонскому корреспонденту газеты «Аргументы и факты» 10.10.2001.

Согласившись с предложением Путина провести совещание заместителей министров иностранных дел США и России по Афганистану, Буш в целом не проявил такой реакции, по которой можно было бы определить, что он проникся всей остротой проблемы.

В выработке антитеррористической линии США во многом мешали двойные стандарты в подходах к терроризму. Во всяком случае так и не проявилось понимание угрожающего характера обстановки в Чечне, созданной боевиками-террористами. Не обращалось должного внимания на то, что талибы имели непосредственные отношения с чеченскими боевиками, поддерживали их.

До 11 сентября антиталибские настроения не проявлялись и в Пакистане, хотя многие там стали понимать, что «Талибан» уходит из-под контроля и в целом ряде случаев действует независимо от породивших его пакистанских структур. Руководитель исмаилитов принц Ага-Хан как-то сказал мне: «Я прямо спрашивал Мушаррафа: чего вы хотите? Я не получил ответа на свой вопрос». Политика Пакистана в отношении талибов в тот момент, по словам Ага-Хана, могла быть охарактеризована как «полный вакуум».

После начала «операции возмездия» положение стало меняться. «Северный альянс» довольно быстро вошел в Кабул. Оптимизм возрос после победных реляций США в связи с проведенными операциями в пещерах Тора-Бора на границе с Пакистаном, бомбардировками позиций талибов с применением высокоточного оружия. Но базовый смысл имела другая информация. По сути, Кабул не был взят, он был оставлен талибами. Талибы отступили без боя и из других мест. Это стало итогом переговоров с «Северным альянсом». Число уничтоженных бойцов «Талибана» не выходило за десятки, сотни, другие сосредоточились, скрылись. По некоторым оценкам, далекими от безусловного успеха были операция «Анаконда», три операции английских морских пехотинцев, да и та

же широко разрекламированная операция по взятию «крепости» Тора-Бора.

Пуштунские племена не стали оплотом афганского правительства пуштуна Карзая, созданного при помощи американцев. Между тем, пуштуны в Афганистане – это исторически сложившаяся главная сила, способная в коалиции с другими национальными группами контролировать ситуацию в стране. Соединенным Штатам не удалось сблизить пуштунов с «Северным альянсом» – в самом начале американской операции ставка делалась именно на это. Вооруженные силы и спецслужбы остались после создания центрального правительства в руках главным образом таджиков и узбеков – пуштуны с этим навряд ли могут смириться.

Президент Афганистана Карзай отдал распоряжение, обязывающее все политические движения страны ликвидировать имеющиеся в их составе военные структуры, сдать оружие, а бойцам из распущенных отрядов вступить в регулярную армию. Очевидно, таким путем пытаются перераспределить власть в Афганистане, отняв ее у полевых командиров и племен. Сомнительно, что это будет иметь успех. Сомнительно также то, что таким путем можно будет безболезненно отобрать руководство вооруженными силами антиталибской коалиции у представителей Севера. Не нашел себе места в новой афганской иерархии и бывший король Афганистана Захир Шах, привезенный из Рима, где он прожил в эмиграции тридцать лет. В американских планах он должен был стать скрепляющей единство страны политической фигурой. Захир Шах отказался, несмотря на просьбы и посулы со стороны США, занять руководящий пост в Афганистане.

Совершаются убийства тех пуштунов, которые примкнули к антиталибской коалиции. Такая участь, например, постигла советника экс-короля Абдул-Хака, который прибыл в Афганистан с целью заручиться поддержкой

пуштунских вождей. Он был схвачен и казнен талибами. В июле 2002 г. бандиты убили вице-президента Афганистана Хаджи Абдул Кадыра – пуштуна, открыто занимавшего решительную позицию против «Талибана». Насколько далеко не выполненной оказалась задача наращивания поддержки местными силами правительства Карзая, показывает и то, что его афганская охрана признана ненадежной и заменена на американскую.

Продолжение бомбардировок и ракетных обстрелов с воздуха по принципу нанесения ударов «по всему, что движется» привело к досадным ошибкам. Жертвой налетов стало и мирное население. Так как талибы в основном отступили в районы пуштунских племен, особенно много жертв среди мирных жителей – пуштунов. Это отнюдь не располагает пуштунов к симпатиям к американцам.

В то же время это способствует сохранению пуштунских племен в качестве базы талибов. Есть основания считать, что основные их силы, еще способные к сопротивлению, не только находятся в зоне пуштунских племен в Афганистане, но и ушли по ту сторону границы – на территорию Пакистана. По данным немецкой разведки, Усама бен Ладен как раз скрывается в этом районе, между Афганистаном и Пакистаном.

Настораживают сообщения, согласно которым масштабы производства героина и опиума в Афганистане резко возросли после начала американской операции. По оценке экспертов ООН по Программе контроля над наркотическими средствами, урожай опийного мака в Афганистане в 2002 г. более чем в 10 раз превысил уровень 2001 г. и может исчисляться в 3,5 тыс. тонн. На афганской территории зафиксировано строительство нескольких десятков лабораторий по производству наркотиков. Между тем известно, что наркобизнес – важный источник средств талибов.

Ничего не изменится в том случае, если правдой окажется сообщение арабской газеты «Аш-Шарк Аль-Авсат»,

выходящей в Лондоне, о том, что сын бен Ладена назначен на пост главы «Аль-Каиды». Дело даже не столько в том, что сам бен Ладен, возможно, ранен или убит. Главное, что сохраняется бенладеновская преемственность в руководстве террористической организации уже в разгар американской операции в Афганистане.

Находящаяся на территории Пакистана зона пуштунских племен, заселенная в течение длительного времени афганскими перемещенными лицами и беженцами, практически не контролируется Исламабадом. Пакистанское правительство опасается прямого столкновения с населением этой зоны. Как известно, до сих пор не определена граница между Пакистаном и Афганистаном. Со времен Британской Индийской империи зона пуштунских племен была разделена «линией Дюранда»¹³. Она ныне разделяет территории Пакистана и Афганистана, но официально не признается ими в качестве границы между двумя государствами. Пакистанские лидеры считают, что таким образом искусственно сокращена территория их государства. В то же время отнюдь не стала достоянием истории вынашиваемая афганскими пуштунами идея великого Пуштунистана, который охватывает также значительную часть территории нынешнего Пакистана.

Не верится, что после 11 сентября пакистанское руководство возьмет решительный курс на распространение центральной власти на зону «афганских беженцев».

Симптоматично, что во время выборов в центральный парламент и законодательный орган четырех провинций Пакистана «неожиданно» заявила о себе как о крупной политической силе коалиция шести мусульманских партий – Муттахида Маджлис Амаль (ММА), известная своими тесными связями с режимом «Талибана» и выступавшая в его поддержку уже после начала американской операции в Афганистане. В двух провинциях, сопредельных с Афганистаном, ММА получила боль-

шинство мест в законодательных органах. В результате здесь могут очень длительное время находиться силы «Талибана», совершая отсюда партизанские рейды на территорию Афганистана.

Наряду с такими вооруженными рейдами талибы могут «просачиваться» в центральную коалиционную власть Карзая, который по вполне естественным причинам заинтересован в поддержке пуштунов. Не случайно при создании его правительства даже поднимался вопрос о возможности включения в коалиционную власть «раскаившихся» талибов. Тогда этому воспрепятствовали. Ну а если это произойдет «под чужим флагом»?

Очень трудно уповать на то, что президент Пакистана генерал Первез Мушарраф, которого Дж. Буш назвал «ключевым партнером США в глобальной антитеррористической коалиции», сможет, даже под американским давлением, пойти на активные широкомасштабные действия против «Талибана», который пользуется серьезной поддержкой пакистанского населения и симпатией многих офицеров пакистанской армии, особенно спецслужб. По данным опроса института Гэллага, проведенного после начала операции США в Афганистане в октябре 2001 г., 63 % пакистанцев поддерживали «Талибан» и только 7 % одобряли действия США. Вплоть до 11 сентября советники Межведомственной разведки Пакистана (ИСИ) находились в войсках талибов – разве все это не симптоматично?

Трудно представить себе и то, что США войдут на территорию Пакистана для того, чтобы расправиться с талибами. Иное дело – акции против «Аль-Каиды». Здесь не только США, но и Пакистан в состоянии проявить себя весьма активно. Мушарраф это, возможно, расценит как средство защиты против критиков, которые обвиняют его в том, что он не осуществляет решительных мер для ликвидации «Талибана». Но ведь ликвидация террористической организации «Аль-Каида» весьма затруднена без ликвидации «Талибана».

Опираясь на опыт, доставшийся России столь дорогой ценой, можно считать, что будущее Афганистана связано не с завоеванием этой страны, а с многосторонней активностью внешних сил с целью помочь афганцам создать федеративное государство. Чрезмерная централизация в этой стране невозможна, регионы должны иметь вполне определенную самостоятельность, причем каждый из них, может быть, даже в различной степени. Однако в центр следует передавать те полномочия, которые необходимы для сохранения целостности государства.

Естественно, на стороне США симпатии всех тех, кто понимает, насколько важна военная операция в Афганистане, который при режиме «Талибана» превратился в рассадник международных террористов. Мне претят бездумные и злопыхательские заявления такого плана: за что, мол, боролись, на то и напоролись. Но такое можно услышать и от тех, кто сам прошел тяжелейшую войну в этой азиатской стране и был неоднократно оскорблен высказываниями о «недостаточной боеспособности» нашей армии.

Однако дело не в тех, кто воюет в Афганистане. Дело в самом Афганистане. Это страна, которая никогда не смирялась с иностранным господством. В то же время это многонациональная страна, фактически – с племенным строем, что до крайности затрудняет ставку на какую-либо внутреннюю силу, способную установить единоличный контроль над всем Афганистаном. Во время нахождения там советского воинского контингента ставка делалась на окрашенную в партийные цвета силу, почти целиком состоявшую при Наджибулле из пуштунов. Против его режима выступил Север Афганистана. На Юге к моджахедам – то есть бойцам против советского контингента и той афганской элиты, которая к нему примыкала, – присоединились многие пуштуны. И те и другие широко пользовались поддержкой извне. В конце концов СССР вынужден был вывести войска из страны,

в которой низы только и могли жить по-старому, а верхи только и могли по-старому ими управлять. Недаром вспоминают, что при Захир Шахе в стране относительное территориальное единство достигалось лишь постоянными выплатами племенам из казны короля.

Правда, ныне в Афганистане обстановка изменилась по сравнению с той, которая существовала во время пребывания в стране советского контингента. Как сказала Б. Бхутто в уже цитированном интервью, «существует большая разница между тем, когда в Кабуле стоял у власти Наджибулла, и нынешним положением дел. Тогда афганские моджахеды получали ежемесячно десятки миллионов долларов от США, Саудовской Аравии, имели тренировочные лагеря в Пакистане, к ним рекой шло новейшее оружие: минометы, ракеты, “стингеры”. Кто же даст теперь денег “Талибану”? Да никто!».

Замечание Бхутто, безусловно, заслуживает внимания. В то же времястораживают отдельные заявления представителей «Талибана», тиражируемые некоторыми средствами массовой информации, о том, что его бойцы перегруппировываются и будут достаточно хорошо оснащены для более активных действий против США и их союзников. Опасность восстановления боевой мощи талибов сохраняется.

В конечном счете большими усилиями и большими деньгами США, очевидно, удастся кое-как создать ситуацию, благоприятную для нейтрализации Афганистана в качестве базы международного терроризма. Однако это произойдет быстрее и эффективнее в условиях взаимодействия США, России, Пакистана, ЕС, ООН, Индии, Китая и Ирана. Особенно – взаимодействия с Россией, в руках которой находятся определенные рычаги влияния на обстановку в Афганистане и которая имеет более высокий, чем США, уровень отношений с Китаем и Индией, не говоря уже об Иране. Создание такого антитеррористического альянса – реальная возможность, так как пе-

речисленные государства и организации заинтересованы в нем в том числе и потому, что понимают, насколько контрпродуктивна и опасна для всей системы международных отношений ставка США на односторонние, единоличные решения и действия на мировой арене, даже с антитеррористическим содержанием.

VI. Следующий – Ирак

До удара по Ираку антитеррористическая война США пользовалась широкой международной поддержкой. Был ряд настораживающих моментов и на том этапе, но они не превалировали и соответственно не оттолкнули от Соединенных Штатов ни одного крупного игрока на международной арене. Положение начало меняться с переключением США с еще далеко не решенной афганской проблемы на осуществление удара по Ираку с целью свержения режима Саддама Хусейна.

22 июля 2002 г. в лондонской «Гардиан» была опубликована статья бывшего координатора гуманитарной помощи ООН Ираку (с 1998 по 2000 гг.) Ганса фон Шпонека. Сказанное им поддерживается многими европейскими и не только европейскими политиками и аналитиками-политологами. По словам фон Шпонека:

– с Ираком не связаны акты терроризма против американских объектов за рубежом или внутри США;

– Ирак не осуществляет сотрудничество с «Аль-Каидой» ни в подготовке боевиков, ни в поддержке небольшой экстремистской группировки «Ансар аль-Ислам», которую обвиняют в том, что она приютила некоторых членов «Аль-Каиды» и занимается дестабилизацией ситуации в Иракском Курдистане;

– главы 22 арабских стран на заседании Лиги арабских государств в марте 2002 г. в Бейруте дали знать, что они хотят окончания конфликта с Ираком, Саудовская Аравия открыла пропускной пункт через границу с Ираком, Сирия и Ливан нормализовали отношения с Багдадом, Ирак возвратил Кувейту архивы и согласился вести переговоры о пропавших без вести кувейтцах во время войны в зоне Персидского залива, Иран и Ирак дали импульс переговорам о беженцах, иорданские авиакомпании осуществляют пять полетов в неделю между Амманом и Багдадом, турецкие официальные лица и бизнесмены зачастили в Ирак;

– Пентагон и ЦРУ отлично знают, что сегодняшний Ирак не представляет ни для кого угрозы в регионе. Они осведомлены также о том, что фармацевтический центр в Аль-Дора, на окраине Багдада, и фабрика, производившая пестициды и гербициды, в Аль-Фаллудже, в западной пустыне, то есть те объекты, которые находились под подозрением в производстве бактериологического и химического оружия, разрушены во время войны в зоне Персидского залива, а фабрика в Аль-Фаллудже еще и вторично, в декабре 1998 г., во время операции «Лиса пустыни».

«Действительно устрашающий факт заключается в том, что ведомство обороны Соединенных Штатов имеет всю эту информацию», – пишет Ганс фон Шпонек.

О беспочвенности ряда обвинений Ирака со стороны США свидетельствует такой курьезный случай. Как известно, президент США, уверяя, что Багдад подошел к созданию ядерного оружия, сослался на доклад Международного агентства по атомной энергии от 1998 г. Однако представители МАГАТЭ в интервью корреспонденту американской телекомпании Эн-би-си по существу опровергли это заявление, сославшись на то, что в докладе оценивалась ситуация в Ираке до вторжения в Кувейт, операции «Буря в пустыне», международных санкций

и инспекций на военных объектах страны. Что касается ситуации 1998 г., то эксперты международного агентства не обнаружили на тот момент никаких свидетельств того, что «Ирак сколько-нибудь продвинулся в деле разработки и создания ядерного оружия».

Незванный высокопоставленный чиновник Белого дома признал «ошибку».

Обвинения Ирака в связях с «Аль-Каидой», о чем громко заявил президент Буш, оказались также абсолютно беспочвенными. Весьма характерно, что по линии разведслужб США не передавали нам каких-либо материалов, свидетельствующих об этом.

Характерно и то, что ненависть к нынешнему багдадскому режиму у США была далеко не постоянной. Администрация Рейгана, например, не только считала, что Ирак «балансирует» исламистов, пришедших к власти в Иране, но и оказывала поддержку режиму Саддама Хусейна. В конце сентября 2002 г. в военном комитете американского Сената состоялись слушания, на которых сенатор Роберт Берд продемонстрировал документы о том, что в 1985–1986 гг. американские власти направили в иракскую Комиссию по атомной энергии несколько пробирок с сибирской язвой, токсином ботулина и вирусом лихорадки Западного Нила. «Вряд ли можно говорить о том, что американское правительство обеспечило Ирак достаточным количеством сырья для массового производства биологического оружия, – считает Джонатан Такер, бывший руководитель группы ооновских инспекторов. – Однако уже тогда наивно было полагать, что Багдад намерен использовать “посылки” в мирных целях». Берд рассказал, как американцы снабжали иракскую армию разведывательной информацией об иранских войсках, поставляли Саддаму танки и другую военную технику.

Камнем преткновения стало отношение Ирака к инспекторам ООН. Багдад утверждал, что Спецкомиссия

ООН используется не по назначению. Кстати, делалось все больше заявлений, в том числе осведомленных лиц, свидетельствующих о том, что критика Ираком Спецкомиссии далеко не беспочвенна. 31 июля 2002 г. бывший руководитель инспекторов ООН в Ираке (с 1991 по 1997 гг.) шведский дипломат Рольф Экеус в своем выступлении по «Радио Швеции» заявил, что Соединенные Штаты стремились повлиять на работу инспекторов ООН и преследовали «определенные интересы», включающие в том числе и те, которые не подпадают под мандат миссии ООН в Ираке. В частности, это сбор информации о Саддаме Хусейне и его окружении, что, по словам Р. Экеуса, могло быть использовано при нанесении удара по Ираку. Шведский дипломат заявил также, что США предпринимают попытки спровоцировать кризис в регионе, чтобы подготовить почву для прямого военного нападения.

Как часто все повторяется в нашем беспокойном мире и как мало уроков мы из этого извлекаем! Вспоминаю события 1997 г. Будучи министром иностранных дел России, я принимал непосредственное участие в работе с иракским руководством с целью склонить его к решению вернуть Спецкомиссию ООН, включая американских инспекторов, и обеспечить полное и неукоснительное выполнение резолюций ООН о проверке всех без исключения объектов, вызывающих подозрение. Саддам Хусейн и тогда прервал ее работу и выслал из страны, обвинив в том, что она в своих действиях выходит за мандат ООН. Спецкомиссию возглавлял Батлер, который своими выходками способствовал таким оценкам. Даже его бывший заместитель, американский эксперт в области разоружения С. Риттер, в программе Би-би-си выступил с разоблачением его деятельности.

Однако США поддерживали Батлера, с чем приходилось считаться. Работа Спецкомиссии представляла собой особую ценность – она должна была по поручению

ООН убедиться, что Ирак не производит оружия массового уничтожения. Мы не могли рисковать и уже установленным мониторингом за целым рядом иракских объектов, который нужно было сохранить во что бы то ни стало. Наконец, США уже «взвели курок», приготовившись к удару по Ираку.

Под непосредственным воздействием России Саддам Хусейн принял решение о возвращении Спецкомиссии. Не буду подробно освещать ход событий, уже описанных в моей книге «Годы в большой политике». Остановлюсь лишь на том, что во время экстренной встречи в ночь на 20 ноября 1997 г. в Женеве министров иностранных дел постоянных членов Совета Безопасности ООН (Китай был представлен послом) М. Олбрайт спросила меня: что ты пообещал С. Хусейну? Ответил: мы довели до его сведения, что со своей стороны предпримем инициативы, чтобы изменить состав и четче обозначить рамки деятельности Спецкомиссии в Ираке. Конечно, никто не говорил с ним или с кем-либо другим из иракского руководства от имени Совета Безопасности ООН.

На тот раз президент Клинтон дал отбой уже подготовленной вооруженной атаке на Ирак – мировое сообщество вздохнуло с облегчением. Но в 1998 г. Багдад опять вернулся к конфронтации со Спецкомиссией, сначала приостановив ее деятельность, а затем потребовав ее прекращения на территории Ирака, что было использовано Батлером, который без санкции Совета Безопасности ООН вывез инспекторов из Ирака.

Почему Саддам Хусейн и тогда, и впоследствии то наступал, то отступал в отношении Спецкомиссии ООН? Раздражителем, конечно, была деятельность Батлера. Но думаю, что Багдад действовал не только реактивно. Своим маневрированием, вернее балансированием на «острие ножа», Саддам Хусейн стремился к тому, чтобы были сделаны шаги навстречу Ираку. На тот раз, как и в последующем, главной целью была отмена экономических

санкций, которые по резолюции Совета Безопасности ООН должны быть прекращены после выполнения Ираком требований ООН о ликвидации оружия массового уничтожения и прекращении работ по его созданию. Уже тогда Ирак настаивал на определенности в режиме отмены санкций, утверждая, что все требования ООН уже претворены в жизнь.

Из чего следовало исходить тогда и вообще в аналогичной ситуации сегодня? Нужно было показать Ираку в категоричной форме, что ему придется согласиться с работой инспекторов ООН на его территории, и любые действия против них неприемлемы для мирового сообщества и не могут быть оправданы. Но наряду с такой жесткой позицией следовало отказаться от полной неопределенности в вопросе об отмене экономических санкций, от которых страдает, кстати, не режим, а иракский народ.

Две тактики проявились в отношении Ирака. Одна из них – линия России, которая заключалась и заключается в том, чтобы Ирак действительно соблюдал все резолюции Совета Безопасности по разоруженческим проблемам, но при этом инспекторы шли к закрытию четырех разоруженческих досье шаг за шагом.

Будут соответствующие показатели для закрытия ядерного досье, иными словами, отсутствуют признаки того, что Ирак обладает ядерным оружием, – значит, надо его закрыть. Хочу подчеркнуть, что речь идет не о физическом закрытии досье, а о переводе инспекции на уровень мониторинга. Это, естественно, далеко не одно и то же, потому что мониторинг мирового сообщества над гипотетической возможностью Ирака создавать ядерное оружие сохраняется.

Следующее досье – ракетное. Я помню свой разговор с Батлером в Москве в то время, когда еще был министром иностранных дел. Человек «чего изволите» на мой вопрос: «Можете ли вы сейчас достоверно сказать, что не

осталось ни одного движка для запрещенных по дальности полета ракет (более 150 км) и ни одной боеголовки?» – ответил: «Могу». Я спрашиваю: «А почему тогда не закрываете ракетное досье?» Он мне заявляет: «Договоритесь с Соединенными Штатами, и мы закроем все что хотите».

Циничный подход руководителя Спецкомиссии подпитывался американской линией: Ирак должен отчитаться не последовательно, а сразу по всем четырем показателям, то есть по ядерному, ракетному, химическому и бактериологическому досье. Но это значит не показывать Ираку «свет в конце тоннеля», нагнетать напряженность и отказаться от конструктивного пути решения вопроса.

США пошли по своему пути. В декабре 1998 г. начались бомбардировки и ракетные обстрелы иракской территории. Военная операция была осуществлена опять с подачи Батлера, услужливо представившего сугубо односторонний доклад Совету Безопасности ООН.

Как и следовало ожидать, очередной удар по Ираку не приблизил решение острой иракской проблемы. Еще раз проявилась ущербность американской тактики голого, не сопровождаемого никаким политическим маневрированием, военного давления на Ирак с периодическим перерастанием военных демонстраций в реальное применение силы.

Однако вернемся к событиям 2002 г.

Еще летом стало ясно, что Багдад не сможет удержаться на своей позиции противодействия работе инспекторов. Несомненно, сыграло свою роль опасение Ирака стать целью военной операции США. 2 августа 2002 г. после посещения Ирака заместителем министра иностранных дел России А. Салтановым последовало приглашение в Багдад главы Комиссии ООН по разоружению, контролю и инспекциям Х. Бликса для обсуждения с ним возможностей возобновления международного

мониторинга за разоруженческими программами в Ираке. В Москве сразу же заявили, что предложение Ирака является важным шагом в направлении решения этой проблемы политике-дипломатическими методами «в русле выполнения соответствующих решений Совета Безопасности ООН». Аналогичное мнение высказали в аппарате Генерального секретаря ООН, в столицах многих государств, в том числе членов НАТО.

Что касается Вашингтона, то он, как говорится, с порога отверг эту инициативу и возобновил психологическую подготовку военных действий против Ирака. Она включала в себя и антииракские заявления высших американских должностных лиц, и участвовавшие «утечки» в печать подробных планов военной операции. Такая психологическая обработка выходила за рамки давления на иракских руководителей – судя по всему, она была призвана держать в напряжении весь мир, приучить его к мыслям о неизбежности одностороннего решения США об атаке на Ирак.

Однако, по-видимому, Вашингтон «переборщил» – в целом ряде случаев кампания привела к обратным результатам.

Можно констатировать, что в то время, когда американские руководители делали упор в своих заявлениях на готовность предпринять односторонние вооруженные действия против Ирака, нарочито игнорируя при этом ООН, их отказались поддержать даже страны из бывшей коалиции во время войны 1991 г. в зоне Персидского залива.

Показательна в этом плане реакция Великобритании, единственного более или менее верного союзника Вашингтона в иракском вопросе. Согласно опросам общественного мнения, 52 % британцев выступили против вовлечения страны в эту операцию и лишь 34 % – за. 160 депутатов парламента, членов правящей лейбористской партии, подписали заявление о своей «обеспокоенности»

подобными планами. Во время переговоров с иорданским королем премьер-министр Блэр так расставил приоритеты Великобритании: добиться возвращения инспекторов ООН в Ирак для мониторинга за военными программами и режимом соблюдения санкций ООН, и лишь в случае полной неудачи – военный путь. Правда, вскоре Блэр изменил свою позицию, но нет оснований считать, что это видоизменило настроения, господствующие в британском обществе.

Премьер-министр Турции выступил по национальному телевидению с заявлением о своих опасениях в связи с возможной антииракской операцией США. Он высказал сомнения, что военная операция обязательно даст положительные результаты. Турция более всего опасалась того, что американский удар по Ираку будет активно способствовать созданию курдского государства на севере страны.

Министр иностранных дел Саудовской Аравии заявил в интервью американскому агентству АП, что его страна «против любого удара по Ираку». «Мы считаем, – сказал он, – что в нем нет необходимости, особенно когда Ирак предпринимает действия по выполнению резолюции ООН». Премьер-министр Иордании отверг сообщение о том, что его страна может быть плацдармом для американских вооруженных сил, совершающих удар по Ираку. Даже Кувейт – жертва иракской агрессии в 1990 г. – на этот раз далеко не безоговорочно и весьма осторожно выразил поддержку США. Министр обороны Кувейта Шейх Джабер аль-Хамад аль-Сабах, прибывший в Москву для переговоров со своим российским коллегой С.Б. Ивановым, сказал, что его страна не будет поддерживать каких-либо односторонних акций США против Ирака.

Против игнорирования Бушем Совета Безопасности Организации Объединенных Наций как единственного органа, способного санкционировать удар по Ираку, активно выступили многие демократы в США.

Жестко раскритиковал политику Буша бывший вице-президент США Гор, подчеркнув, что самостоятельные действия нынешней администрации могут привести к юридическим осложнениям на международном уровне. Согласно опросам общественного мнения в США, примерно 61 % американцев считали, что, прежде чем начать операцию против Ирака, американское руководство должно посоветоваться со своими союзниками.

О настроениях значительной части населения Соединенных Штатов красноречиво свидетельствует тот факт, что не какая-нибудь второстепенная газета, а «Нью-Йорк таймс» опубликовала 14 октября 2002 г. (после теракта на острове Бали, Индонезия, унесшего жизни около 200 человек) рисованный портрет бен Ладена, якобы говорящего следующее: «Я хочу, чтобы вы ударили по Ираку. Я так рад, что конгресс проголосовал за нападение на Ирак. Давайте, действуйте. Ваши бомбы разожгут ненависть к Америке и желание реванша. Американцы не будут нигде в безопасности. Пожалуйста, атакуйте Ирак, отвлеките себя от борьбы с “Аль-Каидой”, разделите мировое сообщество. Давайте, действуйте. Дестабилизируйте регион. Может быть, Пакистан упадет. Мы хотим получить его ядерное оружие. Дайте Саддаму резон ударить первым. Он может втянуть Израиль в сражение. Отлично! Таким образом, пожалуйста, захватите Ирак. Сделайте так, чтобы наступил мой день».

Эту страницу разместила в газете одна из американских организаций, призывающих остановить «сползание к войне».

Но особенно чувствительной для Вашингтона была реакция европейских стран, чрезвычайно обеспокоенных возможностью одностороннего решения Соединенных Штатов ударить по Ираку. Категорически высказался против антииракской военной операции федеральный канцлер Германии Г. Шредер. Заявил о неприемлемости одностороннего и единоличного решения США о военной операции против Ирака президент Франции Ж. Ширак.

В таких условиях президент Буш предпочел не отбрасывать, как словесно он делал не раз, необходимость решения Совета Безопасности ООН о применении силы против Ирака. Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 12 сентября 2002 г., он, используя весь набор традиционных аргументов в пользу удара по «ненавистному режиму Саддама Хусейна», упомянул, что следует начать с попытки получения согласия на это Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Правда, при этом он сохранил за США «право» и на самостоятельное решение. Однако все-таки была подвижка в позиции США, после которой появились признаки выхода Вашингтона из полной – я подчеркиваю, полной – изоляции по иракскому вопросу.

Франция, Германия, Россия и некоторые другие государства в это время активизировали дипломатическое давление на Багдад с целью склонить его к возвращению инспекторов. 16 сентября 2002 г. иракское руководство уведомило Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о своей готовности вернуть без всяких условий Спецкомиссию ООН в Ирак.

После этого кризис вступил в новую фазу. Согласие Багдада без всяких условий вернуть ооновских инспекторов в Ирак не удовлетворило Вашингтон, который заявил, что дело не в ооновской комиссии и ее работе, а в разоружении Ирака. За этим последовали усилия, направленные на то, чтобы провести через Совет Безопасности нужную резолюцию.

В результате упорной работы над проектом американо-британской резолюции, России, Франции и Китаю удалось исключить из нее неприемлемый автоматизм в нанесении военного удара по Ираку, но резолюция сохранила все сильные моменты, свидетельствующие о весьма серьезном подходе мирового сообщества к иракской проблеме. Было подчеркнуто, что в случае нарушения этой резолюции Совет Безопасности ООН должен

обсудить меры, в том числе и применение силы, против Ирака.

Ирак принял резолюцию. Инспекторы ООН вернулись в эту страну. Судя по заявлениям главы комиссии Бликса, видимых проявлений враждебности со стороны Ирака, мешавших работе инспекторов, не было. Ирак согласился полностью открыть небо над страной для самолетов-разведчиков ООН. Иракский парламент по требованию комиссии принял закон, запрещающий Ираку создавать и обладать оружием массового уничтожения. Не было никаких сигналов о том, что инспекторам мешают посещать те или иные объекты для проверок.

Безусловно, все это стало возможным в результате жесткой американской военной демонстрации против Ирака. Такая демонстрация во многом способствовала тому, что широко открылись двери для дипломатического, политического решения иракской проблемы.

Однако США продолжали давить, отсчитывая недели до начала военной операции.

Стремясь не допустить военного исхода, чреватого серьезными последствиями, Россия, Франция и Германия объединили усилия, приняв совместное заявление в пользу мирного пути разоружения Ирака. Как следовало из заявлений президентов Путина и Ширака на пресс-конференции в Париже, три государства открыли возможность увеличения числа инспекторов, расширения их деятельности во времени.

Следует отметить, что участие России в этой тройственной акции – это подчеркивалось В.В. Путиным – не служило разжиганию антиамериканских настроений, а, напротив, поискам компромисса с Соединенными Штатами. Подобный акцент, несомненно, имел большое значение еще и потому, что именно в это время в Брюсселе три страны-члены НАТО – Франция, Германия и Бельгия – отказались поддержать решение о защите Турции в случае иракского удара, сочтя, что принятие такого решения подталкивает к началу военной опера-

ции США. Даже те в России, кто считал справедливой позицию трех в Брюсселе, а их было большинство, понимали опасность складывающейся ситуации, которая явно не благоприятствовала единству здоровых сил в анти-террористической борьбе на ее главных направлениях. Конечно, были и те, кто «потирал руки» – смотрите, мол, складывается новая антиамериканская обстановка в Европе, но уже не эти люди «делали погоду».

Сдержанность президента Путина, российской политики в целом в этот достаточно критический момент содействовала с принципиальностью в отношении неприемлемости военного пути решения иракской проблемы, чреватого и тем, что будет сделан шаг навстречу разделу мира по религиозному принципу, и дестабилизацией положения в ряде стран Ближнего Востока с умеренными режимами, и ослаблением международной поддержки США, образовавшейся после 11 сентября.

Несмотря на все это, Буш пошел напролом. Ситуация явно не благоприятствовала такой акции. Она осуществлялась при полном игнорировании мнения большинства членов Совета Безопасности – Буш решил обойти это, не голосуя новую резолюцию, прямо предусматривающую удар по Ираку, а действуя в обход ООН. Нападение на Ирак было осуществлено вопреки мировому общественному мнению – речь идет не только об арабских странах, но практически обо всех членах Организации Объединенных Наций, что выразилось в невиданных по масштабам демонстрациях протеста против американских действий.

Администрация Буша проигнорировала тот несомненный факт, что ее действия поставили под удар даже самого верного союзника – Великобританию.

Сенсационным стал выход из правительства Блэра министра Робина Кука, который в 1997–2001 гг. возглавлял МИД Великобритании. В палате общин многие депутаты аплодировали стоя, выражая солидарность со словами Кука о том, что он не может выступать за войну,

которая не имеет международной поддержки, одобрения британцев и против которой выступают ООН, Евросоюз и НАТО. Привлекло внимание его заявление о том, что «у Ирака нет оружия массового уничтожения». Это свидетельство было весьма авторитетным, так как Кук в течение многих лет пользовался засекреченными данными британской разведки. Большинство депутатов-лейбористов, то есть той партии, которая сформировала кабинет Блэра, высказалось против участия Великобритании в вооруженных действиях США против Ирака. Резолюция в «пользу участия в войне против Ирака» прошла, так как ее поддержали противники лейбористов – консерваторы.

Администрация Буша оттолкнула от себя две страны, «задающие тон» в Европе, – Германию и Францию. Президент В.В. Путин назвал бездумный удар по Ираку большой политической ошибкой.

Нужно сказать, что Россия сделала все от нее зависящее, чтобы не допустить вторжения в Ирак. Когда уже стало ясно, что тучи войны нависли над этой страной и практически начался отсчет времени перед операцией, в ночь на 22 февраля мне позвонил Президент и пригласил к себе. Я тут же приехал к нему. Он поручил вылететь в Багдад и передать его устное послание Саддаму Хусейну. Ранним утром самолет уже ждал меня.

Прилетев в Багдад, я попросил о личной встрече с С. Хусейном. Мне предложили в начале провести беседу с Тариком Азизом, но я настоял на своем. Саддам Хусейн принял меня в одном из дворцов. Он появился там вместе с Т. Азизом и председателем парламента Ирака. Я сказал С. Хусейну, что хотел бы остаться с ним один на один.

По его указанию нас оставили одних. Я зачитал послание Президента Путина, который обратился к нему со словами: если любите свою страну и свой народ и хотите избавить его от войны и жертв, к сожалению, уже приближающихся, то примите решение об уходе с поста президента и одновременно обратитесь в парламент с пред-

ложением провести демократические выборы. Передавая это послание, я подчеркнул, что в случае его согласия, следовало бы заявить об уходе инициативно – Россия не преследует каких-то своих особых интересов и просто предлагает ему выход из тяжелейшей ситуации в интересах Ирака и иракского народа.

Саддам Хусейн спросил меня, могу ли я повторить все это в присутствии Т. Азиза и председателя парламента. Зачитывая второй раз послание Президента Путина, я обратил внимание на то, что Хусейн записывает в блокнот сказанное мною – сознаюсь, подумал, что он возможно отреагирует положительно. Не тут-то было. Саддам Хусейн произнес несколько ничего не значащих фраз, затем похлопал меня по плечу и ушел, провожаемый верноподанническими возгласами Т. Азиза. Председатель парламента промолчал.

«Встретимся через десять лет, и тогда станет ясно, кто был прав – вы или наш Президент», – это были последние слова Т. Азиза, брошенные мне вдогонку.

По указанию В.В. Путина по мидовским каналам была доведена информация о моей миссии до руководителей некоторых арабских стран и генерального секретаря Лиги арабских государств. Министры иностранных дел ряда арабских стран запросились в Багдад, пытаясь и со своей стороны воздействовать на С. Хусейна. Но Ирак им отказал в приеме.

Через считанные недели началась война – кровопролитная, унесшая жизни тысяч мирных жителей Ирака. Соотношение сил, как и следовало ожидать, было не равным. Против иракцев действовали высоко оснащенные вооруженные силы США и Великобритании. На первых порах иракцы оказывали сопротивление, потом оно неожиданно оборвалось, и американские танки вошли в Багдад...

Ирак не единственная страна, которая находится в прицеле администрации США. Объектом ударов, по свидетельству американской прессы может стать Сирия,

или Иран, против которого тоже ведется масштабная пропагандистская кампания. Как и в случае с Ираком, ряд представителей американского руководства играет на «ультрапатриотических» струнах: хотят внушить, что Буш-сын смог сделать то, чего не мог Буш-отец, то есть свергнуть режим Саддама Хусейна, а удар по Ирану «перекроет» тот эпизод, который так не любят вспоминать в США, когда в конце семидесятых годов провалилась, пусть локальная, но все-таки военная американская операция против режима Хомейни. Словом, да здравствует Америка, у которой «длинная память»!

Перманентное продолжение антитеррористической войны соответствует новой американской военной доктрине, в которой упор делается на превентивные действия против произвольно сконструированных самими США противников. Президент Буш сформулировал «наступательный» принцип в нескольких своих выступлениях, не делая секрета из того, что США будут инициативно осуществлять удары по тем государствам, которые, по их мнению, представляют угрозу безопасности Соединенных Штатов. Такая установка приносит в жертву произвольно трактуемой безопасности США и международное право, и права суверенных государств.

Представляется, что президент Буш прав, когда он подвергает критике концепции сохранения стабильности времен «холодной войны». Естественно, что с помощью «устрашения» и «сдерживания» нельзя в сегодняшних условиях обеспечить мир, стабильность и безопасность государств и на региональном уровне, т. е. там, где эта задача предназначена к решению в настоящее время. Но можно ли считать, что американской администрацией предлагается реальная формула сохранения мира и обеспечения безопасности? Отнюдь нет, хотя бы потому, что она основывается на отходе от коллективных действий, утверждает культ единоличных решений США.

«ЦЕНТРЫ ВЛИЯНИЯ»: ОДИН ИЛИ МНОГО?

I. Окончание эпохи сверхдержав

Во время «холодной войны» существовали две противоположные в идеологическом отношении системы, во главе каждой из которых стояла сверхдержава – Советский Союз и Соединенные Штаты. Отношения между ними в решающей степени определяли международную обстановку. Третью группу составляли государства, не входившие в военные блоки и образовавшие достаточно аморфное движение «неприсоединившихся стран». Это не мешало многим из них тяготеть к одной из двух систем, хотя нередко возникали противоречия, которые отталкивали их на сугубо самостоятельные позиции. Так складывались, например, отношения СССР и Китая.

Окончание «холодной войны» было органично связано с крушением двухполюсной структуры мира. Перестали существовать социалистический лагерь, Варшавский договор, Советский Союз. Многие авторы при этом констатировали, что в мире сохранилась одна сверхдержава – Соединенные Штаты.

Однако эта констатация не отражает реальности. Категория «сверхдержавы» определяется главным образом не по количественным характеристикам, хотя возглавлявшие две системы сверхдержавы должны были быть и были наиболее мощными в военном отношении государ-

ствами. Но одного этого критерия недостаточно: сверхдержава объединяла вокруг себя конгломерат государств, обеспечивала их безопасность и диктовала им «правила игры». С окончанием «холодной войны» такой качественный определитель «сверхдержавное» не подходит ни к России, ни к США.

Понимание этого чрезвычайно важно. Конечно, Соединенные Штаты являются в настоящее время самой сильной в экономическом, военном отношении (на долю США приходится почти половина всех мировых военных расходов, примерно три четверти того, что тратится в мире на военные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы – НИОКР), по своему политическому влиянию страной в мире. Но это не равнозначно тому, что США превратились в единственную державу, определяющую весь ход мирового развития. Это подтверждают и произошедшие уже после окончания «холодной войны» сдвиги на международной арене:

– наследница Советского Союза Россия встала на путь диверсификации своей внешней политики, что привело к становлению ее стратегического партнерства с рядом «неоднотипных» с ней государств на основе совпадения многих национальных интересов;

– отсутствие необходимости американского «ядерного зонта» сделало Европу и Японию гораздо менее зависимыми от США и значительно более самостоятельными;

– изменение военно-политического «ландшафта» выразилось и в том, что из одного из главных «полей соперничества и битв» во время «холодной войны» Азия превратилась в динамичный субъект международных отношений – это не единая система, и Азия не станет единым «центром силы», но США, равно как и какая-либо другая держава, не имеют полного контроля не только над Китаем (что было и раньше), но и над новыми де-факто ядерными государствами – Индией и Пакистаном, а также над обладающими ракетными технологиями «пороговыми» странами – Ираном и КНДР;

– определяющая часть государств Западной Европы, объединенных уже и по такому важнейшему признаку, как единая валюта, стала сопоставима по своей экономической мощи с Соединенными Штатами Америки;

– чрезвычайно быстро растет экономическая мощь Китая, укрепляются его вооруженные силы – мало сомнений в том, что он превращается в один из полюсов современного мироустройства;

– Япония сохраняет свое значение в качестве самостоятельного центра экономической силы, проявляя стремление все в большей степени участвовать в мировых делах;

– усилившиеся процессы интеграции в Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке определяют движение к созданию и других полюсов, пусть в настоящее время еще не принявших, как в Европе, столь отчетливых форм и не очень мощных, но возрастающие экономические возможности которых проступают все яснее;

– основные нефтеэкспортирующие страны (кроме России, Мексики, Норвегии), главную роль среди которых играют государства Ближнего и Среднего Востока, укрепили через Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК) свое положение как регулятора мировых цен на нефть (от этого зависят мировые цены и на другие энергоносители), фактически отодвинув в этом вопросе на второй план США*;

* США начали ответную игру, пытаясь освободиться от зависимости от нефтепоставок из стран ОПЕК за счет получения нефти из стран, не являющихся членами этой организации. Одновременно были усилены меры по расколу ОПЕК. Например, успешный маневр с Ливией, которая, признав свои обязательства по выплате компенсации по «делу Локерби», открыла тем самым возможности для США широко сотрудничать с ней в нефтяной области. На страницах зарубежных СМИ появились прогнозы вытеснения Ливией Саудовской Аравии в качестве основного нефтеэкспортера, так как аравийское королевство в последнее время «разочаровывает».

– находящиеся за пределами «золотого миллиарда» страны, чрезмерно отставшие в своем экономическом развитии, не принимают автоматически проамериканскую ориентацию – скорее среди них растет влияние западноевропейских государств, Китая, Индии, других;

– практически повсеместно наблюдается рост недовольства односторонними решениями и действиями США.

Все эти тенденции свидетельствуют о движении не к однополярному, а к многополярному миру.

II. Воздействие глобализации

Механизмом, подталкивающим к созданию именно такого мироустройства, является неравномерность развития различных государств. Раньше она периодически приводила к переделу зон господства и влияния в мире путем войн, межгосударственных вооруженных столкновений. С разделом мира на две противоположные системы и с появлением у основных игроков на международной арене оружия массового уничтожения конфронтация государств на глобальном уровне продолжалась, но не приводила к мировым катаклизмам. А неравномерность развития государств сама по себе не могла привести к ликвидации двухполярной системы.

Освободившись после окончания «холодной войны» от сковывавшего их влияния двухполюсной системы, процессы неравномерности развития государств усилили свое воздействие на становление нового мироустройства. Однако этот фактор действует не в пользу однополярности, к которой, казалось бы, после краха мировой социалистической системы должны вести события, а напротив – многополярности мира.

Однако осуществление всего этого в ближайшее время маловероятно, поскольку следует учитывать роль европейских государств и Японии, навряд ли заинтересованных в дестабилизации, даже временной, мирового нефтяного рынка.

Изменится ли положение в результате развивающегося процесса, обозначенного термином «глобализация», иными словами, в результате роста взаимозависимости в мире, взаимосвязи субъектов мировой экономики, мировой политики и международных отношений, порождающих качественные перемены в развитии человечества?

Глобализация – это длительный исторический процесс, который на каждом этапе имеет свои особенности. В настоящее время его основной движущей силой стали научно-технические прорывы в области коммуникаций, связи, информатики, что позволило «глобализировать» финансовые потоки, гибко влиять на международное разделение труда. Глобализация в результате получила серьезное ускорение.

На нынешнем этапе глобализации Соединенные Штаты занимают в ней ведущие позиции – это бесспорно. На мировых рынках наукоемкой продукции доля США составляет две пятых. Это весьма важный показатель. В то же время на этих рынках велика доля Японии – 30 %, Германии – 16 %. Процесс глобализации в таких условиях будет инициироваться далеко не только из одного «центра».

США решительно борются за сохранение своих передовых позиций в научно-технической области, что в конечном счете подчеркивает их лидирующую роль в глобализации. Но это тоже не идентично тому, что будет складываться однополярный миропорядок. В этой связи большое значение приобретает оценка соотношения между «тремя этажами», на которых происходит развитие мировой экономики: глобализации, межгосударственной интеграции и транснационализации мировой предпринимательской деятельности.

Интеграция – самостоятельный региональный процесс, имеющий свою собственную логику развития. Он подчас может не совпадать с глобализацией и даже объективно ей противодействовать, например, в случае с внедрением «евро» на территории интегрированной Европы. Естественно, такого рода противоречия ограничены, поэтому уповать на них, как иногда это делается, не следует, но они все-таки существуют.

Самостоятельным процессом является и транснационализация – основное направление, по которому развивается сегодня предпринимательство. Транснационализация, судя по всему, может рассматриваться в органичной связи с глобализацией, но это также не снимает противоречий между ними. Если в глобализации Соединенные Штаты занимают лидирующие позиции, то это автоматически не переносится на процессы транснационализации – они развиваются не по шаблону, и доминируют в них капиталы не одной, а многих стран. В процессе транснационализации капиталы приобретают наднациональный, но отнюдь не американский характер.

Глобализация как таковая объективно уменьшает значение национальных правительств, и может создаться представление, будто она работает на создание одного центра в мире, который в наибольшей степени продвинулся в научно-техническом отношении. Однако устойчивость национальных суверенитетов весьма прочна, и мир очень далек от претворения в жизнь предвидения одного из первых «глобалистов» – Канта о создании мирового правительства.

Нет оснований считать, что администрация Буша-младшего не учитывает эту действительность. Но также нет оснований считать, что она не стремится переломить тенденцию к многополярности и усилить движение к однополярному мироустройству, чтобы сохранить доминирующее положение США в мире.

III. Против объективной реальности

В Европе Соединенные Штаты сделали ставку на расширение НАТО. Эксплуатируется ли с этой целью желание ряда государств Центральной и Восточной Европы вступить в Североатлантический союз? Безусловно, да. Такое стремление в силу многих причин имеет место, и США опираются на него в действиях по расширению НАТО. Но главное для Вашингтона – не удовлетворение желаний государств, ранее бывших членами Организации Варшавского договора, или балтийских стран, входивших в состав СССР. Путем расширения НАТО – эта сторона дела по понятным причинам освещается недостаточно – Вашингтон противодействует усилению «европейского центра» за счет расширения ЕС. Если в Европейском союзе Соединенные Штаты отнюдь не доминируют, то в НАТО картина прямо противоположная. Поэтому руководящая роль США в расширении НАТО ассоциируется с линией на сохранение ведущего положения США в Европе, как бы сам по себе ни укреплялся и ни увеличивался в размерах Европейский союз.

Характерно, что в пользу военной акции США против Ирака выступили новые члены и кандидаты в члены НАТО, сделав явный крен в сторону Вашингтона, в то время как два «корифея» ЕС – Германия и Франция – были категорически против. Телевидение «Евро Ньюс», комментируя 7 февраля 2003 г. позицию новоявленных натовских членов и кандидатов, заявило, что у них будут дополнительные трудности со вступлением в Европейский Союз.

На ближайшую перспективу, во всяком случае до конца нашего десятилетия, НАТО останется главной военной силой Запада в Европе. В то же время, очевидно, возрастет политическая составляющая НАТО. Соединен-

ные Штаты надеются воспользоваться этим и удержать также и политические командные высоты в «Европе без России», особенно в условиях явного спада влияния Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Может быть, поэтому тема резкого сокращения американского военного присутствия в Европе, столь популярная в связи с критикой Бушем в предвыборный период политики Клинтона, перестала упоминаться новым американским руководством после выборов.

Однако ставка Соединенных Штатов на сохранение своих доминирующих позиций в Европе проблематична. Конечно, нет оснований прогнозировать на обозримый период рост антагонизма между ЕС и США. Противоречия – да, но не антагонизм. ЕС не стремится и не будет стремиться к тому, чтобы США ушли из Европы. Это в конечном счете не в интересах и России, которая не может и не должна основывать свою политику на использовании противоречий между создающимися в мире полюсами силы и влияния. Такие рекомендации звучали с трибун партийных съездов тогда, когда международные отношения в максимальной степени были идеологизированы.

Сегодня речь идет не об ослаблении государств – идеологических противников, а о создании условий для международной стабильности. Но сохранение трансатлантических связей не идентично гегемонизму США в политике Европейского союза. Судя по всему, к этому не ведет и объективный ход европейского развития. Характерно, что «медленно, но верно» Европейский союз обретает не только экономическую, но и военно-политическую составляющую. Этот процесс неумолимо развивается без формального противопоставления НАТО.

Более того, в соответствующих документах всячески подчеркивается, что создаваемые европейские вооруженные силы – не соперничающая с НАТО структура, а дополнение к Североатлантическому союзу. Однако само создание европейских вооруженных сил происхо-

дит – это нетрудно заметить – вопреки негативной, особенно изначально, позиции по этому вопросу Соединенных Штатов, что тоже свидетельствует в пользу тенденции создания многополярного мира.

Особенно важно рассматривать создание военно-политической составляющей Европейского союза в динамике. В момент образования ЕС даже не предполагалось, что Союз будет заниматься военными вопросами. Вполне определенно говорилось о его чисто экономическом предназначении. Затем началась выработка общей внешней политики и общей концепции «обеспечения безопасности невооруженным путем». Это происходило внутри Западноевропейского союза, то есть в значительной мере в рамках НАТО. Но эти рамки стали тесными.

Переломным моментом можно считать англо-французскую декларацию, принятую в декабре 1998 г. в Сен-Мало, в которой утверждалось, что «Европейский союз должен в полной мере выполнять свою роль на международной арене... Для проведения независимых действий Союз нуждается в заслуживающих доверия вооруженных силах, механизме принятия решения об их использовании». Существо происходящего не изменила дежурная ссылка на то, что в случае международных осложнений эти силы будут использоваться в соответствии «с обязательствами в отношении НАТО»*.

Истинное значение принятой в Сен-Мало декларации выявила резкая реакция на нее со стороны США. Госсекретарь М. Олбрайт на страницах «Файнэншл таймс» предостерегла против опасности раскола НАТО, дублирования средств обороны и дискриминации тех членов НАТО, которые одновременно не являются членами ЕС**.

* Joint Declaration on European defense: British-French Summit. Saint Malo. 1998. 3–4 December.

** Financial Times. 1987. 7 December.

Однако движение к собственным вооруженным силам ЕС продолжается. За несколько последних лет ЕС обрел собственный военный комитет, центр обработки данных космической разведки, принял решение о создании собственной глобальной навигационной системы «Гелиос», военно-транспортного самолета. Быстрыми темпами идет интеграция западноевропейской военной промышленности. К концу 2003 г. ЕС должен иметь силы быстрого развертывания, или объединенные вооруженные силы, в составе 60 тыс. солдат и офицеров. Ожидается, что к Межправительственной конференции стран ЕС

в 2004 г. будет создана, как пишет лорд Оуэн, «отдельная адекватная оборонительная опора»*.

Желанием сохранить господствующие позиции в мире во многом подпитывается политика Соединенных Штатов Америки и по созданию национальной системы противоракетной обороны (НПРО). Полностью согласен с российскими исследователями А.А. Кокошиным, В.А. Веселовым и А.В. Лиссом, которые очень точно пишут об этом: «Мотивы создания НПРО сегодня заключены не только в военно-технических аспектах, попытках найти выход из “ядерного пата” или прикрыться от угрозы в виде гипотетических северокорейских ракет. Представляется, что американцам важнее всего обеспечить свою исключительность в условиях нового стратегического ландшафта в начале XXI века». Авторы рассматривают «сохранение исключительности», в том числе через «технологический отрыв» в области ПРО, в качестве альтернативы складывающейся системы многополярности в мире**.

Со стремлением США воспрепятствовать развитию процессов, ведущих к многополярному мироустройству,

* Вестник Европы. Т. IV. 2002. С. 46.

** См.: Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В. Сдерживание во втором ядерном веке / Российская академия наук, Институт проблем международной безопасности. – М., 2001. С. 47.

связана их линия, а она четко просматривается, на нивелирование роли Организации Объединенных Наций в современном мире, на утверждение практики односторонних силовых акций, о чем говорилось выше. Развитие тенденции к многополярному миру – в интересах всего мирового сообщества, включая, как это на первый взгляд ни звучит парадоксально, и Соединенные Штаты. Именно такой мир создает наиболее благоприятные условия для противодействия новым вызовам безопасности, и в первую очередь международному терроризму. Нельзя забывать, что альтернативой является однополярное мироустройство, иными словами, американоцентризм, который содержит в себе заряд, уже сегодня неприемлемый для большинства других государств.

Есть основания считать, что в гипотетическом однополярном мире конфронтационность в международных отношениях усиливается. Во время «холодной войны» две полюсообразующие державы причинили немало неприятностей (кто больше, кто меньше, но не об этом здесь идет речь) другим странам. Вместе с тем существовал «баланс», который ограничивал негативные проявления в политике и США, и СССР. Гипотетический однополюсный мир никак и ни кем не будет сбалансирован. Если он стал бы реальностью, неравномерность развития государств проявилась бы преимущественно в антагонистических формах. На минуту представим себе, как в мире, где безраздельно господствуют США, может происходить, например, прорыв Китая на позиции еще одного мирового полюса, а следовательно, и центра силы.

Этот пример показателен и в том, что нет пути к многополярному мироустройству через «промежуточный» однополярный мир. Среди некоторых исследователей распространена точка зрения, согласно которой в настоящий момент может сложиться международная система с одним центром – США (к этому, мол, дело идет вне зависимости от воли других стран), но в дальнейшем

ряд других государств или их объединений смогут претендовать на роль системообразующих центров на мировой арене. Такая предполагаемая последовательность чревата коллизиями с возвращением мирового сообщества к жесткой глобальной конфронтации.

Американский политолог С. Хантингтон следующим образом описал однополярную структуру мира: «Одна сверхдержава, незначительные державы и много малых государств». По его словам, доминирующая держава в такой системе в состоянии эффективно разрешать международные проблемы в одиночку, и никакие комбинации других государств не будут в силах предотвратить такие ее действия. Сегодняшний мир не нуждается в такой доминирующей державе, но даже доминирующая держава, судя по всему, исторически не сможет образовать однополярное мироустройство.

УРОКИ ДЛЯ ВСЕХ

I. Увидеть лес за деревьями

11 сентября 2001 г. часто называют точкой отсчета новой эпохи в развитии мира. Это не отражает действительности. События 11 сентября не меняют магистрального направления развития человечества: в экономике – постиндустриальное общество, спеленутое процессами глобализации, межгосударственной интеграции и транснациональными предпринимательскими структурами; в политике – укрепление демократических устоев во внутренней жизни и международных отношениях, федерализма в многонациональных государствах; в культурно-политической области – сближение мировых цивилизаций; в мироустройстве – переход от двухполярной к многополярной системе. Однако 11 сентября – значительный эпизод, способный оказать серьезное влияние на движение по всем этим векторам.

Неправильно было бы сводить это влияние лишь к выработке согласованной коллективной политики и осуществлению на ее основе совместной борьбы против терроризма. При всей важности прямого антитеррористического аспекта в международной деятельности им ограничиваться нельзя. Уже говорилось о необходимости принятия хартии, определяющей «правила поведения» государств в отношении террористических организаций и групп, о качественно новых формах и методах совместных акций национальных спецслужб.

Это не полный перечень того, что следует сделать. Внутреннее положение во многих странах должно быть значительно в большей степени приспособлено к борьбе с терроризмом. Требуется отход от всякого рода расхлябанности в обществе. Показательно, что террористы до сих пор действовали гораздо свободнее, со значительно меньшими трудностями в демократических странах, чем в своих, «восточных». Но это отнюдь не означает, что укрепление безопасности однозначно уменьшению свобод, сужению демократических прав. Для любого общества, в том числе российского, противопоказано превращение борьбы с терроризмом в манипуляции, угрожающие демократическим началам.

Очевидно, нужно об этом сказать во всеуслышание, потому что масштабные потрясения всегда подпитывают те силы, которые настроены на обеспечение порядка и безопасности не за счет ужесточения контроля, дисциплины, отказа от беспечности, а путем введения авторитарных методов правления.

Уроки 11 сентября 2001 г. должны рассматриваться в широком плане. В первую очередь применительно к тем причинам, которые подпитывают международный терроризм. Одной из них, как отмечалось, является неурегулированность региональных или внутригосударственных этнических и религиозных конфликтов, что особенно контрастно просматривается а примере ближневосточного. Разрушение той региональной питательной среды, на которой произрастают террористические структуры, становится одной из самых неотложных задач уже в кратковременном плане.

Вместе с тем нужно новыми глазами посмотреть на отношения «Север–Юг» и на все еще играющие свою роль, вопреки заявлениям о том, что с окончанием «холодной войны» они ушли в прошлое, отношения по линии «Запад–Восток». Борьба с высшей самодостаточной формой международного терроризма, если можно так ее

назвать, требует искоренения из отношений «Север–Юг» и «Запад–Восток» всего того, что уже порождало или сопровождало развитие терроризма на мировой арене.

Трудная долговременная задача – поднять уровень жизни той большей части населения земного шара, которая находится за пределами «золотого миллиарда», хотя, вопреки мнению многих политологов, я бы не считал бедность Юга основной причиной возрастания международного терроризма. (Этот вывод ни в коем случае не должен рассматриваться как преуменьшение чрезвычайной важности общемировой деятельности по ликвидации бедности Юга.) Но и Юг сегодня не однороден, да и корни террора как метода борьбы уходят в почву не только Юга, но и Севера.

Кстати, террористические структуры порождаются и пополняются за счет выходцев далеко не из самых бедных стран. Скорее здесь сказывается неприятие существующей асимметрии в правах и возможностях «золотого миллиарда» и остального мира. Причем различия в возможностях подчас порождаются не материальным и научно-техническим превосходством Севера, а неравноправными условиями, дискриминирующими Юг.

Оздоровляющим должен стать общий и повсеместный отказ от имперского мышления, от двойных стандартов – что позволительно государствам Севера, то не позволительно тем, кто находится на Юге.

Совершенствование деятельности Организации Объединенных Наций в выработке и претворении в жизнь правил современного миропорядка имеет непреходящий жизненно важный смысл. ООН могла бы в этом плане действовать в различных направлениях, начиная от создания правовых условий, которые благоприятствуют получению населением Юга мировых достижений технико-технологического прогресса, современного массового образовательного процесса, и кончая прекращением всех видов дискриминации.

Естественно, что становление справедливого миропорядка невозможно без обязательств и со стороны Юга – прежде всего в соблюдении прав человека, демократизации общества, но не всегда и не во всем по «северному» образцу, без учета исторической специфики и традиций.

А теперь о необходимости по-новому в XXI веке осмыслить отношения Запада и Востока. Государства, входящие в эти понятия, никогда не определялись по географическому принципу, а относились к Западу или Востоку по политическим мотивам. В конце XX века граница между ними оказалась во многом нивелированной, но не во всем. И после окончания «холодной войны» необходимо, хотя бы условно, принимать во внимание сохранение этих понятий, особенно если речь идет о все еще сохраняющемся двоецентрии в стратегической ядерной области.

Что нужно делать для сплочения антитеррористических сил в таких условиях?

Сначала о бесспорных, как представляется, истинах.

Внедрению нового духа в международные отношения способствуют не односторонние единоличные решения даже самой сильной в мире державы, а сплоченность мирового сообщества. Взаимодействие здоровых сил не должно строиться на религиозно-цивилизационном принципе или готовности принять все ценности и разделить все взгляды тех, кто организует антитеррористическую деятельность, иными словами, на готовности безмолвно следовать в их фарватере вне зависимости от того направления, которое они выбирают.

Прочный антитеррористический фронт может быть создан только в условиях, когда государства, в первую очередь основные игроки на международной арене, обеспечивая собственную и коллективную безопасность, сделают упор на методах, не противоречащих интересам других. Мир должен быть застрахован от возвращения в отношении кого бы то ни было к игре «с нулевым результатом», при которой в прошлом и мы, и Соединен-

ные Штаты нередко исходили из того, что выигрыш или проигрыш в любой сфере одной стороны приводит к противоположным результатам для другой.

Ныне, когда существуют широкие поля совпадающих интересов, одним из которых является предотвращение акций террористов, положение коренным образом меняется. Это приводит к созданию широкой платформы для решения многих общечеловеческих задач, но одновременно требует корректировки подходов к их решению, особенно в такой чувствительной области, как безопасность.

II. Больные проблемы безопасности

На сегодняшний день я бы выделил в этой связи острую необходимость договоренности по трем взаимосвязанным проблемам: милитаризация космоса, противоракетные системы и создание условий для противодействия распространению ядерного оружия. Новые обстоятельства должны повлиять на наше видение этих проблем и пути их разрешения. Разве не характерно, например, что после террористического удара по Нью-Йорку и Вашингтону 11 сентября 2001 г., по данным журнала «Ньюсуик», резко сократилось число американцев, отдавших предпочтение затратам на противоракетную оборону по сравнению с финансированием других видов вооружений? Среди опрошенных первые после теракта составили лишь 18 % против 71 % фактически высказавшихся за новые акценты в военной политике и практике США*.

Вопрос об отказе от милитаризации космоса не новый, но он поставлен в настоящее время с особой остро-

* Newsweek. 2001.19.09.

той. Если упустить момент, то неизбежно сложится такая стратегическая ситуация, к которой человечеству будет очень трудно, во всяком случае в ближайший период, «подобрать ключи». Время не терпит еще и потому, что США объявили о намерении создать национальную ПРО, что предполагает размещение вооружения в космосе. Это не только не имеет ничего общего с антитеррористическими задачами, но, напротив, противоречит их решению, так как разъединяет государства, сталкивает их интересы.

Такой вывод относится к обоим вариантам. Первый – если Соединенные Штаты, используя свои огромные экономические и технико-технологические возможности, установят господство в милитаризованном космосе, а другие государства в нынешний момент просто не смогут создать им конкуренцию. В таком случае США становятся монополистами не только в создании НПРО, но и в обладании новым стратегическим наступательным оружием класса «космос-земля», а также космическими противоспутниковыми средствами. Это кардинальным образом изменит военно-политическую обстановку в мире. При фактическом отсутствии в настоящий момент «глобальных» противников США это может подпитывать те американские круги, которые все больше нацеливаются на односторонние решения по продвижению своей политики с помощью силы, применяемой, возможно, не только против стран-изгоев.

Другой вариант, если развитые в научно-промышленном отношении государства не согласятся с монопольно господствующим положением США в космосе и приложат усилия для того, чтобы продвинуть свои военно-космические программы. Разовьется гонка вооружений в космосе с непредсказуемыми последствиями. Разве это укрепит международную безопасность в XXI веке или даже безопасность Соединенных Штатов?

Между тем, история преподает нам серьезный урок: однажды у СССР и США хватило ума и воли, чтобы защитить космос от гонки вооружений. Известно, что США провели девять ядерных испытаний в космосе с августа 1958 по ноябрь 1962 г. Советский Союз провел четыре ядерных испытания в космосе и одно в верхних слоях атмосферы с октября 1961 по ноябрь 1962 г. Целью и тех и других испытаний была отработка использования ядерных взрывов в космосе для нейтрализации баллистических ракет возможного противника. И те и другие эксперименты привели к значительным завихрениям в магнитном поле Земли, засорению космического пространства «мусором». И СССР, и США стало ясно, что продолжение испытаний может помешать нормальной работе спутников на околоземной орбите, а это в свою очередь нанесет ущерб гражданским и военным системам связи с использованием спутников и, может быть, самое главное, извратив показания датчиков, выведет из строя системы раннего предупреждения о ракетном нападении.

Во время «холодной войны» это грозило огромными бедами. Не говоря уже о том, что ядерные взрывы в космосе привели бы к закрытию больших зон для космических пилотируемых аппаратов.

Тогда СССР и США пошли на взаимное прекращение ядерных испытаний в космосе и открыли его для научных и коммерческих нужд, не исключая при этом пассивных военных мер, т. е. выведение в космос аппаратуры разведки, слежения и контроля. В 1963 г. был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, включая космос. В 1967 г. Советский Союз и Соединенные Штаты заключили Договор о космосе, открытый к подписанию всеми другими государствами. По этому договору запрещалось размещать ОМУ в космическом пространстве. По Договорам ОСВ-1 и ПРО ограничения были расширены: запрещалось препятство-

вать работе национальных технических средств контроля, находящихся в космосе, и размещать или испытывать в космосе национальные системы противоракетной обороны. В результате всего этого государства не прекращали выводить на орбиту свои спутники, в том числе военные, но оружие вплоть до сегодняшнего дня так и не было размещено в космосе, который оставался наряду с Антарктикой демилитаризованной зоной.

Однако попытки втянуть космическое пространство в сферу активных военных приготовлений продолжались, и дело не ограничилось даже планами по созданию национальной ПРО с элементами космического базирования. В начале 2001 г. комиссия конгресса США во главе с Д. Рамсфельдом, нынешним министром обороны, выступила за пересмотр статуса космоса в пользу срочного размещения в нем американского оружия «для защиты своих спутников и космических аппаратов». Рекомендации комиссии открывали двери для гонки вооружений в космосе и могли создать серьезные препятствия для выполнения научных и коммерческих космических проектов, в том числе и международных.

Инициатива комиссии Рамсфельда вызвала развернутую критику также и в США. Против нее резко выступили сенаторы-демократы. Американские планы милитаризации космоса притормозились. Сказались, очевидно, и технико-технологические, и финансовые причины. Но нельзя исходить из того, что много времени остается в запасе, – начинать решать проблему сохранения космоса без оружия нужно уже сейчас.

Выход, по-видимому, не в том, чтобы вести дело к прямому запрету создания НПРО. Следует, очевидно, начать консультации по проведению таких научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по ПРО, которые позволили бы максимально ограничить активное использование космоса в военных целях. Положительный опыт достижения этой цели у нас уже есть.

Российские и американские эксперты в свое время в Женеве решили вопросы разграничения стратегической и тактической ПРО в отношении низкоскоростных систем. В Хельсинки в 1997 г. – я принимал участие в этом – был обозначен целый ряд критериев, которые поставили преграду на пути создания стратегической ПРО. Среди них запрет на перехватчики космического базирования. Очень важно, что Россия и США приняли в Хельсинки методологию реагирования на неизбежные прорывы в результате развития науки и техники. В соглашении было зафиксировано, что по мере совершенствования технологий стороны будут проводить консультации, с тем чтобы выработать новые договоренности, адекватные этим новым условиям.

Соглашение, содержащее все эти важнейшие моменты, было подписано Олбрайт и мной в сентябре того же года в Нью-Йорке. Не скажу, что переговоры в Хельсинки происходили «плавно». Но при участии военных с двух сторон мы добились в конце концов удовлетворяющих и нас, и американцев решений. Так неужели этот опыт, который, кстати, в конечном счете зажег зеленый свет для ратификации Государственной Думой РФ Договора по СНВ-2, не показывает, как много можно добиться, если не вставать на путь односторонних решений?

Выход, очевидно, заключается также не в попытках запретить пассивное военное использование космоса. Поезд, как говорится, уже ушел. Да и запрет на размещение военных средств контроля в космосе ослабил бы систему «сдерживания». Нужно думать о том, как не ликвидировать, а приспособить эту систему к отражению не только старых, но и новых угроз, проявившихся особенно наглядно после окончания «холодной войны». Среди средств, предлагавшихся Россией, коллективное создание противоракетных систем, надежно защищающих не только США, но и другие части света – Европу, Азию – от возможного ядерного нападения. Создание таких кол-

лективных систем приведет к использованию интеллектуальных потенциалов и технологий, которыми располагают не только США, но и другие государства, а также, что чрезвычайно важно, исключит подозрения относительно возможного применения ПРО в интересах какой-либо одной державы.

Одновременно стоило бы сосредоточиться на разработке тех мер, которые могли бы без выведения ядерного оружия в космос защитить космические военные средства слежения и контроля от любых попыток уничтожить или помешать их работе. Можно было бы включить в такие меры запрет на создание противоспутниковых систем не только космического, но и наземного, морского, воздушного базирования.

Для сближения всех антитеррористических сил важны не наращивание новых видов вооружений одним каким-либо государством, не монопольный его прорыв в космос или приглашение к соперничеству с ним в этой еще не охваченной милитаризацией сфере, а международные договоренности разумно-ограничительного характера, каковой, в частности, был Договор о космосе 1967 г. В новой договоренности могли бы принять участие все те страны, которые заинтересованы в сохранении доступа к космическому пространству для его использования в научных и коммерческих целях. Число стран, прямо или косвенно заинтересованных в этом, будет расширяться, создавая еще одну основу для сплочения мирового сообщества.

В этом же плане следует рассматривать и проблему Договора по ПРО. Много писалось и говорилось о необходимости его сохранения и соблюдения. Судя по всему, под этими призывами готово подписаться большинство государств, среди которых немало стран, входящих в НАТО. За этим стоит понимание важности этого договора как краеугольного камня современной стратегической стабильности, как основного препятствия на пути гонки вооружений.

Не буду подробно распространяться на эту тему. Она уже довольно широко освещена. В то же время события 11 сентября могут пролить свет еще на одну позитивно-основополагающую функцию Договора по ПРО – его положительное влияние на нераспространение ядерного оружия.

Нераспространение всегда было органично связано с разоруженческим процессом. Одним из главных аргументов в пользу обладания ядерным оружием новыми странами, как известно, служило и служит утверждение, что их вынуждает к этому отсутствие всеобщего ядерного разоружения. Конечно, развить процесс разоружения нелегко, но начало ему все-таки положил Договор по ПРО, в преамбуле которого отнюдь не формально подчеркивается следующая цель этой международной договоренности: «По возможности скорее достигнуть прекращения гонки ядерных вооружений и принять эффективные меры в направлении сокращения стратегических вооружений, ядерного разоружения и всеобщего полного разоружения».

Не все удалось сделать в этом направлении. Но Договор по ПРО создал фундаментальные предпосылки для заключения Договоров РСМД, СНВ-1, СНВ-2... словом, для того, чтобы ядерное разоружение перешло от абстрактной идеи в стадию осуществления.

Все это делает все страны без исключения заинтересованными в судьбе Договора по ПРО.

Есть и другая важная сторона проблемы. Соединенные Штаты единолично объявили о выходе из Договора по ПРО, проигнорировав мнение преобладающей части мирового сообщества. И они сделали это в тот момент, когда Россия, практически отказываясь от своей прежней позиции неприкосновенности Договора, пошла на встречу США и согласилась вести консультации, чтобы сохранить его при приемлемых изменениях. Я думаю, что мотивом такой подвижки в российском подходе было

не просто стремление удержать США от не во всем продуманного шага и тем самым сохранить столь важную международно-правовую основу стабильности, а опасение, что разрушение Договора по ПРО подталкивает к нигилистическому отношению и к другим международным обязательствам. Такое отношение противопоказано особенно в нынешних условиях, когда стоит задача укрепить антитеррористические действия определенными государственными обязательствами, которые, как уже говорилось, могут быть зафиксированы в хартии.

А теперь вернемся к теме противодействия распространению оружия массового уничтожения. Она значительно более широкая, чем сохранение Договора по ПРО, как бы он ни был важен сам по себе.

Нельзя сказать, что происшедшее в конце XX века расширение ядерного клуба обрушилось как гром среди ясного неба. О «пороговых» и «предпороговых» странах говорилось достаточно подробно в двух (1992 и 1995 гг.) открытых докладах Службы внешней разведки России (СВР). В них давалась оценка критериев, по которым можно определить местонахождение каждой «пороговой» и «предпороговой» страны на шкале приближения к цели обладания ядерным оружием.

Доклады заинтересовали мировую общественность, они легли в основу полезных обсуждений СВР с американским ЦРУ, рядом других спецслужб. Но сорвать процесс распространения не удалось.

А вообще, существуют ли средства, чтобы остановить этот процесс? Это не праздный вопрос. От реального нахождения таких средств практически сегодня зависит многое, если не основное, в попытке сохранить международную стабильность.

Нужно признать, что подписание Договора о запрещении испытаний ядерного оружия (1963) и Договора о нераспространении ядерного оружия (1968), хотя и сыграло положительную роль, но не воспрепятствовало про-

цессу увеличения числа ядерных государств. Некоторые из них не подписали эти договоры, а мировое сообщество не отреагировало на это должным образом, во всяком случае, последовала слишком мягкая, чисто словесная реакция на это.

Что делать впредь? Развернуть назад Индию, Пакистан и Израиль в число безъядерных государств в нынешних условиях не удастся. В дальнейшем многое будет зависеть от ликвидации региональных конфликтов, в которые вовлечены эти страны. Однако уже в настоящее время следует выработать такие меры, которые резко усилили бы ответственность этих новоявленных членов ядерного клуба за применение ядерного оружия и предоставление его другим государствам. Их ответственность необходимо установить и за нарушение запрета на предоставление документальных данных, технологий и техники тем странам, которые стремятся обладать ядерным оружием.

Отдельные меры следовало бы продумать в отношении «пороговых» и «предпороговых» стран. Настало время – события 11 сентября подталкивают к этому – мобилизовать все интеллектуальные ресурсы и волю основных игроков на мировой арене для того, чтобы сделать все возможное против распространения ядерного оружия. Добиться этого в полной мере, по-видимому, невозможно, но затруднить, затянуть этот процесс до того времени, когда надо полагать, обстановка в мире станет менее взрывоопасной, необходимо. И уже сегодня ясно, что в контекст этого «всего возможного» не должно быть вписано применение военной силы против «соискателей» членства «ядерного клуба». Это может привести к самым тяжелым последствиям.

Несомненно, облегчила бы решение задачи нераспространения ликвидация международных конфликтов, в которые уже вовлечены и могут быть вовлечены страны, прорывающиеся к обладанию ядерным вооружением,

другими средствами ОМУ. И наоборот, осложняет решение этой задачи навешивание ярлыков на те или иные государства, зачисляемые во всевозможные «оси зла».

Облегчила бы решение задачи нераспространения реальная помощь государствам, находящимся за пределами «золотого миллиарда», в мирном использовании атома, вовлечение их через такую помощь в международные правовые организационные структуры, исключая «побочные» военные результаты такой мирной практики. И наоборот, дискриминационные меры в отношении, например, поставленного под международный контроль (МАГАТЭ) строительства атомных электростанций или научно-исследовательской деятельности подталкивают такие государства к поискам самостоятельных путей, через которые можно было бы пробиваться к «полноценному» ядерному статусу.

Одним из средств предотвращения прорывов все новых стран к ядерному оружию может быть изменение такого положения, когда постоянными членами Совета Безопасности ООН являются только ядерные Державы. Лишь они находятся на вершине мировой политики. Давно уже назрела реформа Организации Объединенных Наций. Но приступить к ней и проводить ее необходимо крайне осмотрительно, чтобы не подорвать миротворческие функции Объединенных Наций. Думается, что при реформировании Совета Безопасности не следует изменять Устава ООН – только это может служить гарантией от превращения Организации Объединенных Наций в недееспособную структуру, которая будет не в состоянии сдерживать деструктивные процессы в мире.

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

I. США: на кого ставка?

Место любой страны в мировой структуре определяется многими составляющими. Для России особое значение имеют ее экономические перспективы. Их прогнозы затруднены. Обычно делается упор на том, что Россия выделяется своими богатствами – полезными ископаемыми, интеллектуальным потенциалом населения, огромной территорией. Но как будут применены в экономике эти несомненные преимущества?

Девяностые годы не дали примера их оптимального, да что говорить – просто эффективного использования. Положение стало выправляться в конце последнего десятилетия XX века. После дефолта августа 1998 г. начался экономический подъем. Пользу принесла объективная ситуация: девальвация рубля, импортозамещение в связи с сокращением ввоза товаров, подъем мировых цен на нефть. Но во всяком случае не меньшую роль сыграл начавшийся отход от практики псевдолибералов, уповавших на то, что «всесильный рынок» сам все расставит по местам, отрегулирует и создаст условия для подъема производства.

Проводники такой политики в России опирались на рецепты преимущественно американских экспертов, которые, защищая «либеральные методы», закрывали гла-

за на то, что на этапе выхода из кризиса эти методы не использовались ни одним государством, в том числе Соединенными Штатами. В чистом виде такие методы не превалировали в США и в период после Ф. Рузвельта. В отличие от российских псевдолибералов, лозунгом которых на все времена стало «чем меньше государства в экономике, тем лучше», капитаны американской экономики соизмеряли и по сей день соизмеряют уровень государственного вмешательства в экономику с динамикой ее потребности в этом.

«Государственники», в пользу которых начался в России отход от псевдолиберализма девяностых годов, не могут и не должны рассматриваться как адвокаты командно-административной системы. Она полностью исчерпала себя, будучи не в состоянии обеспечить абсорбирование российской экономикой результатов научно-технического прогресса, стала причиной прогрессирующего отставания России от передовых промышленных стран, создала условия для укрепления антидемократических основ в обществе. Для возврата к этой системе практически нет ни одного шанса. Российские «государственники» – это скорее те, кто придерживается государственно-либеральных взглядов. Они ни в коей мере не отрицают необходимость рыночных преобразований в экономике, не принижают значение рыночного регулятора, но одновременно считают, что государство должно, используя свои специфические методы, добиваться двух целей: во-первых, создания цивилизованного рынка, оперирующего на основе свободной конкуренции, и, во-вторых, построения рыночной социально ориентированной экономики.

Прогнозы развития экономики в России полностью зависят от трансформации российской экономической практики из «псевдолиберальной» в «государственно-либеральную». Представляется, что, несмотря на зигза-

гообразное движение, подчас досадные отступления, это все-таки произойдет, и на основе такой трансформации будут достигнуты модернизация экономики, достаточно высокие темпы роста ВВП, улучшение благосостояния населения.

Казалось бы, официальный Вашингтон не несет прямой ответственности за рекомендации, поступившие в Россию по линии чикагских профессоров, «вашингтонского консенсуса», Международного валютного фонда (МВФ). Но это не так. И государственный департамент, и министерство финансов, да и администрация Белого дома всячески показывали российскому руководству необходимость принятия таких советов, настаивали на этом, стояли за спиной МВФ, предоставлявшего кредиты России и определявшего их объемы в зависимости от покладистости власть имущих в Москве. Я могу привести много таких примеров и из собственного опыта в то время, когда был председателем российского правительства*, включая тот весьма прискорбный факт, что представители МВФ были заранее осведомлены и фактически подержали в августе 1998 г. серию решений, принятых группой российских «знатоков», облеченных реальной властью. Эти решения и привели страну к экономической катастрофе.

Не думаю, что все это делалось сознательно с целью положить Россию «на обе лопатки», хотя могли существовать и такие мотивы. Но главное, пожалуй, заключалось в том, что США, Запад в целом ориентировались на «псевдолибералов», были близки с ними, получали от них однобокую информацию о происходившем в России и верили им. А «государственникам-либералам» не доверяли, их чурались, примитивно относя к «антизападникам».

* См.: Восемь месяцев плюс... – М.: Мысль, 2001.

Такая ошибочная ориентация или даже дезориентация могла обернуться полосой американо-российского отчуждения, способного приобрести перманентный характер. Приход к власти в ноябре 2000 г. администрации Дж. Буша-младшего ознаменовался рядом выступлений и комментариев, из которых следовало, что роль России во внешней политике США будет понижена до такой степени, что Вашингтон сможет действовать, не считаясь с ее интересами. Позже произошел размыв этой линии в связи с событиями 11 сентября и той поддержкой, которую оказал Путин Бушу. Вернутся ли США к «раннему президенту Бушу», зависит в первую очередь от правильного понимания характера сил, находящихся у власти в Москве, и от сути проводимой ими политики.

Конечно, силы эти не однородны. Однако существует общая направленность политики, определяемая президентом. Представляется, что этот фактор будет усиливаться через разочарование российского общества в левой и правой традиционной оппозиции, а также скрытой оппозиции в окружении президента Путина. Внутреннее соотношение сил отражается в стабильно высоком рейтинге Путина при несопоставимых рейтинговых показателях у лидеров различных оппозиционных групп. Это происходит не потому, что все, что делает или говорит президент, стоит выше критики, – так не бывает ни в одном государстве. Но преобладающее большинство мыслящих россиян понимает, что В.В. Путин – оптимальная фигура для нынешней России. Представляется, что у него есть все шансы быть переизбранным и на новый срок.

За время, последовавшее за 11 сентября, окрепли и развились связи с В.В. Путиным руководителей многих стран – США, европейских, азиатских. Вместе с тем есть настораживающие сигналы. Судя по публикациям западной печати, информаторами о том, что происходит в России, по-прежнему являются люди, принадлежащие

или близкие к псевдолибералам. Им отдается приоритет в этой области, а ведь они действуют далеко не бескорыстно, стремясь использовать зарубежную поддержку для возвращения к власти в России.

Сегодня вопрос уже не упирается в помощь России со стороны США или Запада в целом в нахождении путей продвижения ее экономики по рыночным рельсам, а российского общества – к укреплению демократии. Россия уже идет в этом направлении. Она сама вырабатывает концептуальные подходы, во многом разочаровавшись в рецептуре, предлагавшейся из-за рубежа. Но это отнюдь не означает самоизоляции России или противопоставления этих концепций тем, которые позитивно рекомендовали себя на Западе.

Однако существует экономическая область, где по-прежнему Россия нуждается в западной поддержке. Это – расширение внешнеэкономических связей России, привлечение зарубежных инвестиций в российскую экономику, вступление Российской Федерации в те международные организации, которые определяют «правила поведения» государств в мировой экономике.

Первая из этих проблем связана с отменой дискриминационных ограничений, которые все еще практикуются в США в отношении России. Среди них поправка Джексона–Вэника, лишаящая Россию режима наибольшего благоприятствования в торговле с США, правила экспортного контроля по многим видам американской наукоемкой продукции, практика квот и санкций, подчас необоснованно применяемых в отношении российских производителей.

Что касается Европейского союза, то главная проблема здесь – создать условия, чтобы расширение его не нанесло ущерба экономическим связям России с новыми членами ЕС и Союзом в целом. Можно без преувеличения сказать, что «лакмусовой бумажкой» того, как относится Европейский союз к России, будет решение про-

блемы Калининградской области. После расширения ЕС этот российский эксклав будет окружен странами – участницами Союза. Предопределено и их вступление в шенгенский визовый режим. Будут ли выработаны специальные условия беспрепятственного сообщения между Калининградской областью и остальной Россией? Будут ли сохранены ныне существующие условия, позволяющие развивать сотрудничество Калининграда с Литвой, Польшей, другими европейскими странами? Эти вопросы требуют самого внимательного рассмотрения. Введение визового режима для Калининградской области, в том числе для транспортировки пассажиров и грузов между эксклавом и «материковой» Россией, за что ратуют некоторые из членов ЕС, резко затруднит процесс сближения России с Европейским союзом, а это является одной из стратегических задач Российской Федерации. Нужно сказать, что положение несколько улучшилось в результате шагов, сделанных навстречу друг другу Европейским союзом и Россией. Но проблемы Калининградской области в целом еще не разрешены.

Более глубокому вовлечению России в мировую экономику способствуют совместные проекты, базирующиеся на международном разделении труда. России есть что предложить в деле совместного строительства в аэрокосмической, энергетической и целом ряде других областей. Она входит в мировую экономику не с пустыми руками.

Важным является решение В. Путина и Дж. Буша создать условия для непосредственного вовлечения деловых кругов двух стран в наиболее перспективные проекты. Такая же линия наблюдается и в сотрудничестве России с европейскими странами. Будучи Президентом Торгово-Промышленной Палаты Российской Федерации (ТПП), я еще больше приобщился к этой проблеме. Российские предприниматели вполне «созрели» для сотрудничества со своими зарубежными коллегами в осуществлении самых что ни на есть сложных совместных проектов. Един-

ственно, что необходимо им, – это государственная поддержка, часто главным образом политическая. Когда на государственном уровне обсуждаются масштабные совместные проекты, то иностранный партнер, как правило, настаивает, чтобы целый ряд работ осуществлялся компаниями его страны, и это нормально. К большому сожалению, у нас подобный подход еще не стал обыденным.

В то же время большое значение имеет интеграция России в глобальные экономические структуры. В этой связи заострилась проблема вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Мы не можем обойти эту проблему стороной. Вставшей на путь развития рыночной экономики, вовлекаемой все глубже в мировое хозяйство России противопоказано игнорировать организацию, формулирующую «правила игры» на мировых рынках. Общеизвестно, что через страны, уже вступившие в ВТО, проходит более 90 % мировой торговли. Так что вопрос не может стоять так: вступать России или не вступать в ВТО? Однако на каких условиях вступать, как подготовиться к этому вступлению, какую внутреннюю работу нужно провести для того, чтобы присоединение к ВТО не сбilo с ног многие отряды отечественных предпринимателей, продукция которых в силу ряда причин еще мало конкурентоспособна?

В проблеме вступления России в ВТО опять проявляется противоречие между псевдолибералами и теми, кто соединяет либерализм с государственным регулированием. Первые политизируют вступление России в ВТО, желают, чтобы это произошло в максимально сжатые сроки. Одна и та же логика: «шоковая либерализация цен», «шоковая приватизация», а теперь и «шоковое вступление в ВТО». Оппоненты выступают за подготовленное вступление, минимизирующее ущерб для отечественных производителей. Очень важно, на кого и в этом случае будет опираться Запад – ведь от него зависят условия, обеспечивающие или затрудняющие прием России в ВТО.

II. Шесть пунктов по Чечне

И все-таки для сегодняшней России самая большая проблема – Чечня. Это одновременно и главный для России фронт антитеррористической борьбы. По-видимому, наступает время откорректировать линию в отношении Чечни. Речь не идет об отказе от стратегии – Чечня должна оставаться в составе Российской Федерации. Но, очевидно, настал момент пересмотреть тактику, направленную на достижение этой цели.

Преыдущая линия в отношении Чечни оправдала себя лишь частично. Федеральные силы смогли нанести серьезный урон бандформированиям. В этом, безусловно, заслуга армии, подразделений Министерства внутренних дел, заслуга в первую очередь солдат и офицеров. Однако сопротивление боевиков не сломлено, о чем свидетельствуют даже не единичные, а массовые вылазки бандитов, – в результате федеральные силы продолжают нести серьезные потери. Было бы несправедливо их относить только за счет командования, класс которого действительно оставляет желать лучшего. Главным образом сказывается тот факт, что чеченскую проблему нельзя решить одними военными или, на нынешнем этапе, даже преимущественно военными средствами.

Увенчался успехом ряд специальных операций ФСБ, в результате которых были ликвидированы или захвачены некоторые полевые командиры – среди них такие одиозные фигуры, как Радугев, Хаттаб, другие. Однако пока не удалось вывести из строя командование чеченскими боевиками – судя по характеру их операций, ими продолжают руководить из одного центра.

Удалось привлечь ряд чеченцев к сотрудничеству с федералами. Но это еще не свидетельствует о том, что

чеченская проблема в значительной степени стала эффективно решаться силами самих чеченцев. Не развернуто по-настоящему хозяйственное строительство в Чечне, продолжается казнокрадство, имеют место случаи продажи из российских источников вооружений чеченским боевикам. При общем героизме тех, кто сражается с чеченскими террористами, в федеральных вооруженных силах, задействованных в Чечне, наблюдаются случаи неоправданной жестокости, мародерства. Это, очевидно, свойственно любой армии, которая ведет кровопролитную борьбу в течение длительного периода с умелым, изворотливым и сильным противником, к тому же пользующимся поддержкой значительной части мирных жителей.

За это же время не произошло коренных изменений в тактике ведения борьбы чеченскими боевиками – нанесение как можно большего ущерба федеральным частям в живой силе, погромы и убийства тех чеченцев, которые отворачиваются от боевиков, захваты заложников, в том числе иностранцев, и торговля людьми, зверские террористические акты против российских мирных жителей за пределами Чечни.

Что делать в таких условиях? Я понимаю, что последующее изложение может вызвать критику и даже раздражение у определенных кругов, ныне вплотную занимающихся решением чеченской проблемы, но это выношенные мной мысли, и я считаю, что имею моральное право на их изложение.

Первое. Необходимо перейти к оптимальным действиям, чтобы отделить мирное население от боевиков. Это самое главное для решения чеченской проблемы на нынешнем этапе. К сожалению, сделать это не удалось в начале антитеррористической борьбы: боевики сосредоточились в населенных пунктах, что во время боев или «зачисток» приводило к большим жертвам среди мирных чеченцев. Конечно, ретроспективно всегда легче

оценивать обстановку. Но потери могли быть меньшими, если бы отделение мирных жителей от боевиков стояло в числе основных задач операции с самого начала.

Сейчас ставка сделана на отрыв чеченцев от террористов через передачу им полномочий по местному самоуправлению и обеспечению безопасности в населенных пунктах. Однако сам по себе этот метод не срабатывает, во всяком случае в ближайшее время навряд ли сработает. Нет оснований говорить о массовом отходе мирных чеченцев от боевиков даже в условиях, когда бандиты охотятся за теми, кто склоняется к сотрудничеству с федеральной властью, – нужно признать, что сильнее оказались противоречия чеченцев с ней. Разговоры о кардинально изменившейся обстановке лишь ласкают слух тех, кто хотел бы, чтобы так случилось уже сегодня.

Второе. Очевидно, что без переговоров с полевыми командирами, хотя бы с некоторыми из них, линия передачи исполнительной власти по местному самоуправлению и созданию местной безопасности чеченской стороне не восторжествует.

Не следует абсолютизировать и выборы. Сами по себе они тоже не изменят обстановку, даже если бы и удалось избрать в руководство Чечни достойных и дееспособных людей. Еще не создана ситуация, при которой можно было бы, как в других субъектах Федерации, передать власть местным силам. Они еще далеко не окрепли для того, чтобы сразу после выборов окунуться в борьбу с боевиками. А эта борьба в наиболее острой форме может быть остановлена лишь в результате переговоров. Таким образом, выборы в Чечне не могут рассматриваться в качестве их альтернативы.

Третье. Есть показатели того, что чеченские боевики хотели бы переговоров, и навряд ли единственным мотивом при этом является желание выиграть время. Для перегруппировки сил. После 11 сентября затруднены получение чеченскими сепаратистами финансовой, мате-

риальной помощи, переброска наемников из международных террористических центров, не говоря уже о моральной поддержке, которую они получали из-за рубежа до этих событий в гораздо более масштабном виде. В этом плане американская операция в Афганистане дала свои положительные плоды. Афганистан перестал существовать как база подготовки и снабжения чеченских боевиков. Думаю, что и саудовские, и турецкие власти будут более осмотрительны и станут значительно строже контролировать те внутренние силы, которые столь активно помогали чеченским сепаратистам. Аналогичный вывод следует сделать и в отношении Грузии, которая пусть и не так решительно, как хотелось бы, но все-таки больше, чем в прошлом, соизмеряет свою политику в отношении чеченских боевиков в Панкисском ущелье с интересами грузино-российских отношений.

Нас многое справедливо не устраивает в поведении Грузии. Сначала Тбилиси вообще отрицал нахождение чеченских боевиков на грузинской территории, потом ответил отказом на предложение России совместно закрыть границу, через которую просачивались бандиты, затем отказался выдать России террористов – российских граждан, ушел от предоставления информации о передвижении бандформирований по направлению к российской границе, отказался от предлагавшейся ему совместной операции против террористов, проникших в Панкисское ущелье. Все это так, и все это не может не вызывать, мягко говоря, раздражения у россиян в отношении грузинских лидеров. Но нельзя переносить это раздражение, обиду, горечь на народ Грузии. Нужно понимать, что война против чеченских сепаратистов – очень важный, но все-таки лишь эпизод в отношениях России с этой исторически дружественной страной, не сводить к этим отношениям чуть ли не всю проблему борьбы с боевиками в Чечне, как это некоторыми делается. К счастью, положение несколько разрядилось, что внушает оптимизм на будущее.

В.В. Путин уже обозначил после 11 сентября линию, не исключаящую переговоры его представителя с лицом, назначенным Масхадовым. Но тогда эта инициатива не имела продолжения. Она исполнялась «топорно». Возможно, даже специально в искаженном виде. Акцент был сделан не на том, что чеченская сторона должна в течение 72 часов заявить о готовности вести переговоры о сдаче оружия – именно так было сказано президентом Путиным, – а на том, что боевики должны в 72 часа оружие сдать. Вывод должен быть ясен. К переговорам следует приступать, не играючи ими, не на потребу кому бы то ни было, а как к продуманному средству решения чеченской проблемы.

На мой взгляд, нужно предусмотреть несколько этапов переговоров. Естественно, первый из них должен привести к прекращению огня. Совершенно ясно, что еще до начала переговоров нужно потребовать от чеченских представителей публично отмежеваться от террористических акций. В случае отказа конкретного переговорщика с чеченской стороны от этого условия, переговоры с ним перестают быть возможными – следует искать среди чеченских командиров тех, кто будет готов принять это обязательное требование. Еще раз хотел бы подчеркнуть, что перспектива переговоров отнюдь не исключает ни решительных боевых действий по разгрому чеченских банд, для чего необходимо, чтобы основные федеральные силы оставались на месте, ни усиления сотрудничества с теми чеченцами, которые уже отказались от вооруженной борьбы и готовы пытаться обеспечить безопасность своих населенных пунктов.

Четвертое. Не только события 11 сентября, но и наш собственный опыт подсказывает необходимость локализовать чеченский сепаратистский очаг. Руководители соседних с Чечней субъектов Российской Федерации, в первую очередь Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Дагестана, должны знать о полной своей ответственности за

обстановку, которая подчас позволяет чеченским бандитам, сотрудничая с местными «коллегами», использовать эти территории для подготовки и осуществления террористических актов в России. Эти республики должны привлечь к себе особое «прифронтовое» внимание не только со стороны федеральных спецслужб. Во всех этих субъектах Российской Федерации – опыт Дагестана красноречиво подтверждает этот факт, – несомненно, есть патриотический костяк, способный оказать решительную помощь в борьбе с террористами, в том числе просачивающимися с территории Чечни. Следует принимать, используя федеральные рычаги, решительные превентивные административные, политические, экономические, а при необходимости и военные меры против сепаратистских сил на российских территориях вокруг Чечни.

Особого внимания заслуживает Ставропольский край, административная граница которого с Чечней должна быть основательно укреплена, а все подозрительные лица, пересекающие эту линию, проходить через фильтрацию. Мера эта, несомненно, временная, но она должна осуществляться вплоть до окончания чеченского кризиса.

Пятое. Не умаляя значения военных, которые в основном справляются со своей частью задачи и проявляют при этом верность воинскому долгу, следует сказать, что им не дано превалировать в решениях ни о продолжении широкомасштабных военных действий, ни об их «патовом» прекращении, как случилось в первой чеченской войне в результате подписания Хасавюртских соглашений. Каждому – свое. Политики должны ответственно и самостоятельно выработать решения и активно требовать, в том числе и от военных, их осуществления. Не подчиняющиеся или ведущие собственную игру должны быть отстранены от дел.

Представляется, что руководить в Чечне всем – и хозяйственным строительством, и вооруженными действиями против бандитов, и политической работой с насе-

лением – должен представитель Президента России. Этому лицу должны быть переподчинены находящиеся в Чечне и части Министерства обороны, и войска МВД, и органы ФСБ, и местные административные власти. Через это ответственное лицо Президент РФ должен осуществлять свою политику в Чеченской Республике, которая могла бы получить статус Особого президентского округа.

Единоначалие с прямым выходом на В.В. Путина избавит от несогласованности в действиях, подтянет дисциплину, повысит ответственность всех, кто занимается Чечней, исключит ситуацию, когда из-за беспечности местного командования МО или МВД растет число жертв, которых подчас можно было бы избежать, если бы мы постоянно не наступали на одни и те же грабли и если бы за это несли заслуженное наказание те, кто виновны в этом.

Президент должен обладать исключительно правдивой, объективной информацией о положении в Чечне. За годы военных действий накопилось множество примеров, когда фальсифицировались события, однобоко освещалась обстановка, делались необоснованные выводы и прогнозы. Самыми жесткими мерами такую практику следует исключить. Доклады руководству в Москве всех служб должны быть предельно честными, неприукрашенными.

Шестое. Нужна целенаправленная работа по чеченской ситуации не только с руководством международных организаций и лидерами зарубежных государств, но и с общественностью, особенно тех стран, которые заявили о поддержке американских действий против терроризма. События 11 сентября могут способствовать правильному пониманию сути происходящего в Чечне. Нужно стремиться к тому, чтобы в их оценке не оставалось места ни двойной логике со стороны наших партнеров, ни ура-патриотизму и шапкозакидательству с российской стороны.

Мир наконец-то должен понять, какая тяжелая ноша на наших плечах, как непросто быть в течение ряда лет на передовой самого кровавого фронта антитеррористической борьбы, да еще тогда, когда Россию зачастую «не понимают». Антитеррористическая солидарность должна выражаться в поддержке не только Россией действий США в Афганистане, но и США, Западом, всеми здоровыми силами антитеррористических действий в Чечне.

* * *

Этот раздел был написан раньше того трагического дня 23 октября, когда чеченские террористы захватили в заложники в московском театре более 800 человек – зрителей и труппу. Зрительный зал, где в течение трех суток держали заложников, был заминирован. Группе людей, захваченных террористами, удалось связаться с компанией «Рен-ТВ», и из телевизионной передачи я узнал, что эти люди просят меня войти в контакт с бандитами. До этого момента с ними уже вели переговоры несколько человек, уговаривая отпустить заложников.

Поставив в известность официальных представителей российского руководства, я в сопровождении бывшего президента Ингушетии Аушева и бывшего генерала МВД, чеченца по национальности, Аслаханова, пройдя через плотное оцепление, вошел в здание театра.

Встретились с предводителем бандитов Бараевым и еще с четырьмя вооруженными террористами. Кстати, все они, за исключением чеченца, стоявшего у двери той комнаты, где проходила встреча, были без масок, с открытыми лицами (в зал к заложникам нас не пустили).

Разговор, далеко не по моей вине, получился чрезвычайно жестким. В ответ на призыв отпустить заложников – если захватившие их люди хотели таким путем привлечь внимание к «чеченской драме», то они уже добились своей цели, но гибель заложников с лихвой перечеркнет все это – мы услышали следующее от Бараева: «При-

влечь внимание – это лишь первый этап операции, а завтра в 12 часов я начну расстреливать заложников, пока вы не выведете все войска из Чечни». Попытка вразумить его кончилась криком: «Уходите! Закончен разговор! Мне может командовать только наш военный эмир Басаев!» Не подействовали и мои слова, что чеченцы обычно уважают людей пожилого возраста, а если говорить о заложниках, то Коран, на который он ссылался, ни в коей мере не поощряет войну с женщинами и детьми. Остался без всякого внимания и призыв отпустить с нами детей.

Мы были последними переговорщиками, видевшимися с Бараевым. В ночь с 26 на 27 октября начался штурм. Для того, чтобы спасти людей – без этого, несомненно, театр был бы взорван, что унесло бы тысячу жизней, в том числе и офицеров группы «Альфа», штурмовавших здание, – через вентиляционную систему пустили быстройдействующий газ. 128 заложников погибли. Около 700 человек были спасены. Более 50 бандитов вместе с их предводителем Бараевым были уничтожены. Жертв среди штурмовавших здание не было.

Нужна ли была эта операция? Без всякого сомнения ответу: необходима, иначе мы потеряли бы всех, другого выхода просто не было.

После произошедшего проблема переговоров с чеченскими полевыми командирами приобрела новые акценты. Если до 23 октября, не называя «президента» Ичкерии (Чечни) Масхадова в качестве переговорщика, тем не менее, контакты осуществлялись с его людьми, то теперь положение изменилось. Прежде всего, имелись косвенные доказательства того, что Масхадов принимал участие в подготовке террористической акции. Однако если даже поверить в то, что сказал Басаев о «неосведомленности» Масхадова, становится ясно – так называемый «президент» Чечни не контролирует ситуацию, с ним попросту не считаются боевики. Так разве в таких условиях переговоры с ним могут что-то дать?

Сохраняя в принципе мнение о том, что в стратегическом плане военные действия в Чечне против бандформирований должны быть дополнены переговорами, я после террористического акта 23 октября в Москве пришел к выводу о необходимости паузы в попытках сесть за переговорный стол. Сначала надо найти чеченских переговорщиков, обязательно отвечающих двум критериям: во-первых, они должны публично отмежеваться от террористических методов достижения своих целей и, во-вторых, реально контролировать ситуацию на стороне чеченских боевиков. Паузу, очевидно, следует заполнить действиями по укреплению «чеченского элемента» в руководящих и правоохранительных органах республики.

Во время событий 23–27 октября президент Путин был поставлен перед выбором – сохранить целостность России, по сути сохранить страну, или поддаться провокационному давлению и под угрозой расправы над заложниками начать переговоры, которые неизбежно привели бы к такому же результату, как это было в Хасавюрте. После подписания там соглашения о мире в 1996 г. чеченцы практически получили самостоятельность, но терроризм, бандитизм не только не прекратился, а возрос, как на дрожжах.

Я был у президента Путина сразу же после встречи с чеченскими бандитами. Он буквально осунулся за эти несколько дней. Лицо посерело от бессонницы. Путин жил мыслью, как спасти сотни людей, взятых в заложники. «Мне кое-кто из моего окружения говорит, что нужно запретить демонстрации родителей и близких захваченных в здании театра, которые выступают с призывом мира в Чечне, – сказал Путин. – Я ответил, пусть говорят и демонстрируют даже на Красной площади, лишь бы помогло их детям и близким».

А сам президент не мог, не имел права поддаться давлению террористов. За ним стояла Россия.

Как известно, в Чечне с успехом был проведен референдум, во время которого большинство населения высказалось за Конституцию, иными словами, за нахождение Чечни в составе Российской Федерации и решение проблем ее будущего мирным путем. Будут проведены выборы президента и законодательного органа. Это – серьезное достижение. Очень хотелось бы верить, что все это, подкрепленное амнистией тех чеченских боевиков, которые не были замешаны в уголовных преступлениях, откроет долгожданный путь к решению чеченской проблемы. Однако при всей важности этих мер все-таки мне представляется, что после двух кровопролитных войн трудно рассчитывать на большой успех в урегулировании, если речь пойдет о создании структуры управления в этой республике, не отличающейся от той, которая существует в других 88 субъектах Российской Федерации.

III. Конфликты у границ

После 11 сентября еще большее внимание должно быть привлечено к проблемам урегулирования межнациональных конфликтов и на территории бывшего СССР. Они самым негативным образом сказываются на внутреннем положении целого ряда бывших советских республик, стали раздражителями в их отношениях с Россией, расшатывают Содружество Независимых Государств (СНГ).

Основные из этих конфликтов – армяно-азербайджанский по поводу Нагорного Карабаха (называя этот конфликт армяно-азербайджанским, мы ни в коей мере не принижаем роль в его возникновении, развитии и процессе урегулирования самого Нагорного Карабаха),

грузино-абхазский, грузино-южноосетинский, приднестровский. Все они перешагнули через десятилетний рубеж. Первой стадией всех этих конфликтов была вооруженная борьба, настоящая война между сторонами. Вооруженные действия удалось остановить – и в этом была заслуга в основном России. Однако ликвидировать конфликты не удалось. Стороны по-прежнему разведены по разные стороны баррикад. Затрудняет урегулирование и то, что созданные в результате вооруженной борьбы условия не размываются временем, а продолжают сохраняться: Нагорный Карабах, Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия, по сути, превратились в самостоятельные образования со многими атрибутами государственности.

Вместе с тем становится ясно, что такая ситуация бесконечно продолжаться не может – она выходит за рамки непосредственного военно-политического противостояния, оказывает все более разрушительное воздействие на демографическую, экономическую, межгосударственную обстановку. Вот некоторые примеры. Оккупированные во время войны районы Азербайджана – безлюдны: азербайджанское население в значительной части превратилось в беженцев; армяне, оккупировавшие эти земли, их не заселили и не смогут заселить. Более того, сокращается население Нагорного Карабаха, да и самой Армении. По некоторым оценкам, в Армении осталось около 1,5 млн жителей – остальные выехали, кто в Россию (большинство), кто в дальнее зарубежье.

Неурегулированность конфликта Грузии с Абхазией во многом создала почву для сближения Тбилиси с чеченскими боевиками. Одно время ставка делалась на то, что они, прежде помогавшие абхазам, теперь могут быть использованы на грузинской стороне. Активизация чеченского элемента в грузино-абхазском конфликте тяжело сказалась на отношениях Грузии с Россией.

В течение длительного периода главной проблемой, разъединяющей Россию и Грузию, стало положение в Панкисском ущелье, где, переходя российско-грузинскую границу, скапливались боевики. После перегруппировки, отдыха, лечения раненых, они вновь возвращались в Чечню, совершая дерзкие рейды против федеральных сил. Дело доходило до прямых угроз российского военного командования ударить по базам боевиков в Панкисском ущелье. То, что грузинское руководство вначале просто-напросто отрицало наличие чеченских боевиков на своей стороне границы, еще больше накаляло обстановку. Она смягчилась после того, как грузинский спецназ начал действовать в Панкисском ущелье и несколько боевиков были выданы российским спецслужбам. В этом некоторые увидели и влияние США, не заинтересованных в том, чтобы грузино-российские отношения были доведены до точки кипения. В то же время вопросы – и непростые – возникают в связи с подготовкой американскими инструкторами грузинского спецназа. Во всяком случае в Грузии существуют серьезные силы, которые хотели бы выйти в его использовании за рамки антитеррористических операций, направив спецназ для решения конфликта с Абхазией.

Жизнь показывает полную бесперспективность решения конфликта Грузии с Абхазией военным путем, но многолетняя неурегулированность подталкивает определенные круги в Грузии к постоянному маневрированию по этому вопросу. Так, грузинская сторона многократно настаивала на выводе из зоны конфликта миротворческих сил СНГ, целиком состоящих из россиян, сетуя на то, что они не возвращают насильственным путем грузинских беженцев в Абхазию. Разъяснения о том, что миротворческая миссия предполагает согласие двух сторон на ее функции и отличается от миссии по «навязыванию мира» (к тому же такие действия могут

осуществляться только по решению Совета Безопасности ООН), ни к чему не приводили. Вместе с тем в последний момент перед очередной сессией стран СНГ, на которой должен рассматриваться этот вопрос, Грузия соглашалась на очередное продление мандата миротворческих сил. Такое «раскачивание» ситуации, несомненно, было на руку тем, кто сохраняет стремление решить абхазскую проблему с помощью вооруженных действий – миротворческие силы разъединяют стороны конфликта и не раз срывали опасную военную эскалацию. Между тем, новая грузино-абхазская война может привести к самым тяжелым последствиям.

Опасно консервировать неурегулированность и грузино-южноосетинского конфликта. Беженцы из Южной Осетии на все более постоянной основе закрепляются в Республике Северная Осетия – Алания, входящей в состав Российской Федерации. Все это играет на руку тем кругам, которые бездумно игнорируют традиционно братские грузино-осетинские отношения.

Ни Грузия, ни Молдова категорически не согласны предоставить, соответственно, Абхазии и Приднестровью право на самоопределение путем отделения. Есть ли конструктивный выход из этого положения? Можно, очевидно, говорить об общих для этих конфликтов принципах урегулирования.

Во-первых, это признание территориальной целостности. Мы были близки к тому, чтобы стороны согласились с этим. В МИД России в мою бытность министром иностранных дел была отработана формулировка, позволявшая закрепить этот принцип в проекте грузино-абхазского соглашения. Нами была предложена следующая запись: стороны согласны жить в общем государстве в границах Грузинской ССР на 1 января 1991 г. (то есть в доконфликтный период). Абхазская делегация, категорически отказываясь принять прямую ссылку на

территориальную целостность Грузии, ссылаясь на свое общественное мнение, согласилась с нашими предложениями, что, по сути, означало такое принятие. К сожалению, грузинская сторона не пошла на подписание соглашения, выдвинув в качестве условия единую обязательную для всех конституцию, на что не согласились абхазы.

Однако, несмотря на это, положение о согласии сторон жить в общем (не едином, что может интерпретироваться как унитарное, а именно общем) государстве, как мне думается, остается в активе будущих грузино-абхазских и грузино-южноосетинских переговоров. Что касается приднестровского конфликта, то такая формулировка уже вошла в один из документов, подписанных молдавскими и приднестровскими представителями¹⁴.

Во-вторых, еще одним принципом урегулирования должен стать возведенный в ранг Конституционного акта Договор об окончании войны между сторонами. В этом документе должно быть зафиксировано равенство сторон, которые вели между собой эту войну. Но это отнюдь не означает, что устанавливается равная субъектность двух сторон в управлении общим государством. Трудно представить себе такую равную субъектность, например, между небольшой Абхазией и всей остальной Грузией, многократно превышающей ее по населению и территории.

Подписание такого Договора может заменить на данном этапе принятие общей конституции. Одновременно будут существовать и действовать на обеих сторонах конфликта две конституции, положения которых не должны противоречить Договору об окончании войны.

В-третьих, трудно представить себе урегулирование без введения федеративного устройства в Грузии и Молдавии. Грузия традиционно делится на ряд регионов, многие из которых и этнически, и религиозно не отли-

чаются друг от друга – например, Кахетия, Имеретия, Гурия. Противники введения федеративного устройства в Грузии преподносят идею федерализма как попытку расчленения страны на мелкие части. Об этом, однако, речь не идет. Наделение правами субъекта федерации должно быть обосновано определенными критериями. Представляется, что в этой связи можно уверенно говорить об Абхазии, Южной Осетии и Аджарии – единственной в СССР автономной республике, выделенной по религиозному принципу (аджарцы – те же грузины, но принявшие ислам). Для Молдовы субъектом федерации могут стать Приднестровье и Гагаузия. Как представляется, структура федеративного государства в каждом конкретном случае может быть определена в тщательно продуманной и кропотливой работе тех, кто посвятит ей не один месяц своей жизни.

У лиц, так или иначе связанных с переговорным процессом, нередко возникают предложения о конфедеративном устройстве тех государств, которые стали ареной конфликтов. Однако в сегодняшнем мире практически нет ни одной конфедерации. К примеру, называют конфедерацией Швейцарию, но нельзя считать, что швейцарские кантоны являются суверенными в рамках объединяющего их государства. Однако сами федеративные государства могут быть различными, и разница между ними зависит от степени самостоятельности их частей – от меньшей к большей степени, включающей некоторые атрибуты суверенности субъектов федерации.

В марте 2003 г. после переговоров с В.В. Путиным в г. Сочи Э.А. Шеварднадзе заявил о согласии на федеративное устройство Грузии с предоставлением Абхазии особого статуса. Представитель Абхазии в мягкой форме отверг это предложение. Такую первоначальную реакцию следовало ожидать. Дело в том, что с согласия абхазской стороны Россия несколько раз (это было в 1996 г.

в мою бытность министром иностранных дел) выдвигала такую формулу урегулирования, и всякий раз Тбилиси отвечал отказом. Между тем, накапливались годы, в течение которых при всех трудностях все-таки шло «привыкание» Абхазии к независимому существованию. Однако, как представляется, в конце концов стороны сядут за стол переговоров для выработки конкретных деталей претворения в жизнь формулы федерального устройства общего государства, в котором особое место будет отведено Абхазии. Иного, практически, не дано.

Естественно, перечисленный выше ряд принципов должен быть дополнен, обсужден на предмет приемлемости в каждом конкретном случае и, несомненно, главное – сосредоточиться и начать...

А как обстоит дело с армяно-азербайджанским конфликтом? С самого начала одним из вариантов его урегулирования был размен территорий. Можно считать, что в настоящее время этот вариант переместился в центр внимания сторон, которые продолжают интенсивные контакты на высшем уровне. Наряду с определением статуса Нагорного Карабаха, прекращением оккупации семи азербайджанских районов, рассматривается возможность размена армянских территорий на Лачинский коридор, соединяющий Нагорный Карабах с Арменией. Но стороны сталкиваются с серьезными трудностями. Дело в том, что азербайджанский район Нахичеваня является эксклавной территорией, и Баку стремится осуществить территориальный обмен таким путем, чтобы соединить Нахичевань с остальной частью Азербайджана. Однако по территории между ними проходит единственная граница Армении с Ираном, и Ереван заинтересован в сохранении прямого выхода на Иран, что во время кризиса приобрело особое значение для внешнеэкономических связей Армении. Поиски приемлемой для сторон модели продолжаются.

IV. Прогнозы и раздумья

Какое место займет Россия в XXI веке? Как сложатся ее отношения с Соединенными Штатами и другими государствами?

Трудно прогнозировать на большой срок, да еще с таким большим числом «переменных». Однако от динамики в близлежащий период будут зависеть многие тенденции на последующие годы. А для начального периода XXI века некоторые оценки уместны, и они, как представляется, не так уж далеки от истины.

Во-первых, необходим ответ на вопрос, какое место будет принадлежать России в складывающемся мироустройстве. В течение длительного периода ее предшественник – Советский Союз – был одним из центров силы. Российская Федерация, конечно, уступает СССР по своей мощи и не является супердержавой, возглавляющей один конфронтационный лагерь против другого. Но следует в прогнозных оценках исходить из того, что она сохраняет и надежно сохранит на достаточно длительный период статус второй в мире ядерной державы, ее экономика набирает динамику, интеллектуальный потенциал хотя и ослаблен в течение девяностых годов, но, вне всякого сомнения, все еще весьма значителен, по природным ресурсам и размерам территории ей нет равных в мире, причем уникальность географического положения России в том, что огромная страна является своеобразным мостом между Европой и Азией. Это повышает геополитическую роль России с учетом трудного процесса сближения различных цивилизаций.

Немалое значение имеет и политическая воля современного российского руководства, которая столь отчетливо проявилась в связи с событиями 11 сентября: способность к быстрому маневру вопреки сложившимся

стереотипам, к определенной переориентации внешней политики в интересах активного наступления на терроризм, укрепления всеобщей безопасности. Традиционные связи, существенное влияние России в ряде стран и регионов могут в немалой степени послужить успеху такого международного антитеррористического наступления.

Вывод: несмотря на нынешние серьезные экономические и социальные трудности, Россия, несомненно, сохранится в качестве одного из центров многополярного мира.

Во-вторых, необходим ответ на вопрос, будет ли Россия самостоятельным активным игроком на мировой арене. В связи с окончанием «холодной войны» мировое сообщество – и вне России, и в его российской части – оказалось неспособным воспользоваться новой ситуацией. После того, как «холодная война» дала глубокую трещину, воцарилась эйфория. Призрак взаимного уничтожения стал эфемерным, и казалось, что наступило время справедливых и безопасных межгосударственных отношений.

Однако, как отметил Рональд Рейган, «танго танцуют двое». И пока наша общественность в своей значительной части надеялась на начало «золотого века», на эффективное вхождение в мировое сообщество, построение «общеевропейского дома», многие политики развитых стран проводили очень жесткую, очень цепкую и весьма динамичную политику корпоративного отстаивания своих национальных интересов. Излишне напоминать, что эта политика, в том числе по вполне объективным причинам, оборачивалась разносторонним ущемлением национальных интересов нашей страны.

Конечно, на Западе не все было однозначно, шла борьба мнений, и существовала значительная неопределенность. В таких условиях решительная и осознанная политика России могла бы способствовать укреплению конструктивной линии в руководствах западных стран, и в этом случае развитие человечества после «холодной войны» было бы значительно более уверенным и гармо-

ничным. Но этого не произошло. Вместо движения навстречу друг другу, которое должно было быть организовано обеими находившимися в конфронтации во время «холодной войны» сторонами, определенное время существовала модель «ведомой России». После распада СССР, на этапе утверждения Российской Федерации в качестве самостоятельного государства, такой курс проповедовался и руководителем российского МИДа, который заявлял, что мир делится на цивилизованную часть и «шпану», а России после проигрыша в «холодной войне» следует войти в «клуб цивилизованных государств» и подчиниться правилам этого клуба, которым верховодят Соединенные Штаты.

Однако модель «ведомой страны» просуществовала недолго. Причиной этого была не смена руководства МИДа. Такая смена сама была порождена развившимся противоречием между курсом на выполнение функции «ведомого» при «ведущих» США и реальными результатами «холодной войны». В России доминировала справедливая убежденность в том, что прекращение «холодной войны» означало не поражение одной из сверхдержав, находившихся в конфронтации, а победу демократических принципов над тоталитарными, в первую очередь, конечно, в социалистическом лагере. Через некоторое время – что, видимо, не учитывают в должной мере западные лидеры – эйфория в России по поводу победы демократии притупилась, и произошло это в условиях поражения, с одной стороны, российских «демократов» на социально-экономическом поприще, а с другой – продолжавшейся политики США, если не явно враждебной России, как в прошлом, то, во всяком случае по сути далекой от партнерской.

Вывод: модель «ведомой страны» неприемлема для России.

В-третьих, нужен ответ на вопрос, предопределяет ли такая неприемлемость постоянную напряженность в отношениях России и США. Отнюдь нет, но в том случае,

если в Вашингтоне поймут контрпродуктивность попыток превратить Россию в подчиненного воле и политике США союзника. Возьму на себя смелость сказать, что ни один российский лидер не сможет удержаться у власти на сколько-нибудь длительный срок, согласившись на такую перспективу.

Естественно, это не означает отрицания того, что события 11 сентября уже подтолкнули Россию к сближению и партнерству с Соединенными Штатами, к ряду новых ориентиров в российской внешней политике, среди которых полный отказ от «игры с нулевым результатом», однозначное сотрудничество на полях совпадающих интересов, усилия к расширению этих полей.

Вывод: отрицание Россией роли вассала на мировой арене не исключает вероятности ее сближения с США, построения партнерских отношений двух государств.

В-четвертых, нужен ответ на вопрос, насколько устойчива тенденция сближения России с США. Западные аналитики сводят все к существованию или несуществованию серьезной оппозиции избранному курсу в команде Путина, к стойкости его самого в проведении этого курса, в целом к соотношению внутренних сил в России. Мне представляется все это в значительной степени производным от политики США.

Односторонний, вопреки мнению ООН, удар США по Ираку вызвал однозначно отрицательную реакцию в российском обществе. Даже те СМИ, которые зарекомендовали себя как проамериканские, прозападные, заняли негативную позицию по войне против Ирака.

Это – серьезный показатель, т. к., по всей вероятности, они не могли игнорировать настроения преобладающего большинства россиян. Появились даже мнения в пользу того, чтобы начать дистанцироваться от Соединенных Штатов, отказавшись от сближения с ними, которое произошло после 11 сентября. Но весьма характерно, что такие настроения не затронули, как мне представляется, политику. Тот внешнеполитический курс, который

был выработан В.В. Путиным после 11 сентября, в целом остался прежним. Думается, что все могло бы оказаться по-другому:

– если бы не существовал международный терроризм и не наблюдался процесс распространения ядерного оружия, что угрожает всему человечеству, а без Соединенных Штатов практически невозможна эффективная борьба с этим злом;

– если бы была полная уверенность в бесповоротном отходе Соединенных Штатов от согласованной политики, направленной на стабилизацию положения в отдельных частях мира, однако достаточно сильны политические круги, которые не готовы платить за единоличные решения большими потерями в живой силе, расплачиваться за это уходом важных союзников, растущей на перспективу изоляцией США;

– если бы мир шел назад к «холодной войне», а при ее отсутствии упор на антиамериканские лозунги мог бы возродить крайне нежелательную для России конфронтацию на мировой арене, подтолкнув в объятия США те европейские государства, ЕС в целом, которые ныне заняли самостоятельную позицию, а к России могли бы примкнуть в том числе и деструктивные силы, – все это резко ослабило бы ее роль на международной арене;

– если бы отсутствовал вполне реальный расчет на то, что объективный ход мирового развития выправит зигзаги в американской политике.

Но развитие партнерских отношений с США вовсе не означает переход России на рельсы пособничества Соединенным Штатам в их ошибочных решениях и действиях. Более того, развивая отношения с США, Россия будет иметь значительно большие возможности для оказания позитивного влияния на их политику.

Вместе с тем, после удара США по Ираку, России необходимо сосредоточиться на решении трудных внутренних проблем, укрепить военную мощь, наконец, при

всей важности отношений с Соединенными Штатами сделать упор на еще большую диверсификацию внешней политики. Все это нужно делать не с целью подготовки к конфронтации с США, а с учетом наступившей реальности для того, чтобы с Россией больше считались.

В США в последнее время получила распространение точка зрения, что государства, группирующиеся вокруг США после 11 сентября, должны строго придерживаться полностью идентичных с Соединенными Штатами взглядов и представлений – не только стратегических, но и тактических, в том числе выходящих за непосредственные пределы антитеррористической борьбы. Причем за США закрепляется по всем вопросам право на Абсолютную Истину, а их партнеры по антитеррористическим действиям, дескать, должны подтягиваться до американского понимания тех или иных жизненно важных проблем.

В неприкрашенном виде именно такую конструкцию изложил в Москве на Бергедорфском форуме* в ноябре 2001 г. американский политолог, бывший сотрудник аппарата правительства США, Марк Медиш. Он сформулировал «принципиальные вопросы» к России, по ответам на которые, по его мнению, можно будет судить об «истинном партнерстве» России с Западом: «Желает ли руководство и население этой страны воспринять нормы, принципы, философию и ценности, которые лежат в основе западных институтов, таких, как НАТО и ЕС? Или же Россия, как и прежде, будет проводить курс на сближение с этими институтами с оговорками, сохраняя за собой право при определенных обстоятельствах отказаться от общих основ?»**.

* Бергедорфский форум – один из самых известных и авторитетных дискуссионных клубов. Его возглавляет с 1995 г. бывший германский федеральный президент Рихард фон Вайцзеккер.

** Международная жизнь. 2002. № 7. С. 24.

Неужели не понятно, что «оговорки», критические взгляды правомерны для любого самостоятельного государства в отношении тех или иных ценностей? Но совершенно другое дело – отказ от «общих основ» провозглашенной политики.

Стремление России играть активную роль на мировой арене не должно интерпретироваться неправильно. За этим стремлением стоит понимание того, что российская внешняя политика в состоянии сделать немало полезного для стабилизации положения в отдельных районах и регионах – в этом Россия заинтересована во всяком случае не меньше, а может быть, и больше, чем другие. Вместе с тем самоизоляция губительна для России и в плане решения ее острых внутренних задач – экономических, социальных, политических. Стремление России сохранить статус великой державы не имеет ничего общего с имперскими амбициями, которые подчас приписывают ей.

Вывод: навряд ли произойдет отход России от взятого курса на сближение с США и по объективным, и по субъективным мотивам. Развитие процесса установления партнерских отношений между двумя государствами зависит главным образом от Вашингтона.

В-пятых, важен ответ на вопрос, исключает ли процесс российско-американского сближения необходимость для России продолжать проводить диверсифицированную внешнюю политику, развивать отношения с Европейским союзом, с европейскими государствами на двусторонней основе, с Китаем, Индией, Японией, арабскими странами, государствами Латинской Америки и Африки. Одно не должно противопоставляться другому. А США не должны рассматривать российскую активность по другим внешнеполитическим направлениям как альтернативу политике сближения с США.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Если Соединенные Штаты возьмут курс на приспособление к реальной перспективе многополярного мира, если они перестанут исходить из того, что способны и должны самостоятельно решать важнейшие проблемы международной стабильности и безопасности, выработать в одностороннем порядке правила поведения государств на мировой арене, Россия может быть верным партнером США.

Развивающиеся после 11 сентября российско-американские отношения порождали оптимизм. Но оптимизм в свете войны в Ираке, увы, умеренный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 17 августа 1998 г. Правительство России и Центральный банк объявили о техническом дефолте по основным видам государственных ценных бумаг и о переходе к плавающему курсу рубля в рамках резко расширенного валютного коридора.

² План Маршалла – программа помощи Европе после Второй мировой войны. Выдвинут в 1947 году американским государственным секретарем Джорджем К. Маршаллом и вступил в действие в апреле 1948 года. В осуществлении плана участвовали 17 европейских стран, включая Западную Германию. СССР и страны Восточной Европы отвергли план Маршала. Общая сумма ассигнований по плану Маршалла в 1948–1951 годах составила 13 млрд долларов, из которых на ФРГ пришлось 1,3 млрд долларов.

³ Хасавюртовские соглашения совместное заявление от 31 августа 1996 года представителей Российской Федерации и Республики Ичкерии Александра Лебеда и Аслана Масхадова о разработке «Принципов определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой». Они положили конец Первой Чеченской войне. Российские войска выводились с территории Чечни, а вопрос о статусе Чеченской республики был отложен до 31 декабря 2001 года.

⁴ 26 июля 1992 г. во время визита Джохара Дудаева в Кабардино-Балкарию было принято обращение к народам Кавказа, в котором Дудаев призвал к строительству «Общего кавказского дома» и недопущения войны на Северном Кавказе.

⁵ Речь идет об операциях по размещению Банком России части международных резервов страны через оффшорную компанию ФИМАКО (FIMACO) на о. Джерси в период 1993–1998 гг.

⁶ СНВ-2 – Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, который был подписан Джорджем Бушем-старшим и Борисом Ельциным в январе 1993 г. В 2002 г. в связи с намерением США выйти из договора по ПРО Россия отказалась от ратификации СНВ-2.

⁷ АОК – Армия освобождения Косово – албанская военизированная организация, борющаяся за независимость Косово в 1996–1999 гг. Политическим крылом АОК является основанная в 1999 г. Демократическая партия Косово.

⁸ Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС) – форум 21 экономики Азиатско-Тихоокеанского региона для сотрудничества в области региональной торговли и облегчения и либерализации капиталовложений. Основан в Канберре, Австралия, в 1989 г.

⁹ «Мабетекс» – швейцарская строительная фирма Mabetex Engineering и ее дочерняя структура Mercata Trading & Engineering SA в 1993–1996 гг. проводили реконструкцию ряда правительственных зданий и объектов Кремля. Она обвинялась в даче крупных взяток чиновникам Управления делами президента РФ. В России «дело Мабетекс» было прекращено в 2000 г.

¹⁰ Дело «Аэрофлота» – В августе 1997 года Счетная палата РФ выявила серьезные нарушения в отчетности при ревизии финансово-хозяйственной деятельности «Аэрофлота». 18 января 1999 года по материалам проверки Генеральная прокуратура РФ возбудила уголовное дело. Были предъявлены обвинения в незаконной предпринимательской деятельности и отмыывании денег первому заместителю гендиректора «Аэрофлота» Н.А. Глушкову, коммерческому директору А. Красненкеру, старшему вице-президенту «Аэрофлота» по финансам Лидии Крыжевской, руководителю Финансовой объединенной корпорации (ФОК) Р. Шейнину и акционеру компании Б.А. Березовскому. Их обвинили в хищении 252 млн долларов. В 2004 г. первые четверо были признаны виновными, приговорены к наказанию от 1,5 до 3 лет лишения свободы и освобождены за истечением срока давности и по амнистии. В 2006 г. после пересмотра дела Глушков, Крыжевская и Шейнин были приговорены к 2 го-

дам заключения условно. Красненкер умер в 2005 г. Дело в отношении Березовского в 2007 г. было выделено в отдельное производство. В том же году он заочно был признан виновным и приговорен к 6 годам колонии общего режима.

¹¹ Террористические акты на Бали произошли 12 октября 2002 в туристском районе Кута. От трех взрывов погибли 202 человека, 164 из которых были иностранцами. 209 человек были ранены. Несколько членов организации «Джемаа Исламия» были признаны виновными в терактах, и трое из них были казнены

¹² Социалистический интернационал (Социнтерн) – международная неправительственная социал-демократическая организация со штаб-квартирой в Лондоне, основанная в 1864 г.

¹³ Линия Дюранда – практически незамеченная на местности 2640-километровая граница между Афганистаном и Пакистаном, установленная в 1893 г. по договору между афганским эмиром Абдур-Рахманом и секретарем индийской колониальной администрации сэром Мортимером Дюрандом. Она разделила пуштунские племена между Афганистаном и нынешним Пакистаном.

¹⁴ Имеется в виду т. н. «Меморандум Козака» – план решения приднестровского конфликта через федерализацию Молдавии, разработанный в 2003 г. первым заместителем руководителя администрации Президента РФ Д.Н. Козаком. Согласно этому плану, Молдавия должна была стать «асимметричной федерацией», а Приднестровье и Гагаузия получили бы особый статус и возможность блокировать законопроекты, нежелательные для автономий. Молдавия обязывалась соблюдать нейтралитет и демобилизовать армию, а также предоставить России право на размещение российских войск на территории Приднестровья сроком на 20 лет в качестве гарантов урегулирования конфликта. В последний момент президент Молдавии В.Н. Воронин в ночь с 24 на 25 ноября 2003 г. отказался от подписания ранее уже парафированного соглашения, заявив, что оно означает фактическое признание независимости Приднестровья.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Абалкин, Леонид Иванович (1930–2011) – российский экономист. Профессор и заведующий кафедрой политической экономики Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС в 1976–1985 гг.; директор Института экономики АН СССР / РАН в 1986–1989 и 1991–2005 гг. Заместитель Председателя Совета Министров СССР в 1989–1990 гг.

Аббас, Махмуд (Абу Мазен) (р. 1935) – глава Палестинской национальной автономии с 2003 г.

Абд аль-Ваххаб (Абд аль-Ваххаб ибн Сулейман ибн Али ибн Мухаммад ибн Ахмад ибн Рашид аль-Мушаррафи ат-Тамими) (1703–1792) – арабский теолог и основатель ваххабитского движения.

Абдул-Азиз ибн Абдуррахман Аль Сауд (1880–1953) – основатель и первый король Саудовской Аравии в 1932–1953 гг.

Абдул-Хак Амири (1958–2001) – афганский полевой командир, этнический пуштун, решительный противник движения «Талибан». Был захвачен в плен талибами и казнен в Кабуле 26 октября 2001 г.

Хаджи Абдул Кадыр – афганский полевой командир, этнический пуштун, противник талибов. Губернатор провинции Нанграхар в 1992–1996 гг., вице-президент Афганистана и министр общественных работ в 2001–2002 гг. Убит в Кабуле 19 июля 2002 г. в результате покушения.

Абдулла (Абдалла) бен Абдулазиз Аль Сауд (1924–2015) – наследный принц Саудовской Аравии в 1982–2005 гг., король в 2005–2015 гг.

Абдулатипов, Рамазан Гаджимурадович (р. 1946) – российский политик и государственный деятель, председатель Совета национальностей Верховного совета РФ в 1990–1993 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в

1997–1998 гг., министр национальной политики РФ в 1998–1999 гг., глава Республики Дагестан с 2013 г.

Абдулла аль-Маджахир (Хосе Падилла) (р. 1970) – террорист, гражданин США, арестованный в Чикаго 8 мая 2002 г. по подозрению в подготовке теракта с использованием «радиоактивной грязной бомбы». В 2008 г. был приговорен к 17 годам и 4 месяцам тюрьмы, а в 2014 г. получил еще 21 год тюрьмы.

Абрамович, Роман Аркадьевич (р. 1966) – российский бизнесмен и политик, губернатор Чукотского автономного округа в 2001–2008 гг., председатель Думы Чукотского автономного округа в 2008–2013 гг.

Абу Зубейд (Зейн аль-Абидин Мухаммед Хусейн Абу Зубейд) (р. 1971) – гражданин Саудовской Аравии, арестован в Пакистане в марте 2002 г., считается одним из лидеров «Аль-Каиды», с 2006 г. содержится в тюрьме в Гуантанамо.

Абу Нидадь (Сабри Халиль аль-Банна) (1937–2002) – палестинский националист и террорист, ответственный за более чем 120 терактов в разных странах мира.

Абу Аль-Хаир, Ахмад – соратник Усамы бен Ладена.

Ага Хан IV, Карим (р. 1936) – имам мусульманской общины исмаилитов-низаритов (с 1957 года); мультимиллионер, спонсор благотворительных проектов.

Агрономов, Александр Иванович – российский востоковед, автор книги «Священная война мухаммедан» (1877).

Азиз, Тарик (1936–2015) – иракский политический деятель. С 1957 года – член партии «Баас». В 1971–1979 гг. – главный редактор газеты «Аль-Тавра». В 1974–1979 гг. – министр информации, в 1983–1991 гг. – министр иностранных дел; в 1979–2003 гг. – заместитель премьер-министра Ирака. С 1977 года – член Совета революционного командования Ирака. Являлся одним из ближайших соратников президента Ирака Саддама Хусейна.

Азимов, Рустам (р. 1958) – министр финансов и первый заместитель премьер-министра Узбекистана с 1998 г.

Алекперов, Вагит Юсуфович (р. 1950) – российский бизнесмен, заместитель в 1990–1991 гг. и первый заместитель министра нефтегазовой промышленности СССР в 1991–1992 гг., президент нефтяного концерна «Лангепас».

УрайКогалымнефть» в 1992–1993 гг., президент и совладелец нефтяной компании России «Лукойл» с 1993 г.

Александр Македонский (356–323 до н. э.) – македонский царь в 356–323 гг. до н. э., полководец, завоеватель, создатель мировой империи, протирившейся от Греции до Индии.

Александр I Карагеоргиевич (1888–1934) – король Югославии в 1921–1934 гг.

Александр II (1818–1881) – император Всероссийский в 1855–1881 гг.

Александр Михайлович, великий князь (1866–1933) – внук императора Николая I, Главнначальствующий Главного управления торгового мореплавания и портов в 1902–1905 гг., шеф Императорского военно-воздушного флота в 1910–1917 гг.

Алон, Игаль (1918–1980) – министр труда Израиля в 1968 г., заместитель премьер-министра Израиля в 1968–1977 гг., министр иностранных дел в 1974–1977 гг.

фон Амеронген, Отто Вольф (1918–2007) – германский бизнесмен, владелец одной из крупнейших германских торговых групп Otto Wolff AG, глава Восточного комитета германской экономики в 1955–2000 гг., один из главных разработчиков сделки «газ – трубы» 1970 г. между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии о поставке в СССР труб большого диаметра и другого оборудования для строительства газопровода из Западной Сибири в Западную Европу с оплатой за поставленные трубы и оборудование газом.

Аннан, Кофи (р. 1938) – генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в 1997–2006 годах.

Арафат, Ясир (1929–2004) – председатель Организации освобождения Палестины в 1969–2004 гг., председатель Палестинской национальной администрации в 1994–2004 гг.

Аристотель (384–322 до н. э.) – древнегреческий философ, воспитатель Александра Македонского. Был самым влиятельным из диалектиков древности; основоположник формальной логики. Создал понятийный аппарат философии.

Асад, Башар (р. 1965) – сын Хафеза Асада, президент Сирии с 2000 г.

Асад, Хафез (1930–2000) – сирийский военный и политический деятель. Член партии Баас с 1946 года. В 1966–1972 гг. – министр обороны, в 1971–2000 гг. – президент Сирии.

Аслаханов, Асламбек Ахмедович (р. 1942) – российский политик, в органах МВД в 1967–1991 гг., глава временной администрации Ингушетии в 1992 г., депутат от Чечни в Госдуме в 2000–2003 гг., заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам в 2008–2012 гг., советник президента Российской Федерации по вопросам Северо-Кавказского региона с 2003 г.

Аушев, Руслан Султанович (р. 1954) – российский политический и общественный деятель, президент Ингушетии в 1993–2002 гг.

Ахмад Шах Масуд (1953–2001) – афганский полевой командир, этнический таджик, министр обороны Афганистана в 1992–1996 гг., глава Северного альянса в 1996–2001 гг. Убит 10 сентября 2001 г. двумя террористами-смертниками из движения «Талибан».

Баджпаи, Канги Прасад – индийский политолог, профессор Университета имени Джавахарлала Неру в области международных отношений в 1994–2003 гг. Профессор в Школе публичной политики имени Ли Куан Ю в Национальном университете Сингапура с 2009 г.

Бараев, Арби Алаутдинович (1973–2001) – один из наиболее жестоких чеченских полевых командиров, организатор похищения и убийства четырех иностранных инженеров-связистов – трех англичан и новозеландца Питера Кеннеди, Даррена Хики, Рудольфа Пеши и Стенли Шоу в 1998 г.

Барак, Эхуд (р. 1942) – израильский военный и политический деятель. Премьер-министр Израиля в 1999–2001 гг.

Баранников, Виктор Павлович (1940–1995) – советский и российский государственный деятель, министр внутренних дел РСФСР в 1990–1991 гг., последний министр внутренних дел СССР в 1991 г., министр безопасности РФ в 1992–1993 годах.

Барсуков, Михаил Иванович (р. 1947) – директор Федеральной службы безопасности России в 1995–1996 гг.

Барту, Луи (1862–1934) – французский политик и государственный деятель, премьер-министр Франции в 1913 г., министр иностранных дел Франции в 1917 и в 1934 гг.

Басаев, Шамиль Салманович (1965–2006) – один из лидеров чеченских сепаратистов, организатор захвата заложников в Буденновске в 1995 г., Председатель правительства Чеченской Республики Ичкерия в 1998 г., Вице-президент Чеченской Республики Ичкерия в 2006 г.

Батлер, Ричард (р. 1942) – представитель Австралии в ООН в 1992–1997 гг., председатель Спецкомиссии ООН по разоружению Ирака в 1997–1999 гг.

Бегин, Менахем (1913–1992) – премьер-министр Израиля в 1977–1983 гг.

Бейлин Юси (Йосси) (р. 1948) – израильский политик, секретарь правительства в 1984–1986 гг., заместитель министра иностранных дел в 1992–1995 гг., министр юстиции в 1999–2001 гг., министр по делам религий в 2000–2001 гг., глава израильской делегации на переговорах с палестинцами в 2000–2001 гг.

Беланже, Жерар – французский финансист, заместитель директора второго европейского департамента МВФ и глава миссии МВФ в Москве в 1999–2002 гг.

Беляев, Евгений Александрович (1895–1964) – советский арабист, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока в Московском институте востоковедения в 1945–1955 гг. Главный труд «Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье» (1965).

Бен-Ами, Шломо (р. 1943) – министр внутренней безопасности Израиля в 1999–2000 гг., министр иностранных дел Израиля в 2000–2001 гг.

Бен-Элиэзер, Биньямин (р. 1937) – израильский военный и политический деятель, министр обороны Израиля в 2001–2002 гг., министр национальной инфраструктуры в 1999–2001, 2005, 2006 гг.

Березовский, Борис Абрамович (1946–2013) – российский предприниматель и политик. Исполнительный

секретарь СНГ в 1998–1999 гг. В 2000 году эмигрировал из России в Великобританию.

Берлускони, Сильвио (р. 1936) – итальянский государственный и политический деятель и бизнесмен, председатель Совета министров Италии в 1994–1995, 2001–2005, 2005–2006, 2008–2011 гг.

Берд, Роберт (1917–2010) – американский политик, сенатор США от штата Западная Виргиния в 1959–2010 гг.

Бжезинский, Збигнев (р. 1928) – американский политолог и государственный деятель. Советник президента США по национальной безопасности в 1977–1981 гг.

Бликс, Ханс Мартин (1928) – шведский политик и дипломат, министр иностранных дел Швеции в 1978–1979 гг., генеральный директор МАГАТЭ в 1981–1997 гг. и глава Комиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК), занимавшейся контролем за вооружениями в Ираке в 2000–2003 гг.

Блэр, Энтони (Тони) (р. 1953) – бывший лидер Лейбористской партии, премьер-министр Великобритании с 1997 по 2007 год.

Богданчиков, Сергей Михайлович (р. 1957) – президент компании «Роснефть» в 1998–2010 гг.

Бокарева, Ирина Борисовна, вторая жена Е.М. Прикакова, в прошлом – его лечащий врач.

Болл, Джордж (1909–1984) – американский дипломат и банкир, заместитель государственного секретаря США в 1961–1966 гг., представитель США в ООН в 1968 г.

Боос, Георгий Валентинович (р. 1963) – российский государственный и политический деятель, предприниматель, губернатор Калининградской области в 2005–2010 гг.

Бордюжа, Николай Николаевич (р. 1949) – российский военный и государственный деятель, директор ФПС России в 1998 г., руководитель администрации Президента РФ в 1998–1999 гг., Секретарь Совета Безопасности РФ в 1998–1999 гг., Генеральный секретарь ОДКБ с 2003 г.

Бревнов, Борис Анатольевич (р. 1968) – председатель правления РАО «ЕЭС России» в 1997–1998 гг.

Булгак, Владимир Борисович (р. 1941) – министр связи РФ в 1991–1997 гг., заместитель Председателя Прави-

тельства РФ по научной сфере и высоким технологиям в 1997–1998 гг., министр науки и технологий РФ в 1998 г., заместитель Председателя Правительства РФ по промышленности и связи в 1998–1999 годах.

Бутов, Владимир Яковлевич (р. 1944) – глава администрации Ненецкого автономного округа в 1996–2005 гг.

Буш-младший, Джордж Уокер (р. 1946) – губернатор штата Техас в 1995–2000 гг., президент США в 2001–2009 гг.

Буш-старший, Джордж Герберт Уокер (р. 1924) – вице-президент США в 1981–1989 гг., президент США в 1989–1993 гг.

Бхутто, Беназир (1953–2007) – премьер-министр Пакистана в 1988–1990 и 1993–1996 годах. Стала жертвой покушения.

фон Вайцеккер, Рихард (1920–2015) – федеральный президент Германии в 1984–1994 гг.

Васильев, Владимир Абдуалиевич (р. 1949) – российский государственный и политический деятель, первый заместитель министра внутренних дел РФ в 1997–1999 гг., статс-секретарь – заместитель министра внутренних дел РФ в 2001–2003 гг., председатель комитета Государственной Думы по безопасности в 2004–2011 гг., заместитель Председателя Государственной Думы с 2012 г.

Вейцман, Эзер (1924–2005) – президент Израиля в 1993–2000 годах.

Веселов Василий Александрович – старший преподаватель кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ в 2010 г.

Витте, Сергей Юльевич (1849–1915) – российский государственный деятель, министр путей сообщения в 1892 г., министр финансов в 1892–1903 гг., председатель Комитета министров в 1903–1905 гг., председатель Совета министров в 1905–1906 гг. Автор «Воспоминаний».

Волошин, Александр Стальевич (р. 1956) – российский политический и государственный деятель, руководитель администрации президента РФ в 1999–2003 гг.

Волчек, Галина Борисовна (р. 1933) – советский и российский режиссер театра и кино, актриса, педагог, главный режиссер театра «Современник» с 1972 г.

Вулфенсон, Джеймс (р. 1933) – американский финансист, Президент Всемирного банка в 1995–2005 гг.

Вэник, Чарльз Альберт (1913–2007) – американский политик, член Палаты представителей США в 1955–1981 гг. В 1974 году стал соавтором “поправки Джексона-Вэника”, ограничивающей торговлю со странами, препятствующими свободной эмиграции.

Вэнс, Сайрус (1917–2002) – американский государственный деятель, государственный секретарь США в 1977–1980 годах. В январе 1993 года совместно с Дэвидом Оуэном представил план по урегулированию военного конфликта в Боснии.

Вяхирев, Рем Иванович (1934–2013) – глава РАО «Газпром» в 1992–2001 гг.

Газизуллин, Фарит Рафикович (р. 1946) – министр имущественных отношений РФ в 1997–2004 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 1997–1999 гг.

Гайдар, Егор Тимурович (1956–2009) – российский государственный и политический деятель, экономист, заместитель Председателя Правительства РСФСР по вопросам экономической политики, министр экономики, финансов РСФСР в ноябре 1991 г. – марте 1992 г., министр финансов и первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1992 г., и. о. Председателя Правительства в июне – декабре 1992 г., первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1993–1994 гг.

Ганди, Индира (1917–1984) – индийский политический деятель, премьер-министр Индии в 1966–1977 и 1980–1984 годах. Убита собственными телохранителями-сикхами.

Генералов, Сергей Владимирович (р. 1963) – российский бизнесмен, министр топлива и энергетики в 1998–1999 гг.

Геракл – герой античной греческой мифологии.

Герашенко, Виктор Владимирович (р. 1937) – председатель Центрального банка РФ в 1992–1994 и 1998–2002 годах.

де Голль, Шарль (1890–1970) – французский военный и государственный деятель, лидер движения «Свободная (Сражающаяся) Франция» в 1940–1945 гг., премьер-министр Франции в 1944–1946 и 1958–1959 гг., министр обороны Франции в 1958–1959 гг., президент Франции в 1959–1969 гг.

Гор, Альберт (р. 1948) – вице-президент США в 1993–2001 годах.

Горбачев, Михаил Сергеевич (р. 1931) – генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985–1991 годах, президент СССР в 1990–1991 годах.

Грачев, Павел Сергеевич (1948–2012) – министр обороны РФ в 1992–1996 годах.

Грядунов, Юрий Степанович – посол СССР, а затем России в Иордании в 1990–1992 гг., главный эксперт Торгово-промышленной палаты России в 2011 г.

Гусинский, Владимир Александрович (р. 1952) – российский бизнесмен, в 1989–1997 гг. президент Мост-банка.

Густов, Вадим Анатольевич (р. 1948) – российский политический и государственный деятель, член Совета Федерации в 1994–1996, 2002–2011 гг., губернатор Ленинградской области в 1996–1998 гг., первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1998–1999 гг., с 2012 г. вице-спикер Законодательного собрания Ленинградской области.

д'Алема, Массимо (р. 1949) – председатель Совета министров Италии в 1998–2000 гг., министр иностранных дел Италии в 2006–2008 гг.

Даян, Моше (1915–1981) – израильский военный и государственный деятель. Министр обороны Израиля в 1967–1974 годах, министр иностранных дел Израиля в 1977–1979 годах.

Джабер аль-Мубарак аль-Хамад аль-Сабах (р. 1942) – шейх, кувейтский политик, министр обороны Кувейта в 2006–2011 гг., заместитель премьер-министра и министр обороны в 2001–2011 гг., в 2007–2011 гг. – также по совместительству первый заместитель премьер-министра и глава министерства внутренних дел, премьер-министр с 2011 г.

Джабер ибн Хайян (Абу Абдаллах Джабир ибн Хайян аль-Азди ас-Суфи) (721–815?) – знаменитый арабский алхимик, врач, фармацевт, математик и астроном.

Джексон, Генри Мартин (1912–1983) – американский политик, конгрессмен и сенатор от штата Вашингтон в 1941–1953 гг., сенатор от штата Вашингтон в 1953–1983 гг. В 1974 году стал соавтором «поправки Джексона–Вэника», ограничивающей торговлю со странами, препятствующими свободной эмиграции.

Дзасохов, Александр Сергеевич (р. 1934) – посол СССР в Сирии в 1986–1988 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1990–1991 гг., президент республики Северная Осетия – Алания в 1998–2005 гг.

Дини, Ламберто (р. 1931) – председатель Совета министров Италии в 1995–1996 гг., министр иностранных дел Италии в 1996–2001 гг.

Доренко, Сергей Леонидович (р. 1959) – российский журналист, ведущий авторской «Программы Сергея Доренко», выходившей на ОРТ в 1998–2000 гг., главный редактор Радио «Говорит Москва» с 2014 г.

Дудаев, Джохар Мусаевич (1944–1996) – президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия (1991–1996).

Дума, Василий Михайлович (р. 1954) – президент нефтегазовой российско-белорусской компании «Славнефть» в 1998–2000 гг.

Дьяченко (Юмашева), Татьяна Борисовна (р. 1960) – советник президента РФ в 1996–2000 годы. Дочь Б.Н. Ельцина.

Дюранд, Мортимер (1850–1924) – секретарь по иностранным делам Британской Индии в 1884–1894 гг., посланник в Персии в 1894–1900 гг., посол в Испании в 1900–1903 гг., посол в США в 1903–1906 гг.

Егоров, Владимир Константинович (р. 1947) – директор Российской государственной библиотеки в 1996–1998 гг., министр культуры РФ в 1998–2000 годах.

Егоров, Николай Дмитриевич (1951–1997) – губернатор Краснодарского края в 1992–1994 и в 1996 гг., министр по делам национальностей и региональной политике РФ, полномочный представитель Президента РФ в Чечне и руководитель Территориального управления федеральных

органов исполнительной власти в Чеченской республике в ранге вице-премьера Правительства РФ в 1994–1995 гг.

Ельцин, Борис Николаевич (1931–2007) – президент Российской Федерации в 1991–1999 годах.

Ерин, Виктор Федорович (р. 1944) – министр внутренних дел РФ в 1992–1995 годах, заместитель директора Службы внешней разведки в 1995–2000 годах.

Ефремов, Олег Николаевич (1927–2000) – советский и российский театральный режиссер, актер и педагог, художественный руководитель театра «Современник» в 1956–1970 гг., МХАТ им. Горького в 1970–1987 гг. и МХАТ им. Чехова в 1987–2000 гг.

Желябов, Андрей Иванович (1851–1881) – революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли», организатор убийства императора Александра II.

Жириновский, Владимир Вольфович (р. 1946) – советский и российский политический деятель, заместитель председателя Государственной Думы в 2000–2011 годах, основатель и председатель Либерально-демократической партии России (ЛДПР).

Задорнов, Михаил Михайлович (р. 1963), российский экономист, банкир и государственный деятель, министр финансов России в 1997–1999 гг., председатель Совета директоров ООО СК «ВТБ Страхование» с 2010 г.

Засулич, Вера Ивановна (1849–1919) – деятель русского и международного социалистического движения, народница, 5 февраля 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и тяжело ранила его, мстя за телесное наказание студента. Была оправдана судом присяжных и эмигрировала.

Захаров (Ширинкин), Марк Анатольевич (р. 1933) – советский и российский режиссер театра и кино, сценарист и педагог, главный режиссер тетра «Ленком» с 1973 г.

Захир-шах (1914–2007) – король Афганистана в 1933–1973 гг., этнический пуштун. В 2002 г. вернулся в Афганистан из эмиграции и поддержал Хамида Карзая.

Зубаков, Юрий Антонович (р. 1943) – российский государственный деятель, дипломат и разведчик, заместитель

директора СВР РФ в 1991–1996 гг., заместитель министра иностранных дел РФ в 1996–1998 гг., руководитель Аппарата Правительства РФ – министр в 1998–1999 гг.

Ибн Сина (Авиценна) (980–1037) – средневековый персидский ученый, философ и врач, самый известный и влиятельный философ-ученый средневекового исламского мира. Был визирем в Хамадане в 1015–1024 гг. Автор 5-томного «Канона врачебной науки».

Ибн Хальдун (Абу Зейд Абдуррахман ибн Мухаммад ибн Хальдун аль-Хадрами аль-Ашбили) (1332–1406) – арабский мусульманский философ, историк, социальный мыслитель. Главный труд – «Введение о превосходстве науки истории».

Иванов, Игорь Сергеевич (р. 1945) – российский дипломат и государственный деятель. Посол СССР / РФ в Испании в 1991–1995 гг., первый заместитель министра иностранных дел РФ в 1995–1998 гг., министр иностранных дел в 1998–2004 гг., секретарь Совета Безопасности в 2004–2007 гг.

Иванов, Сергей Борисович (р. 1953) – российский государственный деятель, министр обороны РФ в 2001–2007 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 2005–2007 и 2008–2011 гг., Первый заместитель Председателя Правительства РФ в 2007–2008 гг., руководитель администрации Президента РФ с 2011 г.

Идигов, Ахъяд (р. 1948) – один из лидеров сепаратистов в Чечне, Председатель Парламента Чеченской Республики Ичкерия в 1993–1997 гг., полномочный представитель Парламента Чеченской Республики Ичкерия для работы за границей с 1999 г., вице-президент Организации непредставленных народов (ОНН) в Гааге с 1998 г.

Иисус Христос (между 12 и 4 до н. э. – между 26 и 36 н. э.) – центральная личность в христианстве, которое рассматривает его как предсказанного в Ветхом Завете Мессию, ставшего искупительной жертвой за грехи людей.

Исрапилов, Хункар-Паша Германович (1967–2000) – видный чеченский полевой командир, один из руководителей террористического рейда на Кизляр в январе 1996 г.

Каддафи, Муаммар (1940–2011) – лидер Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии в 1969–2011 гг.

Кадыров, Ахмат Абдулхамидович (1951–2004) – чеченский религиозный и государственный деятель, муфтий Чечни в 1994–2000 гг. Во время Первой Чеченской войны объявил джихад России. Во время Второй Чеченской войны перешел на сторону федеральных войск. Глава временной администрации Чеченской Республики в 2000–2003 гг., Президент Чеченской Республики в 2003–2004 гг. Убит в результате покушения.

Калмыков, Юрий Хамзатович (1934–1997) – министр юстиции РФ в 1993–1994 гг.; ушел в отставку в связи с вводом российских войск в Чечню.

Каляев, Иван Платонович (1877–1905) – российский революционер, эсер, убийца великого князя Сергея Александровича.

Камдессю, Мишель (р. 1933) – французский экономист, директор-распорядитель Международного валютного фонда (МВФ) в 1987–2000 гг.

Карзай, Хамид (1957) – афганский государственный деятель, этнический пуштун, глава временной администрации Афганистана в 2001–2004 гг., президент Афганистана в 2004–2014 годах.

Каримов, Ислам Абдуганиевич (р. 1938) – президент Республики Узбекистан с 1990 года.

Кармоков, Хачим Мухамедович (р. 1941) – председатель Счетной палаты РФ в 1994–2000 гг.

Карреро Бланко, Луис (1903–1973) – председатель правительства Испании в 1973 г.

Картер, Джеймс Эрл (Джимми) (р. 1924) – президент США в 1977–1981 гг.

Касьянов, Михаил Михайлович (р. 1957) – российский государственный и общественно-политический деятель, Председатель Правительства РФ в 2000–2004 гг., председатель Российского народно-демократического союза с 2006 г.

Квандт, Уильям (р. 1941) – американский политолог, сотрудник Совета национальной безопасности в 1972–1974

и 1977–1979 гг., активно участвовал в переговорах, которые привели к Кэмп-Дэвидским соглашениям и египетско-израильскому мирному договору 1979 г. Старший научный сотрудник Брукингского института в Вашингтоне в 1979–1994 гг.

Квашнин, Анатолий Васильевич (р. 1946) – первый заместитель министра обороны РФ – начальник Генерального штаба в 1997–2004 годах.

Кеннеди, Джон Фицджеральд (1917–1963) – президент США в 1961–1963 гг. Убит Ли Харви Освальдом.

Кириенко, Сергей Владиленович (р. 1962) – Председатель Правительства России в апреле–августе 1998 года. С 2005 года – генеральный директор государственной корпорации по атомной энергии «Росатом».

Киссинджер, Генри (р. 1923) – государственный секретарь США в 1973–1977 годах.

Клинтон, Билл (р. 1946) – президент США в 1993–2001 годах.

Кожевников, Игорь Николаевич (р. 1940) – заместитель Министра внутренних дел РФ – начальник Следственного комитета при МВД в 1998–1999 гг.

Кокошин, Андрей Афанасьевич (р. 1945) – советский и российский государственный деятель, политолог, первый заместитель Министра обороны РФ в 1992–1996 гг., статс-секретарь – первый заместитель Министра обороны в 1996–1997 гг., секретарь Совета Безопасности РФ в 1998 г., первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям с 2008 г.

Коллинз, Джеймс Франклин (р. 1939) – специальный советник госсекретаря США по делам СНГ в 1993–1997 годах, посол США в России в 1997–2001 годах.

Корабельников, Валентин Владимирович (р. 1946) – советский и российский военный деятель, начальник Главного разведывательного управления – заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ в 1997–2009 гг.

Коржаков, Александр Васильевич (р. 1950) – руководитель Службы безопасности президента России в 1991–1996 годах.

Косачев, Константин Иосифович (р. 1962) – российский государственный деятель, дипломат, советник и помощник по международным вопросам Председателя Правительства РФ в 1998–1999 гг., заместитель председателя Комитета по международным делам Госдумы в 1999–2003 гг. и председатель Комитета по международным делам Госдумы в 2003–2012 гг., председатель Комитета Совета Федерации по международным делам с 2014 г.

Коштуница, Воислав (р. 1944) – президент Югославии в 2000–2003 гг., премьер-министр Сербии в 2004–2008 гг., основатель и лидер Демократической партии Сербии в 1992–2014 гг.

Крашенинников, Павел Владимирович (р. 1964) – министр юстиции РФ в 1998–1999 годах.

Аль-Кудури (Ахмад бин Мухаммад Абульхусейн аль Кудури) – арабский богослов ханафитского мазхаба XI в., автор книги «Мухтасар аль-Кудури».

Кузнецов Анатолий Иванович (р. 1957) – начальник Службы безопасности президента РФ в 1996–1999 гг.

Кузнецов, Евгений Семенович (1938–2005) – губернатор Ставропольского края в 1991 по 1995 гг.; после теракта в Буденновске ушел в отставку.

Кук, Робин (1946–2005) – британский политик, член Лейбористской партии, министр иностранных дел Великобритании в 1997– 2001 гг.

Кулик, Геннадий Васильевич (р. 1935) – российский государственный и политический деятель, депутат Государственной Думы в 1994–1998 гг., заместитель Председателя Правительства РФ, курировавший АПК, в 1998–1999 гг.

Куликов, Анатолий Сергеевич (р. 1946) – министр внутренних дел РФ в 1995–1998 годах.

бен Ладен, Усама (1957–2011) – глава террористической организации «Аль-Каида» в 1988–2011 гг. Убит американским спецназом.

Лапшин, Михаил Иванович (1934–2006) – российский политический и государственный деятель, основатель Аграрной партии России, глава Республики Алтай в 2002–2006 гг.

Лебедь, Александр Иванович (1950–2002) – российский политик и военачальник, секретарь Совета безопасности РФ в 1996 г., губернатор Красноярского края в 1998–2002 гг.

Лисс, Алексей Владимирович – заместитель директора Института менеджмента инноваций Высшей школы Экономики (ВШЭ) с 2014 г.

Лобов, Олег Иванович (р. 1937) – советский и российский государственный деятель, первый заместитель председателя Совета министров РСФСР в апреле – ноябре 1991 г., и. о. председателя Совета министров РСФСР в сентябре–ноябре 1991 г., первый заместитель председателя Совета министров РФ – министр экономики в 1993 г., секретарь Совета безопасности Российской Федерации (1993–1996), первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1996 г.

Лужков, Юрий Михайлович (р. 1936) – российский политический деятель, мэр Москвы в 1992–2010 гг.

Львов, Дмитрий Семенович (1930–2007) – российский экономист, академик-секретарь Отделения экономики РАН в 1996–2002 гг.

Мамут, Александр Леонидович (р. 1960) – российский бизнесмен, советник по экономическим вопросам в администрации президента РФ в 1998 г., советник главы администрации президента РФ в 1999 г.

Маркарян, Роберт Варганович (р. 1949) – научный сотрудник Института востоковедения АН СССР в 1980–1985 гг., научный сотрудник ИМЭМО в 1985–1989 гг., помощник Е.М. Примакова (в Президентском совете СССР, в СВР России) в 1990–1996 гг. Посол России в Сирии в 1999–2006 гг., посол России в Хорватии в 2009–2015 гг.

Маслюков, Юрий Дмитриевич (1937–2010) – первый заместитель председателя Совета министров СССР в 1988–1991 гг., первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1998–1999 гг.

Массэ, Анри (1886–1969) – французский исламовед, иранист и арабист, профессор Парижского университета, автор книги «Ислам» (1930).

Масхадов, Аслан Алиевич (1951–2005) – военный и государственный деятель, президент непризнанной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) в 1997–2005 гг.

Матвиенко, Валентина Ивановна (р. 1949) – советский и российский политик, дипломат. Председатель Комитета Верховного Совета СССР по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства в 1989–1991 гг., посол СССР / РФ в Республике Мальта в 1991–1994 гг., посол России в Греции в 1997–1998 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 1998–2003 гг., губернатор Санкт-Петербурга в 2003–2011 гг., председатель Совета Федерации с 2011 года.

Маунтбетген, Луис (1900–1979) – граф, британский военно-морской и государственный деятель, дядя супруга королевы Елизаветы II герцога Эдинбургского Филиппа, вице-король Индии в 1947 г., генерал-губернатор Индии в 1947–1948 гг., первый морской лорд в 1955–1959 гг.

Медиш, Марк – специальный помощник президента США и старший директор по вопросам России, Украины и Евразии в Совете Национальной Безопасности США в 2000–2001 гг., вице-президент по науке Фонда Карнеги за международный мир в 2006–2008 гг., президент фонда Guggenheim International с 2012 г.

де Микелис, Джанни (р. 1940) – министр иностранных дел Италии в 1989–1992 гг.

Милошевич, Слободан (1941–2006) – президент Сербии в 1989–1997 годах, президент Союзной республики Югославия в 1997–2000 годах.

Митчелл, Джордж Джон (р. 1933) – американский политик, лидер сенатского большинства в 1989–1995 гг., специальный представитель США на Ближнем Востоке в 2009–2011 гг.

Можин Алексей Владимирович (р. 1956) – Исполнительный директор от России в Международном валютном фонде (МВФ) с 1996 г.

Моисеев, Никита Николаевич (1917–2000) – советский и российский ученый в области общей механики и прикладной математики, заместитель директора по научной работе Вычислительного центра АН СССР в 1967–

1985 гг., советник директора ВЦ АН СССР (РАН) в 1985–2000 гг. Под его руководством в 1983 г. выполнены исследования по разработке математической модели последствий ядерной войны, названной «ядерная зима».

Моисей (XIII век до н. э.) – еврейский пророк и законодатель, основоположник иудаизма, организовал Исход евреев из Древнего Египта, сплотил израильские колена в единый народ.

Моратинос, Мигель Анхель (р. 1951) – испанский дипломат, юрист и политик, глава департамента внешней политики в отношении Африки и Ближнего Востока МИД Испании в 1993–1996 гг., посол Испании в Израиле в 1996 г., специальный уполномоченный ЕС по ближневосточному мирному урегулированию в 1996–2003 гг., министр иностранных дел и международного сотрудничества Испании в 2004–2010 гг.

Морозов, Григорий Иосифович (1921–2001) – советский правовед, профессор кафедры международного права МГИМО, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Первый муж С.И. Аллилуевой.

Морозовы – старообрядческий род купцов и крупных промышленников России XIX – начала XX в., прославившийся меценатством; они спонсировали, в частности, Художественный театр.

Мубарак, Хосни (р. 1928) – египетский военный и политический деятель, вице-президент Египта в 1975–1981 годах, президент Египта в 1981–2011 годах.

Муса, Амр (р. 1936) – египетский дипломат. Министр иностранных дел Египта в 1991–2001 годах, председатель Лиги арабских государств в 2001–2011 годах.

Мушарраф, Первез (р. 1943) – военный, политический и государственный деятель Пакистана, пришел к власти в результате военного переворота 1999 г. Начальник штаба сухопутных войск Пакистана в 1998–1999 гг., Премьер-министр Пакистана в 1999–2002 гг., президент Пакистана в 2001–2008 гг. После ухода от власти эмигрировал. В 2013 г. вернулся в Пакистан, обвинен в государственной измене и арестован.

Мухаммад (Мухаммед), пророк (571–632) – арабский проповедник единобожия и пророк ислама, создавший эту религию. Согласно исламскому учению, Аллах ниспослал Мухаммеду свое священное писание – Коран.

Мухаммад (Мухаммед) Али Египетский (1769–1849) – паша (правитель) Египта в 1805–1848 гг., вассал турецкого султана Махмуда II, восставший против него в 1831–1840 гг., но под давлением европейских держав вынужден был сохранить вассалитет по отношению к султану.

Наджибулла, Мохаммад (1947–1996) – афганский государственный деятель. Начальник службы государственной безопасности в 1980–1985 гг., президент Афганистана в 1987–1992 гг. Казнен талибами.

Назарбаев, Нурсултан Абишевич (р. 1940) – председатель Совета министров Казахской ССР в 1984–1989 гг., первый секретарь ЦК КП Казахстана в 1989–1991 гг., президент Казахстана с 1991 года.

Намангани (Ходжиев), Джума (р. 1969) – главнокомандующий вооруженных сил Исламского движения Узбекистана с 1997 г. По одной из версий, был убит войсками коалиции в ноябре 2001 г. в провинции Кундуз, Афганистан. По другим данным, жив до сих пор и находится на территории Афганистана.

Насер, Гамаль Абдель (1918–1970) – президент Египта в 1954–1970 годах, генеральный секретарь Движения неприсоединения в 1964–1970 годах.

Неру, Джавахарлал (1889–1964) – лидер индийского национально-освободительного движения, премьер-министр в Индии в 1947–1964 гг.

Николаев, Андрей Иванович (р. 1949) – советский и российский военачальник, государственный деятель, директор Федеральной пограничной службы РФ в 1994–1997 гг. Председатель Комитета по обороне Государственной Думы.

Николай II Александрович (1868–1918) – император Всероссийский в 1894–1917 гг.

Нусейбе, Сари (р. 1949) – комиссар Организации освобождения Палестины (ООП) по делам Иерусалима в 2001–2002 гг.

Обути, Кэйдзо (1937–2000) – министр иностранных дел Японии в 1997–1998 гг., премьер-министр Японии в 1998–2000 гг.

Олбрайт, Мадлен (р. 1937) – постоянный представитель США при ООН в 1993–1997 годах, государственный секретарь США в 1997–2001 годах.

Омар I (Умар ибн аль-Хаттаб аль-Фарук) (585–644) – второй Праведный халиф в 634–644 гг.

Орехов, Руслан Геннадьевич (р. 1963) – начальник Государственно-правового управления при Президенте РФ в 1993–1996 гг., начальник Главного государственного правового управления Президента РФ – заместитель Руководителя Администрации Президента РФ в 1996–1999 гг.

Осипов, Юрий Сергеевич (р. 1936) – советский и российский математик, механик. Президент Российской академии наук в 1991– 2013 годах.

Османов, Магомед-Нури Османович (1924–2015) – российский востоковед-иранист, иранолог и исламовед, даргинец, переводчик Корана на русский язык.

Оуэн, Дэвид (р. 1938) – британский политик. Министр иностранных дел Великобритании в 1977–1979 годах, председатель Социал-демократической партии Великобритании в 1983–1987 годах. В январе 1993 года совместно с Сайрусом Вэнсом представил план по урегулированию военного конфликта в Боснии.

Павловский, Глеб Олегович (р. 1951) – российский политолог и журналист, соучредитель и директор «Фонда эффективной политики» с 1995 г.

Парамонова, Татьяна Владимировна (р. 1950) – советский и российский финансист, и. о. председателя Центрального банка России в 1994–1995, первый заместитель председателя Центрального банка России в 1998–2007 гг.

Паскуаль, Карлос (р. 1958) – американский дипломат, директор Совета Национальной безопасности по делам России, Украины и Евразии в 1995–1998 гг., специальный помощник президента США в 1998–2000 гг., посол на Украине в 2000–2003 гг., посол в Мексике в 2009–2011 гг.

Пауэлл, Колин (р. 1937) – американский военный и государственный деятель, советник президента США по национальной безопасности в 1987–1989 гг., председатель Объединенного комитета начальников штабов в 1989–1993 гг., Государственный секретарь США в 2001–2005 гг.

Перес, Шимон (р. 1923) – израильский политик. Министр иностранных дел Израиля в 1986–1988, 1992–1995 и 2001–2002 гг., министр транспорта в 1970–1974 гг., министр финансов в 1988–1990 гг., министр обороны в 1974–1977 и 1995–1996 гг., премьер-министр Израиля в 1984–1986 и 1995–1996 гг., президент Израиля в 2007–2014 гг.

Перовская, Софья Львовна (1853–1881) – одна из руководителей «Народной воли», непосредственно руководившая убийством императора Александра II.

Путин, Владимир Владимирович (р. 1952) – директор ФСБ в 1998–1999 гг., секретарь Совета Безопасности РФ в 1999 г., премьер-министр РФ в 1999–2000 и 2008–2012 гг., президент России в 2000–2008 и с 2012 г.

Рабин, Ицхак (1922–1995) – премьер-министр Израиля в 1974–1977 и 1992–1995 годах. Был убит ультраправым экстремистом Игалем Амиром 4 ноября 1995 года.

Радуев, Салман Бетырович (1967–2002) – один из наиболее известных чеченских полевых командиров, организатор рейда на Кизляр в январе 1996 г. и ряда других терактов и захватов заложников. В 2001 г. приговорен к пожизненному заключению, умер в колонии.

Райс, Кондолиза (р. 1954) – советник президента США по национальной безопасности в 2001–2005 гг., государственный секретарь США в 2005–2009 гг.

Рамсфелд, Дональд (р. 1932) – министр обороны США в 1975–1977 и в 2001–2006 гг.

Рахмонов (Рахмон), Эмомали (р. 1952) – председатель Верховного Совета Таджикистана в 1992–1994 годах, президент Таджикистана с 1994 года.

Рейган, Рональд (1911–2004) – американский политик, губернатор штата Калифорния в 1967–1975 гг., президент США в 1981–1989 гг. До начала политической карьеры получил известность как актер и радиоведущий.

Риттер, Скотт – американский эксперт по вооружениям, входил в состав специальной комиссии ООН по Ираку в 1991–1998 гг. В 1998 г. вышел в отставку, обвинив комиссию в шпионаже против Ирака.

Родионов, Петр Иванович (р. 1951) – министр топлива и энергетики РФ в 1996–1997 гг., заместитель председателя правления РАО «Газпром» с 1997 г., с 2001 г. – первый заместитель.

Росс, Деннис (р. 1948) – американский дипломат, глава отдела планирования Государственного департамента США в 1989–1992 годах.

Россель, Эдуард Эргартович (р. 1937) – российский государственный и политический деятель, глава администрации Свердловской области в 1991–1993 гг., председатель Свердловской областной думы в 1994–1995 гг., губернатор Свердловской области в 1995–2009 гг., член Совета Федерации РФ в 1993–2001 гг. и с 2009 г.

Ругова, Ибрагим (1946–2009) – лидер партии «Демократическая лига Косова» в 1989–2006 годах, президент частично признанной республики Косово в 1992–2000 и 2002–2006 годах.

Рузвельт, Франклин Делано (1882–1945) – президент США в 1933–1945 гг.

Рушайло, Владимир Борисович (р. 1953) – российский военный и государственный деятель, министр внутренних дел РФ в 1999–2001 гг., секретарь Совета Безопасности РФ в 2001–2004 гг., исполнительный секретарь СНГ в 2004–2007 гг.

Рыбкин, Иван Петрович (р. 1946) – российский государственный и политический деятель, председателем Государственной Думы в 1994–1996 гг., секретарь Совета безопасности РФ в 1996–1998 гг.

Рыжков, Владимир Александрович (р. 1966) – российский политик, историк и государственный деятель, заместитель главы администрации Алтайского края в 1991–1993 гг., первый заместитель председатель Госдумы в 1997–1999 гг., лидер фракции «Наш дом – Россия» в 1999 г., сопредседатель политической партии «Республиканская пар-

тия России – Партия народной свободы» в 2006–2014 годах.

Савельев, Дмитрий Владимирович (р. 1968) – президент ОАО АК «Транснефти» в 1998–1999 гг.

Садат, Анвар (1918–1981) – президент Египта в 1970–1981 годах. Подписал мирный договор с Израилем в 1979 г. Убит террористами из организации «Братья-мусульмане».

Саммерс, Лоуренс (Ларри) (р. 1954) – американский экономист, министр финансов США в 1999–2001 гг., директор Национального экономического совета в 2009–2010 гг.

Селезнев, Геннадий Николаевич (1947–2015) – советский и российский государственный и политический деятель, председатель Госдумы РФ в 1996–2003 гг.

Салтанов, Александр Владимирович (р. 1946) – российский дипломат, заместитель министра иностранных дел РФ в 2001–2011 гг., специальный представитель Президента РФ по Ближнему Востоку в 2006–2011 гг.

Сергеев, Игорь Дмитриевич (1938–2006) – российский государственный и военный деятель, министр обороны РФ в 1997–2001 гг., помощник Президента РФ по вопросам стратегической стабильности в 2001–2004 гг.

Сергей Александрович, великий князь (1857–1905) – пятый сын императора Александра II, Московский генерал-губернатор в 1891–1905 гг., главнокомандующий войсками Московского военного округа в 1905 г.

Сидней, Дэвид – заместитель главы американской дипломатической миссии в Афганистане в 2001 г., заместитель помощника министра обороны США по Восточной Азии в 2008–2009 гг.

Скоукрофт, Brent (р. 1925) – генерал-лейтенант ВВС США, советник президента США по национальной безопасности в 1975–1977 и 1989–1993 годах.

Скуратов, Юрий Ильич (р. 1952) – российский юрист и политик, генеральный прокурор РФ в 1995–2000 гг.

Солана, Хавьер (р. 1942) – испанский ученый и политический деятель. Министр культуры Испании в 1982–1988 гг., министр образования и науки Испании в 1988–1992 гг., министр иностранных дел Испании в 1992–1995 гг., гене-

ральный секретарь НАТО в 1995–1999 гг., генеральный секретарь Совета Европейского союза и Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности в 1999–2009 гг.

Сорос, Джордж (р. 1930) – американский финансист, создатель сети благотворительных организаций «Фонд Сороса», начиная с 1979 г.

Сосковец, Олег Николаевич (р. 1949) – первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1993–1996 годах. С 2011 года – президент Российского союза товаропроизводителей.

Стародубов, Владимир Иванович (р. 1950) – министр здравоохранения РФ в 1998–1999 гг.

Степашин, Сергей Вадимович (р. 1952) – российский государственный и политический деятель. Директор ФСБ в 1994–1995 гг. Министр юстиции РФ в 1997–1998 гг. Министр внутренних дел РФ в 1998–1999 гг. Председатель Правительства РФ в мае – августе 1999 г. Председатель Счетной палаты РФ в 2000–2013 гг. С 2014 г. председатель наблюдательного совета государственной корпорации «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства».

Сунуну, Джон Генри (р. 1939) – губернатор Нью-Хэмпшира в 1983–1989 гг., глава аппарата Белого дома в 1989–1991 гг.; ушел в отставку в связи со скандалом из-за использования военно-транспортных самолетов для личных поездок.

Сысуев, Олег Николаевич (р. 1953) – российский бизнесмен и политик, мэр Самары в 1992–1997 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 1997–1998 гг., первый заместитель руководителя Администрации президента РФ в 1998–1999 гг., первый заместитель председателя Совета директоров Альфа-банка с 1999 г.

Такер, Джонатан (1954–2011) – американский эксперт по химическому и биологическому оружию, был инспектором ООН по биологическому оружию в Ираке в феврале 1995 г.

Тенет, Джордж (р. 1953) – Директор Центральной разведки и глава ЦРУ США с 1997 по 2004 гг.

Титов, Константин Алексеевич (р. 1944), российский политический и государственный деятель, губернатор Самарской области в 1991–2007 гг., сенатор Совета Федерации РФ от Правительства Самарской области в 2007–2014 гг.

Тихонова, Мария Юрьевна (Маша) – стенографистка Е.М. Примакова.

Тойнби, Арнольд Джозеф (1889–1975) – британский историк, философ истории, культуролог и социолог, автор 12-томного труда по сравнительной истории цивилизаций «Постижение истории» (1934–1961). Был экспертом на Парижских мирных конференциях в 1919 и 1946 гг.

Трепов-старший, Федор Федорович (1809 или 1812–1889) – российский государственный и военный деятель, градоначальник Петербурга в 1873–1878 гг.

Третьяковы – русский купеческий род XIX в., прославившийся меценатством; Павел Михайлович Третьяков (1832–1898) создал Третьяковскую галерею.

Трубников, Вячеслав Иванович (р. 1944) – сотрудник КГБ СССР в 1967–1992 гг., первый заместитель директора СВР России в 1992–1996 гг., директор СВР в 1996–2000 гг., первый заместитель министра иностранных дел РФ в 2000–2004 гг., посол РФ в Индии в 2004–2009 гг.

Тулеев, Аман Гумирович (р. 1944) – российский политический и государственный деятель, губернатор Кемеровской области с 1997 г.

Тэйки, Рэй – американский исламовед иранского происхождения, исследователь Вашингтонского института ближневосточной политики в 2001 г., старший научный сотрудник Совета по международным отношениям с 2008 г.

Тэлботт, Строби (р. 1946) – американский дипломат и политолог, заместитель государственного секретаря США в 1994–2001 гг., президент Брукингского института с 2002 г.

Удугов, Мовлади Саидарбиевич (р. 1962) – чеченский политический деятель, министр информации и печати Чеченской Республики Ичкерия в 1991–2008 гг., директор

Информационно-аналитического центра Имарата Кавказ за рубежом с 2008 г.

Ушаков, Юрий Викторович (р. 1947) – российский дипломат и государственный деятель, посол РФ в США в 1998–2008 гг., заместитель руководителя аппарата Правительства РФ в 2008–2012 гг., помощник Президента РФ с 2012 г.

Фарук I (1920–1965) – король Египта и Судана в 1936–1952 гг.

Федоров, Борис Григорьевич (1958–2008) – российский государственный и политический деятель, финансист и бизнесмен, министр финансов РСФСР в 1990 г., Заместитель Председателя Правительства РФ в 1992–1994 и в 1998 гг., Директор Государственной налоговой службы в 1998 г.

Ферт, Леон – советник вице-президента США Альберта Гора по национальной безопасности в 1998–1999 гг.

Фома Аквинский (1226–1274) – итальянский философ и теолог, систематизатор ортодоксальной схоластики, учитель церкви. Его главные труды – «Сумма теологии» и «Сумма против язычников».

Фрадков, Михаил Ефимович (р. 1950) – российский государственный деятель, министр торговли РФ в 1999–2000 гг., директор Федеральной службы налоговой полиции РФ в 2001–2003 гг., Председатель Правительства РФ в 2004–2007 гг., директор СВР с 2007 г.

Франц Фердинанд (1863–1914) эрцгерцог австрийский, наследник престола Австро-Венгрии с 1896 г. Убит сербским студентом Гаврилой Принципом, членом организации «Млада Босна».

Фрейзер, Малколм (1930–2015) – премьер-министр Австралии в 1975–1983 гг.

Фукуяма, Фрэнсис (р. 1952) – американский философ, политолог и политэконом японского происхождения. Автор книги «Конец истории и последний человек» (1992).

Хаджиев, Саламбек Наибович (р. 1941) – российский бизнесмен, председатель правительства национально-го возрождения Чечни в 1995 г., председатель Государст-

венного комитета РФ по промышленной политике в 1995–1996 гг.

Халилзад, Залмай (р. 1951) – американский дипломат пуштунского происхождения. Старший политический аналитик «РЭНД корпорейшн» в 1989–1991 гг., помощник заместителя министра обороны по политическому планированию в 1991–1992 гг., директор программы «Стратегия, доктрина и войсковая структура» проекта ВВС в «РЭНД корпорейшн», главный советник афганских проектов американской нефтяной компании «Юнокал» в 1993–1999 гг. Специальный помощник президента США и старший директор по Юго-Западной Азии, Ближнему Востоку и Северной Африке Совета национальной безопасности и специальный представитель президента США по Афганистану в 2001–2003 гг. Посол США в Афганистане в 2003–2005 гг., посол США в Ираке в 2005–2007 гг. Постоянный представитель США в ООН в 2007–2009 гг.

Хантингтон, Сэмюэл Филлипс (1927–2008) – американский социолог и политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, обнародованной им в статье «Столкновение цивилизаций?» (The Clash of Civilizations?), опубликованной в 1993 году в журнале «Foreign Affairs», а в 1996 г. в одноименной книге. Координатор отдела планирования в Совете национальной безопасности США в 1977–1978 гг. Директор Центра международных отношений в 1978–1989 гг. Один из основателей в 1970 г. журнала «Foreign Policy».

Хасан II (1929–1999) – король Марокко в 1961–1999 гг.

Хасбулатов, Руслан Имранович (р. 1942) – российский политический деятель, председатель Верховного Совета РФ в 1991–1993 гг.

Хатами, Мохаммад (р. 1943) – президент Исламской республики Иран в 1997–2005 гг.

аль-Хаттаб, Амир ибн (Самер Салех ас-Сувейлем) (1969–2002) – один из руководителей вооруженных формирований самопровозглашенной Чеченской республики Ичкерия, уроженец Саудовской Аравии. Был одним из руководителей ваххабитских организаций «Исламская меж-

дународная миротворческая бригада» и «Высший военный маджлисуль шура объединенных сил моджахедов Кавказа», обвинялся в организации ряда терактов на территории России.

Ходорковский, Михаил Борисович (р. 1963) – российский бизнесмен, совладелец и глава нефтяной компании «ЮКОС» в 1997–2004 гг., в заключении в 2003–2013 гг. по обвинению в мошенничестве, хищениях и неуплате налогов.

Хейкал, Мохаммед Хассанеин (р. 1923) – египетский журналист, главный редактор газеты «Аль-Ахрам» в 1957–1974 гг., читал лекции на канале «Аль-Джазира» в 2007–2008 гг.

Аль-Хинди Амин (1940–2010) – начальник разведки Палестинской автономии в 1995–2005 гг. Подозревался в организации нападения террористов «Черного сентября» на израильских спортсменов во время Мюнхенской олимпиады 1972 г.

Холбрук, Ричард (1941–2010) – американский дипломат, помощник государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Океании в 1977–1981 гг., посол США в Германии в 1993–1994 гг., помощник государственного секретаря США по делам Европы и Канады в 1994–1996 гг., постоянный представитель США при ООН в 1999–2001 гг. Управляющий директор журнала «Foreign Policy» в 1972–1976 гг., управляющий директор инвестиционного банка Lehman Brothers в 1985–1993 гг.

Аль-Хорезми (Абу Абдуллах (или Абу Джафар) Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми) (783–850) – персидский математик, астроном, географ и историк, известный прежде всего своей «Книгой о восполнении и противопоставлении», которая сыграла важнейшую роль в истории математики.

Христенко, Виктор Борисович (р. 1957) – российский государственный деятель, – заместитель Председателя Правительства РФ в апреле–сентябре 1998 г., первый заместитель министра финансов РФ в 1998–1999 гг., первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1999–2000 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 2000–2004 гг., министр промышленности и энергетики РФ

в 2004–2008 гг., министр промышленности и торговли в 2008–2012 гг., председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии с 2011 г.

Хусейн, Саддам (1937–2006) – президент Ирака в 1979–2003 годах.

Цезарь, Гай Юлий (100–44 до н. э.) – римский полководец, диктатор Рима в 49–44 гг. до н. э.

Цзян Цзэминь (р. 1926) – китайский партийный и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК Компартии Китая (КПК) в 1989–2002 гг., председатель КНР в 1993–2003 гг.

Черномырдин, Виктор Степанович (1938–2010) – советский и российский политический деятель. Председатель Правительства РФ в 1992–1998 годах, посол России на Украине в 2001–2009 годах.

Чубайс, Анатолий Борисович (р. 1955) – российский политический и хозяйственный деятель, Председатель Государственного Комитета РФ по управлению государственным имуществом в 1991–1994 гг., вице-премьер Правительства РФ в 1992–1994 гг., министр финансов РФ в 1997 г., первый вице-премьер Правительства РФ в 1994–1996, 1997–1998 гг., глава Администрации Президента РФ в 1996–1997 гг., председатель правления РАО «ЕЭС России» в 1998–2008 гг., председатель правления ОАО «Роснано» с 2011 г.

Шаймиев, Минтимер Шарипович (р. 1937) – советский и российский политик, первый президент Татарстана в 1991–2010 гг.

Шапошников, Евгений Иванович (р. 1942) – последний министр обороны СССР в 1991–1992 гг., Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами (ОВС) СНГ в 1992–1993 гг., Секретарь Совета Безопасности РФ в 1993 г.

Шараа, Фарук (р. 1938) – посол Сирии в Италии в 1976–1980 гг., заместитель министра иностранных дел в 1980–1984 гг., министр иностранных дел Сирии в 1984–2006 гг., вице-президент Сирии с 2006 г.

Шарон, Ариэль (1928–2014) – израильский военный и политический деятель, генерал-майор армии, премьер-министр Израиля в 2001–2006 годах

Швыдкой, Михаил Ефимович (р. 1948) советский и российский театральный критик, театровед, общественный и государственный деятель, председатель ВГТРК в 1998–2000 гг., министр культуры РФ в 2000–2004 гг., руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии в 2004–2008 гг.

Шеварднадзе, Эдуард Амвросиевич (1928–2014) – советский и грузинский политический деятель. Первый секретарь ЦК КП Грузии в 1972–1985 годах, министр иностранных дел СССР в 1985–1990 годах, президент Грузии в 1995–2003 годах.

Шевченко, Владимир Николаевич (р. 1939) – руководитель служб протокола президента СССР в 1990–1991 и президента РФ в 1991–1999 годах, советник Президента РФ в 2000–2011 годах.

Ширак, Жак (р. 1932) – французский политик, мэри Парижа в 1977–1995 годах, премьер-министр Франции в 1974–1976 и 1986–1988 годах, президент Франции в 1995–2007 годах.

Шмидт Гельмут (1918–2015) – федеральный канцлер ФРГ в 1974–1982 гг.

Шохин, Александр Николаевич (р. 1951) – российский государственный, политический и общественный деятель, первый заместитель Председателя Государственной Думы в 1996–1997 гг., председатель фракции «Наш дом – Россия» в 1997–1998 гг., в сентябре 1998 года был назначен заместителем Председателя Правительства РФ, но уже в октябре подал в отставку, с 2005 г. президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП).

Шпигун, Геннадий Николаевич (1947–2000) – полномочный представитель МВД РФ в Чеченской республике в 1999 г. Похищен чеченскими боевиками 5 марта 1999 г. из аэропорта Грозного. Замерз после побега из плена в марте 2000 г.

Фон Шпонек, Ганс (р. 1939) – германский дипломат, граф, координатор гуманитарной помощи ООН Ираку в 1998–2000 гг.

Шредер, Герхард (р. 1944) – германский политик, федеральный канцлер Германии в 1998–2005 гг., Председатель комитета акционеров Nord Stream AG с 2006 г.

Шульц, Джордж (р. 1920) – министр финансов США в 1972–1974, государственный секретарь США в 1982–1989 гг.

Эвертс, Стивен – главный исследователь лондонского Центра по европейской реформе и директор его трансатлантической программы в 2001–2011 гг.

Экеус, Рольф (р. 1935) – шведский дипломат, представитель Швеции на Женевской конференции по разоружению в 1978–1983 гг., возглавлял специальную комиссию ООН по Ираку в 1991–1997 гг. Верховный комиссар ОБСЕ по национальным меньшинствам в 2001–2007 гг.

Эрхард, Людвиг (1897–1977) – министр экономики ФРГ в 1949–1963 гг., Федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 гг.

Эшкрофт, Джон Дэвид (р. 1942) – генеральный прокурор и министр юстиции США в 2001–2005 гг.

Юмашев, Валентин Борисович (р. 1957) – российский журналист, руководитель администрации Президента РФ в 1997–1998 годах.

Явлинский, Григорий Алексеевич (р. 1952) – советский и российский экономист, политик. Участник рабочих групп по разработке экономических программ «500 дней» и «Согласие на шанс» в 1990–1991 годах, лидер политической партии «Яблоко» в 1993–2008 годах.

Яковлев, Вениамин Федорович (р. 1932) – министр юстиции СССР с 1989 по 1990 год, советский и российский юрист, сопредседатель Ассоциации юристов России с 2009 г.

Яковлев, Владимир Анатольевич (р. 1944) – российский политический и государственный деятель, губернатор Санкт-Петербурга в 1996–2003 гг., министр регионального развития РФ в 2004–2007 гг., президент Российского союза строителей (РСС) с 2009 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абалкин Л.И. – 332, 498
Аббас Махмуд (Абу Мазен) – 361, 498
Абд аль-Ваххаб (Абд аль-Ваххаб ибн Сулейман ибн Али ибн Мухаммад ибн Ахмад ибн Рашид аль-Мушаррафи ат-Тамими) – 340, 498
Абдул-Азиз ибн Абдуррахман Аль Сауд – 413, 498
Абдулла (Абдалла) бен Абдулазиз Аль Сауд – 322, 498, 499
Абдул-Хак Амири – 498
Абдур-Рахман – 497
Абрамович Р.А. – 247, 254, 255, 257, 499
Абу Аль-Хаир, Ахмад – 399, 499
Абу Зубейд (Зейн аль-Абидин Мухаммед Хусейн Абу Зубейд) – 499
Абу Нидаль (Сабри Халиль аль-Банна) – 306, 499
Ага Хан IV, Карим – 412, 499
Агрономов А.И. – 335, 499
Азиз Т. – 315, 432, 433, 499
Азимов Р. – 403, 499
Алекперов В.Ю. – 187, 499
Александр I Карагеоргиевич – 500
Александр II – 303, 408, 500, 508, 518, 520
Александр Македонский – 408, 500
Александр Михайлович – 500
Александр Михайлович вел. кн. – 227
Александр, король – 304
Аллилуева С.И. – 515
Алон И. – 500
Аль-Кудури (Ахмад бин Мухаммад Абульхусейн аль Кудури) – 335, 512
аль-Хаттаб, Амир ибн (Самер Салех ас-Сувейлем) – 130, 320, 468, 524
Аль-Хинди Амин – 372, 525
Аль-Хорезми (Абу Абдуллах (или Абу Джафар) Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми) – 334, 525
Амеронген О.В. фон – 61, 500
Аннан К. – 200, 201, 208–210, 282, 375, 391, 429, 500
Арафат Я. – 282, 358, 359, 361, 364, 367, 370, 373–379, 500
Аристотель – 334, 500
Асад Б. – 342, 355, 356, 371, 373, 501
Асад Х. – 501
Аслаханов А.А. – 475, 501
Аушев Р.С. – 130, 268, 475, 501
Ахмад Шах Масуд – 399, 411, 501

Б

Баджпай К.П. – 410, 501
Бараев А.А. – 129, 475, 476, 501
Барак Э. – 282, 357–359, 361, 373, 501
Баранников В.П. – 23, 501
Барсуков М.И. – 255, 502
Барту Л. – 304, 502
Басаев Ш.С. – 126, 127, 130–132, 320, 476, 502
Батлер Р. – 375, 422–425, 502
Бегин М. – 354, 362, 363, 502
Бейлин Ю. – 361, 502
Беланже Ж. – 146, 147, 149, 150, 152, 153, 502
Беляев Е.А. – 336, 337, 502
Бен-Ами Ш. – 384, 502
Бен-Элизер Б. – 378, 502
Берд Р. – 421, 503
Березовский Б.А. – 85, 131, 132, 224, 232, 246–248, 254, 255, 257–261, 269, 280, 283, 496, 497, 502
Берлускони С. – 345, 503
Бжезинский З. – 352, 354, 503
Бликс Х.М. – 425, 430, 503
Блэр Э. – 193, 194, 328, 373, 427, 431, 432, 503
Богданчиков С.М. – 89, 503
Бодански Й. – 320
Бокарева И.Б. – 503
Болл Дж. – 363, 503
Боос Г.В. – 79, 155, 156, 503
Бордюжа Н.Н. – 252–255, 503
Бревнов Б.А. – 91, 503
Булгак В.Б. – 33, 68, 89, 503
Бутов В.Я. – 186, 504
Буш-младший, Дж. У. – 291, 308, 311, 369, 373, 376–380, 393, 394, 397, 400, 402, 408, 411, 412, 416, 421, 427–429, 431, 432, 434, 440, 442, 464, 466, 504

Буш-старший, Дж. Г.У. – 115, 377, 434, 496, 504
Бхутто Б. – 318, 411, 418, 504

В

Вайцзеккер Р. фон – 490, 504
Васильев В.А. – 83, 285, 504
Вейцман Э. – 354, 504
Веселов В.А. – 444, 504
Витте С.Ю. – 227, 504
Волошин А.С. – 31, 231–233, 246, 251–256, 263, 504
Волчек Г.Б. – 99, 505
Воронин В.Н. – 497
Вулфенсон Дж. – 162, 181, 505
Вэник Ч.А. – 465, 505, 507
Вэнс С. – 352, 505, 517
Вяхирев Р.И. – 149, 150, 155, 187, 505

Г

Газизуллин Ф.Р. – 86, 505
Гайдар Е.Т. – 11, 44, 45, 165, 505
Ганди И. – 304, 505
Генералов С.В. – 89, 217, 505
Геракл – 34, 505
Герашенко В.В. – 34, 35, 155, 186, 505
Глушков Н.А. – 496
Гоголь Н.В. – 549
Голль Ш. де – 201, 506
Гор А. – 20, 163, 165, 167, 168, 174, 182, 184, 185, 187, 188, 190, 202–206, 325, 358, 391, 428, 506, 523
Горбачев М.С. – 35, 216, 506
Горький М. – 508
Грачев П.С. – 120, 122, 123, 126, 135, 506
Грядунов Ю.С. – 365, 506
Гусинский В.А. – 258, 506
Густов В.А. – 30, 31, 191, 506

Д

- д'Алема М. – 195–198, 208, 209, 506
Даян М. – 353, 506
Джабер аль-Мубарак аль-Хамад аль-Сабах – 334, 427, 506
Джабер ибн Хайян (Абу Абдаллах Джабир ибн Хайян аль-Азди ас-Суфи) – 506
Джексон Г.М. – 465, 507
Дзасохов А.С. – 130, 507
Дини Л. – 190–192, 507
Доренко С.Л. – 261, 268, 507
Дудаев Дж. М. – 118, 119, 121–123, 125, 495, 507
Дума В.М. – 12, 18, 19, 22, 25, 88, 507
Дьяченко (Юмашева) Т.Б. – 22, 37, 219, 220, 254, 255, 507
Дюранд М. – 415, 497, 507

Е

- Егоров В.К. – 35, 507
Егоров Н.Д. – 122–124, 126, 507
Елизавета II – 514
Ельцин Б.Н. – 11, 18–23, 27, 31, 32, 39, 45, 49, 50, 59, 85, 114–116, 118, 121–125, 127, 130, 142, 165, 190, 192, 195, 209, 210, 213–216, 218–225, 227–231, 233, 234, 251–257, 260–266, 272–278, 280, 281, 283, 496, 507, 508
Ерин В.Ф. – 120, 122, 124, 126, 508
Ефремов О.Н. – 99, 508

Ж

- Желябов А.И. – 303, 508
Жириновский В.В. – 26, 508

З

- Задорнов М.М. – 34, 49, 141–143, 147, 154–156, 252, 508

- Засулич В.И. – 303, 508
Захаров (Ширинкин) М.А. – 99, 508
Захир-шах – 508
Зубаков Ю.А. – 37, 38, 508

И

- Ибн Сина (Авиценна) – 334, 509
Ибн Хальдун (Абу Зейд Абдулрахман ибн Мухаммад ибн Хальдун аль-Хадрами аль-Ашбили) – 509
Иванов И.С. – 185, 195, 203, 205, 283, 374, 509
Иванов С.Б. – 285, 427, 509
Идигов А. – 130, 133, 509
Иисус Христос – 339, 509
Исрапилов Х.-П.Г. – 130, 509

К

- Каддафи М. – 125, 306, 307, 510
Кадыров А.А. – 130, 510
Калмыков Ю.Х. – 120, 510
Каляев И.П. – 303, 510
Камдессю М. – 139–145, 149, 155–161, 168, 174, 180, 510
Карзай Х. – 408, 413, 414, 416, 508, 510
Каримов И.А. – 403, 510
Кармоков Х.М. – 91, 510
Карнеги Д. – 514
Карреро Б.Л. – 304, 510
Картер Дж. Э. – 352, 353, 510
Касьянов М.М. – 84, 162, 181, 510
Квандт У. – 352, 510
Квашнин А.В. – 511
Кеннеди Дж. – 304
Кеннеди Дж. Ф. – 511
Кеннеди П. – 501
Кириенко С.В. – 18, 21, 34, 91, 99, 135, 173, 182, 256, 511
Киссинджер Г. – 350, 351, 511

Клинтон Б. – 165, 168, 170, 174,
176, 194, 198, 199, 208, 282,
308, 324, 357–361, 373, 391,
396, 423, 442, 511
Кожевников И.Н. – 247, 511
Козак Д.Н. – 497
Кокошин А.А. – 444, 511
Коллинз Дж. Ф. – 291, 511
Корабельников В.В. – 195, 511
Коржаков А.В. – 255, 511
Косачев К.И. – 185, 512
Коштуница В. – 206, 282, 512
Красненкер А. – 496, 497
Крашенинников П.В. – 35, 512
Крыжевская Л. – 496
Кузнецов А.И. – 220, 512
Кузнецов Е.С. – 126, 512
Кук Р. – 431, 432, 512
Кулик Г.В. – 33, 214, 268, 512
Куликов А.С. – 128, 512

Л

Лапшин М.И. – 268, 512
Лебедь А.И. – 87, 261, 495, 513
Ли Куан Ю – 501
Лисс А.В. – 444, 513
Лобов О.И. – 126, 513
Лужков Ю.М. – 134, 135, 268,
270, 513
Львов Д.С. – 52, 513

М

Мамут А.Л. – 254, 255, 513
Маркарян Р.В. – 37, 38, 513
Маршалл Д.К. – 60, 495
Маслюков Ю.Д. – 18, 19, 21, 22,
29, 30, 34, 141, 146, 147, 149,
156, 180, 214, 216, 513
Массэ А. – 336, 513
Масхадов А.А. – 124, 129–133,
136, 472, 476, 495, 514
Матвиенко В.И. – 32, 35, 514
Маунтбетген Л. – 304, 514
Махмуд П – 516

Медиш М. – 490, 514
Микелис Дж. де – 378, 514
Милошевич С. – 185, 187–189,
191–199, 201–203, 207–210,
283, 514
Митчелл Дж. Д. – 369–372, 514
Можин А.В. – 153, 514
Моисеев Н.Н. – 333, 514
Моисей – 339, 515
Моратинос М.А. – 361, 515
Морозов Г.И. – 326, 515
Мубарак Х. – 125, 282, 371, 373,
515
Муса А. – 339, 371, 515
Мухаммад (Мухаммед) Али
Египетский – 341, 516
Мухаммад (Мухаммед), пророк –
336, 338–340, 516
Мушарраф П. – 412, 416, 515

Н

Наджибулла М. – 417, 418, 516
Назарбаев Н.А. – 404, 516
Намангани (Ходжиев) Дж. –
405, 516
Насер Г.А. – 341, 348, 516
Неру Дж. – 410, 501, 516
Николаев А.И. – 122, 516
Николай I – 500
Николай II – 227, 516
Нусейбе С. – 516

О

Обути К. – 143, 517
Олбрайт М. – 168, 173, 176, 177,
203, 205, 267, 308, 325, 357,
423, 443, 455, 517
Омар I (Умар ибн аль-Хатта́б
аль-Фарук) – 517
Орехов Р.Г. – 256, 517
Освальд Л.Х. – 511
Осипов Ю.С. – 165, 287, 517
Османов М.-Н.О. – 333, 517
Оуэн Д. – 444, 505, 517

П

- Павловский Г.О. – 261, 262, 517
Парамонова Т.В. – 35, 517
Паскуаль К. – 175, 517
Пауэлл К. – 374, 376, 378, 518
Перес Ш. – 355, 357, 361, 368, 374, 375, 518
Перовская С.Л. – 303, 518
Пеши Р. – 501
Принцип Г. – 109, 523
Путин В.В. – 100, 118, 134, 135, 162, 181, 199, 230, 259, 269, 270, 272, 274–289, 292, 293, 345, 359, 373, 374, 397, 400–402, 411, 412, 430–433, 464, 466, 472, 474, 477, 483, 488, 489, 518

Р

- Рабин И. – 304, 518
Радуев С.Б. – 129, 130, 468, 518
Райс К. – 311, 518
Рамсфелд Д. – 323, 403, 454, 518
Рахмонов (Рахмон) Э. – 177, 518
Рейган Р. – 421, 486, 518
Риттер С. – 422, 519
Родионов П.И. – 151, 519
Росс Д. – 373, 519
Россель Э.Э. – 186, 519
Ругова И. – 201, 202, 519
Рузвельт Ф.Д. – 60, 97, 462, 519
Рушайло В.Б. – 247, 519
Рыбкин И.П. – 122, 519
Рыжков В.А. – 32, 519

С

- Савельев Д.В. – 90, 91, 520
Садат А. – 304, 348–350, 354, 520
Салтанов А.В. – 425, 520
Саммерс Л. – 163, 167, 520
Селезнев Г.Н. – 58, 223, 520
Сергеев И.Д. – 195, 520
Сергей Александрович, вел. кн. – 303, 510, 520

- Сидней Д. – 520
Скоукрофт Б. – 377, 385, 520
Скуратов Ю.И. – 230–232, 520
Солана Х. – 282, 520
Сорос Дж. – 85, 131, 521
Сосковец О.Н. – 255, 521
Стародубов В.И. – 37, 521
Степашин С.В. – 31, 32, 36, 83, 122, 124, 126, 132, 135, 181, 226, 227, 246, 247, 264, 274, 521
Сунуну Д.Г. – 115, 521
Сысуев О.Н. – 225, 521

Т

- Такер Дж. – 421, 521
Тенет Дж. – 311, 321, 369–372, 522
Титов К.А. – 81, 186, 522
Тихонова М.Ю. – 17, 301, 522
Тойнби А.Д. – 333, 522
Трепов Ф.Ф. – 303, 508, 522
Третьяков П.М. – 522
Трубников В.И. – 185, 195, 522
Тулеев А.Г. – 87, 522
Тэйки Р. – 522
Тэлботт С. – 167–170, 173–176, 180, 184, 187, 291, 325, 522

У

- Удугов М.С. – 131, 133, 522
Усама бен Ладен – 305, 310, 311, 313–323, 398, 399, 401, 411, 414, 415, 428, 499, 512
Ушаков Ю.В. – 143, 187, 523

Ф

- Фарук I – 341, 523
Федоров Б.Г. – 78, 165, 523
Ферт Л. – 185, 186, 523
Филипп, герцог Эдинбургский – 514
Фома Аквинский – 334, 523
Фрадков М.Е. – 285, 523
Франц Фердинанд – 303, 523

Фрейзер М. – 389, 523

Фукуяма Ф. – 332, 523

Х

Хаджи Абдул Кадыр – 414, 498

Хаджиев С.Н. – 124, 523

Халилзад З. – 408, 524

Хантингтон С.Ф. – 328, 329, 333,
446, 524

Хасан II – 125, 524

Хасбулатов Р.И. – 127, 524

Хатами М. – 176, 307, 407, 524

Хейкал М.Х. – 349, 371, 525

Хики Д. – 501

Ходорковский М.Б. – 187, 525

Холбрук Р. – 185, 187, 188, 193,
195, 196, 525

Христенко В.Б. – 36, 71, 525

Хусейн С. – 317, 419, 421–423,
429, 432–434, 499, 526

Ц

Цезарь Гай Юлий – 160, 526

Цзян Цзэминь – 221, 406, 526

Ч

Черномырдин В.С. – 18–22, 24,
25, 32, 34, 122, 135, 141, 165,
182, 210, 211, 216, 256, 526

Чехов А.П. – 508

Чубайс А.Б. – 76, 81, 165, 217,
274, 526

Ш

Шаймиев М.Ш. – 105, 268, 526

Шапошников Е.И. – 121, 526

Шараа Ф. – 355, 526

Шарон А. – 359–367, 369, 370,
375–381, 383, 385, 527

Швыдкой М.Е. – 36, 527

Шеварднадзе Э.А. – 483, 527

Шевченко В.Н. – 22, 24, 264,
267, 527

Шейнин Р. – 496

Ширак Ж. – 136, 142, 194, 195,
198, 200, 208, 209, 373, 428,
430, 527

Шмидт Г. – 394, 527

Шоу С. – 501

Шохин А.Н. – 33, 34, 527

Шпигун Г.Н. – 132, 527

Шпонек Г. фон – 419, 420, 528

Шредер Г. – 136, 142, 192, 193,
195, 199–202, 208, 209, 221,
373, 428, 528

Шульц Дж. – 366, 528

Э

Эвертс С. – 384, 528

Экеус Р. – 422, 528

Эрхард Л. – 60, 61, 528

Эшкрофт Д.Д. – 322, 528

Ю

Юмашев В.Б. – 22, 221, 252–255,
528

Я

Явлинский Г.А. – 25, 29, 30, 39,
528

Яковлев В.А. – 186, 268, 528

Яковлев В.Ф. – 35, 528

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абхазия – 123, 132, 404, 479–484
Аджария – 483
Азербайджан – 122, 123, 129, 409, 479, 484
Азия – 140, 296, 309, 314, 320, 400, 402, 403, 406, 409–411, 436, 437, 455, 485, 521, 524, 526
Албания – 138, 204, 206, 319, 329, 390
Алжир – 125, 319, 341
Алтай – 70, 513
Аль-Дора – 420
Аль-Харам аш-Шариф, гора – 360
Амман – 357, 420
Анкара – 128
Аравийское море – 408
Аравия – 137, 314, 317, 319, 334, 338–342, 368, 374, 382, 407, 418, 420, 427, 437, 498, 499, 525
Аризона – 312
Армавир – 304
Атлантика, Атлантический океан – 182, 186, 188, 190, 336, 391
Афганистан – 12, 13, 137, 138, 157, 177, 180, 305, 307, 308, 310, 311, 313, 315–320, 322, 323, 398, 400–402, 405, 406, 408, 409, 411–418, 471, 475, 497, 498, 501, 509, 510, 516, 517, 521, 524
Африка – 125, 309, 329, 491, 515, 524

Б

Баку – 37, 128, 129, 408, 484
Бали, остров – 302, 428, 497
Балтия (Прибалтика) – 91, 236, 242
Белград – 184, 185, 187, 188, 192, 194–202, 204–209, 283, 390
Белоруссия (Беларусь) – 30, 64, 150, 404
Бельгия – 430
Бермудские острова – 235
Бишкек – 400
Ближний Восток – 12, 125, 309, 339, 345–352, 354, 356–358, 364, 368, 373–376, 380, 382, 385, 408, 431, 437, 502, 515, 520, 524
Бонн – 195, 199, 200, 206
Босния – 138, 319, 505, 518
Буденновск – 20, 126, 127, 304, 502
Бушер – 178, 325

В

Вашингтон – 145, 149, 160, 163, 170, 174, 175, 178, 184–189, 195, 196, 282, 291, 301, 302, 307, 322, 345, 348, 352, 353, 357, 369, 378, 380, 383, 399, 401, 403, 426, 428, 429, 441, 451, 463, 464, 488, 491, 507, 511
Ведено – 130
Великобритания (Англия) – 193, 194, 235, 297, 307, 328, 386, 387, 389, 396, 426, 427, 431–433, 503, 512, 517, 518
Венгрия – 148, 524

Вифлеем – 379
Владикавказ – 130, 133, 304

Г

Гагаузия – 483, 497
Газа – 355, 357, 359–362, 365–367, 369, 370, 372, 379, 381
Гандер, г. на о. Ньюфаундленд – 189
Гибралтар – 235
Голанские высоты – 355, 362
Гондурас – 322
Грозный – 118, 120, 122, 123, 128, 129, 132, 133, 136, 138, 528
Грузия – 127, 129, 135, 136, 148, 150, 179, 259, 401–404, 406–408, 471, 479–483, 527
Гурия – 483

Д

Давос – 163, 167, 168, 246
Дагестан – 122, 126, 131–133, 135, 277, 341, 472, 473, 499
Дальний Восток – 66, 183
Дамаск – 177, 355, 357
Дар-эс-Салам – 316
Джейхан – 128, 408
Джидда – 314, 315, 368
Душанбе – 401

Е

Европа – 138, 140, 157, 164, 179, 193, 195, 200, 206, 292, 296, 314, 319, 326, 328, 329, 334, 348, 371, 384, 390, 394, 395, 406, 411, 431, 432, 436, 437, 440–442, 444, 455, 485, 495, 500, 526
Египет – 125, 282, 304, 336, 348, 354, 358, 360, 371, 373, 374, 378, 379, 382, 515–517, 520, 523

Ж

Женева – 423, 455

З

Забайкалье – 37
Закавказье – 336, 409
Западная Европа – 60, 164, 206, 319, 328, 348, 394, 437, 495, 500, 503, 524
Западный берег реки Иордан – 128, 134, 230, 316, 353–355, 357, 359, 360, 362, 363, 365–367, 369, 370, 372, 373, 375, 379, 381
Западный Нил – 316, 353–355, 357, 359, 360, 362, 363, 365–367, 369, 370, 372, 373, 375, 379, 381, 421

И-Й

Иерусалим – 338, 359, 360, 366, 383, 384, 517
Израиль – 180, 304, 337, 339, 346–349, 351–364, 366–376, 378, 379, 381–383, 385, 428, 459, 500–504, 506, 515, 518, 520, 527
Имеретия – 483
Ингушетия – 122, 130, 135, 268, 277, 472, 475, 501
Инд, река – 336
Индийский океан – 408
Индия – 221, 281, 296, 304, 319, 324, 329, 338, 410, 418, 436, 438, 459, 491, 500, 505, 514, 517, 523
Индонезия – 140, 153, 302, 329, 428
Иордания – 306, 354, 358, 365–368, 371, 373, 374, 376, 382, 427, 506
Ирак – 12, 13, 175, 301, 317, 367, 368, 374, 375, 386, 389, 394, 396, 397, 419–434, 441, 488, 489, 492, 499, 502, 503, 519, 522, 524, 526, 528, 529
Иран – 175–180, 305, 307, 308, 317, 325, 336, 407–409, 418, 420, 421, 434, 436, 484, 525

Исламабад – 323, 415
Испания – 304, 336, 396, 507,
509, 511, 515, 521
Италия – 190–192, 195, 196, 207,
345, 378, 503, 506, 507, 514, 527
Иудея и Самария – 365
Йемен – 306, 316

К

Кабул – 310, 318, 412, 418, 498
Кавказ – 113, 133, 138, 320, 340,
495, 523, 525
Казахстан – 128, 179, 404, 405,
407, 409, 516
Каир – 357, 360
Калининградская область –
466, 503
Канада – 165, 526
Карачаево-Черкесия – 472
Карачи – 323
Каспийское море, Каспий – 131,
407, 409
Кахетия – 483
Кемеровская область – 243, 523
Кения – 316
Кизляр – 127, 510, 519
Кипр – 236
Киргизия – 400, 403, 404, 409
Киренаика – 336
Китай – 281, 295–297, 336, 387,
395, 398, 406, 409, 410, 418,
423, 429, 435–438, 445, 491,
526
КНДР, Северная Корея – 178,
281, 325, 436
Косово – 138, 167, 173, 175, 184–
186, 188, 190, 191, 193, 194, 197,
198, 200–207, 210, 211, 319,
331, 344, 390, 391, 394, 496, 519
Куба – 281
Кувейт – 317, 374, 420, 427, 507
Кум – 177, 307
Курдистан – 419

Л

Латинская Америка – 437, 491
Ленинградская область – 30, 31,
506
Ливан – 177, 308, 329, 337, 354,
363, 365, 374, 382, 420
Ливия – 306, 307, 437
Литва – 466
Лондон – 35, 129, 160, 307, 372,
396, 415, 497

М

Мадрид – 345, 354
Македония – 138, 204, 206, 319,
344, 390
Малайзия – 221, 329
Марокко – 125, 525
Медина – 340
Мекка – 340, 343
Мексика – 437, 518
Месопотамия – 336
Минеральные Воды – 304
Молдавия, Молдова – 481–483,
497
Монголия – 281
Москва – 32, 33, 66, 68, 70, 116,
122, 125, 131–134, 142–146, 154,
155, 160, 162, 168, 170, 185, 190,
192, 194, 196, 200, 201, 221, 227,
260, 267, 282, 291, 302, 304, 328,
347, 348, 350, 356, 359, 374, 378,
385, 393, 399, 400, 424, 426, 427,
463, 464, 474, 477, 490, 502, 507,
513

Н

Нагорный Карабах – 478, 479,
484
Найроби – 316
Нанграхар – 498
Науру – 236
Нахичевань (Азербайджан) – 484
Неджд – 340

Нильские пороги – 336
Новороссийск – 128
Норвегия – 437
Нормандские острова – 161
Нью-Йорк – 160, 186, 301, 302,
324, 399, 428, 451, 455, 522

О

Осло – 355, 364, 368, 371, 376,
379, 381

П

Пакистан – 138, 180, 315, 318,
322–324, 329, 377, 406, 408,
411, 412, 414–416, 418, 428,
436, 459, 497, 499, 504, 516
Палестина – 306, 316, 336, 341,
355, 357, 363, 365, 367, 378,
381, 383, 500, 517
Панкисское ущелье – 401, 471,
480
Париж – 191, 192, 430, 528
Пенза – 282
Первомайск – 304
Персидский залив – 348, 393,
407, 420, 426
Приднестровье – 479, 481, 483,
497

Р

Рамаллах – 375, 376
Рамбуйе – 191, 192, 197
Рим – 191, 413, 526

С

Самара – 70, 522
Самарская область – 81, 522
Санджак – 138, 319
Санкт-Петербург – 66, 70, 268,
275, 304, 514, 522, 529
Сараево – 148, 303
Саудовская Аравия – 137, 314,
317, 319, 339, 341, 368, 374,
382, 407, 418, 420, 427, 437,
498, 499, 525

Северная Африка – 125, 329, 524
Северная Галилея – 177
Северная Осетия – Алания –
130, 481, 507
Северное море – 407
Северный Кавказ – 113, 133, 138,
340, 495
Сен-Мало – 443
Сербия – 192, 204, 206, 512, 515
Серженьюрт – 130
Синайский полуостров, Синай –
362
Сирия – 13, 329, 336, 338, 342,
354–356, 371, 374, 382, 420,
433, 501, 507, 514, 527
Сомали – 316
Сочи – 46, 131, 230, 287, 483
Средиземное море – 408
Средняя Азия – 320
Ставропольский – 126, 128, 135,
473, 512
Судан – 317, 523
Сухуми – 259
США – 12, 20, 51, 64, 91, 103, 115,
117, 142, 155, 157, 158, 162–168,
172, 173, 175, 176, 178, 180–190,
195, 200, 202, 203, 205, 208,
236, 237, 241, 243, 288, 290,
291, 293, 296, 304, 306–318,
321–325, 328, 329, 346, 348–
350, 352–355, 357–359, 363,
365, 368, 373–380, 382, 384–
387, 389–392, 394–403, 405–
410, 412, 413, 416–423, 425–
434, 436–445, 451–458, 461–
465, 475, 480, 487–492, 496,
499, 503–507, 511, 512, 514, 515,
517–526, 528, 529

Т

Таба – 360, 361
Таджикистан – 177, 319, 400,
404, 405, 409, 519
Таиланд – 153

Танзания – 316
Татарстан – 105, 268, 527
Ташкент – 401, 404, 405
Тбилиси – 128, 129, 259, 471, 479, 484
Тегеран – 177, 308, 393
Тель-Авив – 357
Тенгиз, месторождение – 128
Терек, река – 128, 134–136
Токтогульское водохранилище – 404
Тора-Бора, пещеры – 412, 413
Триполи, Ливия – 306
Тунис – 360, 363
Туркмения – 408, 409
Турция – 128, 329, 427, 430

У

Узбекистан – 400, 402, 403, 405, 409, 499, 510, 516
Украина – 64, 148, 150, 153, 154, 179, 514, 518, 526
Урус-Мартан – 130

Ф

Аль-Фалуджа – 420
Ферганская долина – 404, 405
Филиппины – 329
Франция – 115, 136, 158, 165, 192, 195, 200, 235, 297, 387, 428–430, 432, 441, 502, 506, 528
ФРГ, Германия – 60, 103, 110, 136, 165, 191, 192, 199, 200, 288, 394, 428–430, 432, 439, 441, 495, 500, 504, 526, 528, 529

Х

Хама – 342
Ханабад – 402
Хартум – 317
Хасавюрт – 477
Хельсинки – 455

Ц

Центральная Азия – 400, 402, 403, 406, 409, 410
Центральная Америка – 398
Центральная и Восточная Европа – 164–441
Цюрих – 160

Ч

Челябинская область – 243
Черкесск – 304
Черногория – 204, 319
Черное море – 230, 525
Чехословакия – 330
Чечня, Ичкерия – 113, 118–122, 124–138, 277, 304, 320, 331, 341, 412, 468–478, 495, 501, 502, 507–510, 514, 523–525
Чукотка – 70
Чукотский автономный округ – 499

Ш

Шарм-аш-Шейх – 282, 358, 359, 375
Швеция – 235, 422, 503, 528

Ю

Юго-Восточная Азия – 140, 309, 437, 524
Югославия, СРЮ – 139, 185–187, 189, 190, 193–203, 206–210, 283, 330, 331, 386, 389–391, 393, 394, 500, 512, 515
Южная Европа – 140
Южная Осетия – 148, 479, 481, 483

Я

Япония – 143, 288, 304, 348, 436, 437, 439, 491, 517

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук
АОК – Армия освобождения Косово
АРКО – Агентство по реструктуризации кредитных организаций
АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
(англ. Association of Southeast Asian Nations, ASEAN)
АЭС – атомная электростанция
Би-Би-Си – Британская вещательная корпорация, (англ. British Broadcasting Corporation, сокр. BBC)
ВВП – валовой внутренний продукт
ВПК – военно-промышленный комплекс
Генпрокуратура – Генеральная прокуратура
ГКО – государственные казначейские обязательства
ГКО-ОФЗ – Государственные краткосрочные бескупонные облигации и облигации федерального займа
Госдума – Государственная Дума
Госкомстат – Государственный комитет по статистике
Госплан – Государственный плановый комитет Совета Министров СССР
Госсовет – Государственный совет
ГТК – Государственный таможенный комитет
ЕС – Европейский союз
ИДА – Исламское движение Афганистана
ИСИ – Межведомственная разведка Пакистана (англ. Inter-Services Intelligence, ISI)
ИТАР-ТАСС – Информационное телеграфное агентство России
КГБ – Комитет государственной безопасности СССР
КНДР – Корейская Народно-Демократическая Республика
КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

- КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
ЛДПР – Либерально-демократическая партия России
Ленком – Театр имени Ленинского комсомола
МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии
МБРР – Международный банк реконструкции и развития
МВД – Министерство внутренних дел
МВФ – Международный валютный фонд
МИД – Министерство иностранных дел
Мингосимущество – Министерство государственного имущества
Минфин – Министерство финансов
Минтопэнерго – Министерство топлива и энергетики
Минэкономики – Министерство экономики
Минюст – Министерство юстиции
ММА – Муттахарида Маджлиси Амалы
МПС – Министерство путей сообщения
МХАТ – Московский Художественный академический театр
НАТО – Организация Североатлантического договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)
НДР – «Наш Дом – Россия»
НДС – налог на добавленную стоимость
НИОКР – Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР; англ. Research and Development, R&D)
ОАО «АвтоВАЗ» – Открытое акционерное общество, российская автомобилестроительная компания, б. Волжский автомобильный завод
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВР – «Отечество – Вся Россия»
ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности
ОИК – Организация Исламская конференция
ОМУ – оружие массового уничтожения
ООН – Организация Объединенных Наций
ОПЕК – Организация стран – экспортеров нефти (англ. The Organization of the Petroleum Exporting Countries, OPEC)
НПРО – Национальная противоракетная оборона (НПРО, англ. National Missile Defense, NMD)
ПРО – противоракетная оборона

- РАН – Российская Академия наук
РАО «ЕЭС» – Российское открытое акционерное общество энергетики и электрификации «Единая Энергетическая Система России»
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Российская Федерация
СБ – Совет Безопасности России
СВР – Служба внешней разведки Российской Федерации
Си-Эн-Эн – Кабельная Новостная сеть (англ. Cable News Network, сокр. CNN)
СМИ – средства массовой информации
СНВ – стратегические наступательные вооружения
СНГ – Содружество Независимых Государств
Спецкомиссия – Специальная комиссия СБ ООН по разоружению Ирака
Спецслужбы – специальные службы
СРЮ – Союзная Республика Югославия
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
ФБР – Федеральное бюро расследований США
ФРГ – Федеративная Республика Германия
ФСБ – Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ФСК – Федеральная служба контрразведки
ФСНП – Федеральная служба налоговой полиции
ЦК – центральный комитет
ЦКБ – Центральная Кремлевская больница
ЦРУ – Центральное разведывательное управление США
ЮНСКОМ (англ. UNSCOM) – см. Спецкомиссия

**АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ
произведений,
вошедших в собрание
сочинений
Евгения Максимовича
ПРИМАКОВА**

Анатомия ближневосточного конфликта	Том 1
Биобиблиография Е.М. Примакова	Том 10
Война, которой могло не быть	Том 2
Восемь месяцев плюс...	Том 4
Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России	Том 8
Восток после краха колониальной системы	Том 1
Годы в большой политике	Том 3
Избранные доклады, статьи, интервью, эссе	Том 9
История одного сговора	Том 2
Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами	Том 5
Минное поле политики	Том 6
Мир без России?	Том 6
Мир после 11 сентября	Том 4
Мысли вслух	Том 7
Россия. Надежды и тревоги	Том 7

Научное издание

Евгений Максимович ПРИМАКОВ

Собрание сочинений.

В 10-ти томах.

Том 4:

Восемь месяцев плюс...

Мир после 11 сентября

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 5 91022318 -6

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.04.2016
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 34.0
Тираж 1000 экз. Зак.